МАРИЙСКИЕ СКАЗКИ

Ш-Марий
14-52

ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) АКАДЕМИИ НАУК СССР и МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

МАРИЙСКИЕ СКАЗКИ

Том I

РОНГИНСКИЙ РАЙОН

ЗАПИСИ, ПЕРЕВОД,
СТАТЬЯ и КОММЕНТАРИИ
К. А. ЧЕТКАРЕВА

Под редакцией и с предисловием
Проф. М. К. Азадовского

11440

3 МАР 19 91

3 АПР 1973

Науч.-Исследовательск. Институт
Научная
Библиотека
Соц. Культуры при СНК МАССР

МАРИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1941

Ответственный редактор М. К. Азадовский

★

Корректор А. А. Оппенгейм

★

Подписано к печати 11 марта 1941 г. 316 стр. Формат бумаги 60×92 см. 19¾ п. л. в 1/16 долю листа. 21 уч.-ав. л. 44.736 тип. зн. в п. л. Тираж 2.500 экз. Э 1174. Заказ № 2989.

Типография № 1 им. Володарского Управления издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета, Ленинград, Фонтанка, 57.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сказки многочисленных народностей нашего великого Союза до сих пор изучены крайне недостаточно и в количественном и в качественном отношениях. Большая часть сборников, составленных в досоветскую эпоху, выполнена диллетантами-любителями (очень часто миссионерами и чиновниками) и ни в коем случае не в состоянии дать исчерпывающее представление о подлинном характере сказок того или другого народа. Сборники же научного типа чаще всего преследовали узко-лингвистические задачи, и их составители и издатели совершенно игнорировали собственно фольклористические проблемы и задачи. Это подчинение узко-лингвистическим целям сказывалось и на характере подачи материалов, в частности на характере переводов, стремившихся зачастую лишь к буквальной передаче отдельных слов и выражений, но совершенно оставляющих в стороне вопросы художественного порядка. Только сравнительно небольшое количество фольклорных, в частности сказочных, сборников стоит вне этой общей линии,— но и они, отражая общее состояние наук того времени, не могут удовлетворить тем запросам, которые предъявляются в настоящее время наукой о фольклоре. Достаточно указать, что иногда собиратели не считали нужным давать точную запись и точный перевод, но ограничивались пересказами, видя основной интерес сказки и ее значение только в сюжете. Такого рода понимание сказковедческих задач характеризует даже такого выдающегося этнографа-исследователя как Г. Н. Потанин. Вопросы художественной структуры сказок, их культурная и общественно-политическая роль, отношение к ним населения, социальная среда, в которой они возникли и культивировались, их носители, социальный облик последних и их индивидуальная художественная манера, характер репертуара сказочников и тому подобный круг вопросов, который уже давно и достаточно четко поставлен исследователями русской сказки — оставался совершенно не затронутым

и неосвещенным публикаторами и собирателями сказки национальной.

Таким образом, перед советской фольклористикой встает важная и ответственная задача — почти совершенно заново поднять огромный материал национальной сказки, произвести записи на основе научной методологии, выработанной исследователями русской сказки, и решить на основе этих новых записей целый ряд принципиальных, теоретических вопросов, связанных с историей сказки у различных народов Союза.

Сборник марийских сказок К. Четкарева является одним из первых начинаний в этой области. Автор этой работы, марийский крестьянин по происхождению, питомец детдома, сумевший упорным трудом получить среднее и высшее образование, принадлежит к представителям той новой интеллигенции, которая поднялась и выросла после Великой Октябрьской социалистической революции. Прекрасно владея родным языком, тесно связанный со своим народом, К. Четкарев в течение ряда лет производил записи песен и сказок в различных районах Марийской Республики. За три года им записано свыше 100 сказок, из которых около сорока публикуется в двух томах настоящего сборника. Первый том представляет опыт издания сказок одного только (Ронгинского) района, но с учетом при исследовании как всех собранных им лично сказок, так и сказок, записанных и опубликованных предыдущими собирателями; в следующем томе будут помещены тексты моркинских и сернурских районов. К сожалению, по чисто техническим причинам, пришлось отказаться от первоначального плана параллельного издания марийских подлинников и русских переводов; здесь даются только последние, марийские же тексты будут изданы отдельно в издании Марийского научно-исследовательского института культуры.

В данном сборнике собирателем выполнены все основные требования фольклорной методики: сказки точно паспортизированы, собраны богатые биографические сведения о сказочниках и о бытовании сказки в марийской среде, обследовано и вскрыто отношение к сказке и ее носителям со стороны населения, охарактеризована социально-культурная роль сказки и т. д. Кроме того, издание снабжено обстоятельным комментарием, определяющим место каждой сказки в общесказочном репертуаре; содержание сборника также выгодно отличает его от ряда аналогичных национальных сборников: чуждый шовинистических тенденций, К. Четкарев сумел отразить в своих записях разнообразные стороны марийской

сказки: мы находим у него и образцы древнемарийских сказок и более поздние, проникшие к марийцам от русских; сказки последнего типа и составляют основной фонд публикуемого первого тома.

Чтобы вполне оценить значение данного сборника, следует подчеркнуть, что марийская сказка принадлежит к числу наименее изученных и обследованных; до сих пор нет ни одного специального сборника ни на марийском, ни на русском языках; русские переводы насчитываются буквально единицами; очень мало опубликовано сказочных текстов и на марийском языке. Сведениями о марийских сказках мы обязаны, главным образом, немецким, венгерским и финским ученым: W. Porkka (1885—1886), A. Genetz (1887), Ramstedt (1902), Levy (1926) и Wichmann (1931), Ödön Beke (1938), Paasonen (1939). Но в сущности никто из них не занимался специально сказками, и последние интересовали их, главным образом, только как материал для изучения языка, — и лишь сборник Wichmann'a преследовал общеэтнографические и фольклорные задачи. Таким образом, сборник Четкарева является первым и, к тому же, вполне научно выполненным изданием марийских сказок. Вместе с тем, это издание сопровождено исследовательским очерком, являющимся первым опытом монографического изучения марийской сказки.

Исследование К. Четкарева разбивается на пять глав. В первой, опираясь на новое учение о языке (Н. Я. Марра), он дает анализ марийских терминов сказки и устанавливает связь их с древними формами устной поэзии мари; вторая глава подробно излагает условия бытования марийской сказки, ее связи с культовыми обрядами в прошлом и роль сказки в быту марийского крестьянина после революции. Для сказковеда-этнографа и фольклориста — особенно важны и интересны устанавливаемые автором выводы о связи места и времени рассказывания сказок с религиозно-магическими обрядами и магическим пониманием сказки в прошлом. Третья глава определяет основные сюжеты марийской сказки в связи с вопросом о переработке марийскими сказочниками образов русской сказки; четвертая — посвящена художественной структуре марийской сказки и, наконец, последняя — марийским сказочникам. Автор дает не только описание важнейших сторон художественной формы марийской сказки, но на основании анализа последней он делает попытку наметить и основной путь эволюции сказочного стиля у мари. Так, например, присказки и концовки в прошлом имели магически-заклинательный характер; в дальней-

шем они все более и более утрачивают эту функцию и приобретают новый характер и новое социальное содержание. В главе о сказочниках, помимо биографических сведений, автор делает анализ индивидуального стиля сказочника, подробно разбирая основные особенности его художественной манеры, языка и проч. Внимательное изучение стиля сказочников и условий их личного развития позволили К. Четкареву вскрыть и идейно-политический рост марийских сказочников, и тем отчетливее показать значение сказочного творчества марийцев в дальнейшем развитии их национальной культуры.

Конечно, работа К. Четкарева еще не является исчерпывающим исследованием о марийской сказке, да этого и нельзя было бы еще требовать в настоящее время от автора; но этой работой уже заложен прочный фундамент для дальнейшего изучения марийской сказки и марийского фольклора в целом. Это значение книги К. Четкарева признано уже и советской общественностью, что выразилось в присуждении ему премии на Всесоюзном конкурсе молодых ученых, организованном ЦК ВЛКСМ и Академией Наук СССР.

М. Азадовский

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Дореволюционная Россия представляла собой тюрьму народов. Чем шире и глубже шло империалистическое развитие старой России, тем невыносимее становилась эксплоатация угнетаемых царизмом малых народов. В числе этих обреченных на вымирание народов России был и марийский народ. Марийцы, кроме податей в царскую казну в виде «йозак», платили натурой и деньгами князьям, позже урядникам, становым, попам и прочим местным угнетателям. С момента проникновения русского лесопромышленного капитала в Марийский край, эксплоатация безземельного крестьянства в марийской деревне усилилась еще больше. На ряду с колониальной эксплоатацией, марийское крестьянство подвергалось классовому гнету со стороны собственной национальной буржуазии, которая начала зарождаться вместе с общим развитием капитализма в России. Появились лесопромышленники из мари, крупные кулаки в деревне, торговцы, спекулянты и пр.

Русское самодержавие, позаботившись о насильственном привитии христианства, не заботилось о культурном развитии народа мари. Темный народ лучше поддавался угнетению. Только Великая Октябрьская социалистическая революция дала марийскому народу культуру. После революции созданы письменность, художественная литература, создан национальный театр, осуществлено уже всеобщее семилетнее образование на родном языке и т. д. А русское самодержавие за триста лет в целях христианизации настроило десятки церквей, перевело на марийский язык евангелие и многие молитвенники. В городе Казани была открыта специальная семинария для подготовки попов, которые направлялись внедрять христианство к народам Поволжья. В этой семинарии существовала целая система христианизации «инородцев» Поволжья, выработанная миссионером Ильминским. Его учение заключалось в том, чтобы перевести на родной язык священное писание для большего усвоения учащимися в церковно-приходских школах. Марийский крестьянин разорялся и задурманивался не одним только русским духовенством, но у него были и собственные духовные жрецы — «карты», которые наталкивали его на ежегодные жертвоприно-

шения в священной роще «кусото». Здесь крестьянин закалывал свою последнюю скотину и под конец доходил до полного разорения. Попы и «карты» учили марийского крестьянина терпеть всякую эксплоатацию человека человеком и лишь Великая Октябрьская социалистическая революция, открыла ему глаза, развязала руки, дала права гражданина — строителя социалистического общества.

Научное изучение Марийского края было целиком подчинено задачам колонизации. Первыми собирателями и публикаторами марийского фольклора оказались иностранные ученые, при собирании на местах они сплошь и рядом наталкивались на русских колонизаторов-миссионеров, которые являлись своего рода политическими руководителями иностранных собирателей. Так например, Wolmari Porkka, собиравший марийский фольклор в 1885—1886 гг. у моркинских мари (Унжа, Морки) был связан с миссионером Вурнаевым. Другой финский ученый Arvid Genetz, посетивший Красноуфимский край в 1887 г., пользовался указаниями директора Н. Потамской миссионерской школы Удерминского. Собиратель Ramstedt, записавший горно-марийский фольклор в 1902 г., тоже руководствовался указаниями местных миссионеров. Это не могло не отразиться на характере собранных и опубликованных ими материалов.

Более объективный подход к собираемому материалу был сделан другим ученым E. Lewy, который записывал сказки от военнопленных во время империалистической войны, и не случайно, что его сборник открывается сказкой «О попе и работнике». Что касается фольклорных материалов в сборнике Вихмана, то они совершенно лишены какой бы то ни было социальной остроты и свидетельствуют исключительно об архаике и старых культах мари. Фольклора, как непрерывного потока народного творчества, как материала, отражающего новые веяния жизни, он не сумел отразить в своих, вообще конечно, очень ценных записях. Кроме того несколько работ по фольклору мари (Ödön Beke, H. Paasonen) вышло в 1937—1939 гг. и стали нам известны уже после окончания верстки настоящей книги, вследствие чего они не могли быть использованы нами ни в статье, ни в комментариях.

Интеллигенция, вышедшая из недр самого марийского народа, стала появляться только после революции 1905 г. Эта зарождающаяся молодая интеллигенция, воспитанная в тех же миссионерских школах, зараженная духом буржуазного национализма, начала мечтать о культурном возрождении своей национальности. С этой целью началось собирание памятников марийского фольклора, материалов по истории, по языку и т. д. В Казани начал выходить «Марийский календарь», где печатался фольклор, но в обработанном виде. До 1917 г. было собрано большое количество образцов фольклора: обрядовые песни, марийский героический эпос, сохранившийся в исторических преданиях в виде легенд о богатырях Чоткар Патыр,

Маршан-Патыр, о племенных вождях мари. Меньше всего интересовали новых исследователей классово-заостренные народные сказки, уже в тот период (1905—1917 гг.) бытовавшие в широком масштабе среди трудящегося крестьянства. Международные сюжеты, проникшие в марийскую среду через русских сказочников и через сказочные сборники, умышленно оставлялись националистами в стороне. Последние стремились собирать и изучать только то, что, по их мнению, являлось «чисто» национальным, марийским, и не подверглось, как думали они, влиянию других народов. А между тем, русские сказки о царевичах, о купцах, о попах, направлявшие свое острие против общих эксплоататоров трудящихся масс России, в марийской деревне распространялись еще с большей силой, как импонирующие классовым настроениям марийского крестьянства.

Вследствие деятельности буржуазных националистов на фронте марийского фольклора до настоящего времени не было издано ни одной сказки с переводом на русский язык [1]. Марийский фольклор тем самым отрывался от литературы братских народов Советского Союза. Но и на марийском языке мы до сих пор не имеем специального сборника сказок. Правда, в анонимном фольклорном сборнике, изданном в 1931 г., имеются 20 номеров сказок и преданий, но и они ни в какой степени не отражают современного сказочного творчества мари. Таким образом, наш сборник является первым сборником марийских сказок. Сказки, вошедшие в данный сборник, были собраны мною за время двух экспедиций (июль — август 1935 г. и июль 1936 г.). Мною было посещено три больших района Марийской республики: Ронга, Сернур, Морки. Целью экспедиции было изучение сказочного творчества луговых мари. Я стремился применить в работе те же методы, которые так блестяще оправдали себя в работах русских сказковедов. Поэтому мое внимание было направлено не только на самую сказку, но и на ее носителей и на ту социальную среду, где она бытует. Вместе с тем я стремился как можно полнее исчерпать репертуар каждого выдающегося сказителя, с которым мне удалось встретиться. В результате удалось изучить богатый репертуар выдающихся сказочников: Тупинова, Соловьева, Ведерникова и Яранцева в Ронгинском районе; Нагорских и Актаева в Сернурском районе; Богданова, Филиппова, Белковой и др. в Моркинском районе.

Запись марийских текстов произведена на существующем марийском алфавите. При записи я стремился передать как можно точнее все фонетические и лексические особенности

---

[1] А. И. Никифоров в библиографическом обзоре, помещенном в отчете сказочной комиссии за 1924—1926 гг. («Сказочная комиссия», Л., 1926 г.) указывает на статью В. М. Васильева «Верования и обряды мари» (Изв. ОАИЭ при Казанском университете, т. XXXI, в. 1), как содержащую тексты сказок. Это явное недоразумение: в названной статье речь идет о похоронных обрядах и не содержится никаких указаний на сказки.

каждого сказочника с тем, чтобы не исказить того говора, на котором говорит сказочник. В данных текстах можно обнаружить языковые особенности, характерные для сернурского говора и йошкар-олинского. Язык Тупинова и Соловьева близок к сернурскому говору, язык же Ведерникова и Яранцева — к йошкар-олинскому, хотя расстояние между Тупиновым и последними всего два километра. Деревня Кугунур, где живут Ведерников и Яранцев, является границей между этими говорами. Одежда большей частью Йошкар-олинского района — «сорока». Язык, в особенности глагольные окончания, строятся на типичном йошкар-олинском говоре. Напр.: «кайэвэ», «пурэвэ», «ок толэп», «пулан мо кайэвэ»? и т. д;

При переводе марийских сказок на русский язык мною руководило стремление как можно точнее передать смысл, заключающийся в марийском тексте, главным образом сохранить специфику сказочной речи мари и соединить точность с возможной для меня художественностью изложения. При переводе с марийского на русский язык или наоборот почти всегда приходится менять места слов в предложении. В марийском предложении сказуемое стоит почти всегда на последнем месте. Например: «Кожла воктэн изи пӧрт шинча» (из сказки Соловьева) — в буквальном переводе: «лес около маленький дом сидит» — мною переведено: «Около леса стоит маленький дом». Имена существительные при переводе я стремился передать точно в той форме, в какой они переданы сказочником. Точно также существительные (сказочные предметы, вошедшие вместе с русской сказкой), выраженные на русском языке, оставлены в таком же виде, например: «самоигрышьи гусли». Особую трудность представлял перевод предложений, в которых по два, по три раза встречалось слово «манэш» — «говорит». Это слово, по существу, является интонационным элементом сказочной речи, вроде запятой, поэтому, чтобы не загромоздить предложения излишним употреблением этого слова, я в описательных предложениях не употреблял его вовсе, а в диалогах и монологах героев ставил его в начале или в конце речи. Например: «... говорит Иван», «... спросил Иван», «Иван говорит старушке...» и т. д.

Едва ли бы мне удалось добиться благоприятных результатов, если бы я не был окружен исключительным вниманием республиканских и районных организаций Марийской АССР, председателей сельсоветов и колхозов, и особенно колхозной массы. Со всех сторон я видел горячую поддержку и живой интерес своему предприятию. Нас объединил общий интерес к нашему родному подлиннонародному творчеству. Такую же повседневную заботу оказывали мне дирекция и общественные организации Института антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Глубокую благодарность приношу проф. М. К. Азадовскому, под непосредственным руководством которого писа-

лась эта диссертация, акад. И. И. Мещанинову, М. П. Чхаидзе, помогавшим мне своими советами и указаниями при окончательной обработке сборника. Наконец, я горячо благодарю всех, кто своим участием помог мне в выполнении этой работы, и надеюсь, что этот первый сборник марийских сказок в какой-то мере выполняет завет великого пролетарского писателя А. М. Горького, призывавшего на первом съезде советских писателей собирать, обрабатывать и учиться на фольклоре народов СССР.

СКАЗКИ РОНГИНСКОГО РАЙОНА

1. О МАРИЙСКИХ ТЕРМИНАХ „СКАЗКА"

Прежде чем обратиться к рассмотрению сложнейших моментов, связанных с бытованием сказки у мари, необходимо вкратце остановиться на существующих терминах, означающих «сказку». Без установления социального значения термина «сказка» и без его анализа чрезвычайно трудно представить марийскую сказку, как таковую.

Среди луговых мари сказка бытует под двумя терминами: «йомак» и «шойа». Буквальный перевод этих терминов не устанавливает ни сходства между ними, ни подлинной сущности сказки в современном ее понимании. Первый термин «йомак» — основной у луговых, горных и восточных мари. Внутренняя форма термина «йомак» настолько неясна, конструктивные его части настолько непрозрачны по своим значениям, что без соответствующего анализа нельзя понять, как данное слово сложилось. В настоящее время термин «йомак» означает «сказка»; а корень его — «йом», взятый обособленно, может означать в современном языке мари совершенно другое понятие — «потеряйся». Второй термин — «шойа», бытующий только в Моркинском районе, — можно перевести как «вранье» или «выдумка».

Для того, чтобы ясно представить себе связь между этими терминами, кажущимися на первый взгляд очень отдаленными друг от друга, а также чтобы выяснить конкретное значение каждого из них и ту эволюцию, какую они претерпели на своем пути, необходимо обратиться к палеонтологии самих этих терминов. Для понимания данного слова у нас нет другого более надежного источника, чем сам язык. Академик Н. Я. Марр отмечает громадное значение марийского языка, как основного первоисточника для восстановления утраченной истории мари. «...Если мы не застаем у мариев ни феодалов, ни мощного торгового класса или буржуазии, то только потому, что господствующими великодержавными народами обездолена была марий-

ская народность, от ее родных господствующих классов и от ее истории. Остался язык, как основной первоисточник, для восстановления утраченной истории и возвращения ее к себе, язык, дошедший до нас на той ступени развития, когда части речи еще не были все выделены, и морфология не завершила своего полного сложения».[1] Это указание Н. Я. Марра является руководящим.

Новое учение о языке устанавливает, что в марийском языке можно найти остатки аморфной или синтетической системы языка при преобладании в нем элементов агглютинативного строя, в котором слова образуются путем «склеивания» словообразовательных суффиксов. «Этой синтетической системе присущ в области словаря полисемантизм, т. е. многозначимость одного слова, — говорит Марр, — и мы застаем марийский язык в процессе не совсем завершившегося высвобождения из-под бремени этой многозначимости путем использования звуковых разновидностей одного и того же слова для закрепления за каждой из них особого значения, равно путем скрещенных образований и т. д.».[2]

Слово «йомак» состоит, по всей видимости, из основного идеоносительного слова «йом», получившегося путем скрещения двух элементов — С + В — «йо + м» и функциональной частицы «ак». В марийском языке частица «ак» сейчас выступает в значении, главным образом, усиления или подчеркивания смысла основного слова; например туг-ак йора — «и так ладно» и др. Следует заметить, что эта частица в момент скрещения с основной идеоносительной частью слова сказка («йо-м») имела несколько другое значение, чем сейчас. Она имела значение более общее и детерминативное, выражаясь термином Н. Я. Марра.

Таким образом, для понимания термина «йомак» следует обратить внимание, главным образом, на идеоносительную часть слова, т. е. на «йом» (йо-м). Можно утверждать, что основа термина «йо» или «йо(м)» когда то обозначала не сказку, а нечто другое, может быть, племенного бога. Право для такого утверждения дает нам наличие в языке мари очень сходного по смыслу и по звуковому составу с основой разбираемого термина «йо» слова, обозначающего бога или племенных божеств, равно и неба[3] — «йумо» (йу-мо). Кроме того, есть в языке еще термин с диаметрально противоположным значением, чем бог, покровительствующее божество, — термин «йу», обозначающий враждебных духов, демонов, зла, болезней и вместе с тем колдовство. А колдуны, маги, кудесники называются «йузо».

---

[1] Н. Я. Марр. Первая выдвиженческая яфетидологическая экспедиция по самообследованию мариев. Избр. работы, т. V, стр. 462.

[2] Н. Я. Марр, там же, стр. 451.

[3] Понятие бог — одно из позднейших слов надстроечного мира, на последнем этапе своего развития означавшее «небо», там-же, стр. 452.

Термин «йумо» со значением бога возник позже, при образовании новой, уже классовой организации мариев, примерно, в тот же период, может быть еще немного раньше, когда положительный производственный тотем черемисской организации «кэрэмэт» (согласно терминологии Н. Я. Марра) превратился в отрицательного духа. Новая социальная группа мариев, присоединила к существовавшему «йу» новый элемент «ма» или «мо», т. е. с основой «йу» скрестился уже как противоположность старого «йу» новый элемент «ма-мо», в виде местоимения «ма-мэ», как «замтотема» или, что все равно, племенного названия «ма-ри». Марийская социальная организация пришла на смену низшей — «детей неба»,[1] со своим добрым богом, а сперва производственным тотемом — «йумо». Итак, эти два понятия получились из слова путем расщепления одного и того же понятия на два противоположные: йу — оставшийся в первоначальном виде без скрещения, превратилось в бога отрицательного (злого), а путем скрещения с элементом С — йу нового элемента В — мо-ма, превратилось в бога «йумо» с положительным культовым значением (доброго). Оба эти слова пережиточно сохранились до настоящего времени. Это неизбежно вытекающее положение о скрещенном образовании термина божества мариев, из материалов марийского языка, еще раз доказывает правильность тезиса Н. Я. Марра: «...всякое племенное название восходит к наименованию первичной производственно-социальной группировки, ее же тотему, который затем становится предметом культа, определенной конкретной святыней или конкретным божеством впоследствии — общим понятием „бог“».

Точно также и интересующий нас термин «йомак» имеет в основе сходное происхождение с «йумо». Он образовался также путем скрещения тех же двух элементов — С + В — йо + + мо + ак, и имеет те же символы производственных тотемов племенных групп, сменяющих друг друга. Если имеется разница гласных звуков в первых элементах обоих терминов (в одном — «йу», в другом — «йо»), то она нисколько не противоречит общим законам фонетики марийского языка, так как разница гласных есть одно из явлений, современное образованию термина «сказка». С переходом от культового содержания сказки к чисто художественному сказка постепенно потеряла свой магически-обрядовый характер. Понадобилось особое звуковое оформление его, как имени существительного, в результате чего к тотемному названию присоединился новый словообразовательный суффикс «ак». Путем прибавления подобных суффиксов в марийском языке образовано довольно много существительных, как-то: «шо-мак» — «слово», «пер-мак» — «шалун», «ок-мак» —

---

[1] См. ту же статью Н. Я. Марра, стр. 443—447, где он, разбирая племенное название мариев-черемис, возводит его, путем палеонтологического анализа, до серебряных детей неба, детей солнца.

«дурачек» и т. д. Наличие в этих словах элемента «ма» или даже одного «м» показывает опять-таки, что эти слова возникли после того, как появились личные местоимения. Существует поразительное сходство марийского термина «йомак» с терминами «сказка» у приволжских народностей. Так, напр., в чувашском языке «сказка» имеет термин, совершенно сходный с марийским «йумах». Как видно, разница только в конечном согласном звуке. В мордовском языке термин «сказка» имеет сходство с марийским только в первом элементе — «йовкыс». Сходство в звуковом составе и в содержании этого термина дает право думать, что он возник в период общего исторического развития этих народов, в дальнейшем же изменялся в отдельности, соответственно специфическому хозяйственно-культурному развитию отдельных народов.

Кроме основного термина сказки «йомак», у луговых мари есть другой термин — «шойа». Термин «шойа» широко используется моркинскими марийцами в значении сказки, и в буквальном переводе с современного марийского языка на русский он звучит несколько странно, означая «вранье» или «выдумки».

Такая фонетическая и морфологическая разница между двумя терминами, обозначающими сказку, для всякого, незнакомого с палеонтологией марийского языка, покажется поразительной. Что может быть общего между термином «йомак», воплощающим в себе нечто божественное, и термином «шойа», означающим всего навсего «выдумку», «вранье»? Возникает вопрос: неужели марийцы, дав сказке подобное название, относились к ней так же, как относятся ко всякой пустой болтовне, выдумке?

На самом деле, этот термин позволяет нам подтвердить еще раз то вышеприведенное положение о переходе термина «йумо» — «бога» — в значение сказки, с новым суффиксом «йом(о)ак». С другой стороны, марийский термин «шойа» позволяет нам установить связь термина с устным рассказом, со словом, с правдой и т. д. Без этой связи оба термина были бы непонятны, поскольку сказка по существу, являясь рассказом, не может быть не связана со словом.[1]

Марийский термин «шойа» сходен по фонетическому составу с горномарийским термином, означающим „слово“, «шайа» и с лугово-марийским «шомак» — тоже имеющим значение слова. Если на луговом наречии «шойа» означает вранье или враки, то у горных мари оно по сей день означает „слово“: соответственно инфинитив глагола «говорить» будет «шайшташ». А лугово-марийский термин «шомак» не только связывает «йомак» с «говорением», со «словом», но в свою очередь прокладывает генетический мост между двумя терминами — «йомак»

---

[1] Например: на удмуртском языке сказка называется «выжыкыл». Составлен из двух слов: «выжы» — «корень» и «кыл» — «слово». Дословно будет «корень-слово».

и «шойа». Чтобы наши дальнейшие рассуждения были ясны, мы позволим себе напомнить тезис Н. Я. Марра, говорящий об основном фонетическом законе марийского языка — о спирантизации сибилянтов при скрещенных образованиях новых слов.

«По фонетике, вскрытой благодаря палеонтологии речи, мы в марийском наблюдаем спирантизацию сибилянтов и простых согласных того же порядка с использованием получающихся разновидностей для скрещения многозначимости слов усвоением разных значений одного слова различными его разновидностями». [1]

Прежде всего, о термине «шойа(к)», точный перевод которого, как уже сказано выше, означает: «выдумку», «неправду». В древнем обществе у мариев «шойа» означало по всей вероятности просто «говорить правду», или термин «слово», так как и сейчас это слово сохранилось в положительном значении у луговых мари — «шомак». Значит сказка — «йомак», на основе вышеприведенного закона Н. Я. Марра о спирантизации сибилянтов, означала когда-то «говорить правду»; «шо» — дает в перебое «йо». В горно-марийском термин «шайа» остался именно с этим прежним значением, как «слово», «правда». С развитием классовых отношений, с расщеплением марийского общества на этнические группы и диалекты и марийское «шомак» (шойа) — „слово" раскололось надвое: «шойшташ» — «врать» и шойпташ» — «говорить».

Следовательно, все термины: «шомак» (слово — луговой мари), «йо-мак» (сказка), ша-йа (слово или рассказ горно-марийский язык) и «шойа» — сказка (Моркинский район) — образовались путем дифференциации из одного слова «шо-йа» или «шо-мак», т. е. из термина «слово», равно как и «правда». Новообразование шло по закону спирантизации сибилянтов, и в свою очередь элементы всех этих терминов возводятся к тотемному божеству мариев — «йумо».

Далее: на первых ступенях общественного развития марийский народ вовсе не имел специального термина для понятий «сказка» и «сказочник». Надо полагать, что термины «йомак» и «шойа» образовались, как позднейшие термины для всех устных рассказов с элементами чудесного. [2] Примерно, в этот же период возникает из культового имени «йу» — «йо» глагол «йом» — «потеряться». В инфинитиве «йом» будет — «йомаш» — «потеряться». Здесь опять-таки мы имеем интересное совпадение термина «йомак» с глаголом повелительного наклонения второго лица — тоже «йомак и «йоматак». Однако между глаголом «йоматак» и «йомак» есть та существенная разница, что

---

[1] Н. Я. Марр, Избр. работы, т. V, стр. 450.

[2] К этому выводу нас наталкивают материалы марийских сказок, в частности названия преданий, особенно же древние формы концовок, в которых нет намека на существование термина «йомак».

4-52

первый выражает безусловность — «ты все равно потеряешься», а второй — «йомак» — выражает долженствование и условность — «ты должен (как-нибудь да) потеряться», или «обязательно потеряйся». В этом случае происходит опять тоже закономерное явление. Не только концовки сказок, возникшие безусловно позднее, чем само название «йомак», как бы отгоняли ее прочь от рассказчика, но и сам термин имел в своей основе заклинательный смысл.

Быть может, мариец никак не хотел связать себя со сказкой, смешать себя с ее героями, и поэтому дал ей название — «йомак». Даже бытующая сейчас концовка марийской сказки — «йомак умбак — мый тэмбак» (сказка дальше — я ближе) подтверждает это положение. Рассказывая сказки, сказочник как бы соединялся с нечистыми силами сказки, творившими чудеса, а после рассказа он отгонял их подобными магическими приемами. В этом аспекте весь термин «йомак» можно было бы расшифровать так: «это тоже нечистая сила, но без меня». «Сказка» это действие чудесных существ в рассказе «опкын», «овда», «вувэр», «киимат тора» и т. д., никогда не виданных воочью самим сказочником. Он боится воздействия этих потусторонних сил. Поэтому-то, как бы страхуясь, сказочник рассказывает сказку не от себя, а от второго лица, как будто тот (неизвестный) был свидетелем всех событий данной сказки. Большинство сказок начинается так: «Ожно илэн манэш ик мари...» — «Раньше, говорят, жил один мариец». Почти каждая фраза сопровождается этим словом говорят, говорит — «манэш». При передаче диалогов слово это повторяется два раза: «манэш-манэш» — «говорят-говорят». Этим самым сказке придается оттенок передачи только слышанного. За последнее время слушатели очень метко стали отвечать сказочнику, часто употребляющему эти слова: «Манэш, манэшын, капка мэнгыже вэлэ кодын манэш» — «У говорят-говорят, говорят, остались только столбы от ворот».

Этим объясняется и то обстоятельство, что у мари нет специального термина «сказочник», выраженного одним словом, как, например, у русских и других народностей. Этот термин у мари составляется описательно из двух слов: йомак колтышо», при буквальном переводе означающее «пускающий сказки» — а в современном понимании марийцев, как «говорящий сказки» — «сказочник». Между тем, по закону словообразования существительных из другого существительного посредством прибавления суффиксов вроде «зо», «зэ», «чэ», «чо» — сказочника можно было бы назвать «йомакзэ». Этого, однако, не произошло. Правда, в Моркинском районе употребляют вместо «шойа» — «шойштшо», «шойачэ», но в очень редких случаях. По этому двухсложному позднейшему термину «сказочник» мы убеждаемся в том, что у марийского народа не существовало института сказочников, как литературных оформителей, как это, например, имело место у русских («бахари»). Их роль, повидимому, выпол-

1140

Научная Библиотека

нял или коллектив, разыгрывавший сказки, как инсценировки, или жрецы — «карты», «витныызэ», в произнесении которых слова имели большую магическую силу. Сказки, повидимому, бытовали в то время в общем культовом обряде. Пережитки подобного исполнения существовали вплоть до наших дней.

Однако теперь марийцы проводят резкую грань между собственно сказкой и преданиями. Впрочем, термин «шойачэ» или «йомак колышо» остался тем же, хотя бы этот знаток легенд и исторических преданий имел в репертуаре только одну подлинную сказку. Эти предания, легенды, имеющие для своего обозначения многосложный термин «тошто мари мут» [1] — «слова предков „или" рассказы предков» — в настоящее время рассказываются очень редко. «Рассказы предков» передавались из поколения в поколение: дед рассказывал внуку, отец — своему сыну. В Сернуре и в Ронгах эти рассказы начинаются всегда одними и теми же фразами: «Ожно коча ольа ильэ» — «Раньше рассказывал дед», или: «Коча ольэн кодэн» — «Рассказ оставил дед». Вообще эти предания рассказываются очень редко, исключительно среди взрослого населения и преимущественно стариками. Настоящими знатоками легенд культового характера, о богах, тотемах, добре и зле, являлись не сказочники, а, как мы уже сказали, жрецы. Подобные легенды можно было слышать при жертвоприношениях. Эти произведения традиционных концовок не имели, но каждая легенда имела свою собственную концовку. Можно думать, что подобные концовки — основное в легенде.

С появлением в среде марийского крестьянства сказок, заимствованных преимущественно от русского народа, с другой тематикой и структурой, чем в сказках, созданых самим марийским народом, происходит некоторая дифференциация сказочного творчества (животный эпос, волшебные сказки, новеллы, анекдоты и т. д.). С одной стороны, происходит сужение тематики сказок, обнимаемых термином «йомак». Под этим термином начинают пониматься только заимствованные сказки, сказки всех разрядов — и волшебные, и легендарные, и новеллистические сказки из национального репертуара. С другой стороны, в процессе дифференциации сказочного репертуара увеличивается художественное значение сказок, подразумеваемых под термином «йомак». Здесь уже на первый план выступают художественные тенденции, оттесняя прежнее драматическое исполнение на задний план. Эти изменения в сказочном творчестве мари происходят под влиянием исторических сдвигов. Примерно с этого периода марийский народ окончательно переходит от племенного принципа организации общественной жизни к национально-классовому. Аналогичные сдвиги происходят и в области религиозных верований мари.

[1] Термин этот приводится в работе V. Wichmann, «Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen (Mémoires de la Soc. Finno-Ougrienne, p. 59, 1931), Vorwort, стр, XIV.

С развитием новых производственных отношений рамки марийской сказки все более и более суживаются, и значение термина «йомак» — «сказка» — конкретизируется. Из-под этого термина выпали старые предания, легенды и остались только собственные сказки, в которых хотя и говорится о нечистых духах, о демонах враждебных человеку, но сказочный герой всегда побеждает их. Сама по себе сказка продолжает существовать, главным образом, как художественное произведение. Примерно с первой четверти XIX в. марийский народ начинает переходить от чисто племенного принципа организации жизни к национально-классовому. Культ природы, культ предков принимает форму сложившейся религии и становится орудием классового насилия; появляется марийское жречество, работающее в контакте с кулачеством марийской деревни. К этому же времени складываются исторические предания в виде марийского героического эпоса, преданий о племенных вождях Ямблате, Мустае, Чавайе и т. п., о национальных богатырях, борцах за независимость мари, о Чоткар Патыр, Маршан Патыр, Акпатыр и т. д.

Возникает вопрос: почему марийцы смежных районов создали два различных фонетически и по значению термина для сказки? Различие терминов настолько велико, что население одного района не понимает термина, бытующего в другом районе[1]. Значение сказки в настоящий момент в корне изменилось. В Моркинском районе она уже приближается к прямому значению слова «шойа» — «выдумка», «неправдоподобный рассказ».

Ответ на вопрос нужно искать в различии производственной жизни районов и в различии их этнических признаков. Моркинский район является лесным районом, деревни которого расположились на месте выкорчеванного леса. Песчаная почва на полях не давала достаточного урожая, чтобы можно было просуществовать круглый год. Поэтому моркинские крестьяне с давних пор занимались лесными промыслами (сплавом, рубкой, смолокурением) и кустарными промыслами. С половины XIX в. к ним начал проникать русский лесопромышленный капитал. Крестьяне после уборки урожая нанимались в качестве чернорабочих и проводили две трети года, работая на лесопромышленников. Они жили артелями в зимовках, возвращаясь только по окончании сезона. Рабочие, организуя артели, запасались сказочниками и проводили за сказкой длинные зимние вечера. Сказка была орудием общения и единственным средством удовлетворения культурных, художественных потребностей лесных рабочих. Она жила среди них полной жизнью, не будучи свя-

---

[1] Летом 1935 г. в деревне Кожлаер Моркинского района я спрашивал на базаре колхозников; не знают ли они сказочника (йомак колтышым)? Они не поняли, о чем я спрашиваю. Только после того, как я им рассказал для примера сказку, они переспросили друг друга: «ончо, вэт тидэ шойа — шойштшым йодэш?» (смотрите-ка, он ведь спрашивает сказочника!), и только тогда указали мне на сказочника «Богдана».

зана ни с местными, ни с временными ограничениями. Сернур же являлся чисто земледельческим районом: крестьяне этих районов совсем не знали отхожих промыслов. Сказка там бытовала только в деревне, зимой, при этом не всегда разрешалось рассказывать в крестьянской избе.

Изложенные производственно-бытовые условия сильно влияли на традицию сказывания, на развитие самой сказки, на степень обогащения новым репертуаром и т. д. Следовательно, бытование сказки в Морках под термином «шойа», в который вкладывалось, несомненно и понятие «выдумка», «нереальный рассказ», придется считать вполне закономерным явлением; оно нам говорит о происшедших идеологических переменах среди лесорабочих. Лесные рабочие перестали признавать прадедовские взгляды на сказку. Фантастическая сказка в их среде стала только художественным произведением, имеющим классовое содержание; лесорабочие не верили уже в реальность сказочных событий. Может быть, если в среду этих рабочих не начала бы проникать в то время русская фантастическая сказка, такой перемены отношения к содержанию сказки не было бы; но, поскольку в их среду стали попадать сказки с новым содержанием, неизвестным до того марийцам, как сказка об Иване-царевиче, Марии-царевне, Бове-королевиче и пр., — лесные рабочие вполне могли назвать сказку «выдумкой», «шойа», т. е. сочинениями, говорящими о более абстрактных явлениях жизни. Русская сказка интенсивно стала проникать в марийскую среду в XX в. К лесорабочим она попадала через лесничих, десятников, приказчиков и самих марийцев, побывавших на военной службе в царской армии. После Октябрьской революции марийская молодежь стала учиться грамоте, интересоваться художественной литературой, сборниками сказок и приключенческими романами. Так, напр., во время экспедиции 1935 г. я встретился в деревне Кожлаере с неким Козыревым, который имел русский сказочный сборник. Козырев читал и переводил эти сказки молодежи, а иногда сам рассказывал по памяти. Много сказок запомнил от Козырева сказочник Богданов, рассказывавший их в зимовках. Распространение русской сказки сыграло положительную роль в смысле широкого развития сказочного творчества среди мари. Марийские сказки освободились от старых слишком узких традиций.

Ответим на вопрос: почему Ронгинский район пользуется одинаковым с Сернуром термином «йомак», хотя он является прилесным районом, в котором в такой же степени бытует русская сказка, как и в Морках? Здесь мы имеем две причины, повлиявшие на судьбу этого термина. Во-первых, Ронгинский район отделен от Морков большим лесным массивом и в производственном отношении он был связан по преимуществу с земледелием, а не с лесоразработками. Если отдельные сказочники рассказывали сказки в зимовках и лесозаводах, то это не было общим явлением. Во-вторых, самая главная причина, — ронгин-

ские марийцы по этническим признакам относятся к сернурским мари, т. е., по выражению самих же марийцев, к «шэнгал мари» («задним марийцам»), а моркинцы — к «ончыл мари» («передним марийцам»). Ронгинцы, непосредственно примыкая к сернурцам, ведут тот же образ жизни, имеют тот же говор, ту же одежду, те же обычаи. Сказка бытовала здесь с теми же ограничениями в смысле времени сказывания, превосходя Сернур только лишь в отношении количества сказочников и интенсивности бытования сказки. Для Ронгинского района термин «йомак» является близким, родным термином, соответствующим реальному значению сказки в этом районе.

2. БЫТОВАНИЕ МАРИЙСКОЙ СКАЗКИ

Сейчас, в условиях советской действительности, в связи с ростом колхозного строительства, в марийской деревне, когда пережитки прошлого отступают от современности все дальше и дальше, когда большинство институтов, связанных с религиозно-магическим бытованием сказки, уже исчезло, — кажется странным о них говорить. Марийская деревня теперь характеризуется не темнотой и суеверием, а новым культурным бытом, строящимся на основе зажиточной жизни колхозников. Однако вопрос о бытовании марийской сказки в прошлом, о традиционной связи места и времени рассказывания с магическими обрядностями народной сказки у мари, вполне своевременный, — его нужно разрешить именно теперь, а не позже. Чем быстрее марийская деревня движется вперед к бесклассовому обществу, создавая социалистическую культуру, тем быстрее рушится и патриархальная культура, которой жила марийская сказка, тем труднее будет находить материалы для разрешения вопросов о бытовании марийской сказки в прошлом. Пока еще легко найти в быте и обычаях, особенно в языке, следы связи сказки с верованиями мари. Сейчас для разрешения этой проблемы необходимо вернуться всего лишь на 20—30 лет назад. И сделать это пока еще легко.

В настоящее время, когда имеется такой исключительный культурный прогресс в быту марийского народа, марийский фольклор, включая туда сказки, загадки и легенды, начинает отрываться от старых традиций. Произведения устного творчества сопровождают марийца, куда бы он не пошел, за какую бы работу не принимался, Сказочное творчество мари еще в недалеком прошлом связывалось с религиозно-магическими обрядами, с верой в действенную силу сказки, верой в тех демонов зла и добра, которые являлись персонажами марийской сказки. У марийского народа были свои демоны-покровители во всех областях хозяйственной деятельности, были злые духи, препятствовавшие успехам повседневной жизни. Мариец, не находя действительных причин нищеты, неурожая, падежа

скота и т. д., видел их не в национальном гнете и колониальной эксплоатации царского самодержавия и не в собственых марийских эксплоататорах, не в своем невежестве, а в каких-то потусторонних таинственных силах природы, созданных, в конечном счете, им же самим. Возможно, что на первой стадии творчества сказку разыгрывали вместе с обрядом или при исполнении какого-нибудь культового обряда, что вполне допустимо. Впоследствии некоторые магические обряды, потеряв свою актуальность, исчезали, некоторые же ассимилировались в быту. Любой культовый обряд у мари сопровождается особыми магическими словесными формулами, причитаниями, молитвами или вообще заговорами. Эти заговоры могли произноситься не каждым и не во всякое время. И сейчас у части сернурских-ронгинских мари еще сохранилась местами вера в особую силу слова: будто бы с произнесением вслух имен обитающих духов произносящий может накликать их на себя[1].

Несмотря на все запреты, все же со временем стало возможным не только беспрепятственно рассказывать сказки, но и слагать новые — легендарные. Посмотрим, о каких мифических существах повествует по преимуществу марийская сказка и почему только зимой можно было рассказывать эти сказки.

Мы уже останавливались вкратце на мифотворчестве мари в связи с термином «сказка». Мы указали, что постепенное развитие в мифотворчестве мари привело к выделению мифов двух категорий: 1) мифы уже отжившие, с участием духов, когда-то бывших положительными или хранителями, но со временем ставших злыми, низшими демонами. Сюда относят марийцы демонов болезней, чар, демонов жилища и т. д. Духи эти снизились до такой степени, что стали поддаваться силе колдунов, знахарей и т. п. и стали называться общим словом «йу». Другая группа демонов обитает в облаках, в небе, и относится уже к более могучим богам-хранителям целых областей природы. К ним относятся боги плодородия — «мландэ-ава» — «мать земли»; «пуйыршо — йумо» — «бог судьбы»; «киндэ пэркэ йумо» — «бог-хранитель урожая»; «бог грома и молний» — «пиамбар»; «бог горы» — «курык кугыза» и т. д. Эти боги находятся в более привилегированном положении. С низшими демонами не церемонятся, их гонят из избы огнем (сжигают прутья сухого можжевельника), нашептываниями, колют ножницами и т. п. И только если больной, заболевший, по диагнозу ворожеи, от шутки такого духа, не выздоравливает после всех этих магических приемов, — духу приносят жертву. Жертвоприношения производятся не в священной роще, как высшим богам, а на лугах, в оврагах, или вообще на каком-нибудь низком месте. В жертву этим духам дают не домашних животных, как высшим, а диких зверей (зайцев, хорьков) или рыб; часто чле-

---

[1] В детстве бабушка говорила мне: если кто часто употребляет имена злых духов, то духи могут вселиться в него.

нам семьи этого «Кугурака» или «Чимбылата» кормят лесных, например, щуку. Жертвоприношения такого рода были уже очень редки даже до революции. Производились они тайно и часто не все члены семьи знали о них. Между тем, высшим богам жертвоприношения просительного и благодарственного порядка устраивались в специальных священных рощах, расположенных всегда на возвышенности.

Имеющиеся материалы по бытованию марийской сказки показывают, что сказок легендарного характера о высших богах не существует. Если они даже и есть, то знают их только жрецы — «карты», а легенд о низших нечистых существах и легенд просто анимистического порядка имеется довольно много. Очевидно, низшие духи, в виду своего многообразия и давности появления в мифотворчестве, стали в представлении народа близкими ему и понятными, поддающимися магическим воздействиям человека. Низшие духи гораздо более конкретны. Каждый из них имеет вполне определенный образ[1]. Вот этот определенный образ конкретных духов позволил народу включать их в сказку, или создавать о них легенды. Рассказы эти были созданы опять-таки с определенной целью: одни — популяризирующие демонов (в этих рассказах говорилось только о их круге деятельности); другие — были созданы просто как рассказы, расшифровывающие запретные или колдовские формулы, относящиеся к тому или другому духу; третьи — имели топонимический характер. В последних рассказывалось отчего произошло название той или иной деревни, оврага, реки, леса, горы. Рассказы эти передавались из поколения в поколение без существенных изменений. Часть легенд может быть отнесена к группе так называемых исторических преданий. Сказок же легендарного характера о высших богах, вроде русских легенд об апостолах, о святых — народ не создал. Эти божества не получили определенного образа, они — бесформенные духи, обитающие в облаках. Надо сказать, что и в этом отношении произошли некоторые изменения после того, как началось усиленное насаждение православием своих святых, главным образом, путем изображения их на иконах, тогда боги-покровители стали изображаться в виде христианских святых. Например, «тӱн йумо» — «главный бог» — получил изображение в виде Николая-угодника.

В виду такого недифференцированного представления о сказке, в виду сохранившихся еще представлений о некоторой связи сказки с культовыми обрядами и, наконец, в виду существующих еще представлений о магической силе слова, — марийская сказка, особенно в земледельческих районах, где крестьянство в большей степени зависело от природы, не смогла еще до сих пор полностью освободиться от старой традиции в рас-

[1] Например образ банной бабы («шоча кува») — женщина с длинными волосами, «овда» — мучительница животных, проклинающая целые роды — тоже длинноволосая баба с большими грудями, и т. д., и т. п.

сказываний. В некоторых районах еще по сей день остается частично в силе табу, запрещающее рассказывание сказки в летний период, когда земля освобождается от снега. Эта традиция закреплена шаблонной поговоркой, повторяющейся всякий раз, когда кто-нибудь по незнанию попытается нарушить это табу. Поговорка гласит: «пундыш умбак лум вочмэш йомак колташ огэш лий» («нельзя рассказывать сказки, пока не выпал на пенек снег»). У моркинцев поговорка эта еще более конкретна: «омарта умбак лум вочмэш шойа шойшташ ок лий, кожлаш аныргэт» («нельзя рассказывать сказки пока не выпадет снег на пенек: заблудишься в лесу»). Сернурцы же оговариваются просто: «кэнежым йомак колташ ок лий, сай огыл» («летом нельзя рассказывать сказки, не хорошо»). Сернурская поговорка не объясняет — почему нельзя рассказывать летом, и у моркинцев, как лесных жителей, поговорка прямо говорит, что можно заблудиться в лесу: сказочный, мол, демон может нарочно закружить голову рассказчику. Однако у сернурцев-ронгинцев под выражениями — «ок лий», «сай огыл» («нельзя», «не хорошо») скрывается табу более глубокого, более древнего происхождения, вместе с тем очень сходного с некоторыми фактами из жизни сказок других народов, стоящих на первоначальных стадиях развития.

В этих выражениях говорится о запретах рассказывать сказки, связанных со множеством мотивов, в большинстве своем относящихся не только к судьбе личности сказочника, как у моркинцев, а к судьбе домашнего скота, будущего урожая, здоровья семьи, в избе которой рассказываются сказки [1]. Во-первых, не разрешается рассказывать сказки и загадывать загадки ранней весной, когда начинают телиться коровы, родить овцы и пр. В этом случае, когда в хлеву есть приплод, хозяева дома категорически протестуют против рассказывания сказки. Они заявляют: «чудаки вы! время сказывания прошло, у нас уже скотина начала плодиться». Во-вторых, нельзя рассказывать сказки в том случае, когда в доме имеется больной. В третьих, как правило, не подлежащее нарушению, сказку можно говорить только ночью, когда стемнело.

Русские собиратели, Козырев [2], Калинников [3], Евреинов [4], и др., в своих отчетах тоже указывали на некоторые аналогичные пережитки среди русского народа: например, сказка больше

[1] О запрете сказок и о причинах этого запрета сказывания сказок у различных народов мира см. статью Д. К. Зеленина «Религиозно-магическая функция фольклорных сказок» (Сборник статей в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1931), где подобран богатый материал, касающийся разных народов.

[2] Козырев. Как я собирал сказки. Жив. старина. 1913 г.

[3] Иосиф Калинников. О собирании сказок в Орловском уезде. Жив. старина 1913 г. (3—4).

[4] М. К. Евреинов. О собирании русских народных сказок. Сказочные записки в 1924—1925 гг., Л., 1926.

частью рассказывались и рождественский и великий пост. Однако у марийцев в рождественскую неделю (шортйол арня — букв. «неделя овечьей ноги») рассказывание сказок является обязательным. В эту неделю у мари Серпурского и Ронгинского районов рассказывание сказок и загадывание загадок имеется наиболее интенсивно, причем марийцы загадку считают родственной сказке — они бытуют одновременно.

Почему у мари в рождество было обязательным рассказывать сказку? Прежде всего, марийское рождество не похоже на рождество русского крестьянства: оно в то же время является национальным, культовым праздником, «шортйол», имеющим черты праздника плодородия. Надо полагать, что «шортйол» существовал у марийцев задолго до покорения марийцев русскими. Это — марийский культовый праздник, несомненно дохристианского происхождения. Марийский народ очень туго поддавался христианизации. Хотя формально христианские праздники и признавались, но в них по большей части марийцы осуществляли свои собственные религиозные обряды. В результате создался своеобразный синкретизм обычаев и религий. Крещеные марийцы, напр., ходили в церковь, принимали попа в дом и одновременно устраивали жертвоприношения (домашним скотом и птицей) собственным родовым богам в роще.

Говоря о специфике бытования сказки на марийской почве, необходимо сказать, что марийская сказка вплоть до Октябрьской революции сохраняла связь с культовыми обрядами. В некоторых остатках народной драмы имеются диалоги, места, которые встречаются в народных сказках самостоятельно. Сказочному слову, на первых ступенях связанному с действием, придавалось магическое значение. Употребляя термин «марийская сказка» я отделяю ее от русской сказки типа сказок «Об Иване-царевиче», «О двух братьях» и т. д. Такая марийская сказка очень коротка, без сложных сюжетных сплетений, немногим отличается от легенды, предания. Проникновение русской сказки, которая в дальнейшем сильно повлияла на облик марийской сказки, идет вместе с развитием культуры мари.

Временем сказывания сказок у мари является зима, а традиционным — рождественская неделя. В данном случае мы будем говорить о Ронгинском и Серпурском районах. В этих районах кое-где еще очень крепко сохранились старые народные обычаи. У этих крестьян вплоть до начала коллективизации (1928 г.) сохранились еще остатки патриархальных взглядов на мир. В собственных сказках этих районов рассказывалось про чертей, водяных, домовых, про духов предков. Кроме того, конечно, существовали русские сказки на разнообразные темы, в которых марийцы также находили мифы, демонов, родственных своим. По мировоззрению марийца имена этих злых духов нельзя произносить, когда угодно и где попало, ибо, в противном случае, по его мнению, они могут к нему явиться. Зимой же, верят марийцы, злые духи замерзают вместе со всей природой. Осенью устра-

ваются массовые жертвоприношения, в которых марийцы просят высших богов отогнать злых демонов подальше. Накануне рождества хозяин дома идет с мелом или углем в руках и ставит кресты на всех дверях и окнах, что практиковалось и у крестьян соседних русских деревень.

Наступала рождественская неделя, и жизнь марийца совершенно менялась. Первый день этой недели, в пятницу, устраивался девичник — игрище. Девушки варили в чьем либо доме пиво. В этот дом вечером собирались крестьяне со всей деревни всех возрастов, и начиналось веселье. Прежде всего выбирался распорядитель вечера — какой-нибудь бойкий парень. Вечер открывался танцами девушек, варивших пиво. Им давали денег. Потом распорядитель ставил по очереди всех участвующих попарно. Танцевали под музыку «шубыр» (пузырь-волынка) и барабан (тумбыр), а молодежь с песнями хлопала в ладоши. Дом этот бывал похож на улей с сильным роем пчел. После, когда уже пиво на исходе, начиналась вторая часть вечера, распорядитель объявлял: «сейчас придут «Васли кува кугыза» (старик «Василий» и старуха «Васильевна»), что, мол, они сейчас доходят до деревни... вот, мол, уже у крыльца». Заходил старик, наряженный в перевернутую шубу, в маске с белой бородой из кудели и с палкой в руках, и морщинистая старушка, тоже с палкой. После здорования, следовали вопросы к ним со стороны крестьян:

— Издалека ли приплли, не устали ли?

— Издалека, устали и пр.

— Ну как, Васли кугыза, нынче будет ли у нас урожай?

— Да, да, нынче урожай будет лучше, чем когда либо.

А женщины спрашивали у старушки Васильевны:

— Не будет ли тяжело нынче скотине? Будут ли жить ягнята, телята?

— Нынче у всех хозяев коровы принесут по два теленка, овцы тоже. Нынче легко проживут зиму.

После общих вопросов следовали частные вопросы крестьян и крестьянок. Если кто нибудь в шутку отвечал что-нибудь нежелательное, — стариков били тоже в шутку. По окончании вопросов и ответов «старик Василий» и старуха «Васильевна» танцевали вдвоем, пили пиво и уходили. За ними прибегала наряженная «Мария» с изображением фаллоса из палки и начинала бросаться на присутствующих женщин, как бы оплодотворяя их. Также танцевала, пила пиво и уходила. После приводили медведя, в большинстве случаев — везли на салазках, привязав за шею цепью, за которую держался хозяин. Присутствующие торговали медведя. Медведь также танцевал, пил пиво, потом хозяин увозил его. После всех этих представлений игрище заканчивалось. На другой день утром опять собирались, пили пиво и танцевали. Так, недели для свободного народного творчества открыты. Начинались вечера сказок, загадок и игр.

Что же означал данный праздник в представлениях марий-

цев? Несомненно, что это магический обряд плодородия. Для совершеннолетних девушек, варящих пиво, он означал, что они в течение года до следующего рождества должны выйти замуж, где будет так же весело (пиво, танцы, песни). Приход женщины «Марьи» с изображением фаллоса, означал, что девушки эти будут плодовиты. «Васли кува кугыза» — это культ предков, которые, как будто, находятся ближе к злым и добрым богам, вследствие чего лучше осведомлены о будущем урожае, о будущей счастливой жизни людей. Это остаток народной драмы, устраиваемой только на праздник Шортйол. А привод медведя, который сейчас уже изживается, являлся, может быть, остатком медвежьей свадьбы, как у гиляков, айнов и т. д.

Еще полвека тому назад в быту марийского народа существовало множество пережитков: религиозные обычаи, национальные праздники, остатки народной драмы и т. д. Пережитки еще не потеряли тогда своего первобытного блеска, не подверглись еще столь сильному влиянию русской, татарской и др. культур. В то время и стиль народной сказки у мари, тематика ее и приемы исполнения, образы героев были более динамичны, более определенны, понятны. По существу, персонажи народной драмы у мари были теми же героями сказок, образы которых чрезвычайно сходны с героями древней марийской сказки. Полвека тому назад сама сказка была более динамичной, т. е. действенной. Для марийца в прежнее время говорить сказку значило действовать или отрицательно или положительно на злых и добрых духов. Вот эти герои легенд-сказок, облик и имена которых даны самим народом, охраняющие дворовые постройки жилого дома (кудо-водыж), бани (моча кува) и пр., в рождественскую неделю входили в тесное общение с людским обществом. Люди их тешили, кормили блинами, поили пивом, а, с другой стороны, насмехались. Вся эта суматоха, сношения с невидимыми людьми (существами, которые всегда представляются в образе людей) происходила зимой, в рождество, а летом они забывались. То же явление отмечалось в прошлом у удмуртов.[1] Для того, чтобы летом они не могли притти, их ограждали умышленно, не упоминали их имен, над дверями сеней втыкали прутик можжевельника, на пол к порогу забивали подкову. Приведу маленький пример, характеризующий отношение крестьян ко времени представления драмы (в летний период) в Сернурском районе.

---

[1] «Судя по названиям сказок, — пишет собиратель удмуртских сказок, — «Вожо-Мать», — представляется возможным допустить мысль, что в древности святочные посиделки были посвящены «Вожо», и одним из обрядов культа «Вожо» в то время были рассказы разных фактов из деятельности «Вожо». Позднее к этим рассказам о «Вожо» примкнули рассказы о «Ву-мурте», «Нюлэс-мурте» и о разных других второстепенных божествах, об оборотнях и о кладах, а затем — и о разбойниках и т. д., до сказок из повседневной жизни обыкновенных смертных». Первухин, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Эскиз IV, Вятка, 1889, стр. 21.

7 июня 1918 г. из Уржума вернулся в деревню Дурмагашево демобилизованный красноармеец и предложил молодежи поставить одноактную пьесу в день праздника семик. Ставили, кажется, «Тулык ватын удыр» Конакова. Пьесу ставили в пожарном сарае. Народу собралось много. Открыли занавес. Увидев ряженых людей, говорящих не своим голосом, все старики и старухи демонстративно ушли домой. Пишущий эти строки, тогда еще мальчик, был избит своей бабушкой за участие в пьесе. Она говорила, что летом нельзя устраивать бесовские представления, для этого есть зима — рождество, высшие боги могут обозлиться за несвоевременное представление противных им существ, послать грозу, град, несчастье; я же, по ее мнению, как участник представления, мог бы остаться на всю жизнь тем, кого изображал в пьесе.

Этот пример свидетельствует лишь о сохранившемся еще в то время представлении о прошлом и веры в особую магическую силу слова, связанного с действием и ряжением, особенно у суеверных стариков. По представлениям суеверных стариков, человек, одевая маску или гримируясь, перестает быть настоящим человеком, переходит во враждебные существа или приближает их к себе. Стоит только этим старикам увидеть ряженых, как уже у них возникает представление о дурных последствиях, могущих возникнуть вследствие этих несвоевременных «шалостей». Вот, мол, высшие боги, хранители, прогневаются и пошлют несчастье.

Не будем заниматься здесь расшифровкой данных явлений, только попутно заметим, что все эти представления марийцев об оборотне, о тотеме, о культе предков, о магической силе обрядов, возникшие в процессе исторического развития народа, в немалой степени тормозили фольклорное творчество. С другой стороны, все эти представления о природе с развитием производительных сил еще более уточнялись народом. В противоречивой идеологической борьбе новые представления, возникшие на старой основе, переходили в высшую ступень. Все это способствовало появлению новых видов фольклора и конкретизации существующих жанров. Так отделилась сказка от драматического исполнения в особый вид фольклора, так отделилась песня от обрядовой основы.

Приводим здесь данные о двух явлениях природы, связанных с народным творчеством. Мы хотим показать, как противополагаются в представлениях мари зима и лето. Зимой, особенно в рождественскую неделю, можно делать что угодно: наряжаться в маску, представлять что-либо, рассказывать сказки, загадывать загадки. Летом же, по существующему правилу, все это категорически запрещено.[1]

---

[1] Этнограф и собиратель удмуртского фольклора Н. Г. Первухин в предисловии к своему четвертому эскизу пишет: «...знание сказок укрепляется и распространяется между вотяками единственно благодаря

После всего сказанного можно перейти к описанию моментов, связанных с бытованием сказки в марийском крестьянстве.

В рождественские вечера все население деревни обычно разделяется на четыре группы. В первой группе — молодежь, парни и девушки. Эта группа сразу отделяется и проводит вечера, играя в отдельной избе. Молодежь не пропускает ни одного вечера без сборища; в эту неделю разрешается играть в эротические игры (игры с целованием, с обниманием). Эта традиция в настоящее время уже заменяется новыми играми. Состав второй группы — женатые, пожилые и старики. Они играют в карты и порой настолько увлекаются, что способны проиграть с себя всю одежду. Третья группа — группа рассказчиков и слушателей сказок. Собирается эта группа в определенную избу по концам или по родам (тукым). Состав ее: пожилые женатые мужчины (женщины отдельно), старики и маленькие дети школьного возраста, которым не разрешается итти на игрища молодежи. Кроме того, собираются женщины для игр и бытовых рассказов из прошлого. Они играют в «слепого барана» (сокыр тага), занимаются отгадыванием загадок и пр.

В самой отдаленной от культурного центра деревне — Дурмагашева Сернурского района, где мне пришлось быть участником вечеров рассказывания, — одна группа собиралась в доме Федора Алексеевича Эшенбаева. Сам Эшенбаев не отличался от прочих решительно ничем: ни знанием сказок, ни знанием ремесел. Это не был человек бывалый (он даже не был на военной службе) и не знал грамоты. Правда, он занимался рыболовством на реке Немде и знал немало рыбацких приключений, «очевидец» русалок, водяных чертей, «вӱд ийа» и пр.. В обыденной жизни он был не очень разговорчив, но в хорошем настроении любил поболтать и давать смешные определения людям и домашним животным. В рождественский вечер, часов в семь, по одному, по двое к нему начинают собираться люди (иногда даже захватывают с собой керосин). Сперва идет деловой, житейский разговор, а потом начинаются шутки. Вдруг какой-нибудь весельчак-говорун отпустит какое-нибудь ироническое замечание по чьему-нибудь адресу. Поднимается громкий смех, а другой подхватывает его, и т. д. Начало вечера положено — дальше тема бесконечно развивается и конкретизируется, присутствующие постепенно переходят на сказочные темы. По этому поводу можно сделать определенный вывод: первое слово или сказка у сернурцев определяет всю тематику данного вечера. Если беседа началась с веселого, то весь репертуар идет веселый: про попов, про порочных людей,

---

зимним посиделкам, особенно на святках, когда рассказывание сказок и загадывание загадок составляет обязательную часть содержания вечера» (Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Эскиз IV, Вятка, 1889, стр. 21).

побывальщины. Если же вечер начат с нечистых духов, с таинственных видений на охоте, на реке, то в продолжение всего вечера идет речь только о них, и каждый старается рассказать что-нибудь пострашнее, чем другой. Нет сомнения, что на направление таких вечеров, где нет выдающегося мастера, сказочника, влияет состав присутствующих.

Стоило только к Федору Алексеевичу заявиться Егору Даниловичу или Михаилу Ивановичу, как сразу вечер принимал веселый характер. Они оба — бедняки, в деревне их называют «говорунами», к тому же их очень уважают; на их шутки соседи не обижаются. Как и все рассказчики бытовых сказок из мари, они в свое исполнение вносят элемент драматизма, без чего рассказ считается неинтересным. Если слушатель начнет дремать, то его ущипнут за нос, или заставят помогать исполнять роль героя сказки. Слушатели по нескольку раз заставляют пересказывать уже не раз слышанную сказку. Некоторые делают это действительно из интереса к сказке, к интересному рассказу, а некоторые — из желания посмеяться над самим сказочником, над его старанием, неуклюжими драматическими приемами. Первое бывает чаще всего. У мари есть любимые сказки, которые крестьяне готовы выслушать несколько раз, как мы посещаем наши любимые оперы. Выбор любимых тем марийского крестьянина зависит безусловно от его социальной природы, его взглядов и вкусов.

Сказки сказываются и на рождественских игрищах молодежи.[1] Для игр они выбирают дом крестьянина или караулку. Придя в избу, рассаживаются вокруг избы по лавкам, а освещение делают нарочно скудным, чтобы не стыдно было играть. Мною замечено, что до периода коллективизации в отдаленных от района деревнях играли в одну и ту же игру на протяжении вечера. Рассаживаются парами: парень и девушка. Один ходит с хлыстом и спрашивает: согласно ли живете? Если согласно, должны поцеловаться, если нет, — то нужно спросить другую. Бывает так, что красивые девушки только и бегают от одного к другому, а остальные сидят неподвижно. И вот эта пассивная часть парней и девушек группируется около лампы, поближе к столу, начинает заполнять время сказками, загадками и лирическими песнями. Сказки на молодежных игрищах отличны от беседных сказок, и по характеру исполнения, и даже по тематике. Тематика их ближе к детским сказкам про птиц, животных, про порочных женихов. Иной раз можно даже слышать настоящую чудесную сказку. Я слышал на одном игрище сказку про «медвежьего Макара» (маска Макар), «Хитрый работник», «Глупый жених» и т. д. Сказки, например, «О си-

[1] О бытовании сказки среди молодежи той же местности, о которой идет речь у меня, говорит Д. К. Зеленин: «...в Яранском и Уржумском уездах еще не так давно их рассказывали на посиделках и на «беседах», т. е. на вечерних собраниях молодежи...» Великорусские сказки Вятской губ., стр. XVIII, II, 1915.

ии чке», «О злой мачехе» и др. рассказываются вопросами
и ответами, вдвоем или втроем; они служат как бы прелюдией
к игре в молчанку, в выкуп.

Например: один — «Синичка, синичка, куда летишь?»

Синичка: «Лечу клевать конопляное зернышко».

Третий: «Оно в зубах застрянет».

Синичка: «Я дам кузнецу вытащить», и т. д[1].

Или сказка «Кто на свете всех сильнее»: один спрашивает участвующих по очереди. Оказывается, всех сильнее на свете мышка. Иногда — бабушка с ухватом.

Кроме всех этих вечеров, в отдельных крестьянских избах отцы или дедушки и бабушки учат своих маленьких детей и внучат детским сказкам и разгадыванию загадок. Почти все дети Сернурского района 3 — 5 лет знают сказку про трех козлят и серого волка, и стараются рассказывать ее жалобно, тягуче, нараспев.

Итак, рождественская неделя — это страдная пора сказывания сказок и загадывания загадок. Она проходит, и сказка замирает. После этой недели уже не устраивают специальных вечеров, жизнь деревни как бы входит в прежнее естественное русло. Редко-редко в какой-нибудь избе услышишь сказку, — она уже теряет свою актуальность святочной забавы.

Собиратель Иосиф Калинников, приводя наблюдения над жизнью сказки и Орловской губернии, замечает, что весной сказка возобновляется. Повидимому, данное явление характерно для жизни русской сказки, но в жизни марийской сказки мы можем констатировать диаметрально противоположное явление: марийцы Сернурского и Ронгинского районов весной, когда на полях показались первые пятна черной земли, просто на просто запрещают рассказывать сказку. Но зато все больше и больше начинает звучать песня. Песня более реальна, чем сказка. В песне обычно поется о переживаниях самого человека, а сказка повествует о потустороннем мире. Запрещая сказку весной, марией мыслит, примерно, следующим образом: весной пробуждается вся природа со всеми своими добрыми сторонами, наступает тяжелое время работы, борьба за существование. Рассказывая сказку, мы потешаем злых и добрых, телесно неощущаемых, но живущих такой же жизнью духов. Весной, когда духи также заняты делом, лучше их не тревожить. Надо не подпустить их близко к дому.

Выше мы установили, какими ограничениями сковывается жизнь сказки; в дальнейшем мы постараемся ответить на вопрос, где же наиболее полнокровно бытует и творится сказка. Мы говорили уже о судьбе сказки в зависимости, преимущественно, от времени, необходимо сказать о судьбе ее в зависимости от места. Прежде всего необходимо поставить вопрос — где больше всего бытует сказка.

---

[1] Генетц, см. № 9.

Марийцы Ронгинского и Моркинского районов уже с начала XIX в. стали подвергаться эксплоатации со стороны лесопромышленной буржуазии. Тяжелая и изнурительная работа по вырубке и сплаву леса, общие интересы трудового коллектива, противостоящего хозяину, разбили национальную ограниченность в сознании марийца. Они, работая на стороне, вырвали марийскую сказку из обряда. Новый образ жизни потребовал нарушения отживших правил. Не удивительно, что сернурцы этого не могли сделать, ибо они вплоть до Октябрьской революции жили почти в тех же условиях, в каких выросла сама сказка, т. е. в условиях патриархального земледелия. Несмотря на смежность районов — Сернурского и Моркинского — это два совершенно противоположных мирка в отношении всей марийской культуры. Если сказочная обрядность моркинцев вышла за пределы марийские, вследствие развития сказочного творчества и расширения сказочного репертуара за счет русской заимствованной сказки, то другие обряды, как например свадебный, сохранили у них свой первобытный консерватизм. У сернурцев в этом отношении наблюдается обратное явление: свадьба развилась ближе к русской.

В лесных районах сказка выполняет свою собственную роль — ту же, какую она выполняет втечение многих веков в русской среде: своей разнообразной тематикой она развлекает уставших рабочих, являясь своеобразной устной беллетристикой. Поэтому здесь заимствованных, книжных сказок больше, чем в Сернуре, ибо старый репертуар легендарных сказок совершенно перестал удовлетворять возросшие запросы лесных пролетариев. Такая завлекательная сказка никогда не отстает от моркинца, было бы время для рассказа, а такое время на лесных работах всегда находится. В Морках и Ронгах сказочники и все население в настоящее время считают, что сказки, заимствованные из книг, в виду свежести темы и классовой остроты, интереснее, чем марийские. Больше того, в Моркинском районе иногда какие-либо исторические романы и повести современных писателей, как например «Чапаев», начинают выдавать за сказки; об этом скажем ниже. Теперь на лесоразработках идет развитие сказочного творчества по двум направлениям: по увеличению репертуара неизвестными до сих пор новыми сюжетами и по линии усовершенствования техники преподнесения с помощью нахождения интересных путей и методов художественного рассказа.

Главным местом рассказывания таких сказок служит в лесных районах зимовка (лесная избушка-землянка), а с 1930 г. — каркасные бараки, затем бурлацкий шалаш — во время сплава леса по рекам, смолокуренный завод, изба пчельника, мельница и т. д. Из других случайных мест рассказа отметим помочи, постоянный извоз, сходки и пр., и пр. Перечисленными местами бытование и распространение сказки не исчерпывается, но тем не менее, именно, они являются особо характерными для лесных и прилесных мари.

Зимовка похожа снаружи на избушку баконщика на судоходных реках, немного больше размером и выше. Она строилась с расчетом на одну артель, примерно, на 15—20 человек. Окна маленькие в два бревна вышиной, по бокам общие нары, иногда без настоящей печки и пола. Для тепла ставились железные печурки или печка из камней «по черному», как в крестьянских банях. Обед готовится на воле тут же у зимовки. В старых зимовках всегда дымно, грязно, душно, но тепло, а это особенно ценилось продрогшими на работе рабочими. В таких условиях проводили свой отдых лесные рабочие у лесопромышленников. Надо сказать, что отдельные зимовки сохранились в марийских лесах почти до 1925 г. После Октябрьской революции на лесных промыслах стали строить просторные, светлые каркасные бараки. Досчатые бараки строятся теперь целыми поселками, около лесозаводов, железнодорожных станций, складов. В одном бараке вмещается больше 60 рабочих; здесь уже действительно можно отдохнуть. Прежде на лесные работы уходили целыми деревнями и на всю зиму забивались вглубь леса. Итти за низкую плату на тяжелую работу заставляла нужда. На плохо обработанной песчаной почве моркинцы снимали мизерный урожай и страдали от постоянного недостатка хлеба. Лесопромышленникам это как раз было на-руку. По окончании полевых работ лесопромышленники сколачивали артель преимущественно из мужчин. Женщин принимали лишь в том случае, если действительно некому было итти. Каждая деревня имела своего любимого сказочника. Несмотря на его физические качества (дряхлость или уродливость), артель брала его с собой с условием, чтобы он безотказно рассказывал сказки. Все исследованные мною сказочники в таких артелях пользовались большими преимуществами: их освобождали от тяжелой работы, награждали табаком, хлебом, гостинцами и т. д.

Вечером после работы вся артель около землянки варит ужин, чай; слышны шутки, смех и т. д. После ужина спать сразу не хочется, особенно здоровым и молодым. И вот начинают просить сказочника. Некоторые просят повторить вчерашнюю сказку, некоторые — что-нибудь поинтереснее. Если сказочник известен своим мастерством, то в его землянку нарочно идут послушать из соседней артели; иногда версты за 4—5. Рассаживаются по своим местам, а сказочника усаживают на середину, около горящей лучины. Иногда, впрочем, рассказ ведется в темноте, когда все уже лежат на своих постелях. В темноте и в жаре слушатели скоро засыпают; сказочник, обрывая рассказ, спрашивает: кто не спит? Если ответа нет, то он и сам укладывается и засыпает. Чаще всего бывает, что слушатели заранее готовят лучину и жгут ее во время рассказа. Тематическое направление вечера и интерес слушателей зависят целиком от личности сказочника. Заинтересованный в том, чтобы сказка понравилась слушателям, сказочник старается поинтереснее преподнести рассказ, а, главное, иметь

как можно больший запас сказок с фантастическим содержанием. Такие сказочники, как Богданов, Тупинов, Соловьев, Потапов, не пропустят ни одного случая сходить на толкучку во время поездок в Казань и купить там отдельную сказку или роман, или сборник сказок. Здесь уже проявляется интерес к сказке, не только личный, но и профессиональный: сказочнику необходимо удовлетворять запросы слушателей и обновлять свой репертуар.

Моркинский сказочник Богданов из д. Кожлаер говорит, что любую сказку можно сделать интересной, если ее говорить выразительно. Он часто говорил в зимовке свои сказки и однажды, когда закончил сказку про «Бову-королевича», один, уже пожилой, слушатель под сильным воздействием сказки сказал: «А хочешь, я лошадь отдам за твою прекрасную сказку». Этот отзыв был для него дороже денег, и он этим очень гордился.

Не только Богданов, — все мои моркинские и ронгинские сказочники рассказывали в зимовке и, подготовляясь к сказыванию, обрабатывали свои сказки соответственно запросам слушателей-лесорубов.

Выше я назвал зимовку местом распространения сказок. Это утверждение вполне соответствует действительности. На лесные разработки и прежде шли, как на верный заработок, крестьяне, не имевшие ремесла. Сейчас же, когда эти лесоразработки стали государственным предприятием, туда попадают крестьяне всех районов республики, и вечерами присутствуют при рассказывании сказок в бараках. Вместе с этим замечается ломка традиций, связанных с временем сказывания, так как культурное развитие колхозного крестьянства мари возросло до такой степени, что они уже, находясь на лесоразработках, в рабочей обстановке, не признают никаких предрассудков, связанных с рассказыванием народных сказок. Притом в зимовке, вернее — вообще на стороне, далеко от деревни, от собственного дома крестьянина, по представлениям марийцев, можно рассказывать, что угодно и когда угодно.

Для бурлаков из районов Ронги, Мари-Турек, Морки и Звенигова традиции рассказывать сказки только зимой давно не существует. Сплавные работы начинаются сразу после того, как река освободится от льда; значит, снега на пне уже не будет. Марийцы названных районов давно занимаются сплавом леса, собираются в артель, уходят на месяц, на два, не возвращаются до тех пор, пока не сплавят партию леса (подряд) до Волги, а потом по Волге. И конечно, находясь такой долгий промежуток времени далеко от дома, все время в движении по берегу и по воде, сплавщики могут удовлетворять свои художественные потребности только песней и сказкой. Сплавщики-марийцы особенно любят сказку, но особенных, так называемых бурлацких, сказок или случаев переделки, как это обнаружил Д. К. Зеленин («Вятские сказки», стр. XXVIII), мне установить не пришлось. Когда сколачивается бурлацкая артель,

в нее обязательно включаются гармонист и сказочник. Бурлаки берут сказочника, даже если он отличается неловкостью и физическими недостатками, только бы он был хорошим сказочником. Зачастую сказочника-старика не заставляют работать: он ходит по берегу и смотрит за вещами, готовит обед и т. д. Молодой сказочник, Михаил Иванов, говоря о своем отце, сказал: «Моего отца всегда брали в бурлацкую артель и не заставляли работать. Однажды даже, во время сильного затора на реке Илеть, он не заходил в воду благодаря тому, что был сказочник». А затор очень трудно прекратить, особенно на быстроходных реках, как Илеть, и в таких случаях работает вся артель, от мала до велика. Не только этот знаменитый сказочник, Иван Данилович Иванов, пользовался такими привилегиями на сплаве, — поголовно все сказочники из Морков, которых я знал, находились в том же привилегированном положении.

Не останавливаясь на обстановке рассказывания, отмечу, как общее явление, что в бурлацких шалашах рассказываются все сказки, начиная от фантастических до самых непристойных. На сплаве сказочник говорит то, что нравится слушателям. Он уже, как я сказал, гораздо меньше связан традицией.

Смолокуренный завод также является постоянным местом сказывания сказок. На этих заводах, по устройству очень примитивных, перегоняли сосну на смолу, бересту — на скипидар. При каждом заводе имелась избушка, куда можно было зайти погреться, выпить чайку и т. д. Большею частью они строились около больших и малых дорог, так что ежедневно там могли быть посетители, могли останавливаться проезжие, прохожие, рыболовы, охотники, сборщики ягод и грибов. Артель на одном заводе может доходить до 10 человек, постоянно же там находится не больше 4—5 человек для того, чтобы справиться с процессом зарядки и разрядки котла. После зарядки котла люди свободны. Зимой они заходят в избу, а летом — на вольном воздухе начинают беседовать и по нескольку раз пересказывают свои сказки. Эта беседа еще более оживляется, если туда явится посторонний человек. Нередко таким посетителем является лесничий, обычно знаток и любитель сказок. Здесь раньше бывали сборщики лыка, дравшие его для себя тайком от лесничего. Иногда крестьяне, уличенные в порубке лип для лыка или строительного материала, вместо денежного штрафа рассказывали лесничему сказку. Мои сказочники — Тупинов, Яранцев, Потапов, Филиппов, Богданов — работали на этих заводах по 2 года и даже по 5 лет в качестве членов артелей и там рассказывали сказки. В главе о сказочниках мы приводим рассказ Соловьева, как сказка помогла ему увести 2 воза лыка (см. отдел о Соловьеве).

Кроме мест, связанных с лесным производством, необходимо указать еще пасеку-пчельник. Пчеловодство в Моркинском районе сильно развито: почти каждый колхоз имеет

от одного до пяти пасек с количеством ульев от 40 до 50 и больше. Кроме специалистов-пчеловодов, на пасеке бывают караульщики пчел, обычно — по два человека. На эту работу выделяются нетрудоспособные — старики и подростки. Эти-то старики-караульщики почти всегда бывают хорошими сказочниками, а подростки учатся у них. Мой молодой сказочник Михаил Иванов из деревни Шаныш-тюр работает на пчельнике и говорил мне, что он не пропускает ни одного случая, чтобы не рассказать захожему человеку хотя бы одну сказку. Молодой сказитель, чтобы стать авторитетным сказочником, должен научиться говорить сказку по вкусу слушателей.

Из общественных мест бытования сказок нужно сказать несколько слов о мельницах. Тут опять мы вынуждены говорить отдельно о Сернуре, о Ронге, о Морках. По Сернурскому району протекает много рек, а потому там больше водяных мельниц. Хозяевами этих мельниц до революции по большей части были русские кулаки, частично марийские; мололи же в них все — и русские, и марийцы, и татары. Из-за бедности вообще сказок у мари в Вятском крае на мельнице редко рассказывались сказки. Общеевропейских сюжетов у сернурцев не было, а марийская сказка здесь не имела почвы потому, что состав аудитории был разнороден по национальности. Сернурец никогда не рассказывал русскому свои национальные сказки, а ронгинские сказочники считали и считают большим достижением рассказать сказку среди русских и по русски. Сернурцы не рассказывали русским своих сказок по очень простой причине: русские крестьяне под влиянием духовенства при царизме отрицательно относились не только к марийской сказке, но и ко всей культуре мари вообще. А сказка сернурца почти всегда связана с их верованиями, где героями являются сами марийцы. Тут мы можем констатировать факт национальной розни, выступающей под флагом религии: христианства и язычества. Правда, бывают случаи, когда все помольцы — русские и марийцы — рассказывают сообща сказки, но тем не менее, если за труды приходилось пропускать без очереди сказочника, то очередь уступали только лучшему из лучших. После революции, когда эти мельницы стали содержаться артелями, марийская сказка все больше и чаще слышится в беседах помольцев, уже в совместном кругу с русскими.

В Ронгах наблюдается совершенно другая картина — там преобладают ветряные мельницы, а за крупным помолом едут на реки Шукшан и Немду, верст за 40. Народу обычно скапливается очень много, проводят по 3—4 суток в ожидании очереди. Здесь я встретил крупных знатоков европейских сюжетов, прекрасно владеющих русским языком. Сказочник Тупинов, Игнатий Иванович, рассказал интересную историю о том, как он отвоевывал очередь. Оказывается, помольцы его хорошо знали. Узнав о его прибытии, в амбаре сейчас же собрались люди, расселись на мешках и предложили за

хорошую сказку уступить ему очередь. Бывали трудные моменты, когда сразу съезжались по 2—3 сказочника вместе. Тут уж устраивались споры, вернее — соревнование на лучшую сказку. Тупинов рассказал мне историю, как однажды ему пришлось оспаривать двух сказочников — одного русского, другого марийца — Соловьева. Сначала он победил русского; Соловьев же оказался сильным конкурентом. Слушатели предложили им рассказать еще по одной сказке. Тупинов рассказал сказку о Василии охотнике, а Соловьев — как мужик украл сало. Слушатели, как нарочно, не признавали победу ни за кем. Они оба выразили недовольство и Тупинову предложили кинуть жребий. Жребий выпал ему, но и Соловьева пропустили из уважения вне очереди. Соловьев, Константин Степанович, живущий в 10 верстах от Тупинова, подтвердил мне этот рассказ.

О том, какое общественное значение имели сказки у мари и каким уважением пользовались сказочники, свидетельствуют следующие факты. Моркинские сказочники нередко рассказывали о выгодном использовании своих сказок в общественных местах. Богданов, Филиппов, Потапов, Пуравьев часто пользовались за свои сказки помолом вне очереди. Сказочник Михаил Иванов рассказал о своем отце: «Мой отец всегда молол без очереди, благодаря умению рассказывать сказки». Наименее популярные сказочники прежде чем приступить к рассказу, заранее уславливаются об очереди; если соглашение достигнуто, получивший первую очередь начинает сказку. На мельнице сказка исполняется более свободно, художественнее, так как здесь сильнее конкуренция и больше материальная заинтересованность. Кроме того, в амбаре мельницы или в мельничной избе разрешается свистать и кричать сколько угодно, чего нельзя делать нигде, особенно в избе крестьянина. Хороший сказочник производит очень сильный эффект на слушателей. Они невольно оживляются, моментами хлопают в ладоши, смеются во все горло. Сказка живет полнокровнее там, где, как на мельнице, нет никаких преград свободному рассказыванию или драматическому исполнению (выкрики, посвистывания и пр.).

Моркинский сказочник Матвей Филиппов (деревня Шэныштюр) рассказал мне, как он однажды до революции попал в тюрьму и как он целую неделю кормился сказками, так как у него из дому некому было принести хлеба, да и дома-то у него ничего не было. «Я, — говорит он, — с утра до вечера рассказывал сказки за кусок хлеба от арестантов, которым носили родные. К концу недели у меня запас сказок стал истощаться, и потому мне пришлось на ходу выдумывать разные смешные истории».

Кроме этих фактов о месте и времени бытования марийской сказки, нужно сказать еще о помочах по вывозке навоза в июне месяце, на которых рассказываются исключительно бытовые рассказы, смешные шаржи на знакомых людей. Сказки

рассказывают также во время кладки печей, во время перевозок, т. е. рассказывают почти всюду, где есть скопление людей и где идет коллективная работа. Сказки рассказывают, чтобы работа шла дружней, веселей. И на этих сборищах рассказчики —обычно те же люди, которые зимой рассказывают дома.

Всем известным мне крупным сказочникам случалось рассказывать сказки по пути в Казань, когда едут с грузом целым обозом. На обратном пути обычно читают книжные сказки, купленные на толкучке. Извоз, появившийся вследствие развертывания торговых связей с марийской деревней, с крупными городами Казанью, Вяткой и др., как особое предприятие, сыграл крупную роль в развитии сказочного творчества среди мари.

Итак, марийская сказка в целом, включая сюда и русские и международные сюжеты, получает более широкое распространение с проникновением торгового, а затем лесопромышленного капитала в марийский край. Русская фантастическая сказка первоначально прививается у мари там, где раньше всего начинает оказывать свое разрушающее влияние на натуральное хозяйство капиталистический способ производства. Местом, ку, раньше всего проник торговый и промышленный капита были лесные и прилесные районы: Морки, М. Турек, Звени гово, Ронги, Йошкар-Ола, Оршанка. Через эти районы проникала в марийский фольклор, по преимуществу, русская сказка. Главными условиями, способствовавшими заимствованию сказок от русских, были: частая совместная работа марийцев с русскими в лесу (лесоразработки, сплав, смолокурение), развитие ремесленничества и отхожих промыслов, торговые связи с городами (массовый извоз). В сельскохозяйственные районы Сернур, Гор'ял русская сказка проникала в значительной степени через военную службу в царской армии, через отхожие промыслы, частично — через извоз. Но в этих районах, в силу прочно сохранившихся пережитков патриархальной культуры, покоящихся на отсталом земледелии, русская сказка не смогла получить столь широкого развития, как в лесных районах.

Традиционным временем рассказывания сказок являлась зима (рождественская неделя), иначе говоря — рассказывать сказки можно только тогда, когда «на пенек ляжет снег». В лесных же районах специфические условия работы — долгое пребывание в лесу, в зимовке, на сплаве весной и т. д.— разрушили эту традицию. Колхозное крестьянство и лесные рабочие активно переделывают содержание самой сказки, освобождая ее от религиозных мотивов, от остатков культового исполнения. Вследствие этого сказки становятся важным фактором художественного развития трудящегося крестьянства. Сказочник, учитывая новые запросы колхозников, заинтересован в том, чтобы преподнести сказку в более интересной форме для новой аудитории, уже не считаясь ни с какой традицией, изменяя ее традиционный состав, структуру, язык и образы.

Место сказывания было тесно связано с временем, и еще до сих пор в некоторых земледельческих районах остался в силе обычай говорить сказку в избе только зимой. Это старое правило держится среди отсталой части марийского крестьянства на том основании, что, мол, нарушение его может оказать отрицательное действие на урожай хлебов, на приплод скота, на судьбу самого хозяина дома, в котором рассказывается сказка. До колхозного периода никакие сказки не разрешалось говорить в избе летом, но сейчас, при коллективном труде, при меняющейся психологии марийского крестьянства, это зачастую нарушается, и сказка все больше и больше входит в быт колхозника в любое время года.

3. О СЮЖЕТАХ МАРИЙСКИХ СКАЗОК

Марийский народ за свою многовековую историю создал и накопил в своей памяти громадное количество разнообразнейших по форме и содержанию памятников фольклора. Фольклорное творчество мари шло по двум основным направлениям: устная поэзия в виде песен и устная проза в виде сказок, преданий, легенд, причем последняя форма очень крепко была связана с первой, что ясно видно по ранним записям сказок.

Древняя марийская сказка была ритмизована и имела стихотворную форму, о чем мы подробно скажем ниже. Сказка в устно-поэтическом творчестве марийцев заняла одно из наиболее выдающихся мест. Она богата количественно, богата разнообразием сюжетов и их вариациями. Это богатство устно-поэтической традиции мари является ярким доказательством поэтической и музыкальной их одаренности. Кроме того, оно доказывает жизнеспособность угнетавшегося царизмом народа и его культуры. В каждом устном произведении — в сказке ли, в песне ли — красной нитью проходит социальный протест против угнетения со стороны ставленников самодержавия, временами — отчаяние, временами же — надежды на будущее. Сейчас, при советской власти, в нашей свободной, цветущей стране марийский народ творит иные произведения, вкладывая в них радостное чувство, и создает высокохудожественные образцы фольклора. Здесь уместно вспомнить замечательную формулу К. Маркса, вполне приложимую к советской действительности: «люди, развивающие свое материальное производство и свое материальное общение, изменяют вместе с данной действительностью также свое мышление и продукты своего мышления».[1]

---

[1] Маркс и Энгельс. Немецкая идеология, Партиздат, 1934, стр. 16—17.

Марийская сказка представлена в записях еще довольно бедно. Как указывал Владимир Ильич Ленин по поводу изучения фольклора вообще, для этой работы «нехватало, очевидно, рук или желания...»[1] Но из тех 240 записей, которые сейчас имеются, видно, что сказочный материал очень интересен и разнообразен по стилю, по композиции, даже по социальной направленности каждого отдельного варианта. Иначе не могло и быть, ибо марийский народ, хотя и сравнительно малочислен, но живет довольно разнообразной и интенсивной жизнью. Он имеет у себя исторически сложившиеся племенные группы, творчество которых резко отличается друг от друга. В творчестве мари можно наблюдать следующую закономерность: разнообразие вариантов сказки по форме и содержанию соответствует количеству исторически сложившихся этнических групп народа. Исторические передвижения народа, особенно усилившиеся с началом колонизации Марийского края, разбили народ на ряд этнических групп, диалектов, даже языков. Марийский народ имеет два языка: лугово-восточный и горно-марийский и ряд диалектов, в фольклоре которых мы имеем значительные особенности. Интересно, что марийский народ имеет пять типов одежды, и этим пяти основным типам одежды довольно точно соответствуют и языковые подразделения: границы распространения каждого типа одежды почти соответствуют границам пяти марийских диалектов. Мало этого: пять этнических групп различаются также и в фольклоре, как в устном, так и музыкальном. Каждая группа имеет у себя ведущие формы хозяйственной деятельности. Например, горные мари занимаются, кроме земледелия, садоводством, живут в тесном соприкосновении с чувашским народом, находясь с ним в экономическом и культурном взаимовлиянии. Йошкар-олинские мари занимаются земледелием и лесным промыслом и живут в тесном соприкосновении с русскими, что отразилось в их языке и в фольклоре. Моркинские мари занимались, главным образом, лесным делом и жили в тесном соприкосновении с татарами, культура которых оказала на них значительное влияние. Сернурские мари занимались исключительно земледелием; они подверглись в меньшей степени влиянию со стороны соседних народов (русские, татары, чуваши и пр.). Восточные марийцы, живущие в нынешней Удмуртской, Татарской и Башкирской республиках, испытали сильное культурно-экономическое влияние удмуртов, татар и башкир.

Фольклор мари собран лишь в незначительной части и почти не изучен. Это чрезвычайно затрудняет нашу задачу. Легче всего, пожалуй, установить пути проникновения русских и международных сюжетов к мари, так как процесс этот начался сравнительно недавно. Сюжеты русские и европейские хорошо изу-

---

[1] В. Бонч-Бруевич, «Ленин о поэзии», «На литературном посту» 1931 г., № 4.

чены, да и наличие сборников, указателей и пр. значительно облегчает дело. Однако, когда мы обращаемся к собственно марийским сюжетам или заимствованным, но давно бытующим у мари, то здесь мы встречаемся со значительными затруднениями. Марийские сюжеты трудно прикрепить к какому-либо номеру указателя Аарне-Андреева, так как указатель последнего составлен на материалах русских сказок, а Аарне при составлении своего указателя положил в основу западноевропейские сюжеты. Сам автор указателя, говоря «чем дальше, тем больше должно становиться различий»,[1] признает трудность пользования им для систематизации сказок отдельных национальностей нашей страны. Прикреплять же сказки к номеру указателя по каким-нибудь отдельным мотивам в ущерб социальному замыслу — нельзя, так как таким способом мы затушуем специфическую творческую направленность фольклора любого народа. Для систематизации фольклорного материала необходим указатель для каждой народности отдельно. Только когда будет упорядочен материал по отдельным народностям, станет возможным приступить к изучению сюжетов в более широком масштабе. А пока, ориентируясь только на указатели, составленные по системе Аарне, можно допустить очень большие ошибки.

В русской и западноевропейской фольклористике весь сказочный материал делится на три основные разряда: 1) животный эпос, 2) собственно сказки, куда входят волшебные, легендарные, новеллистические и 3) анекдоты. Внутри каждого разряда или темы имеются группы и «гнезда». Хотя деление это очень условно, однако деление на мелкие «гнезда» несколько облегчает работу.

Надо прямо сказать, что если бы не было современных записей марийских сказок, в которых уже встречаются русские и общеевропейские сюжеты, то с указателем Аарне-Андреева нечего было бы и делать, настолько отличны и обособлены марийские сюжеты. Между сюжетами, записанными в конце XIX в., и современными имеется громадное различие. Сказка, бытующая в современной марийской деревне, преимущественно заимствована через русских сказочников. Древняя же марийская сказка — легендарная и легендарно-анекдотическая — вполне самобытна и не сходна с русской и с западноевропейской.

На сегодняшний день известно всего 248 марийских сказок разных категорий, вместе с неоднократно повторяющимися вариантами. В это число не входят отдельные вводные сюжеты. Некоторые из этих вводных сюжетов бытуют самостоятельно, хотя и не записаны, а некоторые, видимо, уже перестали бытовать отдельно. Наблюдение это относится и к заимствованным сказкам. Для ясного представления о направлении сказочного творчества трех посещенных мною районов луговых мари,

---

[1] Н. Андреев. К обзору русских сказочных сюжетов. Художественный фольклор, II—III, М., 1927.

в нижеследующей таблице дается классификация записанных сюжетов и сюжетов, уже ранее изданных.

№№ п/п	Название районов и изданий	Животные сказки	Собственно сказки				Анекдоты		Марийские предания и легенды	Всего №№
			Волшебные	Легендарные	Новеллистические	О глупом чорте	Разные	О попах		
	Ронгинскай район									
1	Тупинов	—	14	—	1	—	4	2	—	21
2	Ведерников	—	2	—	3	1	2	2	—	10
3	Яранцев	—	5	—	1	1	—	—	—	7
4	Соловьев	(1)	6	—	—	—	1	—	—	7
			27	—	5	2	7	4	—	45
	Сернурский район									
1	5 сказочников	—	5	4	—	—	6	—	4	19
	Моркинский район									
1	7 сказочников	2	19	3	3	1	7	4	4	43
	В изданных сборниках									
1	Genetz	9	5	—	—	—	1	—	5	20
2	Porkka	4	1	—	—	—	2	—	3	10
3	Ramstedt	1	2	—	—	—	2	—	4	9
4	Lewy	2	2	5	5	—	17	3	26	60
5	Wichmann	3	—	2	—	—	—	—	4	9
6	(Васильев)	8	1	—	1	—	6	—	4	20
	М. Ф. Календарь за 1909+1910 гг.	2	1	—	1	—	5	—	2	11
7	У Вии № 11—12 за 1935 г.	—	2	—	—	—	—	—	—	2
		31	64	14	15	3	54	11	56	248

Сюжеты животных сказок. Почти все 31 вариант животного эпоса записаны до 1935 г., 9 номеров из них падает на записи Генетца, сделанные еще в 1887 г. Мне же удалось зарегистрировать только два сюжета от семидесятидвухлетней моркинской сказочницы марийки Татьяны Анисимовой, и один сюжет — «Мышка и воробей» (Андр. № 222) — записан от Соловьева, как завязка сказки «Роковой подарок». Возможно, что такие результаты получились от того, что я, главным образом, ориентировался на более популярных мастеров-сказочников. Так или иначе, это положение совершенно не противоречит нашему заключению, что животный эпос был популярен среди мари до революции, вернее — до гражданской войны, что знатоками его были преимущественно женщины и старики, рассказывавшие его детям. Между тем, современные выдающиеся сказочники предпочитают рассказывать для взрослой аудитории — для рабочих артелей, лесорубов, помольцев и т. д. Современные знатоки волшебных сюжетов почти совсем не знают животных сказок. Об этом свидетельствуют

собранные мною материалы. Материалы же прежних собирателей показывают, что у мари не было раньше выдающихся сказочников-мастеров длинных волшебных сказок, а были лишь рассказчики-певцы легенд, преданий и животных сказок. Сам животный эпос был соединен с древними легендами и преданиями и предназначался не только для детей, но и для взрослых. С проникновением волшебной сказки происходит и смена функции животной сказки. Такое перемещение стало происходить параллельно росту потребностей, появившихся у мари в связи с расширением сфер производственной деятельности крестьянских масс. Древне-марийский животный эпос, связанный с верованиями мари, с культом животных, с охотой, оттесняется на задний план волшебной международной сказкой. Животный эпос становится главным репертуаром хранителей старины и бабушек, развлекающих внучат. Это перемещение функции произошло почти на наших глазах. Материальные основы для бытования среди взрослых сказок о животных и сказок мифологических исчезли совсем недавно.

Из 26 записанных сказок — 17 представляют собою отдельные самостоятельные сюжеты, без вариантов, 14 сказок являются вариантами 6 сюжетов, 2 сюжета имеют по 3 варианта, остальные 4 сюжета — по 2. Наличие в записях по 2—3 варианта отдельных сюжетов является ярким доказательством большой популярности и устойчивости традиционного стиля сказок о животных. Этой устойчивости сюжетов, повидимому, способствовала песенно-ритмическая форма изложения.

В процентном отношении сказок о животных у мари больше 10%, тоже мы имеем и в русском сказочном материале. Если же пользоваться только моими записями, то животные сказки представляют немногим больше 1% (на 107 сказок — 3 сюжета). В прежних же записях на животный эпос падает одна треть (из 72 сказок — 24). Если брать отдельно сборник Генетца (самый ранний сборник), то там сказок о животных 46%, из 20 сказок — 9).

К наиболее популярным сказкам о животных относятся:

1) Сказка о белой кобыле — «Оп вулӧ» (сходна с русской сказкой «За скалочку гусочку»). Этот сюжет имеет три записанных варианта. Сказка распространена по всем районам, ее можно слышать в каждой деревне, в каждом доме. Песня мужика имеет оригинальную мелодию.

2) Сказка о сове. К сове повадилась ходить лиса и, страшая, выпрашивает и поедает детенышей. На выручку к сове прилетает сорока. Она объясняет сове, что лиса не может ни залезть к ней, ни свалить гнезда. Лиса ловит сороку, но у лисы остается только три перышка от хвоста последней: сорока улетает. В этой сказке сорока впервые представлена доброй и благожелательной; вообще же в народных представлениях сорока—очень хитрая, недобрая птица и предвестница несчастья, как и коршун. В сказку включена песня с оригинальной мелодией. Лиса поет.

Тумна, тум-тум!
Сова, тум-тум!
Ик игэтым кудалтэ тум-тум;
Брось одного детеныша, тум-тум:
Кӱзэнат кочкам тум-тум;
Поднимусь — съем, тум-тум;
Волэнат кочкам тум-тум;
Спущусь — съем, тум-тум;
Рӱзэнат кочкам, тум-тум;
Срублю — съем, тум-тум;
Ик игатым кудалтэ, тум-тум!
Брось одного детеныша, тум-тум!

Сорока поет под лисой:

Шинча койат койэш шогырдок,
Видать, сало глаз (твоих) шогырдок,
Кутан койат койэш шогырдок.
Видать, сало с зада (твоего) шогырдок.

3) Сказка о синичке. Очень древний вид стихотворной вопросо-ответной сказки. Записано два варианта. Распространена повсеместно.

4) Сказка о козе и трех козлятах пользуется большой популярностью. В сказке песня козы с оригинальной протяжной мелодией.

5) Сказка о зайце, узнающем, кто сильнее на свете; сильнее, оказалась, бабушка. Записано 4 варианта, без больших отклонений в композиции.

6) Отчасти к этой же категории можно отнести и волшебную сказку о лебеди. Поймали лебедицу на овсе, обожгли перья, она стала девушкой. Оказывается, что она была дочерью лебедей. Три раза девушка спускается по воду, лебеди оставляют ей свои перья; девушка снова становится лебедем и улетает. Имеется вопросно-ответная песня. Лебеди поют:

Йӱксын ӱдыр иӱксанче,
Дочь лебедя, лебедиха,
Ават ачат кӱштыш!
Мать с отцом зовут!

Дочь лебедей — молодая девушка — отвечает песней:

Кожан эрге кождэмыр
Сын елки, кождэмыр,
Кож дул дэнэ йулалтышэ
Ожег огнем от елки
Мом дэнэ мийэм.
С чем я полечу.

Из популярных сюжетов сказок о животных нужно отметить еще сказку «Московский бурмистр», вошедшую в репертуар марийской сказочницы, повидимому, через книгу, как детская сказка. Сказка представляет собою вариант русской сказки о коте и диких животных (Андр. № 103). Сюжет: волк ловит рыбу у проруби, а лиса крадет рыбу с воза. Сказка эта тоже

пользуется повсеместно большой популярностью. Можно было бы указать еще на ряд сюжетов, но и перечисленных вполне достаточно: на наш взгляд, они дают более или менее полную характеристику наиболее распространенных сюжетов сказок о животных.

Действующих лиц в сказках о животных очень много, причем в одной и той же сказке могут принимать участие и дикие звери, и домашние животные, что в русской сказке встречается довольно редко. В отношении разнохарактерности животных, участвующих в одной сказке можно указать на первую сказку из сборника Генетца. В ней участвуют: мыши, бык, собака, коршун. Из птиц часто встречаются: синичка, ворона, лебедь, гусь, курица, сова; из зверей: лиса, заяц, медведь, волк, лось. В качестве злых зверей выступают: ворона, сорока, коршун; из домашних животных: баран, корова, бык, лошадь, собака, кошка, кот. Отличается марийская сказка о животных от русской отсутствием обычных определений в роде: «лисичка-сестричка», «лиса Патрикеевна», «волк — серый дурак», «Михаил Иванович», «зайка-плутайка», «кот баюн», «коза-дереза». Только в одном сюжете кот определен, как «московский бурмистр», так как сама сказка (как уже отмечено выше) проникла из русской среды, как детская. Вместо подобных эпитетов, наделяющих животных человеческими чертами, марийская сказка пользуется звукоподражательными словами, которые характеризуют животное или птицу, злое оно или не злое. По звуку, издаваемому животным, дается понятие о его настроении и часто — намерениях. Эти звуки очень близки к реальным звукам, издаваемым животными. Например, синичка — «чий-чий», сорока — «шогырдок», сова — «тум-тум». В подобных звукоподражаниях большую роль играют законы древнемарийского стихосложения: алитерация, игра слов, игра звуков. «Шогэртэн шогырдок», «тумна-тумтум», «кожан эргэ кождэмыр» и т. д.

Композиция и стиль марийской сказки о животных не отличаются особенным богатством, широкими психологическими характеристиками или пейзажами. Она строится, как и русская сказка этого типа, посредством повторения одного и того же мотива, эпизода и в большинстве случаев состоит из одной встречи, из выполнения одной задачи. В редких случаях, особенно в марийских сюжетах с вопросно-ответным ритмизованным строем, сказка начинается с одного незначительного вопроса, на который дается ответный вопрос (вопрос парируется вопросом). Вопросы продолжаются до тех пор, пока то или иное участвующее животное не получит окончательного ответа или не подвергнется наказанию за свою глупость. Типичной сказкой этого рода является первая сказка в сборнике Генетца. Содержание сказки таково: женщина, идя по воду, оставляет ребенка одного; в качестве игрушки привязывает колокольчик. Мышка перекусывает веревку. «Почему перекусила?» — спрашивает женщина. Ответ: «Зачем положили бревно,

зачем вырастили крапиву?» Корова ест крапиву — «зачем?» Ответ: «Зачем женщина не дает корове сена?» Бабка поднялась за сеном на сеновал, собачка утащила оставленные ею рукавички. «Зачем?» Ответ: «Зачем оставила здесь». Коршун спрашивает у лебедя: «Зачем не идешь за меня замуж?» — «Я белая, а ты черный, зачем выйду я за тебя!»

Такая же композиция сказки Генетца № 2 — «О зайце». Заяц обращается с вопросом — кто сильнее: к солнцу, к ветру; к туче; в конце концов прибегает к бабушке, которая показала зайцу свою силу, ударив его сковородником. От того у зайца почернели кончики ушей.

В качестве примера можно указать также на типичную животную сказку о синичке (Генетц № 9). Такие сказки, как «Синичка», исполняются вдвоем; один задает вопрос, другой отвечает. В современном исполнении первым бывает няня или бабушка, а отвечающим — ребенок.

Как русским, так и марийским сказкам о животных свойственна диалогическая и песенно-стихотворная форма изложения. Но марийская сказка несколько в большей степени выделяется своей песенной формой: нет почти ни одного сюжета без песни, а ряд сюжетов состоит целиком из песен. Песни в сказках играют роль «общих мест». Не только сказки о животных пользуются песней, но и волшебные сказки и легенды-предания. Интересно отметить, что каждая песня в сказке имеет свою собственную оригинальную мелодию. Возникает вопрос — не являлась ли сказка со включением в нее песенного исполнения единственным видом фольклорного творчества мари, кроме обрядовых песен? Во всяком случае из предварительного изучения сказочного материала мари становится ясным, что изучение истории марийской поэзии и марийской музыки надо начинать со сказок с песенным исполнением.

Сюжеты волшебных сказок. Записями 1935—1936 гг. марийский материал сказки обогатился еще 50 вариантами волшебных сказок. До настоящего времени сюжеты сказок этой группы были представлены очень бедно. Иностранные ученые-языковеды, собиравшие произведения марийского фольклора, не записали очень многих сюжетов волшебных сказок, потому что считали их русскими. Многих сюжетов еще не было в репертуаре марийских сказочников: они вошли в марийскую среду только после двух войн: японской и гражданской.

Позднейшие собиратели — Васильев и Вихман — также не записывали подобных сказок, считая эти сюжеты принадлежащими исключительно русской сказке. Нами при собирании не делалось никакого отбора в репертуаре сказочников. Мы стремились записать все, что знает сказочник. В результате, из 107 записей 50 падает на волшебные сказки. Собранные ныне сказки (почти все) имеют сходство с международными сюжетами,

в то время как прежние записи имели с ними очень отдаленное сходство.

В сборнике Генетца из 20 записей на волшебные сказки падает 5 (25%), у Поркка из 10 записей — 1 (10%), у Рамстедта из 11 записей — 2 (20%), у Васильева из 20 сказок—1 (5%). Всего на 73 сказки — 12 волшебных. Из этих 12 номеров сходны хотя бы только в некоторой степени с русскими вариантами только 2: 1) «Притворная болезнь» Генетц № 10) и 2) «Три царства» (Генетц № 8). Остальные 10 номеров причислены по содержанию к сюжетам волшебной сказки. Некоторые номера содержат сходные мотивы с номером в указателе, а некоторые являются совершенно новыми марийскими сюжетами, причисленными условно. Таким образом всего из 171 сказки 62 относятся к волшебным сказкам. Вместе с легендарными (7 сюжетов), новеллистическими (10 сюжетов) и сказками о глупом чорте (3 сюжета) это составляет 82 сказки.

К наиболее популярным сюжетам волшебных сказок, бытующих у мари, относятся: 1) освобождение царевен («Брат и сестра») — три варианта; из них один вариант указан у Генетца № 10; 2) «Бой на калиновом мосту» — два варианта; 3) «Три царства» — три варианта и один вариант указан у Генетца № 8. Последний сюжет пользуется особой популярностью во всех районах Марийской республики. Смотря по тому, насколько переработан сюжет, можно думать, что эта сказка проникла к мари раньше всех остальных сюжетов международной волшебной сказки. Таким же популярным, давно бытующим сюжетом является сюжет извода мачехой падчерицы или пасынка (Андр. № 480). В сборнике имеется 2 варианта — №№ 13 и 18, первый с песней; 4) «Два брата», записано два варианта; 5) «Животные зятья» — три варианта; 6) «Чудесное бегство» — два варианта; 7) «Оживленная неверная жена» — два варианта; 8) «Пойди туда — не знаю куда» — два варианта.

Из новеллистических сказок наиболее популярен сюжет «Спор о верности жены»: записано два варианта. Из сказок о глупом чорте пользуются большой популярностью мотивы и сюжеты, входящие в пушкинскую «Сказку о попе и работнике его Балде».

О героях чудесной сказки. Чрезвычайно интересно выяснить вопрос об изменениях в характеристике персонажей, а также о принципах замены героев русской волшебной сказки героями марийской сказки при переходе сказок в марийскую национальную среду. Очень важно также выяснить, какая интерпретация дается при этом отдельным мотивам. В отношении героев сказок нужно заранее сказать, что персонажи русских сказок, в роде бабы-яги, лешего, дракона, богатырей, перешедшие в марийский фольклор, подверглись большой переработке, а некоторые совершенно заменены новыми марийскими мифологическими героями. Поэтому подчас образы этих

героев стоят по своему содержанию ниже или выше той стадии, на которой эта сказка возникла; т. е. замененные герои могут быть более поздними по происхождению или более ранними, чем сам сюжет. Но те и другие герои подвергаются соответствующей переработке сказочником наравне со всей сказкой, в результате чего получается разрыв между народной мифологией и героями, взятыми из той же народной мифологии. Неизменным остается только одно наименование. Конечно, подобный процесс переработки происходит целыми столетиями, но это процесс неизбежный, ибо каждый народ, если он в своем устном творчестве заимствует какие-либо произведения другого народа, подвергает последние своей переработке.

Творческая работа народа над сказками видна из самого их содержания. Как известно, в любой волшебной сказке участвующие лица разбиваются на отрицательных и положительных героев и их помощников. Из типичных представителей отрицательных существ сказки можно отметить бабу-ягу, колдуна, змея, кощея-бессмертного, с которыми борются положительные герои сказки — Иван-царевич, Омельян Сучкин, Иван Кухаркин, Бабий Сын, Иван-дурак, крестьянский сын и пр. Помощниками последних могут быть различные животные: конь, собака, медведь, волк, заяц и птицы.

Баба-яга — типичный персонаж русской волшебной сказки. Марийская сказка не знает этого существа. Только недавно этот образ вошел в нее из русской сказки. Имя Бабы-яги упоминают только некоторые сказочники. Тупинов в сказке № 9— «Животные зятья» — называет ее «яга-ягница». Соловьев в сказке на тот же сюжет называет ее «Кува» - «бабушка», и от себя поясняет, что это «баба-яга». В последнем случае дело объясняется тем, что в марийской мифологии уже имеется соответствующий бабе-яге женский образ, вошедший ранее в марийские сказки и известный под названием «вувэр-кува». Это имя употребляется многими сказочниками вместо бабы-яги (см. Генетц № 10 и тупиновские сказки). В переводе на русский язык «вувэр-кува» означает приблизительно то же, что и баба-яга. «Вувэр» — это вообще нечистый дух мужского пола. Например, Тупинов «вувэрами» называет всех драконов, змеев, всех злых духов, пожирающих людей. «Кува» же может означать жену, женщину, бабку, тетку. В марийской мифологии «вувэр» имеет свою определенную функцию — это существо подземное, очень злое, ест людей и коровье вымя. На землю «вувэр» и «кува» поднимаются через норы. Вот почему именно эта «вувэр-кува» могла явиться в числе персонажей сказки «О трех царствах», где действие происходит под землей. Таким путем, как эквивалент бабы-яги, она вошла и в другие волшебные сюжеты, как например, в сюжет «Неверной сестры» (Генетц № 8), и в русские заимствованные сюжеты. Чаще всего в современой марийской сказке бабу-ягу называют просто «кува» — «бабка». Кто она такая — можно узнать по ее действиям.

В русской сказке баба-яга живет в избушке на курьих ножках, а «вувэр-кува» живет в маленькой избушке, которая изображается так: «как ниточка, идет дымок (из трубы), как грузила веретена стоит домик»: «Шуртӧ пырче ганьэ шикшыжэ, нӧлаш каньэ пӧртшӧ» (Генетц № 8); или: «на маленьком лужку стоит маленький домик» (Соловьев № 25). Первый вопрос «вувэр-кувы» как и в русской сказке: «кушеч кунге веке» — «откуда, куда». Зачастую, впрочем, герой сказки сразу докладывает ей свои нужды. Характер «вувэр-кувы» довольно мягкий; особенно ее трудолюбивые дочери проявляют большое добродушие к явившемуся герою. В сказке Тупинова № 9 две дочери «Вувэр-кувы» пасут лошадей. Они не дают герою доходить в пастухах полугода и заступают его место. В сказке Эшенбаева три дочери «Вувэр-кувы» толкут конопляное волокно» Когда герой является к «вувер-куве», она часто бывает занята приготовлением обеда: в сказке Белковой А. И., она «месит на слюнях заправу для супа», или сидит одна на лавке (очень редко — лежит на полатях). Образ ее некоторыми сказочниками рисуется в роде «овды» — женщины с большими грудями, длинными волосами, груди перекладывает через плечи. «Вувэр-кува» в марийской сказке не ездит на метелке, как русская баба-яга, а верхом на лошадях, да еще с песней. Эта езда ее на лошадях лишний раз свидетельствует о близости ее образа к образу «овды», объездчицы белых лошадей.

В сказке Генетца № 10 «вувэр-кува» едет на костяной мост бороться с Алым-богатырем, чтобы съесть его. Вот ее песня:

Ош алашам ашалте
Алым патыр кочкаш каем!
Мой белый мерин, беги быстрей,
Еду есть Алым-богатыря!

В этой сказке она выступает как богатырша, хотя она и ведьма. Она боится только собак Алыма. Когда сестра Алыма удалила собак, она побеждает его.

Другие враги обычно колдуны, перешедшие из русских сказок. Колдун рисуется седым стариком (см. сказку Тупинова № 6 и Соловьева № 19). Сатана в народном представлении очень зол и страшен. Чорт имеет образ человека. Ведерников обрисовал его в образе парня в красной рубашке с гармонью в руках (см. сказку «Василий охотник»). Чорт участвует больше всего в легендарных сказках и всегда бывает побежден человеком. Великаны и чудовища, с которыми приходится бороться богатырям, освобождая царевен, в сюжетах «Бой на калиновом мосту», «Два брата» и др., представлены. в образах «вувэр», «опкын», «кишкэ», «осал — нечистый дух»

Герои тупиновской сказки борются с «вувэрами» с 6-ю, 9-ю и 12-ю головами. «Вувэры» эти соответствуют змеям в сказках других народностей. Образ их четко не очерчен. Известно только, что головы их похожи издали на уши жеребенка.

В сказке № 5 чорт ложится спать и просит разбудить его когда царевна увидит столько-то ушей жеребенка.

Такая замена змея марийским «вувэром» вполне закономерна, так как, по народному представлению, змей никогда не может иметь 9 голов, — «вувэр» же может принимать любой образ. Второй образ чудовища, чаще всего встречающийся у марийских сказочников, это «опкын». Опкын, по представлению марийцев, чудовище, пожирающее все на своем пути. И сейчас в обыденной марийской речи можно слышать выражение: «мо опкын гай толашэт», т. е. «ты ешь, как опкын». Так иногда матери прикрикивают на своих детей, балующихся за столом.

Змеи и нечистые духи перешли к мари из русской сказки, как перешел к ним кащей-бессмертный в виде человека без смерти. «Кащей-бессмертный» марийскими сказочниками рисуется крайне чувствительным человеком. После похищения Василисы Красы, или Елены Прекрасной, он обычно моется в бане, залечивает свои ребра, на которых висел 33 года, а возвращаясь из лесу с дровами, напевает песню.

Герои в собственном смысле слова, за участью которых следит волшебная сказка, — это богатыри, родившиеся чудесным образом: Омельян Сучкин, Иван Кухаркин, Иван-царевич, Бабий сын, найденный в отхожем месте, Мишка Тома — конюх, Илья Муромлин и пр., и пр.; эти же герои встречаются и в русских сказках. Наряду с ними, есть герои, являющиеся продуктом творчества мари, герои национальной мифологии. Эти богатыри учавствуют в сюжете «Три царства», «Нончык-патыр» — «Богатырь из теста», «Ку патыр» — «Каменный богатырь», «Пунчӧ патыр» — «Сосновый богатырь». В другом, сернурском варианте этого сюжета в сказке участвует в качестве главного героя «Маска Макар» — «Медвежий Макар», богатырь медвежьего происхождения. В русских сказках встречается «Медвежий сын». Кроме богатырей, имеются герои не богатыри, простые крестьянские сыновья, но им в достижении цели помогают благодарные животные: медведи, собаки, лошадь. Эти богатыри борются почти всегда на мосту, в русской сказке обычно — на калиновом мосту, а в марийской сказке встречается «костяной мост», «кленовый мост», «каменный мост» или просто «большой мост». Борются они при помощи «мечакладеица», дубинки, стопудовой шапки и т. д.

Сюжеты бытовых новеллистических сказок. Бытовые реалистические сказки и анекдоты издревле пользовались в марийском народе такой же широкой популярностью, как и сказки о животных. Если в сказках о животных отражались культовые представления мари о животных, первобытное мышление, отношение народа к природе на соответствующей стадии развития общества, то в бытовых реалистических сказках отражались реальные общественные отношения людей уже на другой, более поздней стадии развития общественного

производства. Бытовые сказки еще ярче отражают процесс классовой борьбы на всех отрезках исторического развития народа. Процесс творчества реалистических сказок тем быстрее и тем шире, чем быстрее и шире идут разделение труда в общественном производстве и классовая дифференциация общества на основе этого разделения. Поэтому не случайно, что большинство реалистических анекдотов имеет в своей основе тематику, говорящую об одной из самых древних форм собственности — о семейном рабстве. Эти сказки трактуют о бессилии протеста женщины, когда женщина стала целиком зависеть от мужчины — главы семьи. В сказке изображается борьба женщины с насильственным навязыванием ей определенных сфер деятельности, например — уборки урожая. Однако эта борьба в сказках подобного рода изображается в комичном виде. То, что женщина, протестуя против прикрепления ее к тому или другому виду работы, ставит себя в сказках только в смешное положение, нужно понимать как историческую неизбежность подчинения женщины мужчине, появившуюся в результате возникновения частной собственности.

Бытовые реалистические сказки мари развивались в следующей последовательности: первые реалистические сказки начали отражать победу человека над внешней природой, над животным миром. Эти сказки, например, с участием в них животных, всегда рисуют картину победы человека над своими четвероногими врагами. Реалистические сказки появились в противовес легендам, показывающим зависимость человека от сил природы. Сами легенды о животных превратились в реалистические сказки. К таким произведениям относятся все сказки, которые пока еще трудно отличить от легенд. Например, сказки о зайце, узнающем настоящую силу не в ветре, солнце и т. д., а в женщине (см. Рамстедт № 11, Поркка № 1, Генетц № 2, Васильев № 5). За этими сатирическими сказками с активным участием животного мира появляются вышеупомянутые новеллистические сказки из области производственной жизни мужчины и женщины. После того, как завершилось разделение труда между полами, в семье начинают появляться сатирические сказки, утверждающие раздельные сферы деятельности в хозяйстве, говорящие о неизменном бесправном положении женщины в домашнем хозяйстве, о стряпне, уходе за скотом, огородном деле, и о работе мужчины в земледелии, в лесу. В качестве примера можно указать сатирический рассказ в сборнике Растедта № 5. Там говорится, что мариец послал за себя жену в лес, а сам остался выполнять домашнюю работу. В результате, у него молоко ушло, полная изба набралась дыма, корова чуть не подохла и сам он едва не умер. Только после этого понял муж, что и женская работа требует особой квалификации, не стал соваться не в свое дело. Данный мотив встречается и в русских сказках.

Вместе с подобными бытовыми новеллами появляются сати-

рические рассказы с поучительной тематикой, о лентяях, о глупцах, хитрецах и т. д. Из этого цикла укажем на наиболее распространенные: 1) для лентяя облачное утро кажется ранним; 2) сын неправильно истолковывает заветы отца: «ешь масло и мед» (он проедает все свое хозяйство, потом получает разъяснение, что ему нужно было работать так, чтобы хлеб с солью мог показаться медом; 3) или другой анекдот, где отец дает завещание сыну, чтобы он строил дома в каждой деревне, чтобы при окончании пахоты полосы мыл косулю, и если уж очень трудно будет с уплатой податей — повесился бы на кольце пенькового улья. Не поняв отцовского завета, он так измучился и обеднел, что нечем стало платить подати, его избили за неуплату, и он решил повеситься. Из пенького улья посыпались ему на голову деньги. После этого он понял заветы отца: первый завет означал расплодить родство по всем деревням; второй завет — запахивать конец полосы поаккуратнее. Несомненно, что подобного рода рассказы сложились из житейских пословиц, которые в свою очередь появились в тот момент, когда в деревне уже господствовали частнокапиталистические отношения.

Следующая довольно большая группа реалистических сказок — новеллы с любовным сюжетом. Эти короткие новеллы строятся по принципу контрастности, противопоставления, с одной стороны, бедняка, с другой — богача. Здесь наиболее едко высмеиваются купцы, купчихи, кулаки и их бездельники-сыновья. Надо оговориться, что марийская новелла, в особенности старинная, часто именует эксплоататоров общим термином «пойан» — богатый. В более поздних сказках объектом сатирического изображения являются генералы, офицеры и т. д. В качестве их антагонистов выступают крестьяне-бедняки, пастухи, работники, отслужившие солдаты, вообще все те члены крестьянской среды, которые особенно сильно испытывали гнет и эксплоатацию буржуазии. Бедняки не имели денег, хозяйство у них скудное, но зато они жизнеспособные люди с выдержкой, с настойчивостью, с умом. С другой стороны, антагонисты их представлены в этих новеллах неспособными к самостоятельной борьбе, глупыми, имеющими экономическую силу и политические права, но ненавидимыми в народных массах. Беднякам в этих сказках помогают не только люди, но даже животные, насекомые: мышка, рак, жук и т. д.

Подобные социально-заостренные новеллы бытуют по преимуществу на артельных работах в лесу, на сплаве, на помочах и т. д. Некоторые сказочники и слушатели по окончании сказки повторяют народную поговорку: «богатый на деньги, бедный на хитрость». В качестве наиболее типичных сюжетов этого цикла укажу: «Купеческая дочь» № 16, Леви № 3 (у Леви социальный характер затушеван); «Спор о верности жены» № 14, Ведерников № 3; «Дорогая кожа» под названием «Чироголовый», Богданов № 9, Четкарев, Ив. Федорович, «Из жизни бедного Ивана» № 2, Актаев № 3 «Никола Дублен-

ский» — 2 варианта; «Купеческий сын и солдат» — Ведерников. Большинство этих сюжетов имеет сходство — полное и неполное — с русскими вариантами.

Анекдоты о попах в таблице на стр. 42. выделены в особую группу. В предыдущих сборниках, кроме пятого (Леви) анекдоты о попах отсутствуют, что следует конечно, объяснить влиянием миссионеров. Рамстедт, Поркка, Вихман и Васильев сказки собирали сами, разъезжая по деревням, а Леви записывал от военнопленных и не сталкивался с миссионерами на местах. Царское самодержавие проводило жестокую борьбу с язычеством мари, насаждая православие. Конечно, оба вида религии — и христианство, и язычество — являлись дурманом для марийского народа, царское правительство в общей системе руссификации проводило насильственную христианизацию мари, заменяя одно зло другим. В такой период собирать анекдоты о попах у «инородцев» считалось вредным.

А между тем, как ни старались царские христианизаторы, насадить православие, пользуясь утонченной «системой Ильминского», христианство среди мари прививалось слабо, и марийское крестьянство, как и все народы царской России, относилось к православному русскому духовенству с иронией и даже ненавистью. В марийском народе ходило множество анекдотов про попов, про архиереев и монахов. Появились даже специальные сказочники-рассказчики анекдотов о попах. Анекдоты о них рассказывались везде и всюду, не зная ни традиционного времени сказывания, ни места. На широкое распространение подобных анекдотов среди мари, следовательно, влияло враждебное отношение народа к православной церкви, являвшейся оплотом самодержавия в национальном угнетении и колониальной эксплоатации мари. Русская поповщина, ища опоры в марийском крестьянстве, стала завязывать близкие отношения с марийским кулачеством, по-разному обслуживая кулаков и беднейшую часть крестьянства. Попы, работающие в глухих уголках мари, особенно широко эксплоатировали народ, издевались над неграмотными, темными крестьянами мари. Об этом говорят сотни случаев. Все эти случаи заигрывания с женщинами, жульничества и обмана народ ясно видел и относился к православной церкви и ее служителям с ненавистью и презрением, почему на марийской почве так легко усваивались международные мотивы «поповского цикла». Церковь в марийском крестьянстве держалась исключительно благодаря поддержке кулачества из мари и русских. Как только кулачество было ликвидировано, как класс, на основе коллективизации, поповщина окончательно потеряла свою опору в массах и народ начал широко требовать закрытия церквей. Народу, перешедшему к социалистическому хозяйству, церкви не нужны. Марийское колхозное крестьянство проявляло абсолютное единодушие в каждом случае закрытия церквей.

Укажем на наиболее популярные сюжеты о попах. Самым

распространенным сюжетом о попах является сюжет «Поп и его работник» в различных вариантах. Имеется 5 записей: 1) «Попадья по-немецки заговорила» (№ 17), 2) «Проделки поповской дочери с работником» (Ведерников № 2), 3) «Поп хочет увидеть нужду, работник показывает нужду» (Филиппов № 1), 4) «Хитрый работник» (Филиппов № 11), 5) «Поп на ночлеге» (Леви № 1[1]). Вторым идет сюжет о попе, дьяконе и псаломщике, иногда епископе, архиерее и т. д., как они, стремясь соблазнить женщин, попадают в неловкое положение. См. типичную сказку этого цикла № 15 «Сидор» («Мужик продает корову»). О попах, ворах или напутствующих к воровству: Филиппов — «Дьячок и дьякон учатся воровать»; Соловьев № 5— «Как мужик украл сало»; Богданов № 3 — «Поп, слесарь, вор».

Сюжеты о поповской жадности см. Тупинов — «Три сына» и др. О поповской жадности и глупости рассказывают все анекдоты о попах и хитрых работниках. В Моркинском районе широко распространен сюжет «О ссоре муллы с попом»: поп подарил мулле «ворожею» в виде «совы». Сова набросилась на жену муллы. Она ее убила, из-за чего возникает ссора. Сказка записана от Филиппова.

Вообще, сказок о попах очень и очень много. Они в образной форме, в реалистических чертах раскрывают всю безнравственность поповщины. То, что записано, представляет, может быть, только десятую долю бытующего антирелигиозного материала, но и оно дает богатейший материал для характеристики роли православного духовенства в эксплоатации и в угнетении мари.

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА МАРИЙСКОЙ СКАЗКИ

Рассмотрение вопроса о структуре марийской сказки представляет большие трудности, так как здесь придется встретиться с фактами сложных переплетений и взаимного влияния сказочного стиля других народов и разных сказочников на марийскую сказку. Поэтому с самого начала необходимо

---

[1] Собиратель Леви, записавший все сказки из уст военнопленных, подошел более объективно, включив первым номером анекдот «Поп на ночлеге». Леви никогда не был на территории России и, следовательно, для него не могли иметь значения какие-либо указания и директивы, игравшие такую большую роль при собирании сказок на месте. То, что анекдот о попе и его работнике попал первым номером, является лишним доказательством широкого бытования этих анекдотов в среде марийских крестьян, тем более что среди военнопленных, у которых записана сказка Леви, не было ни одного настоящего сказочника с большим репертуаром. Это свидетельствует о массовом распространении такого рода сюжетов в народной среде.

иметь в виду, что внимание должно быть сосредоточено на двух смежных вопросах, рассматривать которые необходимо параллельно. Первый вопрос — о структуре более древней марийской сказки, и второй — о путях и приемах творческой обработки заимствованных из русского материала сказок, бытующих в настоящее время. Благодаря старым записям (Поркка и Генетца), таких сказок, которые уже сейчас не бытуют в народе, нам будет легче разрешить первый вопрос. Гораздо сложнее обстоит дело со второй проблемой, так как каждая заимствованная сказка претерпела определенную обработку соответственно с собственной традицией каждого района и каждого сказочника. Здесь нужно иметь в виду и конкретную социальную среду, и индивидуальные вкусы сказочника. Поэтому вопросы стиля современной марийской сказки мы постараемся осветить в следующей главе, посвященной характеристике ронгинских сказочников, уже на конкретных примерах их творчества. В следующей главе мы постараемся выяснить также такие необходимые вопросы, как вопрос о путях и методах художественного оформления русской заимствованной сказки среди мари. Для облегчения понимания принципов обработки, в основу нашего исследования мы положили главным образом варианты (хотя бы очень далекие, с европейскими сюжетами) более древней марийской сказки из вышеупомянутых сборников, которые и хотим сопоставить с современными записями.

Главной и наиболее характерной особенностью марийских сказок, является диалогическая форма изложения. Исключительной же особенностью старых записей была песенная форма диалогов и общих мест. Песенно-диалогический строй, очевидно, являлся одной из самых характерных черт стиля марийской сказки всех разрядов. Об этом свидетельствуют собранные материалы.

Вопросо-ответное и песенно-диалогическое построение марийской сказки наталкивает на многие выводы. Прежде всего, эта форма художественной структуры марийской сказки говорит о ее большей архаичности сравнительно со сказками других народов, стоящих на более поздней ступени исторического развития. Архитектоника марийской сказки, достигшая такого высокого художественного оформления, есть синтез всей предшествующей культуры мари. Такая форма построения сказки отличается и у других народов, находящихся на низком культурном уровне. Например, А. И. Никифоров, изучая структуру чукотской сказки и встретившись с данным явлением, поставил следующий, вполне правильный вопрос. Он говорит: «... чем примитивнее народ или чем живее и сочнее у него сказка, тем больше в ней места занимает диалогическое изложение сюжета», — вопрос этот остается пока проблемой. Далее он так пишет: «Можно видеть в этом отражение обрядового вопросо-ответного действия, которое свойственно примитивам и, между прочим, чукчам в их многочисленных

церемониях»[1]. С еще большим основанием можно говорить об этом при изучении структуры марийской сказки. Отождествлять при этом строй марийской и чукотской сказок, конечно, нельзя.

Вопросо-ответное построение целых сюжетов и преобладание диалогического элемента в любой сказке мари, особенно в прошлых записях, является ярким доказательством близкой генетической связи сказки с отжившими и отживающими обрядами, в которых действие с диалогом было основным моментом. Эти обряды, первоначально имевшие магический характер, потом, с историческим развитием мари, потеряли свое первоначальное магическое значение и сохранились лишь как обряды, чисто художественные. Из коллективного или парного исполнения они перешли в индивидуальное исполнение. Это перемещение формы исполнения обрядов в формы исполнения устных художественных произведений происходило не механическим путем. Здесь дело сложнее, ибо мы имеем дело с формированием художественного стиля целого народа. При рассмотрении стиля нельзя отрывать форму от содержания. Изменение одного обусловливает изменение другого. Функции того или иного жанра народного творчества меняются в ходе исторического развития народа в целом. Следовательно, в связи структуры современной сказки со структурой исполнения культового обряда нужно видеть не прямой переход или механическое перемещение, а длительный процесс соответственно изменяющимся формам мышления. Содержание сказок могло быть самое разнообразное, но язык их, способ передачи, очевидно, изменялись по общим законам развития мышления. В данном случае развитие шло по принципу конкретного вопросо-ответного изложения действия. Такой стиль рассказа сказок нельзя считать примитивным, так как народ, беря за основу в своем творчестве какой-либо прием, возможно, уходящий своими корнями в первобытное мышление, может усовершенствовать этот стиль до недосягаемых высот художественного мышления.

Выше было сказано, что древнейший способ исполнения сказок у мари был действенным и групповым, может быть, и парным. Этот способ исполнения отразился сейчас в структуре сказки и в индивидуальном исполнении. К постановке этой гипотезы побудили нас ныне существующие факты и материалы: 1) в Сернурском и в Моркинском районах и по сей день существует среди молодежи групповое исполнение вопросо-ответной сказки (например, сказки «Кто сильнее», и «Синичка»; см. главу о бытовании). Детские животные сказки исполняются постоянно вдвоем — взрослым и ребенком; 2) материалы вопросо-ответных сказок, записанных Генетцом, предполагают драматическое исполнение их в прошлом; 3) исполнение современных

---

[1] А. И. Никифоров. Структура чукотской сказки, как явление примитивного мышления, «Советский фольклор», № 2—3, стр. 248.

марийских и заимствованных сказок ведется от второго лица, т. е. сказочник, будто бы, передает рассказ другого (при описании действий пользуются словом «манэш» — «говорит» при передаче разговора — «манэш-манэш» — «говорит-говорит» — см. об этом главу о термине «сказка»). Конечно, заимствованную фантастическую сказку разыгрывать очень трудно, из-за ее сложности; 4) традиционным временем рассказывания сказок является рождественская неделя, «шорт йол», которая открывается разыгрыванием повести с ряжеными — «Васли кува кугыза» и драмы «Медведь». Такое начало традиционной недели предполагает, что в прежнее время в эту неделю разыгрывались и другие сказки. Общее значение этой недели сказывания и разыгрывания сказок и загадывания загадок было, несомненно, магическое, — с началом оживления природы люди ставили себе задачу воздействия на неизвестные силы природы. Все церемонии сводились, примерно, к трем циклам: 1) обряд плодородия — просили урожая; 2) обряд, воздействующий на приплод скота, и 3) обряды оздоровления и размножения человеческого рода. Таким образом, в эту неделю разрешались насущные задачи будущего: все эти действия были необходимы, ибо получили всеобщее признание, а потому в проведении этой недели принимали активное участие все члены рода, деревни. Само собой разумеется, что активное участие большинства может быть только при коллективном исполнении.

Все вышесказанное надо иметь ввиду при разрешении вопроса о наличии песен в марийской сказке и их функции в структуре сказки. Общая манера первобытного исполнения во многом отразилась и на строе современной сказки, и на ее символике, образе, на языке, — однако, с развитием общественных отношений коренным образом изменялись и тематика и стиль сказки. В современной советской марийской сказке движущей пружиной развития являются не отношения человека к природе, а социальные взаимоотношения. Сказка постепенно превращается в орудие борьбы народа за строительство новой социалистической культуры мари и против пережитков капитализма в сознании людей. В связи с этим происходит и перемена социального значения сказочной символики. На этой основе устанавливается определенная творческая линия, упрочиваются приемы и методы композиционного построения сказки. В таком плане и песня получает в структуре сказки определенное место и определенное значение.

Песня в структуре марийской сказки выполняла — и сейчас выполняет в сказках о животных — роль типических мест или, как принято называть их, «общих мест» — «loci communes». Они составляли скелет сказки и поэтому не изменялись отдельными сказочниками. Сказочник мог передавать и творить по своему все, кроме песен, или же мог переставлять песни с места на место. Такие перестановки встречаются в вариантах сказки «Ош вӱльо» — «Белая кобыла» (ср. Генету № 7 и Поркка

№ 4). Песни были устойчивыми как в языке, так и в мелодии. Вследствие такой традиционной устойчивости текста сохранились в них древнейшие термины в роде: «манда ава» — «мачеха», ныне «изи ава» — «маленькая мама», «манда увэр» — «злая мачеха», «куртньӧ чылвыр» — «железная накладка», «чокмалтал» — «покрикивать» и т. д. Удержались также старинные песенные мелодии, которые вне сказки уже не исполняются. Мелодии эти хорошо сохранили свой старинный, эпический характер.

Песни, являясь «общими местами» в сказках, в то же время выполняют роль барьеров, отделяющих один самостоятельный мотив от другого, или зачастую отделяют два или три однородно повторяющихся мотива. При выполнении последней роли песня повторяется без каких-либо переделок. Таким образом, по наличию песен и их повторению, можно сразу установить, из скольких мотивов или эпизодов состоит сюжет в целом. Бывает и так, что песня исполняется только до того места, пока враг не победит героя, пока идет борьба. Обратный ход действия идет быстрее, схематичнее. В качестве примера можно взять типичную волшебную сказку из сборника Генетца (№ 10). Сказка относится к типу «Неверная сестра». Живут брат и сестра — богатырь Алым и Акталаче. У них две собаки. Алым занимается охотой. Героя хочет извести «вувер кува» — баба-яга. Она едет к костяному мосту на белом мерине и поет:

Ой, белый мерин, беги быстрей,
Едем есть Алым-богатыря.

Они встречаются, и собаки Алыма съедают ее. Алым приезжает домой к сестре и поет песню, прося открыть ворота:

Ой, Акталача, Акталача,
Железная защелка йолдырт!
(т, е. Акталаче, открой запор).

Во всей сказке шесть раз вувэр-кува поет свою песню, столько же раз поет Алым свою, но вувэр-кува дополнительно поет еще песню Алыма два раза. Во второй раз она проникает при помощи его песни к сестре. Причем, чтобы голос злой бабы был тоньше, она дает поклевать свой язык птицам. Дальше развивается новый эпизод: Алыма везут завязанного в дом вувэр-кувы. По пути Алым видит три кладухи: ржаную, овсяную и ячменную. Алым брошен в яму для откармливания. Чтобы знать, толстеет ли он, ему воткнули в лоб иголку и кормят до тех пор, пока иголка не зарастет жиром. Кормят его три дочери бабы-яги. Первые две — снопами, третья — блинами и ватрушками. К Алыму прилетают три птицы, которых он просит сообщить собакам о его предстоящей гибели. Ворона и сорока отказываются, кукушка же исполняет его

желание. Собаки освобождают Алыма. Ворона и сорока тоже отвечают типическими фразами:

Шипча койат койэш, шогырдок,
Кутан койат койэш шогырдок.

На примере одной этой сказки мы видим, какое значение имеет песня. Песня вувэр-кувы является «общим местом», которое отделяет друг от друга постепенно нарастающие эпизоды. Песня показывает, что вувэр-кува находится в пути. Необходимо также отметить, что песни героев, находящихся в пути, встречаются довольно часто. Видимо, это относится к традиционной манере старинной сказки. Точно такого же значения песня в сказке № 14 Генетца. Дочь колдуна поет:

Ош алашам, аштэлтэ,
Ош лупшэм, оупшалт,
Изи пиэм опталтал,
Ош варашэм чокмалтал!

Белый мерин, беги быстрей,
Серебряная плетка похлестывай
Маленькая собачка, лай,
Белый ястреб, покрикивай!

В другой сказке Генетца (№ 16 — девушка везет хоронить мышку и поет такую песню:

Кыжыр-кыжыр кишайэт,
Чоп, чоп вӹмайэт.

Кышыр-кышыр след,
Чоп, чоп — помочи!

Все песни во всех сказках, как и вышеприведенные из Сборника Генетца, выполняя в строе сказки роль типических мест, имеют в своей основе заклинательный характер. Они вполне соответствуют марийским заклинаниям и по поэтическому строю и по своей направленности. Почти все песни, кроме песен описательного характера (Генетц, № 7), выражают в особой символической форме желание героя, его беспрекословную волю и т. д. Только зная эту песню-заклинание с особой расстановкой слов, в которой большую роль играют звукоподражательные слова, герой может добиться своего намерения. Подобные песни можно было бы сравнить с типическими выражениями из русской сказки, как например, обращение героя к избушке на курьих ножках: «Избушка, избушка, повернись сюда лицом, а туда воронцем» (Ончуков, № 167), к Сивке-бурке: «Стань передо мной, как лист перед травой» и т. п. Но песни в марийских сказках имеют специфический характер, отличный от словесных формул русской сказки, — они ближе к культовым заклинаниям. Например, приведенная выше песня Алыма имеет явно символическое значение. Она в основном, будто бы, обращена к сестре Акталаче, чтобы она открыла ворота, но в сущности она обращена сразу и к сестре и к защелке. В песне нет слова «открыть», хотя песня указывает на то, что должно произойти с железной защелкой: она должна загреметь — «йолдырт». Глагола «открыться» нет, он лишь предполагается.

Еще больший интерес имеет песня из № 14. Сказка пред-

ставляет тип русской сказки «Чернушки». В ней участвуют две девушки: «Пикей» и «Мария» — дочь ведьмы. Лошади и другие животные выполняют желание Пикей только после исполнения ею своей песни. Однако Мария была принята братьями Пикей за сестру, а сестра, вместо нищенки-батрачки, кормила лошадей и припевала:

Кочмо шудыда рок лийжэ,	Сено ваше — будь землей,
Йӹмо вӹдта вӹр лийжэ,	Питьевая вода — будь кровь,
Пикей гычип Марйа лийым	Из Пикей стала Марией.

Братья, услышав эту песню, хотели узнать, почему она поет такую жалобную песню. Она сказала им, что она их настоящая сестра. В выяснении этого помогает песня. Когда Мария, дочь ведьмы, исполнила эту песню, — лошади и собаки не тронулись с места; когда же запела Пикей, — они пошли.

Более рельефно выступает заклинательный характер «общих мест», переданных в песенной форме, в сказке Генетца № 13. Мачеха заморила пасынка, сестра собрала его кости, чтобы оживить их, и положила в дупло дуба. Она трижды посещает дуб, чтобы посмотреть на него. Дуб открывается и закрывается только по исполнении ею песни:

Тумо, тумо, почылтал!	Дуб, дуб, откройся!
Йандылыкэм пышталам.	Положу Мандылыка.
Тумо, тумо, почылтал!	Дуб, дуб, откройся!
Йандылыкэм ончалам.	Посмотрю на Яндылыка.
———	
Тумо, тумо, пэтралтал!	Дуб, дуб, закройся!
Йандылыкэм пыштальым	Посмотрела Яндылыка.

Когда брат ее Яндылык ожил, он шесть раз поет на крыше дома родителей:

Ачам мыньым шӹшкыльо,	Отец меня зарезал,
Манда увэр кочкылдыш.	Чертовка-мачеха съела.

Песня сестры пелась в форме просьбы, а песня брата констатирует, что с ним было, чтобы дать знать родителям о своем возвращении. Он убивает мачеху, высыпав ей на голову иголки («шоктэ имэ» — «иголки для сита»). Затем на песню выходит сестра и узнает в нем брата.

В сказке Генетца № 17 песни служат типическим местом при разговоре между обожженной дочерью лебедей и стаей лебедей. Лебедиху поймал парень, обжег ее, она превратилась в девушку. Парень женился на ней. Молодушка ходит к ключу по воду. Туда прилетают лебеди и поют:

Йӹксын ӹдыр йӹксальчэ,	Дочь лебедя — лебедиха,
Ачат ават кӹштыш.	Отец с матерью зовут.

Невестка отвечает им:

Кожан эргэ Кождэмыр,	Ельевый сын — Кождемыр,
Кож дул дэнэ йулалтыш,	Обжог огнем от ели.
Мон дэнэ мийэм?	Чем я полечу?

Каждый раз, как она возвращается с ключа, свекровь спрашивает: «Что ты запропастилась, молодушка?» Она отвечает одной и той же фразой: «Вода бежала с мусором, ждала чистую». Из этой сказки видно, что песня применялась и в диалогической форме: песенный вопрос — песенный ответ. Точно также при помощи песен передавались монологи, обращение героя к людям, но в таких случаях заклинательный характер песни исчезает. Песни эти имеют очень «вежливый» характер, который достигается прибавлением к глаголу суффикса «ал», «алал» и др.

В сказке Генетца № 20 молодой богатырь просит, чтобы ребята его приняли к себе поиграть, при этом просьбу он выражает песней:

Изак кугак рвэзэ-влак,	Малые и большие ребята,
Мыньым модаш пуртэлза!	Пустите меня поиграть!

Это песенное обращение не находит себе аналогии в русских сказках. Оно характерно исключительно для марийской сказки. Точно такую же стихотворную, но не песенную форму обращения и повествования встречаем у Соловьева, в заимствованных сюжетах. Одна сказка с песенным исполнением, где песня также выступает в структуре сказки в качестве «общего места», показывающего, что герой находится в пути, записана нами в 1936 г. в Моркинском районе от Филиппова (ближе к № 5 Генетца; песню из этой сказки мы приводим в разделе о концовках). По словам самого сказочника, эта сказка усвоена им лет 20 тому назад и больше он уже ее не рассказывает.

В заключение остановимся на переходных формулах, с которых начинается переход к новому действию; но так как о них будет сказано ниже, то можно ограничиться лишь некоторыми указаниями. Переходные формулы в старинной марийской сказке выражаются в большинстве случаев песнями. Каждая песня в той или иной сказке заменяет такую формулу; по исполнении ее, как уже было сказано ранее, начинается следующее действие. В сказках же без песен общие формулы, совершенно отсутствуют. Каждая сказка разрабатывает эти места по своему. Например, в сказке № 3 Генетца отправка героя описана так: «Ловит коня, седлает, садится, берет плетку. Ну! — уезжает». Правда, в марийской сказке существует своеобразная манера описывать эти места с особой последовательностью. Герой снаряжается, выходит из дома или еще откуда-нибудь и только потом отправляется: «Лэктэш да кайа», «Лэктэш кайа». В современной заимствованной сказке эти переходные формулы сохраняются почти полностью, на них мы укажем в главе о сказочниках.[1] Они соответствуют аналогичным формулам русской сказки (см. по этому вопросу исследование В. Проппа).[2]

---

[1] См. раздел о Тупинове и Соловьеве. Особенно интересны в этом отношении сказки Соловьева «Мишка Тома», «Золотые яблоки» и др.

[2] В. Пропп. Морфология сказки, Л., 1928.

Присказки и концовки в марийской сказке. Присказки и концовки, как правило, не имеют органической связи с самой сказкой. Они не срастаются с сюжетом. Присказка в русской сказке обычно служит для привлечения внимания слушателей к рассказчику, чтобы слушатели целиком переключились на слушание. Потому-то эти присказки относятся к самому сказочнику. Например, вторая часть присказки гласит: «... дали мне колпак, стали меня толкать; дали мне шлык, я в подворотню — шмыг и коленко ушиб; это не сказка, а присказка — сказка впереди». Вообще, присказки и концовки больше всего употребляются в фантастических сказках. Ими пользуются сказочники-мастера. Но такую, например, концовку, как: «и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало», можно услышать от любого сказочника, который рассказывает сказку, заканчивающуюся свадьбой или пиром.

Марийская сказка почти совсем не знает традиционной присказки. Если же некоторые сказочники пользуются присказкой, то они заимствуют ее из русской сказки целиком, даже не переводя на марийский язык. Из моих 12 сказочников я встретил только одного — К. С. Соловьева, — который очень умело применяет русскую присказку, на русском же языке. Вообще, К. С. Соловьев одинаково хорошо рассказывает сказку и на русском, и на марийском языках. Он часто применяет известный русский зачин: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем» (конец приведен ниже). Остальные 11 сказочников, не уступающие Соловьеву по мастерству, знающие те же сюжеты, не применяли данной концовки, а начинали сказку почти всегда со слова «ожно», что означает «раньше», «давным-давно» и т. д. Обычное начало фантастических сказок: «ожно кува дэнэ кугыза илэныт» («раньше жили старик со старухой»), или: «ожно кугыжа илэн, тудын кум эргыжэ улмаш» («раньше жил царь, у него было три сына») и т. д. Марийская сказка обычно начинается сразу с характеристики героев, с их родословной. Упоминаемые в начале царь, старик со старухой в сказке являются родителями героев, или же играют какую-нибудь еще более пассивную роль. Такое начало марийской сказки со слова «ожно» можно назвать не присказкой, а традиционным зачином. У мари не только отсутствует присказка, у них нет и заглавия сказки. Сказочник в большинстве случаев начинает сказку, не говоря заглавия. Если же сказка озаглавливается, то именем героя или названием его похождений. Напротив, детские и животные сказки всегда имеют название. Впрочем, вопрос о названиях сказки тесно связан с личностью сказочника.

Прежние записи Генетца, Поркка, Рамстедта и др. дают несколько отличный материал в отношении присказок и концовок, чем наш. В их материале мы также не находим традиционных присказок, но зато ими зарегистрированы интересные традиционные зачины, ныне совсем исчезнувшие. Все сказки,

за исключением одной (Поркка № 4), начинаются древней эпической формой, с перечислением действующих лиц. Например, Генетц сказка № 1: «аважэ лийэш, айзажэ лийэш» — «мать будет, ребенок будет»; № 4 — «кугызажэ лийэш, куважэ лийэш» — «муж будет, жена будет» и т. д. Одна сказка (Генетц № 4) начинается песней, которая поется в сказке 6 раз, с постепенным нарастанием в ней новых мотивов. Самое интересное здесь то, что после начальной песни, служащей в данной сказке уже присказкой, дается еще более развернутый зачин: «тошто годым, нэмнан укэ годым илэн улыт кугыза дэнэ кува» — «в прежние времена, когда нас не было, жили дед да баба». Здесь интересно вводное предложение: «когда нас не было», ибо этим сказочник несколько отвлекается от основной сказочной темы. Это — творческое начало данного сказочника, которое приближает зачин к русским присказкам. Такого начала не встречается ни в одной марийской сказке.

Весьма важную роль играют в марийской сказке концовки. По своему внутреннему содержанию и форме они могут оказать большую услугу в определении многих существенных вопросов изучения марийской сказки. При исследовании концовок необходимо сказать о месте сказки в народном творчестве мари, о специфике бытования по районам, об отношении к сказке самого сказочника, о типах сказочников и, в конце концов, о самой сказке, т. е. к какому типу относится та или иная сказка. Однако с концовкой связан и целый ряд специфических вопросов. Она имеет свою историю. Точным историческим анализом можно установить на какой стадии развития материальной и духовной культуры появилась концовка, как изменялась и почему она сейчас исчезает.

Начнем с первого вопроса: о месте сказки в устном творчестве народа мари в целом. К тому же вопросу, непосредственно относится вопрос о специфике бытования сказки в каждом из районов, обследованных мною. Фольклор, особенно у отсталых народов, ярко отражает социально-экономическое развитие того или иного района, отличающегося от других экономически, исторически и этнографически.

Марийская сказка имеет одну основную концовку: «йомак умбак, мэ тэмбак». В Сернурском районе встречается другой вариант этой концовки, отличающийся только огласовкой: «йомак ойыш, мэ тэйыш». Сернурский вариант позволяет нам точно перевести на русский язык первый основной вариант, а именно: «сказка прочь (дальше от меня), а я сюда (ближе)», короче: «сказка дальше, а я ближе». Сперва я склонен был расшифровать первую форму концовки так: «Сказка продолжается дальше, а я остаюсь существовать здесь (в действительности). Но, обнаружив во время поездки 1936 г. концовку «йомак ойыш, мэ тэйыш», я нашел, что слово «ойыш» ближе к подлинному смыслу концовки. Слово это дает нам право переводить и слово «умбак» не как «продолжение», а как «удаление»,

поскольку данные слова заменяют друг друга. В данном случае я перевожу: «прочь» или «дальше». Концовка эта понадобилась, повидимому для того, чтобы как-то магически отвязаться от сказки и от героев, совершающих чудеса. Как мы уже сказали, помимо значения «прочь», «дальше», слово «умбак» может иметь и другой смысл. Развернутое значение его расшифровывается так: пусть сказка продолжается, пусть действуют сказочные герои. Во всяком случае, магический характер концовки весьма вероятен. У многих марийцев и до сих пор еще сохранились остатки представлений о потустороннем мире.

В старину концовка употреблялась для того, чтобы отстранить сказку от марийца. Мариец представлял, что в момент рассказа герои живут, поэтому после рассказа сказку надо отогнать прочь, подальше от себя, чтобы не связать с ней своей судьбы. Сказочник, рассказывая, как бы сам удалялся от действительности в мир чудес, шел вместе со сказкой. С окончанием же рассказа сказочнику и сказке нужно было как бы разойтись. В таком значении концовка употреблялась еще совсем недавно. Сейчас еще отдельные суеверные старики-сказочники, как например Тупинов, употребляя концовку, вкладывают в нее магическое значение. Большинство же сказочников сейчас пользуются концовкой как традиционным, формальным приемом, постепенно изменяя ее значение.

Довольно много новых вариантов концовок прежней марийской сказки дают старые записи Поркка и Генетца.

Концовки, как наиболее устойчивые элементы сказки, лишний раз подтверждают наши соображения относительно развития сказочного творчества у мари. С развитием сказочного творчества идет и развитие творчества концовок. Концовки, являясь более конкретными, более устойчивыми по форме, вместе с тем более общими (в том смысле, что различные сказочники, изменяя сказку, считаясь с традицией применяли одну и ту же концовку), изменялись значительно медленнее, чем текст. Это изменение содержания концовок ярко показывает изменение отношения народа к сказке и свидетельствует о развитии культуры народа.

Пятьдесят лет тому назад концовка «йомак умбак, мэ тэмбак» была основной концовкой. Эту сказочную формулу немецкие собиратели понимали так: «Das Märchen lief seiner Wege, ich bleibe hier» (Генетц № 1), «Die Sage dachin, ich hierher» (Поркка № 10); «Und damit ist das Märchen aus» (Генетц № 16). Горно-марийскую концовку «йомак (ум) пакы, мынь тэвэкэ» Рамштедт переводит: «Das Märchen ist fort, und ich bin hier» (№ 3). Концовку моркинской сказки — «шойа тумбак, мый тэмбак» Вихман переводит: «Die Geschichte mehr dorthin, ich mehr hierher» (№№ 7 и 8,). Как видно из примеров, каждый собиратель переводил концовки по своему. Ближе всего к подлинному значению марийской концовки переводы Поркка, Рамстедта и Генетца. У последнего смысл концовки

передан, пожалуй, точнее всего, хотя и очень длинно: «сказка туда (дальше), я сюда (ближе)».

Из этих ранних записей видно, что у мари в 80-годах этой форме концовки предшествовала другая, более архаичная. Интересно, что старая форма еще не была изжита, когда появилась новая, и они применялись вместе, одна после другой, хотя никакого сходства по значению или по звуковому составу между ними не было. Например, сказка № 1 Генетца заканчивается такой концовкой: «Кулэ гурык, йомак оньыш мынь тонып. Пытыш». Перевод собирателя: «Der Weg ging bergan (?) Das Märchen ging seiner Wege, ich bleibe hier. Damit war zu Ende». Первую, часть Генетц перевел так: «дорога ведет в гору» и справедливо поставил знак вопроса. Действительно, не только иностранцу, хотя имевшему несколько помощников при переводе сказок (в частности русского миссионера Удерминского), но и любому культурному марийцу не под силу перевести эту древнюю сказочную формулу. Перевод затрудняет первый термин «кулэ», который в современном марийском языке отсутствует. Второй термин — «гурык» — означает гору, а в прошлом мог означать и другое. В целом, повидимому, это выражение «кулэ гурык» имеет значение заклинания, применявшегося, по всей вероятности, марийцами при окончании, «закрытии», «прерыве» рассказа. Напомним, кстати, что во время собирания сказок Генетца термин «сказка» — «йомак» встречался реже чем теперь.

Вторая, более часто встречающаяся в начале общей концовки фраза — «илат касат» — переводится Генетцом в следующей форме: «Sie leben und sind guter Dinge, und damit ist das Märchen aus». (№ 16). В сказке № 17 Генетц переводит так: «Und so leben sie fort...». Эта концовочная формула стала применяться в сказке позже, чем предыдущая — «кулэ гурык». Ее иногда можно услышать у стариков и в настоящее время. Она применяется к тем сказкам, где участвуют люди. По смыслу ее можно сравнить с известной русской концовкой: «Живут-поживают», ибо оба слова выражают одно и то же понятие «жизнь» — в переводе «жизнь-жизнь», вернее — «живут-живут». Именительный падеж обоих существительных объясняется как остаток аморфно-синтетического строя. Здесь же нужно заметить, что со временем между этими словами народ стал проводить резкую грань. Первое слово «илат» — «живут» употребляется в положительном смысле — «хорошо живут», а второе слово — «касат» — в смысле «прозябают». В целом значение можно передать: они живут, радуясь и страдая в одно и то же время; живут, переживая все — и хорошее и худое. В доколхозный период, когда беднякам-батракам приходилось тяжело под гнетом кулаков, они со вздохом восклицали: «Илышэт касышэт!» В настоящее время при зажиточной колхозной жизни этих выражений не слышно, они не применяются даже в сказке.

Таким образом, концовка «йомак умбак, мэ тэмбак» приблизительно лет пятьдесят тому назад сама была прикреплена к древней концовочной формуле и имела несамостоятельное значение. Теперь эта концовка стала сама основной, к которой, в свою очередь, различными сказочниками присочиняются новые дополняющие концовки. Различие, однако, состоит в том, что эти новые присочиненные концовки соединяются со старой — основной концовкой, дополняя друг друга, в то время как старая концовка в свое время была присоединена к еще более старой без всякой внутренней связи.

«Йомак умбак, мэ тэмбак» — основная концовка сказки всех мари, кроме моркинских. К этой концовке очень часто прибавляется вторая часть: «лӱдшӱ мари конга ӱмбак», что означает: «пугливый мариец на печку». Старая и новая концовки искусно рифмуются. Нетрудно догадаться, почему именно прибавляется такая оригинальная часть к основной форме. Во-первых, она употребляется теми сказочниками, которые хотят щегольнуть перед слушателями своим мастерством: с этой прибавкой вся концовка кажется целостнее, звучнее, во-вторых, конечно, в этой прибавке имеется зерно истины: в старину сказка, как правило, рассказывается у марийцев зимой и вечером, в другое время рассказывать сказки было запрещено, а зимой мариец спит на печке или на полатях. Естественно, что под конец рассказа мариец залезал на печку, где потеплее и где он чувствовал себя безопаснее от всякого рода сказочных страхов.

Выше мы отметили, что данная основная концовка «йомак умбак, мэ тэмбак» с прибавкой «лӱдшӱ мари конга ӱмбак» употребляется только в Сернурском, Ронгинском и в Торъяльском районе, а в Морках не употребляется. Объяснение этого явления заключается в следующем: во-первых, в Сернуре и в Ронгах сказка связана с целым рядом запретов, строго охраняется традицией, что в конечном счете определяется ограниченным кругом хозяйственной деятельности, связанным только с обработкой земли. В Моркинском же районе сказка давно уже стала обыденным явлением, ничем строго не ограничиваемым. Причина этого широкого развития сказочного творчества в Морках находится в разнообразии хозяйственной деятельности. Одним из главных источников существования является лес. Долгий отрыв от дома, артельная работа в лесу, на сплаве, на смолокуренном заводе, на пасеке. Тяжелая работа у лесопромышленников, условия зимовки в лесу, заставили моркинцев позабыть все запреты, связанные с рассказыванием сказок.

Во-вторых, в Морках нет термина «йомак», а есть только термин «шойа», означающий буквально «выдумка», «вранье». Следовательно, концовка, включающая в себе слово «йомак», была бы просто непонятна для моркинца. Сейчас моркинские сказочники не имеют концовок в сказках; они импровизируют концовки к каждой сказке отдельно, о чем будет сказано ниже.

Сернур и Ронги—сельскохозяйственные районы, где, кроме земледелия, занимаются мелкими ремеслами. Обработка земли вплоть до коллективизации была очень примитивной. Только с организацией колхозов, МТС, появились тракторы, комбайны, сложные молотилки. И не удивительно, что сернурский мариец «гнал» сказку прочь, когда она была рассказана. Действительно, дореволюционный сернурец, не побывавший ни на военной службе, ни на отхожих промыслах, работавший в своем примитивном хозяйстве, стоял по своему интеллектуальному развитию довольно низко. Сказка в его воображении была непонятной, он и верил в нее и не верил. Сама концовка нам подсказывает, что сказка в этих земледельческих районах занимала второстепенное место в фольклоре. Мифические и легендарные сказки рассказывались совсем мало и передавались они без особых переработок. Поэтому-то сказки рассказывались от второго или даже от третьего лица. Мариец боялся не только переделать мифическую сказку, но он боялся за себя, он рассказывал ее как бы с чужих слов: «манэш-манэш».[1]

Итак, в земледельческих районах сказка имела обрядовое и магическое значение, а в Морках потеряла подобную интерпретацию и стала исключительно художественным явлением, удовлетворяющим культурные потребности лесных рабочих. Моркинцы отвергли традиционную общую концовку и тем самым дали творческую инициативу каждому сказочнику.

Концовка «йомак умбак, мэ тэмбак лӱдшӧ мари конга умбак» употребляется в большинстве случаев в фантастических сказках или, как их принято называть, в собственно сказках. Легенды и предания имеют свои концовки. Например, сказочник Актаев (Сернур) после рассказа тотемистической легенды сказал: «Никогда не следует будить человека во время глубокого сна, ибо в это время душа человека выходит через рот погулять на воле. Если внезапно разбудить человека, то душа может остаться на воле, и человек навсегда останется полоумным».

Есть концовки и в бытовых, анекдотических сказках. Применяются они, смотря по смыслу сказки. Так например, в сказках, высмеивающих порочные стороны людей, сказочник Актаев употребляет следующую концовку: «Маленькая жена (т. е. вторая по счету—*К. Ч.*) пекла мне блины и кормила меня ими. Я взял один ломтик, а когда начал брать второй, она стукнула меня сковородником», и прибавил еще: «Так вот, если будешь жить под властью жены». Эту же концовку он сказал, пересказывая пушкинскую сказку «О рыбаке и рыбке» («Золотая рыбка»). В этой концовке некоторые сказочники не говорят

---

[1] У мари есть выражение: «манэш-манэшын капка мэнгыжэ вэлэ кодын манэш» — «у манэш-манэша остались только столбики от ворот». Это—иронический ответ слушателей на употребление слов «манэш-манэш» сказочником.

последних слов, в данной же сказке они очень кстати. Такую же концовку мне приходилось слышать от многих сказочников еще в детстве, но записал я ее только от Актаева. Концовка Актаева является продуктом творчества марийцев. Это—единственная бытующая у сернурских мари концовка, которая в какой-то степени сближается с характером русской концовки. Основной мотив русской концовки известен. Он заключается в том, что сказочник (или кто-либо другой) остается в смешном положении: его обижают, гонят, дерутся с ним «...по усам текло—в рот не попало»; «надели колпак, стали меня толкать; дали мне шлык, я в подворотню—шмыг»; «я не пил, не ел, вздумал утираться — со мной стали драться» и т. д., и т. п.

Часто шуточные сказки марийцев вовсе не имеют концовок: они заканчиваются просто словом «пытыш»—«кончилось». Некоторые сказочники к сказкам о попах прибавляют: «у попа, как и у женщины,—волосы долгие, а, видимо, ума мало». Иногда слушатели сами заключают сказки о попах этой фразой.

Другой сказочник из Кугунура—Ведерников, Андрей Иванович, часто пользуется такой концовкой: «йомак умбак, мэ тэмбак, лӱдшӧ мари конга ӱмбак» и прибавляется к этому еще: «кок йол коклаштэ шэм пача коваштэ», что в переводе значит: «между двух ног черная шкурка ягненка». Ему же принадлежит следующий вариант основной концовки: «йомак умбак, мый вышпышкэ»—«сказка дальше, я на вышку».[1] Ведерников, по своему репертуару, может быть отнесен к специалистам по бытовым сказкам. Всего у него записано 10 сказок; из этих 10 сказок 4 эротических бытовых рассказа, 4—бытовых сказки тоже с сильным элементом эротики, но более или менее приличные, и 2—фантастических сказки. Ко всем четырем сказкам эротического характера Ведерников применяет вышеприведенную концовку.

Манера рассказывать Ведерникова весьма интересна. Он рассказывает чрезвычайно выразительно и с большим увлечением, сопровождает сказку сильной жестикуляцией и произносит концовку точно декламатор или виртуоз-пианист, заканчивающий пассаж сильным аккордом

Концовкой эротического характера пользуется не только Ведерников. Почти такого же содержания концовка встречается у сказочника Яранцева; «йомак умбак, мый тэмбак; ватэ йымак... («сказка туда, я сюда; жена вниз...»).

Кроме этих концовок есть и еще концовки, заимствованные из русской сказки. Их употребляют те сказочники, которые или хотят щегольнуть знанием русских сказок, или считают их составной частью сюжета. Так например, тот же Яранцев,

---

[1] Здесь сказалась его профессия: он работает на пожарной вышке в лесу, причем запись этой сказки происходила на сорокавосьми-метровой вышке, что, видимо, послужило поводом для подобной интерпретации концовки.

давая в конце сказки общерусскую концовку «и я на этом пиру был...», прибавляет еще марийскую концовку «йомак умбак...» (см. его сказки №№ 5, 6, 7). Есть сказочники, которые пользуются исключительно традиционной русской концовкой. К числу таких сказочников можно отнести Соловьева и сернурца Нагорских. Эти сказочники дают точный перевод самой распространенной концовки русской сказки—«и я там был, мед пиво пил, по усам текло, в рот не попало«.

Некоторые собиратели русской сказки отмечают применение концовок русскими сказочниками в целях сбора платы за рассказывание: они просят у слушателей или водки или денег.[1] Подобных фактов у мари не замечено, так как в ранние периоды истории марийской сказки сказочники не были профессионалами, как у русских. Марийская концовка, так же как и русская, касается конкретно сказочника, но не в том смысле, как это имеет место в русской концовке: «и я там был...». Марийская концовка имеет в виду только отмежевание исполнителя от сказки: «йомак ойш, мэ тэйш». Современные же новые концовки касаются только героев сказки.

Мы отмечали уже наличие профессионализма особого порядка в Ронгах и Морках. Однако основная профессия моркинских сказочников иная. Они или сплавщики, или лесорубы, или смолокуры. Они не просили об оплате за рассказывание; сами слушатели давали то, в чем они нуждались: хлеб, табак, или просто ставили на более легкую работу (см. главу о бытовании). Все это создавало конкретные материальные условия для художественной работы сказочника. Сказочник должен был завоевывать симпатию рабочих исключительно своим художественным рассказом. Просьбы и выпрашивание подачек мало могли бы принести выгоды сказочнику. Сказочники у лесорубов в зимовке или у костров около шалашей сплавщиков, зная социальную среду таких же тружеников, как они сами, остро чувствовали необходимость придания политической остроты сказке. Сказочники, видя выражение недовольства или равнодушия со стороны слушателей к обычным концовкам в роде «стали жить да поживать, да добра наживать», начали придумывать новые. Например, Богданов и Филиппов иногда заканчивают сказки тем, что царевичей, получивших престол, сшибают с него, купцов и кулаков раскулачивают, жуликов расстреливают, попов оставляют без церкви. Следовательно, довольно часто концовка является не только формальным моментом сказки, интересным своей архаичностью, но и моментом творческим, художественным, дающим материал для суждения о сказочниках, о развитии сказочного творчества мари.

Чрезвычайно интересны концовки Богданова. Его концовки нельзя причислить к формальным моментам сказки: они орга-

---

[1] Н. Л. Бродский. Следы профессиональных сказочников в русских сказках, Этнографическое обозрение, 1904, № 2.

нически срастаются с содержанием каждой сказки. Скорее всего, эти концовки могут быть названы развязкой сказки. Если старые сказочники закругляют сказку словами «стали жить да поживать, да добра наживать», или «с тех пор живут хорошо» и т. д., то Богданова не удовлетворяют эти обычные формулы; ко всем 15 сказкам он дает новый конец. Ему не безразлично, как закончить сказку. Богданов наделен незаурядным политическим чутьем. Если даже герой сказки обрисован положительно, перенес большие лишения и страдания в результате различных несправедливостей, но добивается, в конце концов, царского престола или богатства, — Богданов, не считаясь ни с чем, чинит с ним расправу. Например, свою третью сказку про трех братьев, которые стали: один попом, другой слесарем, третий вором, он закончил такими словами: «Брат учился на попа; при этой власти его из попов выгнали. Вор, разбогатевший восемьюстами рублями, тоже исчез; только слесарь хорошо поживает сейчас».

Г. П. Богданов в период коллективизации работал членом общества содействия милиции (Осодмил), помогал органам власти и колхозникам разоблачать кулаков. Он хорошо знает, что в условиях Марийской области двухлошадные крестьяне причислялись к зажиточным, это отразилось в его сказке об «Иване и трех сестрах»: «У Ивана стало две лошади, стал он двухлошадным богатым царем; революция его уничтожила. Сейчас и там революция началась». В сказке «Сукаркинский купец» простой солдат Яшка становится генералом. Богданов заканчивает сказку словами: «При революции все это царское отродье исчезло». Если же по сказочной обстановке и по именам герои не подходят к Советскому Союзу, то он отсылает их в другие государства. Например, сказку «О царе Аптуле и его дочери Бордуным» он закончил так: «Царь Аптул умер. На его место стал зять Аладин. Говорят, что Аладин богатый царь, не знаю Америки, не знаю Англии, а может быть и Германии». Или концовка сказки «Деревянный мастер»: «Это государство стало очень сильным — Япония». Конец сказки «Бова-королевич»: «Отродие Бовы-королевича будет государство — Америка».

Богданов, как и все моркинские сказочники, не пользуется традиционной концовкой, а создает новые развязки-концовки. Сказка в его интерпретации представляет собою строго конкретизированный вид фантастического рассказа, всегда повествующего о прошлом или настоящем, как о реальных фактах. В его концовках-развязках устами Богданова говорит советская современность.

В некоторых концовках Филиппов высмеивает купцов. Сказку «Про купца и солдата» Филиппов заканчивает так: «Купец по сей день ходит дураком, а солдат—богатым». Сказка «Хитрый работник» заканчивается так: «Барин так и умер, не сказав жене, а работник с его дочерью до 1917 г. делали свое дело». Сказку об «Иванушке-дурачке», ставшем зятем царя, он закан-

чивает так: «Царь с младшим зятем до сих пор живут хорошо. Это отродье сейчас находится в иностранных государствах». Конец сказки «О чудной шапке»: «И сейчас живут иностранные цари».

Филиппов очень ядовито высмеивает попов. Своими сказками он ведет своеобразную антирелигиозную пропаганду среди колхозников, лесорубов и бурлаков. В концовках Филиппов без обиняков, прямо говорит о классовом лице духовенства. Вот, например, как характеризует Филиппов в своей концовке попов и архиереев: «После того только жулики и могли попадать в архиереи и попы. А кто честный, тех ставили только в монахи. До сих пор это отродье служит попами» (сказка «Дьякон и дьячок учатся воровать»). В другой сказке—«Поп и мулла» говорится о жульничестве попа, как он обманным путем продает мулле филина-ворожею, а распутная жена муллы убивает филина. Мулла остался в дураках, потеряв 100 рублей «После этого поп с муллой не дружат», заканчивает Филиппов.

Особый интерес представляют концовки Филиппова, в которых он борется с суевериями. В этих концовках Филиппов по своему объясняет, например, причины исчезновения волшебников, знахарей, ворожей. В некоторых концовках говорится, когда и почему стали верить этим нечистым силам. Сказку «О царе Салтане» Филиппов заканчивает так: «И сразу же отрубает он голову волшебнице, сестре матери, после чего волшебники исчезают». В другой сказке юноша достает невесту у старого чорта. Чорт хочет съесть жениха и невесту, но это ему не удается. Чорт превращает свою воспитанницу в монастырь, а девушка, в свою очередь, превращает чорта в камень. Эту сказку Филиппов закончил так; «Старый чорт до сих пор стоит, превращенный в камень, а девушка с зятем, благодаря долгой учебе, живут прекрасно, служат в таком же доме, как и монастырь». Еще интереснее концовка другой марийской легендарной сказки. Сюжет таков; чорт хитростью обменял наряд сиротки. Он принят братьями сироты за сестру, а сестра—за нищенку: ее заставляют работать, как батрачку. По спетой ею песне узнают в ней настоящую сестру. Чорта наказывают так, как было сказано в песне сиротки. Чорт уходит с такой песней:

На руки мои привязали грабли,
На ноги мои привязали торчак,[1]
Для питья мне дали воду с сажей,
И едой моей стала красная глина.
После этого я не встречаюсь с людьми.

«С этого момента чорт ушел от людей. После его ухода не стали верить чорту, он стал невидимкой». Эту сказку Филиппов слышал давно, но никому до меня не рассказывал.

---

[1] Торчак—сельскохозяйственное орудие, похожее формой на букву «Т», служащее для собирания в кучу намолоченного зерна.

Своими концовками Филиппов как бы хочет разъяснить слушателям некоторые непонятные вопросы, связанные с верованиями мари, стараясь использовать для этого содержание сказки. Он прекрасно знает, что отсталая часть деревни еще верит знахарям, ворожеям; он стремится показать древность этих заблуждений народа и ненужность их в настоящий момент. Сказку «Иностранный доктор» (сходна с Гриммовской «Доктор всезнайка») он закончил такой концовкой: «После этого случая начали верить ворожникам, царь их наградил. Сейчас и даже теперь верят этим ворожеям и всевидящим».

У него — свои позиции и в вопросах бытовой морали. Его идеал — крепкая, равноправная семья, строящаяся на принципе супружеской верности. Вот как он, например, интерпретирует сказку о «жене муллы». Сюжет сказки несложный: старый мулла женился на молодой девушке, которая завела себе любовника. В конце сказки Филиппов говорит: «И до сих пор молодой татарин продолжает дружбу с женой муллы. Очень просто: старик, женившийся на молоденькой, не может жить мирно. Если уж старик совсем вышел из строя и нет силы, незачем ему жениться... Поэтому молодые девушки не должны выходить за стариков».

5. РОНГИНСКИЕ СКАЗОЧНИКИ

Тупинов, Игнатий Иванович. Крестьянин села Ронги. Колхозник, малограмотный. Родился в 1874 г.

Ронга — старое, марийское село с населением, доходящим до двух тысяч. Стоит оно на большой грунтовой дороге, на полпути между городом Йошкар-Ола и Сернуром. Раньше по этой дороге проезжали уржумские, косолаповские и др. купцы и спекулянты на царево-кокшайскую ярмарку. Поэтому и в самой Ронге была сильно развита частная торговля. Коренные жители села занимались земледелием и отчасти лесными промыслами. До Октябрьской революции Ронга славилась еще своим двухклассным училищем. Эта церковная школа была организована миссионерами для «просвещения инородцев». В самом центре села, конечно, возвышалась церковь.

При Советской власти обличие села изменилось. В здании двухклассного училища помещается теперь неполная средняя школа, в прекрасных поповских домах расположилась больница. Уже четыре года тому назад, по требованию населения, закрыта церковь и приспособлена под склад. С организацией районного центра в Ронгах строятся новые здания под клуб, под школы, под районные учреждения. В общем, заброшенное, серое, очень грязное село превратилось в небольшой культурный центр. В бывшем медвежьем уголке жизнь забила ключем. И, может быть, действительно окажется пророком плотник, ответивший любознательному проезжему: «Мы строим город Ронги».

Дом Тупинова стоит за речкой Ронга, куда он переселился после раздела с отцом. Из хозяйственных построек имеется изба, почти новая, два амбара, один мучной, другой — одежный, старый сруб для «кудо» и старый дом. Задняя часть двора, совершенно пустая, обнесена просто забором. Постройки разбросаны так, что имеют вид двора бесхозяйственного крестьянина, но на самом деле все стоит на месте.

Интересна была встреча с Тупиновым. После короткого знакомства я рассказал цель своего прихода к нему. На заданный мною вопрос, знает ли он сказки, он стал отмахиваться и убедительно доказывать, что он — темный старик; не только сказки, но вообще ничего не знает. Мне пришлось подробно рассказать ему, зачем, как и почему я записываю сказки, как это важно — в частности и для него самого. Постепенно старик стал смягчаться и заговорил совсем по-иному. «Я, ведь, советских сказок не знаю, — сказал он, — если хотите, могу рассказать старинные сказки!» — «А много у тебя сказок?» — спросил я. — «Не знаю сколько, но все-таки наберу на десять дней и на десять ночей». Он почти не ошибся. Я у него просидел 8 долгих летних дней и записал 21 сказку.

Тупинов рассказал мне свою биографию. Начиная с двенадцатилетнего возраста, он никогда не расставался со сказкой — постоянно рассказывал ее. Сказка приходила ему на помощь во все трудные минуты жизни. Благодаря знанию сказок его принимали в артель на любую работу; благодаря сказке он приобретал всеобщее уважение в окружающей среде; благодаря сказке зарабатывал; на мельнице он проходил вне очереди при помоле; получал легкую работу, собирал подарки и привлекал людей к своим предприятиям. В конце своей биографии он сообщил мне: «Раньше я знал очень много сказок, сейчас уже начинаю забывать. Бывало поеду на мельницу и начну рассказывать сказки, чтобы получить очередь, и до утра! Утром помольцы с обидой упрекают меня, что я не дал им спать, а сами все слушают, да слушают, разинув рты».

Жизнь Тупинова протекала бурно. Подобно своим сказочным героям, он совершает длительные путешествия в поисках счастья. Он не сидит на месте, но строит большие планы и старается во что бы то ни стало их осуществить. Еще двадцатипятилетним юношей, когда отец, как говорит сам Тупинов, «с одним крестом на груди» выгнал его из дома, он задался целью ни от кого не зависеть и завоевать себе уважение зажиточной части села. В то время почетными людьми в частнособственнической деревне были кулаки, у которых на гумне гнил хлеб в стогах, и с дворами, так тесно обстроенными, что ни одна курица не могла выйти на улицу. У Тупинова ничего не было. И вот он решается пойти на заработки «в Сибирь» (пойти в Сибирь у мари означает итти вообще на заработки). Четыре года Тупинов проработал чернорабочим на пермских заводах и железнодорожной станции. На скопленные

деньги он смог построить только домик из трех окон. Оказалось, что скудным заработком на черной работе было совершенно невозможно стать зажиточным; нужно было еще обманывать и эксплоатировать.

Когда вслушиваешься внимательно в его рассказ о своей жизни, когда представляешь себе его жизнь, когда вдумываешься в прекрасный установившийся стиль его сказок, то постепенно начинаешь понимать эту замечательную фигуру марийского сказочника. Его стиль, его манера, т. е. все то, что выделяет его из остальных сказочников-мари, выработаны им постепенно, в процессе суровой борьбы за существование. Все противоречивые условия старой капиталистической деревни целиком отразились на его идеологии и обусловили его сказочное творчество.

Игнатий Иванович сам является сыном зажиточного крестьянина, имевшего у себя около полдюжины кладух ржи на гумне, поросшем большими березами. Одиннадцатилетним мальчиком Тупинов поступает в церковно-приходскую школу, где обнаруживает большие успехи в арифметике и в «законе божьем». Три класса начальной школы Тупинов окончил в одну зиму с похвальным листом (говоря о своей учебе, Тупинов гордо произнес: «Я вполне могу состязаться по арифметике с нынешними учителями, у меня ум есть»). Отец Тупинова не дал ему учиться дальше и стал приучать работать в хозяйстве. Зимние вечера, когда уже не нужно было готовить уроки, он начал бегать на беседы, где рассказывались сказки. В эту зиму он сильно заинтересовывается сказками: все, что он слышит, старается запомнить, и постепенно начинает сам, при случае, рассказывать своим сверстникам. По словам Тупинова, в то время в Ронгах не было настоящих сказочников, а если и были, то с очень маленьким репертуаром. К счастью Тупинова в 1887 г. в Ронгу приезжает жить сказочник Николай Егорович. Он переехал из деревни Обалже Ново-Торъяльского района. По воспоминаниям односельчан и Тупинова, он обладал большим репертуаром и особенно хорошо умел рассказывать. Любознательный Игнатий Иванович все свои свободные вечера стал проводить у него в доме, внимательно вслушиваясь в его рассказы, не упуская ни одного слова. Будучи двенадцатилетним мальчиком, он заучил от Николая Егоровича много новых сказок, из коих осталось в памяти его только четыре: 1) «Иван Алексеевич Ласточкин», 2) «Мария Марпевна», 3) «Иван-дурак» и 4) «О бедняке». Кроме того, три сказки заучил он от своего дяди — Василия Трофимовича Тупинова: 1) «Три брата», 2) «Арап» и 3) «Мужик шляпой перехитрил трех попов». В скором времени Николай Егорович умер. Как только Тупинову исполнилось 14 лет, отец стал посылать его на лесные работы. Тупинов живет в лесу, сталкивается с лесными рабочими и начинает сам рассказывать сказки. С другой стороны, он дополняет свой репертуар фантастических сказок новым видом

сказок — бытовых реалистических, широко бытующих в условиях зимовки. Здесь он разучивает «Купеческую дочь», «Попа и работника», «Трех сыновей». На зимовке он знакомится со сказкой «Купец Ион Ионыч» от работника своего отца, моркинца. Будучи двадцати трех лет, в лесу же, впервые он слышит сказку «О золотой рыбке» («Два брата»). В течение трехлетнего пребывания на зимовке Тупинов приобретает навык к свободному рассказу и становится известным сказочником среди лесорубов.

С семнадцатилетнего возраста отец Тупинова привлекает его к своим коммерческим операциям. Игнатий начинает заниматься извозом. Он возит в Казань яйца, на обратном пути везет товар. Но и тут он старается использовать момент. Выбрав свободное время, бежит на сенной базар или толчок и покупает там лубочные издания сказок, сказочные сборники. По дороге домой он читает их. Из заученных им таким путем сказок я записал две: «Лягушка-квакушка» и «Иван Пашпердов».[1] В то время в моркинских лесах часто встречались разбойники, ездить в Казань с одной подводой было не безопасно, и поэтому всегда выезжало подвод десять вместе. Лошади шли медленно, 150 верст ехали двое суток. Тупинову опять представлялась возможность рассказывать сказки, и подводчики были ему очень рады. «Как начну рассказывать сказку, подводчики, как мухи к сахару, начинают липнуть к моему возу, и так незаметно проходило время», — рассказывает Тупинов о своей жизни.

Уже к 25 годам Тупинов становится вполне зрелым сказочником. Весь этот период он посвятил себя заучиванию новых сказок, усовершенствованию в мастерстве рассказывания. Все 21 сюжет, записанные мною, он знал уже к 13 годам и по нескольку раз рассказывал их в зимовке, в деревне и по дороге в Казань. За это время он заучил основные сюжеты волшебных сказок, усвоил сказочную обрядность, стиль сказки, по образцу которых в дальнейшем он начал развивать собственное сказочное творчество.

Когда Тупинову исполнилось 25 лет, отец выгнал его, не выделив ему никакого имущества. Конечно, ему, как сыну зажиточного крестьянина, не освободившемуся еще от предрассудков своей среды, стало не по душе жить на квартире и в чужом доме. Оставив жену с ребенком, он выезжает «в Сибирь» на заработки, останавливается в городе Перми и устраивается на пивоваренный завод чернорабочим. Вот, что говорит сам Тупинов об этом: «На заводе меня очень любили за сказки. Бывало позовет меня приказчик: «Давай, расскажи мне хорошую сказку. Потом подам тебе пива». Признаться, я тогда очень любил пиво, и давай рассказывать. И правда,

---

[1] В сказке «Лягушка квакушка» старшие сыновья посылают своих жен «на толчок» покупать рубашки. Здесь налицо влияние Казани.

если сказка понравится ему, он поил до пьяна; если же нет, то давал только бутылку». Вскоре Тупинов стал на заводе популярным сказочником, особенно среди рабочих.

Проработав два года на пивоваренном заводе, он убеждается, что при такой низкой оплате ему не накопить необходимой суммы денег. Он снимается с работы и едет дальше. Останавливается на узловой железнодорожной станции, поступает в столовую депо в качестве «кашевара». В свободное время рассказывает сказки работникам кухни, рабочим депо. По вечерам рабочие приглашают его на дом, в бараки. На этой работе он смог заработать больше денег. В 1914 г. Тупинов приезжает на родину и строит дом.

На этом Тупинов хотел закончить свои путешествия «в Сибирь». Однако в 1914 г., когда была объявлена война, Тупинов, чтобы его не забрали на военную службу, едет в Казань и поступает на пороховой завод чернорабочим, где работает 4 года. Здесь опять Тупинов приобретает большую популярность как сказочник среди рабочих завода. Долгая жизнь на стороне и тяжелые условия работы заставляют этого умного человека развивать и использовать все свои способности. Рабочая среда действует на него оздоровляющим образом: Тупинов становится более культурным, начинает понимать свое положение, как эксплоатируемого человека. Вместе с тем у него изменяется взгляд на сказку. Если раньше, находясь в крестьянской среде, он видел в сказках только занимательную мифологическую сторону, то здесь, среди рабочих, Тупинов вкладывает в сказки и политический смысл. В героях сказок он начинает видеть представителей классов, сословий, представителей трудового народа и начинает сознательно выражать лучшие чаяния и ожидания народа. Тупинов понял художественную ценность сказок и по-новому подошел к задачам рассказчика. Работая на заводе, в воскресные дни он снова ходит на толкучку искать сборников сказок. Тупинов покупает уже всякие сказки для пополнения своего репертуара, так как имеющиеся у него сказки уже не могли больше удовлетворять требований рабочей аудитории. В этом страстном увлечении сказками Тупинова проскальзывает своеобразное скопидомство: он делает запас сказок на будущее, «на черный день». Он приобрел навыки свободного художественного рассказа на двух языках, обогатил свой репертуар несколькими десятками сказок, начал разбираться в социальной стороне сказок и стал серьезнее прислушиваться к запросам слушателей, чего недоставало ему в первые периоды творчества.

В 1920 г., после восьмилетней работы на стороне, Тупинов возвращается в свою деревню и приступает к налаживанию своего хозяйства. Он постепенно строится, заводит скотину, сеет хлеб и, в конце концов, поднимается до уровня середняка. В 1930 г. Тупинов входит в колхоз, будучи середняком. В этот период — с 1920 по 1930 гг. — прочно утверждается слава

Тупинова как большого мастера-сказочника. Он рассказывает сказки везде и всюду. Почти каждую зиму уходит в лес на лесные работы, работает на смолокуренном заводе чернорабочим, на сплаве, всюду рассказывая свои сказки. Рассказывает он сказки также и в своей деревне. Здесь рассказывает он, однако, только волшебные сказки, избегая анекдотических.

В 1928 г. начинается волна коллективизации, и с организацией колхозов обостряется борьба в деревне. Кулачество оказывает сильное сопротивление организации колхозов. Беднейшая часть крестьянства бесповоротно входит в колхозы, являясь основной опорой советской власти в борьбе против кулачества, как класса. Отсталая часть середняков, вследствие агитации кулаков и попов, колебалась, и только с ликвидацией кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации, произошел окончательный перелом. Середнячество стало на путь колхозов бесповоротно. Затем идет период организационно-хозяйственного укрепления колхозов. И наш Тупинов, будучи середняком, не мало колебался: то подавал заявление о вступлении в колхоз, то выходил из колхоза. Только в 1931 г. Тупинов окончательно вступает в колхоз и начинает, с присущей ему деловитостью, участвовать в коллективном труде. Несмотря на свои 60 лет, в 1934—1935 хозяйственном году Тупинов зарабатывает наравне с передовыми членами колхоза 250 трудодней, получает много хлеба и других продуктов. Тупинов очень гордился своей победой и неоднократно рассказывал мне потом с улыбкой о своих трудоднях, строя различные планы улучшения своего личного хозяйства, — и действительно, уже летом 1936 г. хозяйство его значительно расширилось.

Теперь несколько слов о его творчестве, о стиле и структуре его сказок. Каждая сказка Тупинова, кроме ее художественного значения, имеет определенный социально-политический смысл, который особенно подчеркивается различными замечаниями и сентенциями сказочника. Внося в сказку новые моменты, соответственно своей идеологии, Тупинов в корне изменяет первоначальный смысл сказки, — тот, который он усвоил от другого. В результате, мы получаем новую сказку с особым тупиновским стилем.

Прежде всего, личные сентенции Тупинова вносятся в сказку в виде вводных предложений или в виде разнообразных «ремарок». Тупиновские ремарки нетрудно заметить, ибо они очень выпукло выделяются из всего контекста. Эти ремарки делаются от первого лица, между тем как вся марийская сказка говорится от второго и третьего лица. Тупинов сам как-то отделяет их от общего рассказа, хотя бы эти выражения требовались при обычном рассказе сами собой. Каждый раз, когда Тупинов употреблял свои ремарки в рассказе, он просил меня записать их, говоря: «это нужно», «это обязательно надо записать», «запиши, пожалуйста» и т. д. Он боялся, как бы я не

оставил их без внимания. Без них он считает свою роль сказочника-творца невыполненной. Этими ремарками он так или иначе отделяет себя от других сказочников, стараясь быть неподражаемым. Интерпретируя сказку на свой лад, он хочет дать слушателю что-то новое, вскрыть ее социальный смысл, идею. Он прочувствовал каждую свою сказку до мелочей, потому заранее уже знает, где нужно сделать ударение и что нужно оттенить. В каждой его сказке у него есть свои любимые образы, которые он старается представить наиболее полно, с положительной стороны. И манера, и разнообразные приемы рассказывания Тупинова подчинены раскрытию внутреннего содержания сказки, именно такого содержания, как он понимает ее сам. Следовательно, ремарки Тупинова нужно рассматривать, как отражение его классовой идеологии в сказочном творчестве.

Тупинов, как мы сказали выше, является одним из самых крупных мастеров марийской сказки. Его мастерство сложилось еще до революции и до его вступления в колхоз. Почти все волшебные сказки он заучил еще в двенадцатилетнем возрасте от религиозно настроенных стариков: Николая Егоровича и Василия Трофимовича, что, безусловно, оставило некоторый след. Тупинову сейчас уже 62 года. Местами у него очень заметно проскальзывают следы этого старого мировоззрения. Не объяснить же эти непонятные места слушателю он не может, ибо он очень активен при передачи сказки и стремится, чтобы слушатели поняли его сказку. Неудачи героя в некоторых сказках он склонен оценивать его греховностью. Это делается в тех случаях, когда социальная природа героя затушевана. Удачи же героя с приближением сказки к концу иногда рассматриваются им, как искупление грехов. Например, в сказке «Арап» герой сказки Иван вместо одного ковша воды, который ему разрешил выпить конь, выпивает два, заглядываясь на девушку, и тем самым набирается столько греха, что одиннадцать лошадей не в силах тронуть его с места, и конь героя уже не может посадить его на себя. Вот его объяснение: «Не очень-то легкий, как же выдержит жеребец, когда много накопилось грехов. Не надо было ему заглядываться на девушку». Тупинов не может не оценивать событий сказки — такая уж у него сложилась манера, но в нем еще очень много старого, отжившего, что мешает ему видеть мир таким, каков он есть.

Следующая небольшая группа ремарок перекликается у него с отголосками его былой мелкособственнической психологии. Эти мелкособственнические стремления, зародившиеся еще при жизни отца, отражаются в некоторой степени и на его сказках. Репертуар его сказок состоит в большинстве случаев из волшебных сказок с некоторыми чертами купеческого быта (см. сказки №№ 1, 2, 4, 11, 14, 15, 16, 19). Он не может быть беспристрастным к поступкам героев, он всегда их с той или иной стороны оценивает. Например, в сказке «Иван Пашпердов»

он был удивлен безхозяйственностью приказчика Василия Алексеевича, отпустившего целый воз заграничного сукна без акта. Рассказывая об этом, Тупинов со вздохом произнес: «Ах, на сколько тысяч было там товару, он отпустил без акта!»

В третью группу выделяются те ремарки-замечания, в которых Тупиновым дается классовая характеристика различных слоев общества и высказывается то или иное отношение к ним. Если бы мы ограничились указанием только на два предыдущих момента, мы получили бы однобокое представление о классовом лице Тупинова, ибо переплетение религиозного и частнособственнического миропонимания характеризует его только как бывшего крестьянина-собственника, а ведь у него еще есть и другое лицо — лицо крестьянина-труженика, сейчас — колхозника. Восьмилетняя работа на промышленных предприятиях среди наемных рабочих, постоянная работа в лесу по найму, бедняцкое положение его до Октябрьской революции — все это выработало в нем чувство ненависти к самодержавию, к чиновничеству, полиции, к различным эксплоататорам. Только сопоставив все эти личные моменты, можно понять сущность его творчества в настоящий момент. Видя и активно участвуя в строительстве нового общества без эксплоатации, без спекуляции, убеждаясь на своем опыте, что только при колхозном строе он может наладить свою жизнь, Тупинов не может сразу найти реальных оснований для оправдания своего недавнего положения. Он всю свою жизнь мечтал и стремился стать зажиточным крестьянином. Только при невероятных усилиях он еле-еле достиг середняцкого положения, а при этом ему приходилось пускаться иногда и в разные сомнительные предприятия. Между тем в колхозе он без всякой хитрости с каждым годом поднимает свое благосостояние. Люди с таким прошлым и с такой силой воли, как у Тупинова, когда сами они начинают перестраиваться в общем ходе социалистического строительства на конкретном коллективном труде, не могут не переживать моментов собственного перерождения. Такой переходный момент переживает сейчас и Тупинов.

В своих сказках Тупинов делит общество на три сословия: 1) господа, 2) мещане и 3) крестьяне. В сказке «Иван Алексеевич Ласточкин» царь стремится узнать, чьи же звери сорвали у него три свадьбы? Для этого он сперва призывает господ, в лице генералов, полковников, министров, т. е. тех, кого он (Тупинов) считает паразитами общества. Затем царь призывает второе сословие — мещан, в лице городской мелкой буржуазии — торговцев, лавочников и т. д. И самыми последними царь созывает всех крестьян без подразделения. Причем Тупинов крестьян ставит гораздо выше, чем остальные два сословия. Тупинов ненавидит господ, особенно военных — генералов, полковников, офицеров, — считая их праздно живущими мародерами. Я как сейчас вижу ту злобную мимику Тупинова, которая сопровождала его рассказ об этих генералах в конце сказки «Иван

Пашпердов». «Ну, хорошо ли себя чувствуете?» — спрашивает Иван Пашпердов своих мучителей — генерала и его жену, повесив их на виселицу в рубашке сумасшедшего. В сказке «Иван Алексеевич Ласточкин», когда к концу сказки выяснилась полная лживость генеральских сынов, Тупинов торопится поскорее от них отделаться. Когда их расстреляли, как негодяев, Тупинов пренебрежительно махнул рукой и сказал: «Ай-да, пусть идут, не мешают!» Тупинов не ограничивается одним лишь презрением к этим господам, но старается вскрыть перед слушателями их гнусные дела, — рассказывает о методах, какими эти господа добывают себе средства для кутежей. Сказочник говорит о взяточничестве офицеров, используя при этом марийскую народную поговорку. Старший по конвою поручик отвечает на просьбу арестованного Ивана Пашпердова, просившего его о передаче приказчику записки, так: «Послать пошлю,— отвечает поручик, — но сухая ложка рот дерет» («кукшу совла умшам купкедеш»). Иван дает им по тысяче рублей.

Тупинов постоянно подчеркивает жестокость царей. С каким ядовитым выражением опровергает Тупинов в сказке слова старушки, сказавшей, что царь из жалости к народу отдает свою родную дочь на съедение дракону. Тупинов тотчас же вставляет свое замечание: «Жди, будет царь жалеть народ!» В тех случаях, когда в сказке говорится неправда, Тупинов делает обычно общее замечание: «сказка так сказка уж!» И вообще он верит в сказку: если в сказке чувствуется какая-нибудь неправдоподобность, он оговаривается и то исправляет ее, то сваливает всю вину на сказку [1].

Особенно много употребляет Тупинов ремарок социального порядка. Эти ремарки характеризуют стиль, манеру, особые приемы рассказа сказок Тупиновым, его художественное творчество в целом. Эти ремарки связаны непосредственно с ходом действия сказки, подчеркивают детали, оттеняют и выпячивают отдельные места в рассказе. Исключительная цель введения этих ремарок — разъяснить, углубить смысл, довести до сознания слушателей все тонкости сказочного измышления. Эти ремарки чаще всего вставляются между разговором двух героев и реже всего между монологом и действием. Если принять во внимание простой и в то же время строгий стиль тупиновской сказки, состоящей почти сплошь из монологов и диалогов, то эти короткие ремарки бывают подчас более чем необходимы и уместны. Они призваны выполнять социально-ориентирующую функцию для слушателя. Во-первых, они разъясняют непонятные места; во-вторых, они усиливают внимание слушателя; в третьих,

[1] Д. К. Зеленин не сомневается в вере вятских сказочников в свои сказки: «Вера моих вятских сказочников в содержание рассказываемых ими сказок еще бесспорнее, чем вера в свои сказки пермских сказочников». Веру в действительность описываемых событий в сказках у Верхорубова он отмечает по его восклицаниям. См. Великорусские сказки Вятской губернии, стр. XXIV.

помогают слушателю устанавливать причинную связь, канву действия сказки и, в четвертых, настраивают слушателя по отношению к герою, иногда враждебно, иногда сочувственно [1].

В сказке «Иван Васильевич» сестра героя говорит брату: «На постели с тобой, — говорит, — шуба, а не жена» (она была волшебницей, колдуньей)» Говорит пастух: «Ну и дал бог мне собаку!» (раз собака, то — человек!) Царь спрашивает Ивана: «Если дам тебе полцарства, хватит?» (Иван будет, будто, королем!) «Собака вбегает в магазин и выносит мышьяк (сам торговал, так знает!) В сказке «Жар-птица» царевна испугалась волка (вовсе-то не умерла!) Царь спрашивает: «Где же мой Иван скитается теперь?» (он его очень любил!) «Идет Кащей бессмертный (этот человек никогда не умирал!) В другом месте Тупинов разъясняет: «волк знает все, но не говорит!» В конце сказки серый волк говорит: «Ну, Иван-царевич, ухаживай ты за мной до самой смерти!» (раз он [волк] теперь перестал быть волком, освободился от волшебства? он был, оказывается, человеком!). В сказке «Иван-царевич» ребенок только родился и начал ползать (в сказке, ведь, скоро)! Последнее выражение относится уже к типическому выражению в роде: «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». В сказке «Мария Мариевна» старушка дает герою полотенце и говорит: «С этим полотенцем ты не пропадешь» (как со сватом-разумом!). В сказке «Иван Алексеевич Ласточкин»: «Взмахнул Иван скатеркой через огненную Волгу (все Иван, в сказке, ведь все так!) и сделался мост». Солдаты зовут Ивана: «Ай-да, сопляк, тебя просит царь!» (он не любит, когда его называют сопляком!) В сказке «Содыр» спрашивает пьяная попадья: „«Сидор, продай корову!» (раньше у Сидора была хорошая корова!)“ и т. д.

Вот примеры ремарок, усиливающих впечатление. В сказке «Иван Васильевич» — «Сатана в последний раз велит Ивану положить полповозки золота (а богатый же был, проклятой!)» В сказке «Жар-птица» царь, задержавши Ивана с жар-птицей в руках, посылает его за золотогривым конем. Тупинов восклицает: «Вот, опять куда придется ехать!» В сказке «Иван-царевич» молодые богатыри играют с мечом: бросив мечи высоко вверх, подставляют голову. Тупинов вскользь замечает: «Видимо, силы у них нет?!» В сказке «Василий-охотник» герой в поисках исчезнувшей жены приходит к младшей сестре ее: „«Мама, — говорит дочка сестры, — зять пришел» (вот куда попал, вот чья дочь была его жена! небось, он послал ее нарошно!)“ Герой спрашивает старушку: „«Найдешь ли мне «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума»“ — „«Найду!» (вот оно старуха!)“. Там же герой приказывает «Шылт-мылту»: „«Ты должен построить большую гостиницу» (вот что открывает теперь!), а они строили ее не больше трех суток (скоро выстроил — наверное, помогла!)“ В последнем выражении Тупинов

---

[1] Примеры разъясняющих ремарок будут поставлены в скобки.

подразумевает помогающих чертей, только воздерживается лишний раз называть их по имени. В сказке «Мария Мариевна» герой поочередно приходит к своим трем зятевьям. Первый зять «ворон» поздоровался с ним, причинил боль в плечах (Тупинов замечает: вот какой сильный); второй зять коршун чуть не вырвал руку (вот какой был сильный), а третий зять во время здорованья совсем вырывает руку. Тут уж Тупинов ничего не прибавляет. Чтобы держать слушателя в постоянной настороженности, чтобы внимание его не понижалось, сказочник иной раз применяет восклицания: «вот!», «вот оно что!» как бы подсказывая ответы слушателю.

Значительно реже встречаются ремарки, которые в той или иной степени подготовляют слушателя заранее ко всякого рода неожиданным и противоестественным явлениям. Эти ремарки свидетельствуют о высоком мастерстве Тупинова и о своеобразных стилистических приемах его творчества. Например, в сказке «Семь Семенов» один из Семенов отвечает царю на вопрос «А ты чему научился?» — «Я все могу шить!» Тупинов тут же вставляет фразу: «И дерево шьет, видать!» Действительно, впоследствии этому герою приходится сшивать расколовшийся корабль в море. В сказке «Иван Алексеевич Ласточкин» мы имеем такое место: «А если у царя потеряется что-нибудь, то нельзя обвенчать дочь (сказка, так сказка уж!)» К такого рода напоминаниям слушателям о том, что они имеют дело со сказкой, Тупинов прибегает только в исключительных случаях; как правило, Тупинов всегда стремится к аргументации поступков героев, явлений сказки и т. п., чтобы его сказка была более реалистична и чтобы она не показалась слушателям наивной или нескладной.

Вот несколько примеров ремарок, задача которых настраивать слушателя определенным образом по отношению к герою. В сказке «Иван Пашпердов» генерал уезжает с женой героя, не оставив ему ни гроша денег. Тогда герой со вздохом говорит: «Эх, меня обманули, и я обману кого-нибудь». Тупинов вставляет фразу: «Будешь жуликом, что же поделаешь!» Чудесно оживленная жена Ивана Пашпердова платит мужу несправедливостью: пишет ложный донос царю, оставляет без денег и, наконец, убивает его. При этом Тупинов, стремясь создать явно отрицательный образ, вставляет свои замечания вроде: «Вот и верь женщине: он ее оживил — она его убивает!» или: «Верь жене, оживи ее!» В сказке «Жар-птица» серый волк говорит Ивану-царевичу: «Но, давай, еще повезу; сам ты не жалел мне» (вот еще какой хороший волк)! В сказке «Иван-царевич» за героем гонится нечистая сила, он же, превратившись в золотой камешек, падает в ведро с водой — Тупинов замечает: «Вот какой хитрый!» — В той же сказке генералы увозят царевну к дракону на съедение и спешат удалиться от того места, говоря: «Может съест и нас!» Тупинов иронически вставляет: «Вот они, силачи-то!» — Тупинов поддерживает у слушателей чувство

ненависти к лжецам и трусам. Когда Иван-царевич бросает их на дно озера, Тупинов опять со злой иронией восклицает: «Пропадайте, женитесь теперь на царевне!» В другой шуточной сказке об Иване Звереве, который получил это прозвище за то, что убил много мышей на гумне, Тупинов искусно пользуется ремарками, стремясь усилить комическую сторону сюжета. Убив на одной из остановок около трехсот мух, Иван Зверев, очень довольный, едет дальше. По просеке его догоняет настоящий богатырь и кричит ему сзади: «Стой, Иван Зверев!» От сильного богатырского голоса Иван Зверев слетел со своей клячи. Тупинов тут же замечает: «Вот какой силач-то был!» На вопрос богатырей «Куда поедем дальше?» — Иван Зверев отвечает: «Поедем за царской дочкой!» Тупинов вставляет замечание: «Вот еще что делает, сопляк!»

Из 21 сказки, записанной от Тупинова, 20 соответствуют русским или международным сюжетам. Интересно, что именно нового вносит сказочник в свои сказки во время рассказа на марийском языке для марийской аудитории. Как видно из репертуара, Тупинов предпочитает фантастические сказки. К ним он относится с наивной, ребяческой любовью. Если же слушатель не выразит какого-либо отношения к рассказанной им сказке, он сам постарается напомнить ему. Например, во время рассказа сказки «Мария Мариевна» он вставляет фразу: «Эта сказка ничего, ведь, хорошая!» Здесь он выступает как любитель и пропагандист сказки. Для того, чтобы привить эту любовь к сказкам, он старается преподнести сказку в целостном виде, с сохранением сказочного колорита. С этой целью он не стремится переводить на родной язык постоянные эпитеты, общие места, имена героев, диалоги героев, приветственные слова и целые выражения. Надо отметить, что он делает это там, где действительно есть необходимость в создании эффекта, что может быть на марийском языке звучало бы не совсем убедительно и диссонировали бы с общим духом сказки. Например, такие имена героев, как Иван-царевич, Иван-дурак, Елена Прекрасная, Кащей-бессмертный, Бусурманский богатырь, Мария Мариевна, Лягушка-квакушка, Яга-ягиница и т. д., характерные для русской сказки, конечно, нет никакого смысла переводить на марийский язык, ибо вся сказочная обстановка чужда марийцу; без сказочного контекста они непонятны марийцу.

Боясь исказить смысл сказки, Тупинов не переводит иногда названий, собственных имен и эпитетов предметов — море, змея, дубина, — хотя и в марийском языке существуют им эквиваленты: «тэнгыз», «кишкэ», «шубын» и т. д.

Точно так же, следуя своему принципу, в отношении сохранения полноты стиля, Тупинов точно передает так называемые постоянные эпитеты, вроде: «сильный могучий богатырь Иван Зверев», «серый волк», «зайчик серенький, попляши» (у него звучит — «шэренький»), «добрый конь» и т. д. Однако такие

эпитеты русской сказки, как «белокаменные палаты», «синее море» и пр. в марийской сказке отсутствуют, и Тупинов ими не пользуется. Иногда Тупинов не переводит на марийский язык некоторых общих мест, например: «фу! русским духом пахнет», „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», дай нам музыку!», «ой, беда!», «утро вечера мудренее» и т. д. В таких местах сказки, где необходимо особо оттенить какую-нибудь сторону явления, но невозможно это сделать при помощи марийского языка, он выражает ее русскими терминами. В одной сказке прибегает на свадьбу волк с тем, чтобы украсть что-нибудь, и начинает плясать. Тупинову здесь нужно было дать все возрастающую картину доверия к волку у свадебников, вследствие чего волку удается украсть ложку. Вот это место: «Пирэ тугай веселый, ласковый, пирым пэш йоратэныт. Пирэ кушташ тӱналын». «Ой молодец, да молодец, — маныт, — серый волк».[1] С одной стороны, вставляя русские слова, Тупинов хотел здесь показать, что свадьба происходит не у марийцев; с другой стороны, соответственные марийские эпитеты к волку на марийском языке были бы просто нелепы, так как марийцы не могут себе представить, как это волк может быть веселым и ласковым.

На русском же языке Тупинов выражает приветственные слова которыми обмениваются главные герои сказки. Например: «здравствуй, лягушка квакушка!», «здравствуй, Иван-царевич!» Почти у всех марийских сказочников также передаются такие приветствия как: «здравствуй, ваше императорское величество!», «здравствуй, Иван-царевич!» Кроме того, Тупинов любит выделять при помощи русских выражений слова приказа или команды. Например, в сказке «Иван Пашпердов» герой дает приказ: «Ну, полковник, командуй!» В сказке «Ион Ионыч» («Неверная жена») купец, выигравший в споре два магазина с товаром, приказывает Ион Ионычу: «ну, ындэ магазиным прост!» и делает ударение на последнем слове «прост». Наконец, иногда Тупинов допускает диалог на русском языке. В сказке о хитром мужике герой приходит в кабачок, вынимает из кармана холщевую шляпу и спрашивает буфетчика: «На эту шляпу доверяешь?» — «На эту шляпу можно доверить на тысячу рублей!» Тупинов в каждом таком случае стремится создать перед слушателями характерную и наиболее правдоподобную сказочную обстановку.

В отношении руссизмов марийской сказки можно добавить еще следующее. Во-первых, по наличию и расстановке русских выражений в сказке можно говорить о степени мастерства марийского сказочника; во-вторых, можно приблизительно установить время проникновения сказки в другую национальную среду. Правда, на этом пути мы можем встретить большие затруднения. Если мы возьмем марийскую сказку, легенду, предание, являющиеся продуктом творчества народа, или между-

---

[1] „Волк такой веселый ласковый. Волка сильно полюбили. Волк начал плясать. «Ой молодец, ой молодец, серый волк!» говорят свадебники".

народные сюжеты, пришедшие в марийскую среду в большинстве случаев через русский язык, — вследствие долголетнего бытования они так изменяются в стиле, в образах героев, что очень трудно бывает иногда отыскать какие-либо следы проникновения. Взять, например, общеизвестную сказку об «Иване-дураке», достающем себе царевну при помощи Сивки-бурки. Эта сказка так сильно «акклиматизировалась» у мари, что иногда приходит даже мысль, — а не являются ли творцами ее марийцы? Но сюжет и сказочная обстановка определенно свидетельствуют о немарийском происхождении этой сказки. В конечном счете, народ, творя устные произведения, создает такие образы, для выражения которых имеются соответствующие термины в языке. Образы, рождающиеся в творчестве фольклора, соответствуют уровню развития экономики и культуры народа. Отсутствие в марийском языке терминов, соответствующих терминам другого языка, не говорит еще о низком уровне культуры народа: скорее всего они свидетельствуют о своеобразии развития этой культуры в национальных формах, по содержанию соответствующего уровню развития производительных сил.

Из вышеприведенных примеров ясно видно, что Тупинов на русском языке выражает только формальные моменты в сказке, эпитеты, общие места и пр., притом не незнание родного языка и не щегольство заставляет его прибегать к ним, как это делает, например, сказочник Соловьев, но необходимость сделать сказку более действенной, более интересной и глубокой по содержанию. Тупинов не всегда пользуется русским языком даже в формальных моментах сказки. Например, если герой произносит какое-либо из этих общих мест с угрозой, тогда Тупинов приводит их на русском языке; если же эти общие места употребляются героем без угрозы, с теплотой, мягко, для начала разговора, — он всегда их произносит на марийском языке. Так, в сказке «Мария Мариевна» Иван-царевич поочередно приходит к своим зятьям — ворону, корпуну и ястребу — в их отсутствие. Прилетая домой, они спрашивают сестер Ивана: «что-то русским духом пахнет», а сестры отвечают: «ты гулял среди русского народа, потому тебе чувствуется так». Любопытно, что Тупинов всякий раз настоятельно просил записать эти выражения, говоря, что, мол, это очень важно.

Имеется специфическое выражение русских сказочников, часто повторяемое в рассказе: «скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Тупинов в необходимых местах эту фразу заменял словами: «в сказке ведь скоро», или: «в сказке года идут скоро, а на самом деле они очень длинные».

Здесь же необходимо упомянуть о влияниях родной и городской обстановки на содержание тупиновской сказки. Как мы видели из биографии сказочника, город имел большое влияние на него, ибо почти треть своей жизни он провел в промышленных городах: Перми, Казани. В этих городах он расширил кругозор и обогатил свой словарь русскими терминами. К тем

русским выражениям, которыми Тупинов пользуется сейчас, он привык еще в то время, когда ему приходилось рассказывать сказки русским слушателям — приказчику, рабочим депо, рабочим порохового завода, казанским лавочникам. Такие русские слова, как «извозчик», «мещанка», «слуга», «служащий», «толчок», «акт», «заседание», «постановление» [1] — постоянны в обиходе его сказки. А такие слова, как в сказке «Иван Васильевич» — «полицейский», «каторга», «акушерка»; в сказке «Сидор» — «зырянка», в сказке «Ион Ионыч» — «слободка» — являются словами только данной сказки, заученными вместе со сказкой от марийских и русских сказочников или из сборников. Не переводит он их из-за отсутствия на марийском языке соответствующих терминов и для сохранения специфического стиля каждой сказки в отдельности.

Однако немало предметов и образов вводит все же Тупинов из родной ему марийской обстановки. В сказке «Иван Васильевич» вместо избушки на курьих ножках встречается герою «зимовка». Вместо склепа в сказке «Иван Пашпердов» мертвая царевна лежит в дощаном чулане. «Йул» (Волга) заменяет в сказках огненные реки, преграждающие путь чорту, а иногда заменяет море. Эти слова приводятся сказочником не как сравнения, что зачастую встречаем у русских сказочников, а как настоящие сказочные предметы.

Пример употребления Волги вместо моря и других рек в сказках проливает некоторый свет на проблему марийского языка и мышления. Здесь мы имеем дело с остатками аморфно-синтетического строя в современном марийском языке. Марийский крестьянин может назвать «Волгой-водой» любую реку или даже море, ибо у мари нет специального термина «река», его заменяет «вода» вообще, а когда речь пойдет о знакомой реке, он прибавит название; например: «Волга-вода», «Вятка-вода» и т. д. Подобные явления в марийском языке не единичны и встречаются довольно часто. Конкретность мышления позволяет посредственным сказочникам вводить эти выражения в большом количестве. В результате действие сказки зачастую происходит совсем близко от дома сказочника. У Тупинова, как у человека бывалого и развитого, такие выражения встречаются сравнительно реже.

Тупинов всегда точно определяет расстояние, пройденное героем или оставшегося ему пройти пути. Например, Иван Кухаркин в сказке «Золотая рыбка» идет к озеру, которое находится в 30 верстах от столицы. Василий-охотник идет к избушке за Сватом-разумом в 100 верстах от переправы. Тупинов всегда точно определяет сумму денег, количество людей, зверей, исполнителей приказов. Например, Иван Пашпердов нанимает извозчика за 5 рублей, дает взятку по тысяче рублей, занимает денег полмиллиона, жена Василия-охотника вызывает 15

---

[1] Последние два термина вошли в сказки Тупинова уже в недавнее время.

служащих, сам Василий-охотник берэт от царя сто солдат. В сказке «Арап» герою дают 11 лошадей, чтобы привести дуб. Здесь сказочник Тупинов нарушает традиционные цифры русской и марийской сказки, в то время как другие сказочники пользуются еще обычными магическими цифрами 12, 40, 41, 77. Для Тупинова в данном случае играет роль не традиция, а ход событий в сказке: трудность и легкость задач, значение данного явления для сказки, наконец, по чьему велению эта мероприятие в сказке проводится, симпатизирует ли сказочник данному герою. Вообще, он заинтересован в создании желаемого образа перед слушателем.

Необходимо также подчеркнуть психологизм тупиновских сказок. Если бы мы ограничились только анализом его вставных замечаний (ремарок), стоящих иногда вне общего контекста, мы не получили бы полного представления о художественной стороне его сказки. Тупинов же силен именно созданием глубоких психологических образов. Благодаря большому мастерству создавать образы героев и изображать их переживания, Тупинов частенько заставляет плакать свою аудиторию. Ремарки же только углубляют, разъясняют, иногда дорисовывают портрет героя, пейзаж, обстановку и пр. В его сказках нет ни одного лишнего слова, он мастер создавать образы краткими выражениями, иногда простым изображением походки героя, одним его движением, одной фразой. Пейзаж рисуется им тоже очень кратко — в двух-трех словах, вроде: «Кэчэ пэш чэвэр» — «Ясный (солнечный) день!» Так же кратко рисуется им портрет героя, например: «Тудо пэш йандар, чэвэр» — «Он очень крепкий, красивый!» Когда нужно показать исключительную красоту героини, Тупинов рисует двумя однозначными словами: «Пэш мотор, мэш чэвэр». При этом он сравнивает красоту девушки с солнцем — «Она, как солнышко красива», а красоту мужчины — с золотом. Тупинов больше всего обращает внимание на ход действия, на интриги героев, на характеры героев, вследствие чего его сказка очень сочная, глубокая по содержанию и динамичная.

В психологическом отношении интересен эпизод в сказке «Лягушка-квакушка». В сказке царь дает задание трем сыновьям разыскать себе по красивой девушке, и чья девушка-невеста окажется красивее всех — тому царство! Иван-царевич, вместо девушки везет лягушку. «Приходит домой, за столом уже сидят красивые девушки братьев, а у него лягушка! Сажает он хорошенькую лягушку на стул, как я сижу, вот так. Потом она усаживается поудобнее сама». Отец спрашивает Ивана-царевича: «где твоя девушка, Иван-царевич?» Иван-царевич прошелся по комнате, с досады плюнул на пол «чпу!», прошелся другой раз, опять плюнул «чпу!» (не хорошая). «Аа... моя жена... вот она... лягушка!» Рассказывая этот эпизод, Тупинов соскочил с табуретки, забегал по комнате, два раза плюнул на пол, после чего только произнес слова Ивана-царевича. Вот еще

пример из той же сказки. Царь приказывает достать красивую рубашку. Рубашку Ивану-царевичу достает лягушка. Иван-царевич встал утром и, раздумывая, расхаживает по комнате. «Иван-царевич, посмотри на рубашку!» — говорит она. Он еще не видел ее. «А где она?» — «Где спал, ведь там же лежит!» Приближается Иван-царевич к рубашке — боится брать в руки: «Если возьму голыми руками, то могу запачкать», думает он про себя. Взял в руку бумажку, прихватил ею и говорит лягушке: «Я твою рубашку заверну в бумажку» (чтобы нести). «Завертывай»,— отвечает она» и т. д. В этом отрывке Тупинов изображает радость героя, белизну рубашки и благодарное отношение к лягушке, доставшей рубашку. Тупинов, не употребляя слово «белый», дает образ белизны: при любом прикосновении без белой бумаги рубашка может запачкаться, «шоран киддэн ит кучо» — «недержи с запачканными руками». Данный отрывок на марийском языке в его рассказе гораздо красочнее, чем в переводе на русский язык.

Для создания большего эффекта и для того, чтобы не ослаблять внимания слушателей, он делает паузы в самых интересных моментах, замедляет течение рассказа или ускоряет его там, где это нужно. Например, в сказке «Иван Ласточкин» много времени искал ястреб на море исчезувшего Ивана Алексеевича и так сильно утомился, что долго не мог ответить зверям (медведю, волку, зайцу), интересующимся судьбой Ивана. Тупинов сделал паузу, схватился за сердце и часто задышал, изображая уставшего ястреба, нахмурил брови, наморщился. Через минуту, как бы отдышавшись, произнес ответ ястреба: «да, нашел... там в море на вершине горы!» В сказке «Иван Васильевич» герой из-за жены-колдуньи испытывает много горя и напоследок с детьми царя едет в столицу. По пути находит в одном стаде сестру-телку, освобождает ее от чар и заезжает в родной дом. Радостные, они поставили чай и преспокойно пьют. Вдруг прилетает ласточка с письмом от сатаны, который просит его явиться к нему еще раз. Сестра героя стала просить, чтобы он больше не ходил к сатане. Эти слова сестры были произнесены Тупиновым с такой жалобной интонацией, что, многие слушатели не могли удержаться от слез. Или в сказке «Иван Пашпердов» мы встречаем такой трогательный эпизод: «Василий Алексеевич открыл пакет, и слезы закапали на бумагу».

Тупинов — мастер создавать настроение, действовать на психику слушателя особыми приемами повторения действия или контраста. В качестве примера можно привести эпизод из сказки «Об Иване царевиче»: в конце сказки героиня рассказывает брату и бывшему мужу свою грустную историю под видом сказки. Тупинов не забывает и ребенка Безручки, играющего на полу. «А ребенок все играет и играет». Эти слова о ребенке он вставляет тогда, когда в рассказе говорится о самых тяжелых временах ее скитаний. Ребенок здесь предвещает радость и как

бы подчеркивает всю тяжесть преступлений, совершенных братом и мужем.

Тупинов — сказочник старого типа, с тенденцией не только строго сохранять все формальные элементы сказки (троичность, общие места, зачины, концовки), но даже углублять и расширять их.

Путем долгой и неутомимой работы над собой Тупинов дошел до вершин мастерства среди ронгинских мари и соединил в себе лучшие качества сказочника-знатока международных сказок в своей национальной среде. Не нарушая традиционного стиля русской сказки, не снижая ее художественного достоинства, он делает ее близкой и родной для луговых мари. Этого он добивается путем усовершенствования языка своих сказок. Будучи также талантливым рассказчиком на русском языке, он при передаче сказок на родном языке, не злоупотребляет введением русских выражений; если же иногда и вводит их, то исключительно из художественных соображений, там, где это нужно. В общем, у него сложился настоящий, хороший, марийский сказочный язык, состоящий из умело подобранных выражений, народных поговорок, пословиц и т. д.

Соловьев, Константин Степанович. 1883 г. рождения, крестьянин деревни «Выселок Куркумбал» Верхушнурского сельсовета, Ронгинского района Марийской АССР. Единоличник, хозяйство середняцкое. Грамотный — окончил 3 класса сельской школы. Шесть человек семьи. До революции был маломощным середняком, хозяйство поправил во времена НЭПа. Был два раза на военной службе: первый раз участвовал в японской войне, второй раз участвовал в гражданской войне. В царской армии дослужился, по его словам, до унтер-офицерского чина. Здоровье его в настоящее время сильно подорвано — страдает туберкулезом.

Деревня, где живет Соловьев, смешанная — наполовину русская, наполовину марийская, небольшая — всего 10 дворов. Расположена на самом тракте, проходящем на Сернур. Через небольшой овраг находится село Верхушнур, — небольшой культурный центр.

В селе имеется неполная средняя школа, школа 1 ступени, библиотека, читальня, клуб. Недавно переехала в Фокино МТС. Жители деревни занимаются в основном сельским хозяйством, зимой уходят на лесоразработки, весной — на сплав.

Соловьев представляет собой довольно культурного крестьянина-марийца. Очень вежлив в обращении с проезжими, которые постоянно обращаются к нему со всякого рода просьбами. Так же вежливо относится он к жене, особенно к детям, дает им всем ласкательные имена. Очень любит русский язык. Детей своих обучает сразу на обоих языках. Сам он говорит на русском языке не хуже, чем на родном марийском. Сказки рассказывает почти всегда на русском языке, так как аудитория его всегда бывает смешанная. Когда начал рассказывать первую

сказку на марийском языке, то сначала запнулся, дальше уже пошло глаже. К концу говорил чистым марийским языком, даже несколько поэтическим.

Когда я пришел к нему (утром 14 июля 1935 г.) и спросил, не может ли он рассказать мне хоть одну сказку для записи, он спокойно ответил: «Чем записывать от стариков, лучше спишите сказки из сборника братьев Гримм». Конечно, этот ответ несколько удивил меня и озадачил. После нескольких вопросов картина выяснилась. Оказалось, что сборник сказок Гриммов имелся в Верхушнурской школьной библиотеке, Соловьев еще ребенком брал его читать, и он конечно, мог пробудить в мальчике интерес к чудесным сказкам. Но все же сборник ему попался случайно, и не он сформировал Соловьева, как сказочника. Сейчас Соловьев помнит лишь о существовании данного сборника братьев Гримм. Сказки же этого сборника, по его словам, он давно перезабыл и не рассказывает их.

Все мною записанные 7 сказок он заучил из уст самих сказочников. Сказку «Омельян Сучкин» и «Мышка и воробей» он слышал на мельнице от одного русского сказочника. Сказку «Мишка Тома и Катун-девица» слышал от своего тестя, умершего 30 лет тому назад, который привез сказку, возвратившись из турецкой кампании. От него же заучил большую сказку «Золотые яблоки», тоже привезенную из турецкой кампании. Пятую сказку — «Василиса Краса — Золотая Коса» привез он сам с военной службы в японскую войну. Сказку «Как хохол украл сало» привез из Украины. Наконец, седьмую шуточную сказку «Как мариец попал в становые» слышал от марийцев еще в детстве.

Соловьев, так же как и Тупинов, заинтересовался сказками еще в детстве. Сказки пленили молодого Константина своей фантастикой. В те времена в его деревне жили хорошие сказочники, в том числе и муж его старшей сестры. В зимние вечера он бегал на беседы, где рассказывали бывшие солдаты, долго работавшие в лесу десятники, лесничие, мельники и т. д. На этих беседах сказки рассказывались большею частью по русски. Много сказок выслушал он у ночлежников, постоянно заезжавших к ним кормить лошадей или переночевать. Уже к совершеннолетию он стал сам хорошим рассказчиком. Но настоящим сказочником Соловьев стал лишь после того, как вернулся с Японской войны. На службе ему приходилось много рассказывать самому и слушать других. Вот как говорит об этом он сам: «В Японскую войну нас привезли под Мукден. В перестрелке пришлось участвовать только раз. После тяжелых переходов я заболел брюшным тифом, пролежал полтора месяца. Когда лежал в лазарете 46-го подвижного полка, вот тут-то мы пересказали сказок! Бывало, соберутся больные, и давай рассказывать».

После записи сказок как-то мы разговорились о значении сказок и о том, где и когда ему чаще всего приходилось рас-

сказывать сказки. Он мне ответил, примерно, так: сказку, мол, я говорю там, где это необходимо, а в нерабочее время, по зимним вечерам, говорю просто для развлечения сам или по просьбе соседей. Тут же он мне рассказал, как он «за сказки через очередь молол». Подтвердил и случай, о котором уже упоминалось выше, состязания и оспаривания очереди со сказочником Тупиновым на одной водяной мельнице.

Во время этой нашей беседы присутствовал председатель колхоза, который напомнил ему, чтобы он мне рассказал, как он Соловьев своей сказкой усыпил лесничего и увез лыко. Тогда Соловьев, рассказал и этот случай. «Да, братец мой, сказка во многом помогает жить». Дело было так: Соловьев наложил два воза лыка и по просеке выехал на большую дорогу. Его предупредили, что около смолокуренного завода его подкарауливает лесничий. Он тотчас же свалил лыко на межу и, посвистывая, выехал к заводу. Лесничий, увидев едущего порожняком Соловьева, неистово закричал: «Куда спрятал лыко?!» — «У меня никакого лыка не было», — ответил спокойно Соловьев. Распряг лошадей, зашел в избушку. Задавшись целью во что бы то ни стало изловить Соловьева, лесничий тоже зашел с ним. Дело шло к ночи, изба натоплена жарко. Чтобы в этой жаре не заснуть, лесничий курил табак, потом обратился к Соловьеву: «Ну, Константин Степанович, расскажи-ка хорошую сказочку!» Он думал, что сказка разгонит сон. Соловьев начал рассказывать самую длинную сказку, притом так монотонно, что уставший за день лесничий уже через пять минут крепко спал. Соловьев скорехонько оправился и увез лыко. Рабочие завода позже разбудили лесничего и сказали, что сказочник уже увез свое лыко. Лесничий пытался устроить погоню, но безуспешно. Через год они встретились на базаре. Лесничий говорит Соловьеву: «Кабы не твоя сказка, я бы тебя поймал». Соловьев ему ответил: «Как скоро сказка сказывается, так и дело делается. Не пойманный не вор». После этого рассказа Соловьев подчеркнул, что, мол, сказку можно использовать во всяком деле, везде она может послужить верную службу, но только тому, кто ею искусно владеет.

Скажем теперь несколько слов о манере, о стилистических приемах, о языке и других особенностях соловьевской сказки.

По тому, как Соловьев преподносит сказку своему слушателю, он не похож ни на одного из марийских сказочников: в нем больше черт русского сказочника-мастера. Он, например, очень строг в отношении соблюдения всех традиционных элементов русской сказки, а особенно — зачинов и концовок. Он их воспроизводит без всякой переделки, в том виде, в каком он усвоил их впервые. Это его стиль. В этом отношении он диаметрально противоположен Тупинову, который допускает всякую переделку в сказке, конечно, не изменяя ее общего характера, лишь бы сказка была понятна аудитории, подчиняя все творчество для осуществления основного замысла. Соловьев к сказке относится

более или менее формально, стараясь сохранить стиль русской сказки; вместе с тем и дает прекрасные образы на марийском языке, но они проявляются всегда в рамках стиля русской сказки, без переделки на марийский лад.

Для уяснения приемов сказывания и строгости соблюдения традиционной обрядности народной сказки удобно взять его предпоследнюю сказку «Иван-царевич и золотые яблоки». Конечно, и другие сказки не менее строги в этом отношении, но в этой сказке сказочная обрядность выступает более выпукло. Эта сказка представляет собою целостный сюжет без всяких контаминаций с другими сюжетами. В устах посредственного сказочника она могла бы быть очень скучной, не интересной, путанной. Соловьев, повторяя одни и те же картины, одни и те же действия сказки (такого повторения требует само развертывание сюжета и сказочная обрядность) по два, по три раза, делает сказку более интересной, красочной, стройной. Например, двенадцать раз повторяется картина высадки героев с корабля в город (4 раза в третьем царстве, по два раза в шестом и в девятом царствах и 4 раза в девичьем царстве), но каждая из этих картин дает новый оттенок и является дополнительной характеристикой героя, ибо эти его 12 высадок составляют целую цепь, являясь как бы соединительными звеньями одной цепи. Он не боится подобных повторений, так как он, как художник слова — мастер сказки, при каждом повторении дает что-то новое в художественном отношении. Вот, например, с какой красочностью дается картина последней встречи Ивана-царевича с Царь-девицей: «Ехал-ехал Иван, наконец, доехал. Царь-девица для встречи устроила парад. По обеим сторонам пристани поставила солдат с оружием и с музыкой. Во всех церквах бьют колокола. Иван-царевич спустился на пристань, навстречу ему идет царь-девица. «Ты ли будешь, добрый молодец, Иван-царевич?» Кроме того, сказка построена на строгом соблюдении троичности: 3 царства, 3 сына, 3 поцелуя, 3 телеграммы царь-девицы, 3 телеграммы царя, 3 вопроса купеческой дочери, 3 ответа Ивана-царевича — «отец портной, мать прачка, сам Ванька». и т. д. По содержанию сказка представляет собою типичную солдатскую сказку (см. комментарии).

Соловьев выделяется из ряда других мастеров марийской сказки прежде всего тем, что он почти никогда не пользуется марийской традиционной концовкой: «Сказка дальше, я ближе». Вместо этого, он употребляет известные концовки русской сказки, например: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало», «Дали мне колпак, стали меня толкать; дали мне шлык, я в подворотню — шмыг и коленко ушиб». Лишь в одной сказке — «Золотые яблоки» (запись 1936 г.) Соловьев дал совершенно новый вариант концовки: «Сказка дальше, я ближе, сказочник на печку» («Йомак умбак, мэ тэмбак, йомак колтышо конга умбак»). И все же не мог удержаться и здесь от прибавления к этому варианту концовки на

русском языке: «Сказка вся, сказать нельзя». Полная концовка такого рода дана ко второй его сказке «Сказка вся, больше сказать нельзя». Иногда Соловьев закругляет сказку, исходя из ее содержания. Сказку «Омельян Сучкин» он закончил следующей концовкой: «Иван-царевич стал царем, царствовал до революции. Во время революции его свергли». Или сказку «Мышка и воробей»: «Приехали к родителям, до революции жили богато. Пришла революция — их раскулачила». В последних двух концовках видно явное влияние советской действительности.

Вторая особенность сказочных приемов Соловьева та, что он дает традиционный зачин, притом на русском языке. Так, рассказывая сказку «Омельян Сучкин», он начал по марийски: «Ожно ик кугыжан эргыжэ урлмам» и вдруг дальше заговорил по русски: «В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, в тех местах, где спят на голых досках или на ровном месте, как на голове...»; дальше идет рассказ на марийском языке. Соловьев этим приемом хотел показать свое уменье рассказывать сказки на русском языке.

К третьей отличительной черте Соловьева нужно отнести талантливое применение общих мест сказки. Ни одним из марийских сказочников не определяется время с такой последовательностью, как у него. Например, в сказке «Мышка и воробей» имеется такое место: «Шагает по дороге старик. Идет день, проходит два,идет неделю, проходит три, идет месяц, проходит два». В сказке «Василиса Краса — Золотая Коса» герой — купеческий сын — направляется на поиски Василисы: «Идет один день, проходит два, проходит неделя — две, три, месяц — два, три. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Шел-шел и денег не стало, и провизия кончилась, и проголодался...» С такой же полнотой изображаются картины встречи с развернутыми вопросами и ответами в духе русской сказки. В соловьевской сказке встречаем мы такие, присущие только русской сказке, места: «Царю, ведь, вино не варить, повенчать только да сыграть свадьбу. Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Таких формул особенно много в сказке «Мишка Тома и Катун-девица». Прекрасно отшлифованы у Соловьева такие «общие места», как например, приближение змея к мосту, где должна произойти встреча с героем сказки. Вот, как приближается змей к Омельяну Сучкину: «Настала полночь, забушевал сильный ветер, поднялась черная туча, заблистала молния и гром загремел — едет, ломая на своем пути деревья...» В сборнике Афанасьева это место изображается, приблизительно, таким же образом:» «Вдруг туча надвинулась, ветер зашумел, море всколыхалося — из синя моря змей выходит, в гору подымается».[1] Не всякий сказочник может создать такую картину. Например, у того же Тупинова прибли-

[1] А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, т. I, 1936, «Academia», стр. 390.

жение змея (дракона) узнается по ушам, — уши у змея торчат, как уши жеребенка. Язык соловьевской сказки везде образен. Иван-царевич вылезает из-под грудей Катун девицы — «все равно, што как из-под жернова».

Приведем несколько примеров его рассказа.

а) Иван-царевич идет искать Василису Красу — Золотую Косу. Впереди него катится шелковый моточек. Приходит к старушке, которая расспрашивает его: «Куда держишь путь сыночек?» Он отвечает: «Куда иду — сам не знаю, куда зашел — сам не ведаю!» — «Знаю, знаю, куда идешь: ты потерял Василису красу, идешь за ней», и советует ему:

Тачэ возын тэ малэ;
Эрла ойым мэ пуэм!

Перевод: Сегодня ты ложись и спи;
Завтра совет тебе я дам!

б) В сказке «Мышка и воробей» юноша продан колдуну. Сестра этого колдуна дает совет юноше, что он должен украсть одежду у одной из 12 дочерей колдуна в момент, когда девушки, обратившись в диких уток, прилетят к озеру купаться. Он идет к озеру и прячется.

Эргыч лэктын ошкылэш,
Мундра почэш кайалэш.
Кайэн-кайэн, кугу йэрдэк мийэн шуэш,
Йэр дэкэ мийэн шогальэ.
Уа лонгыш тудо шыльэ.

Перевод:

Вышел в путь сынок пешком,
Пошел следом за мотком.
Шел-шел, дошел он до большого озера.
Придя на берег озера,
В камыше он спрятался.

Соловьев выделяется не только рифмовкой, а вообще своим художественным, сказочным языком. Язык его сказок по образности ничуть не уступает моркинскому сказочнику Богданову. Соловьев в своих сказках стремится к образной передаче предметов, явлений, героев. В каждом явлении подчеркивает какую-нибудь присущую ему черту, или характерную манеру, характерный звук, движение и т. п. Например, в сказке «Василиса Краса — Золотая Коса» имеется у него такое место: «Иван со слезами выходит во двор, а на крыше, расправляя перья, сидят воробьи». Другой сказочник сказал бы просто, что «на крыше сидят воробьи», а Соловьев подмечает характерную манеру воробьев, и заодно дает понять слушателю, что эти воробьи только-что собирали конопляные семечки Ивану, устали и запылились, а сейчас отдыхают и чистятся.

Константин Степанович Соловьев является одновременно марийским и русским сказочником и может быть приравнен по своему мастерству к таким большим мастерам русской сказки, как

Ломтев, Чима и др. От других марийских сказочников он отличается сравнительно высокой культурностью, широким кругозором, твердой и точной памятью. На сказочном творчестве Соловьева чувствуется большое и плодотворное влияние русской культуры. Сказки он рассказывает больше всего на русском языке. Это ему удается даже легче, чем на марийском языке. При рассказе на марийском языке Соловьев вставляет присказки, концовки, реплики героев и их эпитеты на русском языке, а также некоторые общие места, названия предметов и интернациональные слова. Очень строго Соловьев соблюдает сказочную обрядность. Сказки его стройны, целостны и образны в описании картин встреч героев. Язык — ритмический, местами рифмованный.

На конкретном материале творчества Соловьева представляется возможность выяснить еще один очень важный вопрос: о путях проникновения русской сказки в среду марийского крестьянства. Русская сказка проникла также через русских солдат и моряков. Из семи записанных мною сказок шесть вошли в его репертуар через дореволюционную солдатскую среду. Некоторые из них он привез сам после русско-японской войны, часть заучил от старого солдата-моряка, участника Крымской войны. Шестая его сказка представляет собою единственный сюжет солдатско-матросской сказки, бытующей у мари.

Итак, для марийской сказки пока стали известными три пути проникновения: первый, основной путь (позднейший) — через книжную литературу, пример — Тупинов, Богданов; второй путь через военную службу (наиболее ранний путь), пример — Соловьев, Нагорских. Третий путь проникновения русских сказок в марийский фольклор — отхожие промыслы, лесоразработки и т. д. (см. комментарии).

В деревне Кугунур-Великополье, в трех верстах от Ронги, живут два марийских сказочника: **Ведерников, Андрей Иванович**, и **Яранцев, Иван Павлович**. В первую свою поездку 1935 г. я записал от Ведерникова 6 сказок, от Яранцева — 5; во вторую поездку 1936 г. от первого — 4, от второго — 2. Эти сказочники менее известны и относятся к распространенному кругу сказочников, обладающих сравнительно небольшим репертуаром сказок; но в отличие от большинства марийских сказочников они искусно владеют мастерством рассказа и пользуются всеобщим уважением. Этих сказочников нельзя назвать посредственными. Ведерников и Яранцев — мастера особого рода, развивающие сказку каждый по-своему. Они мастера художественного слова и хранители редких сюжетов марийской сказки. Однако оба эти сказочника не похожи друг на друга ни по своему творческому направлению, ни по своим вкусам, хотя и являются соседями по деревне. Они далеко расходятся по подбору репертуара и по интерпретации сказок. В то время как Ведерников представляет собою

любителя бытовых, классовозаостренных сказок, Яранцев предпочитает сказки фантастические. Кроме того, существует и еще ряд других особенностей, которые заставляют подойти к каждому из них отдельно.

Ведерников, Андей Иванович, 1875 г. рождения; член колхоза «Пашазэ». Грамотный. Последние три года работает пожарником на великопольской лесной пожарной вышке. Был на военной службе в царской армии и участвовал в гражданской войне. До революции жил бедно, вследствие чего постоянно работал в лесу по найму. На одном только смолокуренном заводе проработал семь лет. Работая в лесу с малых лет, он заучил много бытовых сказок и, благодаря лесным условиям, стал незаурядным сказочником. «На смолокуренном заводе, — вспоминает он, — я слушал сказки хозяина завода; Антона Дмитриевича. Он целыми ночами рассказывал нам сказки».

Главным образом, Ведерникова пленяют бытовые, анекдотические сказки, высмеивающие глупых попов, купцов, проделки военных чинов и их жен. Такие сюжеты казались ему наиболее злободневными. Вполне понятно, что в дореволюционное время, когда уже четко оформилось классовое расслоение марийской деревни, эта социальная сатира, высмеивающая низкое моральное состояние верхушек деревенского общества, особенно была популярна на лесоразработках, куда шли по преимуществу бедняки-батраки.

Приведу некоторые данные о месте и времени, где сказочник впервые слышал каждую из записанных мною сказок.

1) «Иван-охотник» — общеевропейский сюжет: «запроданный лешему». «Эту сказку слышал очень давно, на боровой работе в Шоинском лесопункте».

2) Сказку «Поп и работник» слышал в зимовке от лесорабочего.

3) «Купец Иван» («Спор о верности жены») — слышал на мельнице от корнатовского марийца, десять лет тому назад.

4) «Солдат барабанщик» — слышал на работе в Ердюрском лесоучастке от старого николаевского солдата. «Он работал на смолокуренном заводе, — вспоминает Ведерников, — а мы нарочно бегали к нему за десять верст слушать сказки».

5) «Солдат и купеческий сын» — «Эту сказку слышал на работе в Ердюре, — говорит сказочник; — ее рассказывал дорожный подрядчик, старик Александр. Мы тогда возили лес на реку Элнет и заехали к нему переночевать».

6) Сказку «Йорок Йорокович» — от кого и где слышал, не помнит.

7) «Пастух пасет сто зайцев у попа» — слышал в 1935 г. осенью на смолокуренном заводе.

8) «Солдат достает невесту купцу» — тоже слышал на смолокуренном заводе в Карамасе. На завод зашел человек переночевать во время охоты и рассказал эту сказку.

9) «Племянник хочет обмануть тетку» — эту сказку слышал 20 лет тому назад на мельнице; рассказывал ее энгерсолинский мариец.

10) «Рыбак Мирон достает от чертей золото» — слышал от отца сказочника Чураева, когда жил у них в работниках.

Таким образом у Андрея Ивановича не было учителя сказки, от которого он заучил бы свой основной репертуар. Сказки он заучил от лесных рабочих, преимущественно марийцев, уже взрослым человеком. Составив свой запас сказок, преимущественно, в лесу, где сказка, как мы уже сказали, бытует более полнокровно, чем дома, он естественно не мог сложить иного взгляда на сказку, как устное художественное произведение, дающее возможность весело коротать свободное время при работе в лесу, в зимовках, на заводе, на ночлеге, на мельнице и т. п. Ведерников не мистик, он оптимист: чувствуя правдивость своих бытовых сказок, он всеми силами старается сделать их более понятными, более глубокими, живыми и образными для слушателей, конечно, ничуть не разрушая целостности сюжета.

По своему репертуару Ведерников придерживается бытовых, реалистических сказок, в которых преобладает едкий сатирический элемент. Стремясь создать живой, действенный образ, сказочник глубоко пользуется приемами драматизации рассказа: движением, мимикой, дикцией. С точки зрения драматизации рассказа, с вовлечением помощника-слушателя, интересны были две его сказки — «Поп и работник» и «Солдат барабанщик». К началу рассказа этих сказок к нему зашло много колхозников. Побуждением для рассказа именно этих сказок послужило для него увеличение числа слушателей, пришедших специально посмеяться. Под общий одобрительный хохот слушателей (от чего он еще больше увлекался и еще больше входил в свою роль) Ведерников рассказал сказку «Поп и работник». Не осведомившись о том, желает ли данный слушатель принять участие в сказке, или нет, Ведерников делал своими помощниками тех, кто сидел поближе к нему. Представив себя работником попа, который в свою очередь по ходу сказки должен представить себя жеребцом, Ведерников заржал во весь голос, и быстро подбежал к только-что вошедшей в избу соседке, поднял голову к потолку, зажмурил глаза, вытянул губы и принялся ее обнюхивать. В другой сказке — «Солдат барабанщик» — он представил себя попом, моющимся в бане с женой генерала, которая все делает под команду. Ведерников, в качестве жены генерала поставил к печке свою жену и стал командовать: «Стоп! Мимо... три шага назад!» Во время всего этого представления рассказа Ведерникова слушатели хохотали до изнеможения.

Эта сценическая манера Ведерникова отражается и на языке рассказа. В том случае, если ему не удается показать чего-либо действием, он делает это звукоподражанием и с помощью звукоподражательных слов. Например, в сказке «Иван-охотник»

герой, которого должен пожрать чорт, моется в бане и должен это делать как можно медленнее, пока не придут на выручку его звери, запертые колдуном на мельнице за двенадцатью дверями. В этот промежуток все внимание слушателей обращено на кукушку, которая летает от зверей к Ивану, и на разговор кукушки с Иваном. В разговоре с Иваном кукушка сперва не говорит Ивану человеческим голосом, а кукует три раза: «Ку-ку, ку-ку, ку-ку!» Только после этого кукования сказочник передает уже слова кукушки. В другой сказке с таким же криком «крльюк-крльюк, крльюк-крльюк!» пролетают журавли. Такое подражание голосу животных и птиц является характерной манерой его рассказа.

Кроме умелого подражания голосу животных и птиц, Ведерников создает образы при помощи удачно подобранных звукоподражательных слов, которыми так обильно пользуется вообще народная речь мари. Подобные слова служат для изображения предметов, людей, иногда — качества и состояния предмета. Например, даже имена героев и персонажей сказки даются им по принципу игры слов, звукоподражания. Вспомним героя «Йорок Йороковича», собак «Катай-Валяй»; зайца — младшего брата работника попа «Ахать» и др. В сказке «Солдат пьяница» герой выливает помои из окна на генеральского сына со звуком «шӱр-р-р». Воспроизведение звука настолько удачно, что слушателям сразу становится понятно, что помоев в лохани было очень много. Этот же герой кидает пуговицу к ногам царевны со звуком «шылт-шылт-шылт». По звуку слушатели чувствуют, что он бросил пуговицу сильно и что она крутится, подскакивая. Солдат барабанщик, сидя под лавкой в бане, забарабанил «тыр-тыр-тыр». Звук передает, что он барабанит легонько. Пробка-затычка выскакивает со звуком «плоп». Волк в сказке «Йорок Йороковичь» подкрадывается, чтобы укусить героя, — «йувыз-йувыз». Это последнее звукоподражательное слово марийцами применяется к движению злых животных и зверей, к бешенной собаке, ворующей собаке, к волку, иногда — к хитрому и злому человеку. Это слово создает образ злого подкрадывающегося существа, собирающегося наброситься.

У Ведерникова солдат в плохой шинели идет «лыж-луж», или поп заходит в избу — «лыж-луж». В этих словах воспроизводится звук, который делает при ходьбе широкая, длинная, истрепанная, худая одежда. Значение слова меняется от того, к кому оно относится. Если сказать на улице «лыж-луж» идет поп, то марием представит быстро идущего попа. Точно также раньше говорили о бедняках, одевавшихся в лохмотья: «лыж-луж вургэмым чийэн».

На основе этого художественного приема звукоподражания марийские поэты создают целые произведения и тем самым достигают большой выразительности и живости действия. К таким же звукоподражательным словам прибегает сказочник Ведерников в те моменты, когда он хочет наиболее ярко под-

черкнуть специфичность образа. В этом характерная сторона его творчества.

Кроме этих приемов словесного и драматического оформления рассказа, Ведерников отличается довольно обильным употреблением новых терминов и выражений, заимствованных из русского. Например: «момент», «кучер», «дай подписку», «централка», «городок» (вместо слово «городовой»), «парикмахер», «барышня» («барышней называет жену офицера), «старший», «договор», «красивый» и т. д.[1] Очень часто Ведерников употребляет целые фразы на русском языке или смешанные русско-марийские, как например, в сказке «Поп и работник»: «Работник, стой! давай надо лэкарствым!»; «нет мый не на шутку ольэм правда налам ӱдрэтым». В переводе: «нет, я говорю не в шутку, взаправду женюсь на твоей дочке». В сказке «Солдат барабанщик» офицерская жена кричит: наша взяла, наша взяла!» В другой сказке поп говорит пастуху: «довольно, мэримся!» Особенно много русских выражений в сказке «Иван-пьяница». Генеральский сын заказывает буфетчику: «На, три рубля бутылку и закуску первый сорт!» Иван пьяница требует себе вдвое дороже: «Давай мне на 6 рублей; бутылка и закуска эта вдвое дороже!» А царевна спрашивает генеральского сына, откуда у Ивана столько денег? Он отвечает: «Около булак ходил, да ограбил кого-нибудь, вот и пьет. Ему жалко, што ли?!» В общем, в этой сказке все диалоги, происходящие в трактире, ведутся на русском языке. Это делается для того, чтобы сделать ударение на этих монологах и тем самым увеличить эффект данного мотива и подчеркнуть, что действие происходит где-то в городе. По ответу же генеральского сына узнаем, что трактир должен находиться в г. Казани, ибо «Булак»[2] находится там. Руссизмы в сказках Ведерникова являются следствием многих причин. Первая и основная из них — его государственная служба по охране леса, работа на лесных промыслах, где ему постоянно приходилось вращаться среди русских сослуживцев: десятников, лесничих, пожарных начальников, которым он рассказывал свои сказки на русском языке. Вторая причина та, что он побывал на военной службе, побывал во многих городах России, часто ездил в Казань и т. д. Третья причина заключается в самой специфике йошкар-олинского говора, который даже в обыденной речи пестрит русскими словами с марийскими окончаниями, в роде: «железный лопатка дэн картопкам копайаш».

В некоторых местах руссизмы вводятся им очень удачно, например, разговор в трактире — реплики героев, но в других

---

[1] В сказке «Мирон-охотник» герой несет золото, добытое от чертей, в «торгсин» для обмена на товар.

[2] «Булак» — овраг-канал, проходящий через нижнюю часть г. Казани, соединяющий озеро Кобан с р. Казанкой, около которого раньше ютилось много жуликов и беспризорников.

сказках местами отдельные слова и выражения он мог бы вполне выразить на марийском языке, так как соответствующие слова в нем имеются.

Как в языке, так и в интерпретации сказки Ведерников не считается с установившейся сказочной традицией. Он считает свою цель достигнутой тогда, когда его рассказ вызывает смех, когда его аудитория находится в веселом оживлении на протяжении всего рассказа. Для этого он делает иногда ударение на драматизацию и натуралистическое преподнесение эротических, сексуальных моментов сказки. Каждая его сказка связана с сексуальными мотивами, которые порой он передает с некоторым подчеркиванием натуралистических подробностей. Первую сказку он закончил так: «Йолак умбак, ... шэш пача коваштэ, как говаривал раньше мельник». Две сказки он закончил общей концовкой: «йомак умбак, мэ тэмбак». В другой сказке он переиначил ее, сказав: «йомак умбак, мый вышкышкэ», т. е. «сказка дальше, я на вышку». В этом очевидно, сказалась реминисценция его работы в качестве пожарника.

Яранцев, Иван Павлович, родился в деревне Кугунуре в 1905 г. Грамотный, окончил сельскую школу. Был в Красной Армии. Член колхоза «Пашазэ». В 1935 г. работал кладовщиком колхоза, а с 1936 г., после окончания тракторных курсов, работает трактористом Фокинской МТС. До вступления в колхоз хозяйство его было беднее середняцкого. Прошлая жизнь Яранцева — незавидная. «Меня родили две сироты», — вспоминает он про своих родителей. Отец в 1916 г. ушел на империалистическую войну и не вернулся. Мать умерла в том же году. Двенадцатилетнему парню, ему пришлось воспитывать двух братьев и трех сестер. С малых лет он пошел работать в лес и познакомился там с условиями зимовки. Двенадцати лет он впервые услышал в зимовке свою сказку «Бабин сын», и с тех пор ежегодно рассказывает ее. Не только эту сказку, но и все остальные сказки, он заучил в лесу, еще в возрасте от 12 до 16 лет. За два мои посещения (1935 и 1936 гг.) он сообщил мне 7 фантастических сказок.

В Яранцеве мы имеем совершенно иного сказочника, чем Ведерников. Репертуар Яранцева — очень серьезен: он состоит исключительно из фантастических сказок, сюжеты которых довольно редки среди мари. В этом виден отпечаток прошлой суровой жизни; сказки его несколько суровы, чрезвычайно стройны по стилю, по конструкции, по языку, по структуре. Рассказ Яранцев ведет медленно, вдумываясь в каждую фразу. Кажется, что он строит большое здание, где все должно быть точно рассчитано. Видно, что он прочувствовал каждую свою сказку. Личное творчество Яранцева проявляется не очень заметно, как видно из осторожного отношения его к формальным элементам, он боится отступить от первоначального текста.

Тем не менее, как бы он ни старался представить сказку

в том виде, в каком он слышал ее впервые, все же с ростом его культурности, с расширением кругозора уже в советский период, чувствуется невольное обновление сюжетных элементов сказки. Обновление сказки особенно проявляется в языке рассказа. Для примера приведу начало его первой сказки «Бабин Сын»: «Жил царь с царицей, не было у них детей. Однажды жена спрашивает мужа: «Ах, как бы это сделать одного сына!» На следующее утро после этого разговора она вышла в уборную. Смотрит вниз — лежит там ребеночек. Принесла его в избу. У него нет имени. Ребенок мужского пола. Царь говорит царице: «Раз нашла его ты, так пусть будет Бабин Сын. Как исполнилось ему 12 лет, он начал ходить в училище. Стал многознающим. Выписывал он всякие журналы и газеты. В одном из журналов прочел, что в таком-то государстве имеются самоиграющие гусли». Обычно в сказке бывает так: царь узнает о чудесных вещах через колдунов, знахарей и потом дает задание герою — найти эту вещь. У Яранцева в мотиве узнавания через газеты и журналы обнаруживается влияние советской современности. Подобная замена знахарки или колдуньи журналом, газетой могла произойти только после революции, так как в дореволюционное время мы не могли бы встретить ни одного крестьянина — мари, читавшего журналы и газеты. Даже самые названия их не были известны марийцу. И в других сказках Яранцева часто встречаются слова, вошедшие в употребление уже после Октябрьской революции, например: «лесоразработка», «телефонограмма», «километр». Выше мы сказали, что Яранцев интересен редкими сюжетами и наличием новых вариантов.

Приведем примеры. Вышеупомянутая сказка «Бабин Сын» являлась вариантом общеевропейского сюжета «Гусли-самогуды» (Андр. № 465), имеет в себе совершенно отличные мотивы и новые сюжетные переплетения. Как не странно, мы встречаем в ней былинного героя «Илью Муромца» под измененным именем «Илья Муромлин»; в другом месте «Муромин», который, вместе с 11 братьями, скромно занимается в этой сказке кузнечеством. Муромлин спасает «Бабина Сына» от старой колдуньи, защемив ее стопудовыми щипцами за язык. Колдунья умирает, «Бабин Сын» три года работает в кузнице Ильи. Илья Муромлин дарит герою гусли-самогуды и достает невесту-богатыршу для Бабина Сына. В общем, Илья Муромлин играет здесь вспомогательную роль, напоминая своими подвигами дядьку Катому из сказки «Слепой и безногий» (Андр. № 519). Зато во второй сказке под названием «Илья безногий» — сюжет соответствует былинной сказке «Илья Муромец и его подвиги» (Андр. № 650, I), но имя Ильи Муромца не упоминается, хотя по своим подвигам герой сказки точно соответствует былинному Илье Муромцу. Илья борется в ней со Святогором (в русских вариантах — с Соловьем-разбойником) и побеждает его. В конце сказки Святогор, лежа в гробу, завещает Илье:

«Вот, Илья, ты теперь возьми моего коня, да еще имеется у тебя свой конь. Поднимешься на небо и станешь Ильей-пророком». Яранцев прибавил еще от себя: «Вот ведь, кто катается!» Из Ильи Муромца, русского богатыря, Яранцев сделал Илью-пророка — мифическое божество. Переход образа Ильи Муромца в Илью безногого (Лочо Ильа) свидетельствует о сравнительной давности ее бытования в марийской среде, но, по существовавшей марийской мифологии, Илья-пророк без ног.

В заключение следует сказать, что Яранцев, обладая исключительно интересным и редкостным репертуаром, не является таким популярным сказочником, как Тупинов, Соловьев или Ведерников. Репертуар Яранцева исчисляется добрым десятком сказок, если не более, но он не может привлечь столько слушателей, как его соседи-сказочники Ведерников и Чураев, вследствие его несколько сухого манера рассказа. Он не любит анекдотов и никогда их не рассказывает. На серьезность в рассказе и в выборе репертуара повлияла суровая жизнь, прожитая им. Двенадцатилетним мальчиком он вынужден был воспитывать пять человек братьев и сестер. То, что Яранцев знает, он знает прочно и рассказывает лишь с некоторыми, характерными для него, изменениями. Одной из черт стиля его сказок является краткость выражений и конкретность. Рассказ Яранцева почти целиком состоит из простых предложений; развернутые, сложные предложения встречаются у него реже.

Интересной особенностью сказок Яранцева является то, что в них постоянно встречается дерево дуб. Для Яранцева, повидимому, дуб является специально сказочным деревом. Между тем, у других марийских сказочников дуб очень редко встречается в их сказках.У Яранцева дубы встречаются в 5 сказках из 7: Илья безногий делает колоду для жеребенка из дуба; Святогор-богатырь спит под дубом; Марко богатый встречает дуб, наполовину иссохший; солдат пьяница (из сказки «Шапка с тремя крестами») залезает на дуб; под дубом борются змей со львом; в сказке «Бедные братья» царевна спрятана под дубом; в посдедней сказке герой опускается в подземное царство через дуб. Сказки Яранцева, как по тематике, так и по своей структуре, сближаются с русским былевым богатырским эпосом. Этому жанру подчинена обрисовка всех его образов, язык его изложения и т. д. Русский богатырский эпос оказал некоторое влияние и на волшебные сказки, имеющиеся в репертуаре Яранцева. Этим влиянием можно объяснить обрисовку голубя-девушки, рвущей деревья, как богатырь, и качающей землю в сказке «Чудесное бегство». Этим же влиянием, вероятно, объясняется и постоянное присутствие дуба.

В заключение нужно сказать следущее: Яранцев, имея сравнительно небольшой сказочный репертуар, при том редко встречающийся среди мари, дает исключительно оригинальные ва-

рианты.Тем не менее, по мастерству изложения, он стоит несколько ниже Тупикова и Соловьева. В его содержательных сказках чувствуется меньшая работа над формой, местами проявляется натянутость в соединении отдельных эпизодов, в описании действий героев и т. д. Язык менее образен по сравнению с вышеупомянутыми сказочниками. Его сказки с трудом поддаются переводу вследствие отсутствия связи между предложениями. За последние 2—3 года (1932—1935) Яранцев почти совсем не рассказывает сказок, да и до того ему тоже не очень много приходилось рассказывать. В настоящее время он гораздо больше интересуется техническими книгами по тракторному делу. По его словам, он хочет настолько изучить трактор, чтобы стать стахановцем-трактористом. Конечно, одно другому не мешает, он мог бы быть и трактористом, и прекрасным сказочником, но для этого нужен неослабевающий интерес к сказкам и к художественной литературе вообще.

Коллективизация марийской деревни изменила коренным образом способ ведения хозяйства, резко улучшив экономическое положение крестьянина и решительно перестроив его мировоззрение. Классовая борьба беднейшего крестьянства и середняков с кулачеством пробудила марийскую деревню. Коллективизация марийской деревни открыла путь к настоящей счастливой жизни. Колхозники хорошо помнят, какое упорное сопротивление оказывали кулаки и к каким гнусным формам борьбы прибегали они. Бедняцко-середняцкая часть деревни окончательно убедилась в том, что только с уничтожением этих эксплоататоров-кулаков можно построить колхозы, выводящие из нищеты к зажиточной культурной жизни. В этой классовой борьбе в деревне принимали активное участие и сказочники. За годы первой пятилетки произошла коренная перегруппировка и в среде сказочников. Часть из них — бедняки и середняки — сразу перешла на сторону колхозов, активно участвовала в борьбе, а другая — кулацкая — часть относилась к колхозам враждебно.

Социальная принадлежность сказочников выявилась в беседах с ними, из биографических данных и из расспросов других колхозников. Но не только эти материалы дают право судить о социальном облике сказочников: сами сказки, содержание их говорит за это. Казалось бы, что эти изменения в производственной жизни деревни могли меньше всего коснуться традиционных концовок, ибо эти концовки представляли наиболее консервативный элемент сказки и по традиции передавались из уст в уста издавна. Концовка не связана органически с сюжетом сказки, да и сама сказка, зародившаяся в древнее время, очень далека от современности по своему содержанию. По представлениям формалистов-сказковедов, концовки не должны изменяться, но факты свидетельствуют об обратном. Великий перелом, приведший патриархальную деревню на социалистические рельсы, коснулся всех «мелочей» жизни, в том числе и

старых традиций в культуре и в быте марийского народа. Марийский сказочник начал мыслить по иному, он стал устанавливать причинные связи всех явлений жизни. Об этом переломе мы можем судить даже по концовкам.

Учет запросов среды и уровня развития слушателей играет действительно немаловажную роль. Однако не всякий сказочник способен учесть эти моменты. Иной сказочник рад был бы сделать свою сказку более близкой к социальным чувствам советских слушателей, но не может этого сделать потому, что он сам, по своей культуре и развитию, иногда стоит гораздо ниже слушателей. А некоторые просто не желают обновлять сказок. Большого обновления нельзя требовать, например, от марийских сказочниц Белковой и Анисимовой, которые, как сказочницы, сложились задолго до революции и которым исполнилось уже по 72 года. Они продолжают рассказывать в таком же стиле, как они рассказывали и 50 лет тому назад. Рассказывают они преимущественно детям и женщинам. Но что касается красочности языка сказок, то едва ли кто из молодых сказочников может с ними соперничать! Речью их можно буквально заслушаться. Эти сказочницы широко пользуются междометиями и звукоподражательными словами, при помощи которых изображают природу, действия героев и создают образы. В результате получается очень сочный, художественный рассказ, но со множеством архаизмов в языке. Сказочная речь этих двух старух может быть использована языковедами в качестве яркого примера для выявления тех громадных сдвигов в марийском языке, которые произошли с победой социализма в марийской деревне, особенно за годы двух Сталинских пятилеток. С другой стороны, из их же сказок выясняется, что Моркинские сказочники давно уже не считали для себя обязательными традиционные концовки. Например, те же Белкова и Анисимова все свои сказки заканчивают простыми словами — «кончилось», «конец» или «всё».

Молодые сказочники, появившиеся в советский период, встретились мне в Моркинском районе. Сказка там бытует наиболее широко и интенсивно. В Морках нет деревни без сказочника. В некоторых деревнях имеется их целая группа. Любой колхозник может указать, кто, по его мнению, хороший и кто плохой сказочник, и в какой деревне находится самый лучший сказочник. Эти указания, в большинстве случаев, бывают точными. В Морках можно заметить соревнование между сказочниками на лучшую сказку, на лучший художественный рассказ. Каждому хочется угодить слушателю, он старается чем-то обновить сказку. Сказочник, смотря по социальному составу слушателей, обновляет ее как можно более близкой по духу концовкой или вставкой. Такой широкий размах творчества, и такое классовое переосмысление сказки стали возможными только после пролетарской революции. Стали складываться новые типы сказочников из передовой молодежи.

Из тех, у кого я записывал, самому старшему сказочнику нового типа сейчас 36 лет, самому молодому — 18.

Остановимся на наиболее характерных типах советских сказочников, прежде всего на Богданове, Григории Павловиче. Богданов — колхозник деревни Кожлаер, Моркинского района, обладает репертуаром около трех десятков сказок. Записано мною только 15 названий. Он родился в 1900 г. Сказки начал рассказывать пятнадцатилетним парнем, когда стал ходить на лесоразработки. 19 лет ушел на фронт гражданской войны, вернулся через два года в 1921 г. После возвращения из Красной Армии принялся за восстановление своего хозяйства. Поскольку земля давала небольшой урожай, три четверти года он проводил в лесу. 7 лет работал на смолокуренном заводе, работал сплавщиком и лесорубом. Вот на этой-то работе он и развил свое сказочное мастерство. Он рассказывал во время зимовки, на заводе, т. е. там, где он был в артели в качестве рядового рабочего. Часто слушатели награждали его табаком, хлебом, мясом, крупой. В ту зимовку, где он вел рассказ, собирались лесорубы со всех окружающих зимовок. После рассказа сказки «Бова-королевич» один из пришедших рабочих воскликнул: «Хочешь, я тебе лошадь подарю за эту сказку!» Подобные отзывы, видимо, нравятся Богданову — он пять раз вспоминал мне во время записи об этом факте. Он говорит, что сказку надо рассказывать так, чтобы она, «как речка текла», красивым языком и выразительно. Слушатель, по его мнению, должен прослушать всю сказку с неослабевающим вниманием. Надо сказать, что он достигает своей цели весьма успешно. Богданов славится по району, как знаток интересных сказок и как художественный рассказчик.

Не менее интересный тип сказочника — элемнурский сказочник Матвей Филиппов. Он ровесник Богданова, 1900 г. рождения. Также успел уже побывать на фронтах гражданской войны. Хозяйство Филиппова до вступления в колхоз было крайне бедным: он имел пару овец, временами появлялась корова, а лошади не было никогда. Землю его обрабатывали кулаки, но очень плохо, отчего и урожай снимали очень маленький — хлеба хватало только до Николы. Всю жизнь он проводил на сплаве, на лесоразработках. В этих производственных артелях научился сказкам и стал рассказчиком. Постоянная забота о хлебе насущном не позволяла ему думать о фантастической сказке, как он сам об этом заявил мне. Окружающие кулаки относились к Филиппову обычно с насмешками. Кулаки считали бедняков неспособными, бездельниками, лодырями, в том числе и Филиппова. Филиппов же, будучи человеком умным, отвечал насмешками на насмешки. Поэтому, не случайно, что он становится знатоком анекдотических бытовых сказок, в которых высмеиваются богатые, кулаки, попы, татарские муллы. Филиппов рассказывает сказки не просто для «смеха», а вкладывает в них глубокий социальный смысл.

Новизна творчества Филиппова проявляется в совершенно

новой интерпретации сказки. Он по-новому понимает свою роль сказочника, самую сказку рассматривает как орудие, при помощи которого можно показать все темные стороны классового общества. Филиппов в своих концовках, — вернее в им же присочиненных формулах, — показывает кем в действительности являются эти самые «богатые» люди, попы, знахари и т. п. Из записанных мною 12 сказок нет ни одной, где бы Филиппов не дал своего классового определения героям сказок. Эти концовки очень разнообразны по содержанию: их столько же, сколько самих сказок.

Можно было бы привести еще несколько сказочников, но, думается, что вышеприведенных примеров достаточно для того, чтобы сделать некоторые выводы. Во-первых, можно определенно констатировать, что уже начинает развиваться новый, советский тип сказочника, с новым переосмыслением образов старой сказки. Особенно это характерно для Моркинского района.[1] Сказочники же Ронгинского и Сернурского районов еще сильно отстают в этом отношении. Во-вторых, сказочники старого типа, развивающие сказку по старому пути, применяющие традиционные концовки, являются представителями мелкособственнической идеологии в марийской деревне и вытесняются представителями сказочников новой советской школы, которые представляют собою людей, выросших в условиях советской действительности, вышедших из бедняцкой части крестьянства, больше всего работающих на лесных промыслах и являющихся активными строителями социализма. Старая сказка, приобретая новый классовый смысл, звучит по-новому — более художественно и увлекательно, она больше импонирует чувствам колхозных масс.

В борьбе за построение социализма в нашей стране, в борьбе с классово-чуждыми влияниями в фольклоре марийские сказочники, несомненно, создадут такие произведения устной художественной литературы, которые сыграют большую роль в дальнейшем развитии марийской культуры — «социалистической по своему содержанию и национальной по форме, культуры, имеющей своей целью воспитать массы в духе интернационализма и укрепить диктатуру пролетариата».[2]

К. Четкарев

---

[1] Сказки Моркинского района составят содержание следующего тома, где будет дана полная творческая характеристика каждого сказочника.

[2] И. Сталин, Об уклонах в области национального вопроса (из доклада на XVI съезде ВКП(б) 27 июня 1930 г.), «Марксизм и национально-колониальный вопрос», сборник статей и речей, Партиздат ЦК ВКП(б) 1935, стр. 194.

СКАЗКИ

СКАЗКИ ИГНАТИЯ ИВАНОВИЧА ТУПИНОВА

1. ИВАН ПАШПЕРДОВ

Жил купец Иван Пашпердов. Бездетный. Было у него двенадцать магазинов и работали в них шестьдесят приказчиков. Вот однажды говорит жена купцу: «Иван, давай хотя бы из трех магазинов товар раздадим нищим. Может быть сумеем попасть в царство небесное». Три магазина товару раздавали в течении трех лет. «Иван, — говорит жена, — у меня в брюхе что-то чувствуется». Им обоим было тогда по шестьдесят лет, «Может забеременела?» — спрашивает Иван. «И впрямь, ребенок шевелится», — отвечает жена.

Через девять месяцев после раздачи магазинов жена родила сына. Назвали Иваном. Родители его не выпускают на улицу, сами учат, боятся, что сглазят (*это тоже надо записать*). Ребенок очень красивый. «Десять детей было — ни один не выжил», — говорят между собой родители. Ну, и живут теперь они. Имеется у него шестьдесят приказчиков.

Жили-жили, опять двенадцать магазинов стало. А сына воспитали замечательно! Вот жениться пора подошла. «Иван, давай тебе девушку сосватаем», — говорит отец. «Где же ее взять?» — спрашивает сын. «У царя есть дочь, и царь соглашается ее выдать, я все время поставляю товар на царский двор. Еще есть у двух генералов по дочери, и они выдадут за тебя».

— «Эй, отец, — говорит сын, — я таких-то не соглашусь взять. Матери уже восемьдесят лет, она не может стряпать, вот завтра пойду по городу искать, хоть крестьянка попадись, хоть мещанка, мне все равно. Утром встал, взял тросточку (*с сучками*), пошел по городу, но не нашел ни одной девушки. «Давай-ка пойду в слободку», подумал он. Идет вдоль слободки. Видит: на самом конце стоит очень красивая девушка, торгует пирожками. Понравилась она ему. «Почем твои пирожки?» — спросил он. — «Пятачок». Заглядевшись на девушку он даже не почувствовал, как съел пирожок. «Дай еще один», и этот пирожок съел. «Ну, — говорит, — сколько возьмешь за два пирожка? — «Гривеник», — отвечает она. Дал он ей золотой десятирублевик, а она не берет. «Мне, — говорит, — не надо, может ты о том о другом думаешь, я не такая». — «Возьми,

я завтра опять приду». Оставил он все-таки десять рублей. Пошел домой, пришел только к вечеру.

«Что, сынок, очень долго гулял? — спрашивает отец. «Искал девушку». — «Нашел что ли?» — «Нашел, отец, только мещанка, завтра опять пойду к ней». Утром встал, кучеру приказал запречь пару коней, у отца попросил три тысячи денег. Опять поехал к этой девушке. Она торгует на старом месте. «Ну, собирай свои пирожки, поедем, где ты живешь?» Собрала она пирожки в свою маленькую тележку и потянула за собой, сзади, и Иван Иванович Пашпердов едет на своей паре лошадей. Приехали домой к девушке. Дом очень плохой, вот-вот упадет. Все стены глиной замазаны. Входит девушка в дом, и он за ней, а ее отец старый солдат, (*ну, хоть николаевский, хоть, кем же сделать его теперь?*). «Ну, дочка, зачем ты его привела?» — «Папа, вчера десять рублей золотом дал вот этот человек, а ты меня ругал!» — «А может ты с ним путаешься?!» сердито проговорил отец. — «Вот что, дедушка, — говорит Иван Иванович Пашпердов, — я хочу жениться на твоей дочери». — «А ты кто такой?» — «Знаешь купца Ивана Пашпердова?» — «Как же, знаю», — говорит старик. «Вот я его сын». — «Нечего надо мной издеваться, — гневно сказал старик, — что это вам таким богачам вздумалось взять мою дочь?!» — «Вот, — говорит Иван Иванович Пашпердов, — возьми эти пятьсот рублей, пойди завтра в наш магазин, накупи дочери самое лучшее и одень ее так, как генеральскую дочку. Накупи разных цветов. Ну, а мы завтра все втроем прибудем с отцом и с матерью».

Приезжает обратно к отцу и говорит: »Ну, отец, завтра мы поедем». — «Ой, сыночек, не надо бы из таких брать», — умоляюще говорит отец. «А в другом месте я не возьму». Завтра утром встали, приказали кучеру запречь две пары, и едут все трое (*кучера не надо*). Приезжают, дом очень плохой. «Иван, я не хочу взять здесь, неужели у нас капитала нет», — говорит отец. «Я в другом месте не возьму», — опять наотрез заявляет сын, и быстро вбегает в дом невесты. «Старик, зайди в избу, какова невестка-то», — говорит старушка мать Ивана. Старик зашел в избу, девушка, точно цветочек, очень красива. Сразу полюбилась старику. Это — когда одели-то ее (*это тоже надо*). Выходит старик: «Давай, старуха, в избу». Пошла старуха в дом, увидела девушку и также полюбила ее. Похлопывает ей по спинке. «Ну, теперь уж придется выдать дочку!» — «Выдать-то, выдам, а вот свадьбу играть негде: дом-то у меня плохой». — «И у нас маловат, — говорит купец, — в гостинице придется сыграть свадьбу». Оставляет купец старику полмиллиона денег с тем, чтоб хватило ему до смерти. «Ну, — говорит купец, — приходи на нашу свадьбу, мы теперь увезем твою дочку».

Девушку посадили и увезли. В течение целой недели играли в гостинице свадьбу. Живут неделю все четверо. Вдруг умирает мать. Трое плачут. Сноха и говорит: «Эх матка, матка, не могла жить подольше, меня даже жить не научила». Ничего не

поделаешь. Похоронили. Через неделю отец умер. Остались только двое, ну, плачут по отцу. «Э-э, за какую цену наняты приказчики, даже этого не знаю, — говорит сын, — что же поделаешь, придется похоронить».

На другой неделе от сильного горя умирает и красавица жена. Сильно заплакал Иван Иванович: «Ни за что я ее не похороню». Выкопал на дворе подвал, положил жену в стеклянный гроб, заспиртовал и поставил. Целую неделю ходил в этот подвал, вдоволь поплакал над покойницей. Вот однажды, под воскресенье, сидит, плачет. Заходит туда монах. «Что плачешь, Иван?» — спрашивает он. «Как же мне не плакать. Женился я: одну неделю жили — мать умерла, другую неделю жили — отец умер, третью неделю — умерла жена. Вот и плачу». Дает ему монах книжечку в ладонь величиною и говорит: «Читай эту книгу до конца и никому не показывай». Оглянулся Иван, а монаха и след простыл. Вышел во двор, кричит: «Отец монах, где ты?!» Но тот не подает голоса (*раз он не монах*). Иван Иванович, зайдя обратно, начал читать эту книжку. Как дочитал, жена и встала. Обнялись они, в голос плачут. «Нет, Катерина, не будем плакать больше». Долго пробыли они в подвале, время итти. Идут в дом, ложатся спать. Утром встали, Иван и говорит: «К обедне сходим, уже четыре недели как не были». А люди, увидели Катерину в церкви и удивляются: «Как же так, ведь говорили, что жена Ивана Ивановича умерла. Как же она ожила? Наверно она волшебница». Ивану Ивановичу эти слова не по сердцу пришлись. Вернулись от обедни домой, пьют, едят. Иван Иванович говорит: «Катерина, давай в другой город переедем. Тебя здесь, кажется, не взлюбили». Ему не понравилось слово «волшебница». «Сам знаешь, если поедешь, то и я поеду». Решили ехать оба. А всей его торговлей управлял самый старший приказчик — Василий Алексеевич. Позвал Иван этого Василия Алексеевича, приказывает товар со всех магазинов грузить в баржи, а приказчиков оставляет тех же и велит отправляться в путь. В течение недели весь товар сгрузили. «Ну, Иван Иванович, прощай, досвидания», — говорит Василий Алексеевич и уезжает. Иван Иванович ему вслед: «Вот продам дом, сяду на легковой пароход и скоро догоню тебя». На половине пути Иван Иванович догнал караван судов. «Я до твоего прибытия куплю магазины», — и сам поехал вперед. Приехал в город, купил двенадцать магазинов, а дома нет, никто не продает. Дом же до зарезу нужен. Зашел в одно место, ему сказали; «Мы бы продали, но теперь там живет генерал, неудобно продавать». — «А продай, все равно я с него буду получать квартплату». Покупает этот дом за три миллиарда (*я по книжке говорю*). Прибыли корабли, разгрузили товары. Торговали одну неделю, приходит к Ивану Ивановичу Василий Алексеевич. Иван Иванович спрашивает (*он доход очень любит*): «Василий Алексеевич, какой у нас доход?» — «Доход, слава богу».

Прошли полгода. «Как долго в одном доме живем, а какой из себя генерал, не видели», — говорит Катя. «Я ему напишу письмо с приглашением» (*видно дом-то маленький был!*). По почте посылает Катя это письмо. Генерал открывает конверт, читает. «Я генерал, а никто-нибудь, не пойду к ним, пусть сами придут». Написал ответ, отдает своему повару для передачи Ивану Ивановичу. Иван Иванович читает. «Давай, Катерина, пойдем к генералу, он нас приглашает к себе». Идут они к генералу. Генерал был холостой, очень красивый, но Иван Иванович не уступал ему в красоте. Целую неделю гостили они у генерала. Потом Иван Иванович зовет его к себе, он соглашается и все втроем возвращаются обратно. Вторую неделю пируют у Ивана Ивановича. Генерал, попрощавшись, идет домой один.

«Катерина, вот уже полгода мы не производили учет товаров. Я поеду на учет». И поехал. Генерал, увидя, что Иван Иванович уехал, пишет письмо его жене. Она получила письмо, прочла и думает: «Зачем он зовет меня? — придется сходить». Приходит к генералу: «Зачем вы меня звали к себе?» — «Вот зачем: хочешь быть моей женой?! — «А разве так можно?» — «Можно! Если даже родишь ребенка, то он будет у нас генералом». А уж к этому времени приготовлены две рюмки такой водки, что она как только выпила, тут же и согласилась! (*Вот и верь женщине, оживи мертвую!*)

Жена вернулась домой раньше Иван Ивановича. Встречая его, она спрашивает: «ну, Иван Иванович, какие у тебя доходы?» — «Доход, восемнадцать магазинов стало. За полгода прибыло шесть магазинов». После приезда они опять возобновили знакомство с генералом, ходят друг к другу, угощаются. А жена обоих любит. Однажды, когда Иван Иванович был в магазине, пришел генерал к ней и советуются обмануть мужа: «Он очень любит большие доходы. Мы скажем, что в таком-то городе предстоит большая выручка». Пришел Иван Иванович. Генерал и говорит ему: «Вот, Иван Иванович, в таком-то городе большие доходы». А как вышел Иван Иванович из комнаты, он и говорит жене: «Мы его оставим без копейки». — «А как?» — спрашивает жена. «А так, когда он сгрузит все товары на баржу, я скажу жандармам, чтоб не пропускали его к морю, а ты скажи в это время: ой, именное кольцо позабыла в шкафу. Он и побежит за ним». Возвращается Иван Иванович. — «Ну, давай, Иван Иванович, поедем в этот город, я тоже вместе с тобой поеду», — говорит генерал (*больно уж хочется взять его жену*). — «Ну, так что же, ай-да! А сейчас позовем Василия Алексеевича». Приводит его. «Вот, что, Василий Алексеевич, давай поедем опять в такой-то город». «Мое дело маленькое. хозяин приказывает — я не перечу».

Вот опять грузят на баржи весь товар, приказчики остались теже. Через две недели Василий Алексеевич исполнил все распоряжения хозяина. Собрались в путь. Василий Алексеевич

уже на пристани. Пришел Иван Иванович, прощается со своим приказчиком, вынимает ту книжку, по которой оживил свою Катерину и передает ее Василию Алексеевичу. До этих пор он никому не показывал этой книжки. Иван Иванович остался в городе, чтобы продать дом и пустые магазины. Ну, продал дом, еще кое-что, денег много собралось. Крикнули извозчика, извозчик подъехал: «Куда вас везти?» — «На пристань». Приехали на пристань, жена и говорит ему: «Ой, Иван Иванович, я позабыла именной перстень». — «А где он был у тебя?» — «В комоде». — «Так я за ним сбегаю». — «А ты денег-то с собой не носи, оставь их мне». Оставляет все деньги жене, а сам бежит за перстеньком.

В это время генерал приказывает жандармам, чтобы не допускали этого человека к морю, ему воспрещено, а сам с женой садится на легковой пароход и уезжает. Иван Иванович в комоде не нашел никакого перстенька, бежит на пристань. Прибегает, а к нему навстречу выходят жандармы. «Куда уехали моя жена с генералом?» — спрашивает Иван Иванович. «Они уехали в такой-то город; по приказу генерала тебе нельзя подходить близко к этому морю, мы не пустим тебя». — «Иван Иванович, давай расчет!» — требует извозчик. Он в одном кармане ищет, в другом кармане, кое-как нашел пять рублей, отдал извозчику. Сам остался без копейки, заплакал. «Эх, — говорит, — обманули меня, и мне придется кого-нибудь обмануть» (*по неволе жуликом будешь, что же поделаешь*).

Вот Иван Иванович идет к одному купцу, к своему бывшему другу, и просит: «Дай мне полмиллиона денег!» А он ему: «Нет, возьми для ровного счета весь миллион». — »Хватит половины». Берет полмиллиона, едет в свой родной город, а оттуда к царю. Приходит к царю, а у ворот стоит часовой. «Скажи царю, что пришел Иван Иванович». Часовой вбегает к царю и докладывает. «Пусть заходит». Иван Иванович зашел. «Здравствуй, ваше императорское величество!» — «Здравствуй, Иван Иванович Пашпердов! Зачем ты пришел, за расчетом что ли?» — спрашивает царь. «Нет, не за расчетом». — «У меня ведь небольшой долг есть тебе!» — говорит царь (купец поставлял царю свой товар). «Вот, что, царь, сделай меня солдатом!» — «Что ты с ума сошел! — отвечает царь, — при таком большом капитале, зачем тебе быть солдатом?» — »Сделай солдатом и все», силом напирает на царя. Царь, жалея его, очень разгневался, дал приказ: «Запереть этого человека в темницу, не давать в течение трех суток ни пить, ни есть. Пусть вышибет эти дурацкие мысли из головы.» Заперли Ивана Ивановича на трое суток, не дают ни пить, ни есть! Через трое суток выпустили. Царь спрашивает: «Ну, одумался?» — «Теперь не будешь солдатом?!» — «Нет, царь, сделай солдатом!» Тогда царь приказал: «Сбрить волосы, надеть шинель!» Привели Ивана Ивановича в роту. Проучился он там один месяц, стал младшим унтером, через

три месяца фельдфебелем, через полгода поручиком. Опять идет Иван Иванович к царю, видит часовой стоит у ворот. «Скажи царю, что пришел Иван Иванович». Часовой идет к царю: «Вот, царь, пришел Иван Иванович». — «Если пришел, пусть сюда идет». Иван Иванович офицер зашел к царю. Здравствуй, ваше императорское величество!» — «Здравствуй, Иван Иванович». И разгневался царь: «Как же ты через полгода мог стать офицером. Ты не знаешь никаких учений, наверное, взятку давал». И зовет он тут другого офицера. Тот приходит. Царь стал командовать офицеру. Когда окончил свою команду и говорит: «А ну-ка прокомандуй Иван Ивановичу, пусть он покажет нам свое уменье». Офицер начал командовать, а Иван Иванович так хорошо стал выполнять команду, даже лучше офицера. Царь полюбил его за это. «Вот, что, царь, отпусти ты меня в такой-то город» (где живут генерал с его женой). «Иди, а зачем же ты туда едешь?» — спрашивает царь. «Съезжу сделать учет». Царь дает письмо Ивану Ивановичу. «Приедешь в тот город, заезжай к одному генералу» (у которого его жена). Иван Иванович едет, приезжает в тот город, крикнул извозчика. «Вези меня к такому-то генералу». Находит извозчик генерала, привозит прямо к нему.

Иван Иванович, заходит к генералу и отдает бумагу, написанную царем. «Здравствуй», — говорит генерал! Поздоровался и с женой. Оба не узнают Ивана Ивановича (он в полгода стал офицером). «Ты зачем сюда ко мне приехал?» — спрашивает генерал. «Царь велел дать мне квартиру». «Вот пойдешь так и так. Прямо заходи, будет тебе квартира». Как ушел он, говорит жена генералу: «Узнал, кто это был?» — «Нет, не узнал?» — «А это ведь Иван Иванович Пашпердов». — «Ну, — удивился генерал, — в полгода не мог он заслужить офицера». А жена: «Правда, Иван Иванович!» — «А что же с ним сделать?» — «Сделай вечеринку, созови всех полковников и позови его. Напой всех вином, он опьянеет, генералы будут плясать, а я пойду в чулан и буду его пальцем манить к себе. У него сердце не стерпит, все равно придет ко мне. Он ведь любит меня...»

Вот она рукой к себе и манит Ивана Ивановича, наблюдает все ли пьяны. Потом тихонько подкрадывается к жене. «Зачем ты со мной так поступила, очень ведь некрасиво!» Она ссылается на генерала и говорит: «Сейчас все пьяны. С горя хоть разик будь со мной как прежде». Жена легла и Иван Иванович с нею, а в это время она его схватила за руку и давай кричать: «Иван Иванович меня насилует». Прибегают два полковника: «Ты зачем чужую жену трогаешь? Мы тебя сейчас же запрем в каземат, несмотря на ночь!» И заперли Ивана Ивановича в каземат, а генерал послал к царю бумагу, что, мол, Иван Иванович изнасиловал мою жену, как мне с ним поступить. А Иван Иванович в каземате все время пишет, неизвестно сколько написал, сделал целый пакет и обращается к дежур-

ному: «Снеси этот пакет к такому-то, такому купцу, Василию Алексеевичу». — «А я без разрешения старшего унтера не могу. Если он разрешит, то понесу», — отвечает дежурный. А ты его сюда позови». Приходит старший унтер. «Пошли-ка дежурного с пакетом к такому-то купцу». — «Я тоже не смею, — отвечает унтер, — у нашего каземата распоряжается поручик». — Позовите его сюда». Приходит поручик: «Ты зачем меня просил?» — «Пошли с этим пакетом дежурного в один магазин». — «Послать-то пошлю, но сухая ложка рот дерет!» Он всем троим дает по тысяче рублей. Поручик говорит дежурному: «Как выйдешь за ворота, крикни извозчика.» Вышел дежурный за ворота, крикнул извозчика. Извозчик подъехал: «Тебя куда везти?» — «В такой-то магазин». Подвозит к магазину, дежурный вбегает и говорит: «Вот, Василий Алексеевич, тебе пакет». А он: «Какой такой пакет?» — «Скорее открой и читай, мне надо ехать». Как открыл Василий Алексеевич пакет, так слезы и закапали на бумагу. «Вот мой хозяин куда попал», — думает про себя. Велит Василий Алексеевич класть самые лучшие сукна, какие носят только генералы. Вот, что еще он там писал: «Брать без акта, на сколько тысяч там было товару!» Извозчик помчался со всем товаром.

В это время от царя пришла бумага генералу: «Что сумеешь, то и сделай над ним». Генерал призвал всех полковников и приказал собрать все войска в поле. Идет генерал со всеми полковниками и с женой (*вот и верь жене, к жизни вернул ее, а она все же тебя убивает*). Генерал громко вызвал Ивана Ивановича. Тот вышел. «Ну, Иван Иванович, поведем мы тебя на расстрел!» А он ничего не говорит. «Ведите куда хотите», — думает про себя. Сколько было в городе солдат — все собрались в поле. Генерал построил солдат в шеренгу. «Ну, солдаты, — говорит генерал — несите самое лучшее белье». Солдаты приносят белье. Иван Иванович одевает белье. Иван Иванович не произносит ни слова, одевает белье. Потом привязывают его к доске к большой жерди и на жерди поднимают его вверх, а он все молчит. «Полковник, командуй». Полковник командует! «Шеренга! (солдаты поднимают ружья и целятся). — Пли!» Неизвестно сколько пуль попало, он умер.

Почему-то в тот день не могли похоронить, оставили караулить четырех солдат. Солдаты караулят. Ни одна душа не может подойти. Наступил вечер. Подходит ночь. Примерно, в одиннадцать часов ночи едет Василий Алексеевич. А за десять саженей никого не велено пускать. Василий Алексеевич умоляет их: «Меня бессонница что-то мучает. Я нарочно пришел к вам побеседовать, пустите пожалуйста». А солдаты отвечают: «Хоть мы тебя и хорошо знаем, но нам никого не велено пускать сюда». — «А я вам четверть водки пришлю, чтоб веселее было беседовать и по одной тысяче денег дам. Да, что я могу сделать с вашим мертвецом?» Один солдат и говорит:

«Куда ему наш мертвец, давайте пустим». В конце концов

пустили Василия Алексеевича к себе. «Прежде, чем беседовать, выпьем что ли, тогда будет веселее». Выпивают по одному чайному стакану. Сразу опьянели. «Давай, Василий Алексеевич, выпьем еще по стакану», — говорит один из них. «Василий Алексеевич, ты почему не пьешь?« — Спрашивают они. «Я себе красного вина принес, — отвечает он им, — эта водка очень крепка, я не могу пить». Василий Алексеевич выпивает бутылку (налитую красным чаем), а солдаты уже спят. Вот Василий Алексеевич зажигает свечку, вынимает ту самую маленькую книжку и начинает читать. Иван Иванович пуще прежнего приятным становится (красивым). По окончании чтения Иван Иванович встает и говорит: «Ой, как долго спал!» — «Какое спал, тебя ведь расстреляли, бежим скорее». — «А ведь и верно, что расстреляли». Вот от погони они оба бегут в магазин. «Василий Алексеевич, есть ли у тебя красное вино?» — «Как же есть». Оба выпивают. «Ну, а как в этом городе доход имеется?» — «И, доход! Теперь уже 36 магазинов. Расцвет!» — «Ну, Василий Алексеевич, неси офицерскую одежу», а сам берет бумагу и пишет расписку: «Оставляю тебя здесь купцом, все будет твое, а ты дай мне сейчас один миллион денег». Тут Василий Алексеевич и отвечает: «Хоть все возьми, не мое». — «Теперь отдай мне книжку». Маленькую книжку и один миллион денег отдал Василий Алексеевич Ивану Ивановичу. «Ну теперь досвидания!» — «Что очень скоро уходишь?» — «Нужно торопиться». По пути Иван Иванович заходит на почту, переводит миллион денег тому, у кого занял полмиллиона, садится на машину (поезд) и едет прямо к царю.

Приезжает к царю, а у ворот стоит часовой. «Зайди к царю. Скажи, что прибыл Иван Иванович».Часовой быстро вбегает к царю, докладывает: «Прибыл Иван Иванович». — «А его ведь убили, как же он смог притти?» — «Точно, он самый Иван Иванович», — повторяет солдат. «Ну, пусть заходит. Кто он такой я сам узнаю». Иван Иванович заходит. «Здравствуйте ваше императорское величество!» — «Здравствуй, Иван Иванович! — приветствует царь — ведь тебя убили?» — «Нет, не убивали меня, — отвечает он. — Я до сих пор производил учет, у меня уже тридцать шесть магазинов стало. Не знаю, кого это могли убить, хотя человек с человеком по лицу сходятся». — «Это верно», — говорит царь. — «Царь, что за огонь у тебя в чулане?» — «Помнишь, у меня была дочка?» — «Да, помню». — «Так вот она умерла. Сейчас там четыре монаха читают над ней псалтырь». — «Ты этих монахов прогони, я сам буду читать». «Пусть читают монахи», — отвечает царь. Кое-как убедил он царя прогнать монахов. Настал вечер, царь запер Ивана Ивановича в чулан для чтения книги над покойницей. В десять часов приступает он к чтению книги. Ну, читает, ну, читает. Дочитав, примерно, до половины, взглянул он на царскую дочь, а она лежит красивая, куда лучше его жены. Как кончил читать, она и встала. По сравнению с его прежней женой в три раза красивее стала.

«Я за тебя выйду замуж», — говорит царевна. «А, если отец не отдаст?» — «А я за другого не выйду». Утром царь встает, идет к дочери, двери открывает, видит, сидят двое. «Как же смог ты, Иван Иванович, оживить ее?» — «Я крепко молился богу». — «Ну, отец, я за него замуж выйду», — говорит она. А царь: «У него ведь жена есть». — «Моя жена умерла, разве не знаешь. После свадьбы только три недели жила». — «Да, и правда ведь», — говорит царь. Царь выдает дочку за Ивана Ивановича. Обвенчавшись, целую неделю гуляют на свадьбе. После этого царь говорит Ивану Ивановичу: «Будешь ли ты наследником?» — «Не хочу быть наследником. Скажи, может ли генерал чином быть выше того генерала?» (*тот генерал оказывается тоже был большой*). — «Да, может! Я тебя сделаю чуть пониже себя». Сделал его царь большим генералом, навешал ему медалей, крестов всяких. Вот Иван Иванович посылает письмо к тому генералу: извещает его, что в такое-то число прибудет на смотр войск. Подписывается — большой генерал.

В такое-то число он едет, а жена просится с ним, а он ее не берет. Говорит, чтоб она этот раз осталась. Если повезет, — нехорошо будет. Там у него еще одна жена была. В этот день собрали всех солдат в городе, и вот он, этот большой генерал, подъехал к солдатам. А офицеры стараются, командуют. Он им кричит: «Не надо, не надо, пусть стоят вольно». — «А где же здешний генерал, не приехал что ли?» — спрашивает офицеров. А там оказывается и полковников нет. «Нет, еще не прибыли» — отвечает офицер. «Ну, а я сейчас уйду подальше» (прячется он). Тихонько выглядывает. Едут полковники, начали избивать солдат, а он все это видит. Вот и скачут жена с генералом, после подходит он. Построили большой круг из солдат, а внутри генерал с женой и полковники. Генерал идет здороваться с этим большим генералом. Поздоровался генерал, а за ним и жена подходит. «Уходи прочь, жена, я с тобой не здороваюсь», — и не дал руки! Встали оба перед ним на колени. Жена узнала Ивана Ивановича и начала просить прощения. «Нет, не прощаю. Я не просил у вас прощения. Вот теперь уж ваши дети все будут генералами, не сумела жить у купца. Ты меня заставила плакать: на пристани оставила без копейки. Трое суток лежал голодный, наверно не очень-то хорошо было мне тогда! А потом ты меня на себе поймала. Меня заперли в каземат. После всего этого вы же еще просите прощения!? Я не прощаю!»

Потом крикнул: «Дежурный по каземату, здесь?» Бывший дежурный солдат сильно перепугался. «Что это он будет со мной делать», — думает и боязливо подходит к генералу. «Здравствуй, дежурный! — приветствует его генерал, — зачем же ты боишься. Я тебе ничего не сделаю. Генерал, снимай-ка свой мундир! Ты, дежурный, сними шинель (дежурный трясется весь, снимает). Одевай вот этот генеральский мундир и с этого дня будешь генерал вместо него». Дежурный одел генеральскую одежду. «А унтер каземата здесь?» — кричит он. «Здесь», — раздается

голос. «Иди сюда! Скидывай свою шинель, и ты, полковник' раздевайся! (*Вот!*). Полковник раздевается со слезами на глазах' «Вот ты будешь за полковника, а он вместо унтера каземата. Здесь такой-то поручик каземата. Если здесь, то иди сюда!» Поручик пришел. «А ты поменяйся одеждой с этим полковником (эти два полковника его задержали на своей жене на вечере у генерала). Вот ты будешь полковником, — говорит поручику каземата, — а ты будешь поручиком. Где те четыре солдата, что караулили меня?» — «Здесь», — кричат они из толпы. «Если здесь, идите сюда. Скажите, что вы получили за то, что прокараулили меня?» — Мы служили по последнему году. Генерал прибавил всем еще по десять лет». — «Вот вам по десять тысяч денег. Завтра же отправляйтесь домой» (*как он жалеет!*). А Василий Алексеевич стоит рядом с ним, он не боится.

Иван Иванович просит принести две рубахи сумашедшего. Генерал с женой сильно плачут. «Я не плакал», — говорит он им. В это время принесли смирительные рубашки. «Одевайте теперь эти рубахи!» Им очень уж не хочется. «Я одевал, ни одного слова не сказал». Вот одели они рубашки и привязали их к доскам. А потом подняли вверх. »Ну, а теперь как чувствуюте себя, что испытывают ваши сердца (души)? (он их злит). Вот и мое сердце то же самое чувствовало. Ну, а теперь, генерал, командуй!» — «Шеренга! (кричит новый генерал) — Пли!» Умерли. «Хоть закопайте, хоть оставьте там же на верху, ваше дело».

Потом дает распоряжение новому генералу: «Всех присутствующих здесь солдат корми и пои бесплатно в течение года, не делай никаких учений. Если есть охота у них съездить домой на год, то посылай, не держи». А солдаты рады. Сам уезжает к себе. После этого один полковник с досады зарезался, а другой застрелился. Приезжает к себе со слезами на глазах (плача-плача). Жена выходит встречать. «Зачем ты так долго был там, за время твоего отсутствия умер отец» (*вот... после всех мытарств, достигает ведь!*). — «А если умер, мы его оживим». А дочка говорит: «Ваня, если мы его оживим, он окрепнет и будет нас обижать. Лучше вместо него царствуй ты». Иван Иванович стал царем.

Сказка туда, а я сюда.

2. КУПЕЦ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

Жил купец. У него было двое детей: дочь и сын. Сын все время проводил на охоте, а в магазин даже не заглядывал. Приходит как-то из лесу, отец ему и говорит: «Я скоро умру, а ты все время ходишь в лес, ничего не приносишь. Только напрасно заряд изводишь, а ты какой товар у нас, сколько стоит — не знаешь». — «Эй, отец, я все знаю, идем в магазин, расскажу тебе». Пошли в магазин. «Вот этот товар стоит столько, а этот столько». Все товары назвал сын, все правильно

оценил. Вот как-то и говорит отец детям: «Как умру я, ты, сыночек, за сестренкой, как за матерью ухаживай. А ты, дочка, брата почитай за отца». После этого в скоре и умер. Брат с сестрой живут мирно, друг друга слушаются. Вот один раз говорит брат сестре: «Давай поедем торговать в другой город». Она отвечает: «Сам знаешь: куда ты поедешь, туда и я». Сложили они все товары в баржу, продали дом и поехали.

Проезжают мимо города. «Сестрица, нравится ли тебе этот город?» — спрашивает брат. «Если тебе нравится, то и мне», — отвечает сестра. Там и остановились. Выгрузили товар. «Сестрица, мы не будем строить магазин, построим маленькую лавчонку и ладно». А она все: «Сам знаешь». Вот живут они там. Когда нет покупателей, выходят из лавки и стоят около. Однажды Иван стоит вот так перед лавкой и видит: едет повозка, запряженная тройкой вороных, а в повозке купеческая дочь сидит. Иван красивый, ладный. Увидела Ивана купеческая дочь и подумала: «Вот хорошо, кабы этот взял меня замуж». Пришла домой и послала Ивану письмо. Прочел Иван письмо. «Зачем зовет меня купеческая дочь, сестрица? Как по твоему, итти или не итти?» А она: «Сам знаешь». — «Будь, что будет — пойду». Приходит Иван, смотрит на купеческую дочь, а она писаная красавица! Иван подумал: «Эх, хорошо, кабы вышла она за меня замуж!» И спрашивает ее: «Зачем ты меня звала?» — «Вот зачем, — говорит она, — не возьмешь ли ты меня замуж?» — «И я как раз про это думал». — «В таком случае я к тебе завтра приеду». — «Спрошу, что скажет сестричка моя» (*потому она как мать*). Пошел домой и спрашивает сестру: «Сестричка, я хочу жениться». А она: «Сам знаешь».

Вот на другой день сосватал он купеческую дочь и свадьбу сыграли. Она у Ивана теперь. Спят одну ночь, спят другую, а сестра что-то приметила. «Браток, — говорит, — твоя жена по ночам куда-то уходит из окошка, а на ее месте рядом с тобой лежит и разговаривает шуба. Ты сегодняшнюю ночь не спи, а карауль ее. Она тебя все время оставляет спящего» (*жена-то оказалась ведьма!*). Ложатся спать. Иван притворился спящим, а сам не спит. Около десяти часов ночи жена встает, — и в окошко! Уходит, а Иван за ней следом идет. Вот перешли оба через поле. Жена входит в лес и Иван за ней. Жена его не замечает. В лесу оказалась избушка. Входит жена в избушку, а Иван в щелку подглядывает. Видит: сидит там сам сатана с большущей бородой. Вот она к кому ходить повадилась! Слышит Иван, спрашивает жена у сатаны: «Уж очень я проголодалась, чем же ты меня накормишь?» — «Вот сегодня привезли на кладбище упитанного ребенка, попробуем его». Пошли они на кладбище. А Иван скорей домой побежал, думает про себя: «Еще меня съедят». Лег спать, да не спится ему, жену поджидает. Около часу приходит жена. «Сестричка, зажги-ко лампу!» Сестра зажгла лампу. «Что это у тебя весь рот в крови? Где это ты крови напилась? — допрашивает он жену. — Не ребенка

ли есть ходила?» А тут и утро подошло. Вот начал Иван ее бить... «Иван, если хочешь остаться человеком, не бей меня». А Иван, рассердившись на эти слова, еще пуще ее избивает. Ей это битье нипочем, потому что она ведьма, но все же она разозлилась. «Быть тебе, Иван, собакой, а тебе, сестра, теленком». Вмиг так и получилось. Иван стал собакой, а сестра теленком.

Побрел он с сестрой-теленком по городу, нет у них языка человеческого, говорить не могут. Тут собака и решила: «Буду хоть пастушеским псом», — и убежала. Ласково скачет на грудь пастуха. Пастух удивляется: «Что за собака пришла, какая веселая». Вот собака объясняет ему лапой (*рукой-то*): «Ложись спать». Пастух лег на бочок, а собака побежала к стаду, ни одну корову не пускает. Пастух и думает: «Вот дал бог мне собаку» (*собака-то ведь человек!*). Вечерело, собака гонит коров домой. На завтра утром встали, опять собака гонит скот. Пастух целыми днями спал в поле, а собака стерегла все стадо. Вечером пригоняла его обратно. Вот, — говорит пастух своей жене, — жена, завтра воскресенье, а потому я сегодня хочу выпить. Собака у меня хорошая, она убережет стадо». Пьянствовал пастух до рассвета, а вернувшись домой, крепко заснул. Утром, собака берет у него из-под подушки рожок, и идет по всему городу, дудит в рожок. «Что это сегодня пастух так рано коров гонит», — удивляется народ. Пастух только к обеду проснулся. «Ой, жена, теперь мне капут». — «Почему?» — спрашивает жена. «До сих пор скотина стоит голодная». — «Да, что ты: только рассветать начало, твой Шарик уже всех коров угнал». — «Ну, старуха, тащи полуштоф вина и фунт белого хлеба». Пастух сильно полюбил собаку. Пошел он к собаке: «Ешь этот суп!» Собака съела суп с белым хлебом, а он ей в чашку еще полуштоф вина подлил. Собака, выпив это вино, совсем опьянела и заснула сладким сном. На этот раз пастух сам пошел скотину стеречь. Собака проснулась, сразу прибежала к нему. Только успела она прибежать, — видят в повозке на тройке едет купец. «Пастух, — говорит купец, — у тебя есть очень хорошая собака?» — «Да, есть, вот она!» — «Не продашь ли ее?» — «Нет, и за пятьсот рублей не продам». — «Возьми, — говорит, — тысячу рублей». За тысячу рублей взял купец собаку. А собака с радости в повозку залезла: «Слава богу, теперь попала к купцу», — думает она.

У купца каждую ночь исчезали из магазина товары. Вот теперь он построил собаке конурку из досок и поместил ее около магазина. Собака караулит, старается. Ночью, часов в одиннадцать подъезжают на двенадцати возах двенадцать разбойников за товаром. Собака не лает. Разбойники уже в магазин вошли. Вот уже одиннадцать возов нагрузили. Один разбойник остался возы караулить, а одиннадцать ушли за товаром вглубь магазина. Собака встает, тихонько подкрадывается к разбойнику, перекусывает горло, прикапчивает сразу. Неизвестно как, с большим трудом запирает двери магазина, закладывает закладку, чур-

башкой затыкает. «Если бежать сейчас к купцу, еще ночь, он пожалуй не встанет. Ни за что их не выпущу, стану караулить, а лошадь все равно стоит смирно», — думает про себя собака.

Чуть утро, бежит собака к купцу, лает, в окна заглядывает. Стряпка пропускает ее в дом. А купец спал в чулане, двери закрыты, зайти нельзя. Собака начала скрести лапой дверь. Вот купчиха услыхала. «Твоя собака зачем-то скребет дверь. Зайти сюда хочет», — будит жена мужа. «Впусти ее». Купчиха впустила собаку, а собака теребит купца за рубаху. Купец рассердился. А купчиха говорит: «Зачем сердишься, может что-нибудь случилось. Зачем покупал тогда?» — «Ох, и верно». Вскочил купец, скорее одеваться. Жена тоже. Бегут вместе в магазин, а собака впереди, их ведет. Доходят до магазина. Купец удивляется, видит возы нагружены и человек мертвый лежит. Хотел он зайти в магазин, но собака не пустила. Потом собрал купец полицейских и солдат, пошли все в магазин, а там одиннадцать разбойников. Их сразу направили на каторгу, а лошадей, телеги продали в казну. Ну, купец очень полюбил собаку. Что ест и пьет сам, — тем же и собаку кормит. Через некоторое время приезжает к нему царь. «Купец, говорят у тебя собака есть очень хорошая. Правда это?» — «Есть», отвечает купец. А собака слушает весь этот разговор. «Продай ее мне?!» — «Нет, я ее не продаю», — говорит купец. «Сколько попросишь, столько и дам», — говорит царь. «Мне просить совестно». Ну, царь сам дает ему десять тысяч, а собака услышав это, сразу прыгнула в повозку. «Ну, теперь, слава богу, попалась в руки царю», — думает собака (*пиши и это*).

У царя с царицей было трое детей, и всех кто-то их воровал. Как родится, — так и украдут. Сейчас опять беременная, вот царь и купил собаку, царицу стеречь. Собака живет у них, а царица еще не скоро родит. Собаку поместили пока вместе со стряпкой. Вот как-то собака тянет стряпку за сарафан, а стряпка пошла жаловаться к царю, что, мол, твоя собака рвет мой сарафан. Царь говорит ей: «А ты подружись с ней». — «Ну, некогда мне с ней возиться». Все же стряпка подружилась с собакой. У царицы наступило время родов, пригласили акушерку и собака прибежала. Учуяла, хотя ее и позабыли впустить. Вот ставит собака у одной двери свою стряпку, а сама поднимается к верхней двери по лесенке. Хоть, кто выноси ребенка, все равно в двери не пропущу. Как только послышался голос ребенка, старшая сестра того самого сатаны и схватила дитя. Собака сразу вырвала его из рук. А сестра сатаны испугалась, думала настоящая собака (*такие собак очень боятся*). Тихонько собака спустилась с ребенком по лестнице. Стряпка хочет взять ребенка, а собака не дает. Встает утром царь: «Эй, собачка, а не даром я ведь собачку привез». Пошел к стряпке, видит — собака лапками забавляет ребенка, не дает ему плакать. Увидев собаку с ребенком, царь очень обрадовался и полюбил собаку. Побежал к царице: «Ой, жена, собака-то наша уберегла нашего ребенка».

Приказывает акушерке принести ребенка вместе с собакой. «Чем же теперь наградить собаку», — думает царь. Ну, навешал ей всяких медалей, надел ошейник с надписью «Генерал Жуков», а снизу еще приписку сделал: «Кто бы ни встретился — генерал ли, полковник ли, прошу отдавать собаке честь».

Вот собачка утром встала, бежит по городу вся обвешанная медалями, все отдают ей честь. Первый день бегала она по городу благополучно, на другой день опять бежит. Стоят три солдата. «Мы служили уже по пять лет, а людей подающих нам честь, нету. Мы же должны козырять какой-то собаке. Стоило бы ее отравить», — говорят они. А собака повернулась к царю и тянет его за полы. «Придется итти, куда это она зовет». Взял царь сколько-то солдат — восемнадцать или двадцать, пошел с ними. Собака впереди. Вбежала в магазин, выносит мышьяк (*сам торговал, так знает*). Показывает царю, что де вот отрава. Царь понял, собрал всех солдат в городе, построил в два ряда. Собака бегает по рядам, ищет. Одного нашла, потом другого, ищет третьего, находит на самом краю. Они стоят, испугались. «Ну, что вы говорили собаке, сознавайтесь?» — «А вот, что мы говорили: Пять лет мы служим, нам никто не отдавал чести, а собаке так давай». — «Ну, что ж, — говорит царь, — я ведь сам распорядился так и медалями ее пожаловал, и записку написал. А если вы не поверили и сочли ее за ночную собаку, за это отслужите еще по пять лет. А если другие солдаты будут сомневаться, то я их расстреляю».

Собака живет, а стряпка начала полнеть. Собака догадалась, что стряпка забеременела». Придется мне отсюда бежать, а то царь увидит — убьет. Убегу прямо в лес. А в лесу стоял большой дом: «Зайду сюда, буду служить лесничему», — решила она. Забежала в этот дом, а там сидит сам сатана и говорит: «Ну, Ваня кабы ты пришел недельки две тому назад, не миновал бы моих зубов, а сейчас уж умирать час подходит, потому не трону». Стукнись три раза головой об пол. Собака стукнулась три раза об пол и превратилась в человека. Все свои медали собрал и в карман положил. А два ребеночка шибко бегают, одному восемь лет, другому шесть. «Вот, что, Иван, — говорит сатана, — у меня есть две пары лошадей. Запрягай их и увези ребятишек». — «А это чьи же ребята будут?» — спрашивает Иван. «Это царские дети (*украденые-то*). Царь может не поверить, так вот у них на руках есть короны. Ты поедешь через такой-то мост. Увидишь там свою жену, она будет тебя умолять — «прости, да прости». Ты ни за что не прощай ей. Она опять что-нибудь сделает с тобой, смотри же не прощай. А если простишь, может случиться я умру за это время и тогда уж тебе меня не видать. Иван запрягает пару в повозку, сажает двух ребят, пошел к сатане проститься, а сатана не дает руки и не прощается. «Пока, — говорит, не надо». Иван гонит во всю.

Через час доезжает до моста: «Ну, Иван, прости ты на пер-

вый раз». Жена встала на колени: «Больше никогда так не буду поступать, будем оба жить мирно». Иван твердо: «Не прощу!» А жена просит, умоляет, говорит: «Прости хоть на первый раз» — «Ну, на первый раз прощаю». Только успел вымолвить эти слова, а жена уже сказала: «Будь ты опять собакой!» Лошади повернулись, скорее домой к сатане поскакали. До моста ехали только час, а обратно вернулись через три дня. Въехали к сатане. «Скорее стукайся три раза головой, а то скоро умру», — говорит опять сатана. Стукнулся Иван три раза, опять превратился в человека. «Вот, Иван, — говорит он, — пойди в амбар, там есть золото. Набери его полповозки (*богатый же был проклятый!*) — поезжай туда, где ты был пастухом. Там твоя сестра. Скажи ей пусть стукнется три раза головой о землю. А пастух начнет к тебе придираться, что, мол, как это так тебе удается из скотины людей делать, а ты ему расскажи как собакой у него жил и отдай ему все эти деньги. Они ему пригодятся, ту тысячу рублей он прожил (*сатана сжалился над его сестрой, а золота ведь ему не жаль*). Посади опять этих двух детишек, на мосту же опять будет стоять твоя жена, опять будет просить прощения, не прощай, смотри, а то обратно ко мне не доедешь — я умру; скажи ей: «Провалиться бы тебе в землю (с грохотом) тогда она будет нашей». Посадил Иван ребятишек, опять заходит прощаться к сатане. Сатана опять не дает руки, не прощается, говорит: «Вот, Иван, если вдруг получишь какое нибудь письмо, то сразу скачи ко мне». Уехал Иван.

Доезжает опять до моста, видит на мосту стоит жена. «Ну, Иван, прости, да прости», умоляет она. Иван сильно разгневался и крикнул: «Провались ты!» И жена провалилась. Едет Иван, а пастух пасет скот. Сестра его, тут же теленком ходит. Увидела она брата: «О, боже мой, брат-то мой стал уже человеком», — плача выбегает из стада. Узнал ее брат: «Ой, сестрица, стукайся головой три раза об землю!» Стукнулась она три раза и опять стала девушкой. Прибегает пастух. «Как это ты скотину в людей превращаешь?» — «Я и тебе помогал пастушить, — говорит Иван, — вот женился было на дочери такого-то купца, она нас сделала такими, а теперь и сама в преисподню провалилась. Вот тебе пастух, полповозки золота, и тебе, и внучатам твоим его не истратить. Довольно тебе в пастухах ходить». Везет пастуха и золото к нему домой. Свалили золото, поехали дальше вчетвером: он, сестра и двое ребят. «Браточек, а это что за ребята у тебя?» — спрашивает сестра. — «Это царские сыновья». Доезжают к себе домой на родину. Остыла изба, нет жилого запаха. Сестра поставила самовар. Самовар поспел, сели вокруг столика, пьют чай. Вечер. Прилетела ласточка к окну с письмом, порхает под окном, так и хочет залететь в избу. Иван пустил ласточку в избу, взял у нее письмо и полетела она обратно. А в письме том сатана опять просит его к себе. Сестра спрашивает: «Бра-

точек, что это за письмо?» — «Зовет сатана, придется мне к нему ехать». — «Ой, браточек, не уезжай, может они опять с тобой что сделают». — «Нет, теперь уж ничего не сделает». Запряг лошадей, уехал. Приезжает к сатане, а у сатаны в изголовьи опять ребенок сидит. «Вот, Иван, — говорит сатана, — этого ребенка я хотел взять с собой, но пожалел. Очень уж мир хорош, пусть живет». Иван спрашивает: «Что это за ребенок?» — «Это тоже царский сын. А теперь прощай, Иван». Как попрощался, сразу не стало сатаны. Остался Иван вдвоем с ребенком. Поехал он домой. Сестра только две чашки чаю успела выпить, как он вернулся. «Что-то, браток, очень скоро приехал?» — спрашивает сестра. «Чертовская лошадь, ходкая», — отвечает он.

Утром встали. «Ну, сестренка, теперь поедем к царю, этих сыночков надо ему отдать». Запрягли лошадь, сели пятеро, по дороге Иван все поучает ребят: «Как доедете домой, все трое встаньте на колени, скажите: папа, мама, здравствуйте!» Приехали к царю. Часовой не пускает. Пошел к царю докладывает: «Какой-то человек приехал на паре, с ним трое детей и девушка». — «Зови всех!» Зашли. А Иван весь в медалях. Детишки встали на колени: «Папа и мама, здравствуйте!» — «Какой я вам папа?» Иван ему и говорит: «Это ведь твои сыновья. Если не веришь, посмотри на свою корону» (*у всех на руках короны*). — «А ты что же это, мою собаку убил? Откуда у тебя ее медали?» — стал придираться царь. «А собакой твоей я ведь сам был. Потом ушел искать твоих детей. Теперь вот видишь, нашел их». — «Это не мои дети». — «Принеси-ка двухлетнего-то!» (два года ходил). Привел царь двухлетнего, смотрит на детей, сравнивает: очень уж все друг на друга похожи. Царь поверил. «А как же ты стал человеком?» Все рассказал Иван: и как женился на ведьме, и как она его с сестрой в животных превратила, и как сатана помог ему снова человеком стать. Все рассказал царю. А тут же стоит стряпка, рядом двухлетний мальчик, она его научила: «Иди, — говорит, — к отцу». — «Папа, здравствуй», — подбегает мальчик. А он: «Здравствуй, вот этот уже настоящий мой», — говорит царю, взяв на руки ребенка. Царь-то ведь уж очень поверил ему. «Ну, Иван, — говорит ему царь, — если сделать тебя наследником, так есть свои сыновья. Дам тебе половину своей земли, хватит что ли?» (*будто королем назначает Ивана*). — «Конечно, хватит». Посадил Иван в повозку стряпку, сына, сестру, поехал к себе. Стал управлять половиной царской земли.

Сказка туда, а я сюда, кончал!

Этой сказкой много раз женщин заставлял плакать.

3. ИВАН ЦАРЕВИЧ И ЖАР-ПТИЦА

У царя было три сына. Каждую ночь из роскошного царского сада стали пропадать яблоки. «Сынишки, кто же это яблоки ворует?» — спрашивает царь. «Не знаем», — отвечают сыновья. «Кто поймает этого вора, тому отдам царство», — объявил царь. «Ну-ка, старший сынок, иди первый караулить». Пришел старший сын, постоял до десяти часов, да и удрал к подружке. Утром обмочил свою одежду, чтоб казалось, будто роса, и приходит к отцу. «Папа, никакого вора я не видал». Послал царь среднего сына, и он обманул отца. «Ну, Иван, придется тебе итти — твоя очередь. Хоть ты и очень мал, все-таки очередь отбыть нужно». Пошел Иван, засел под яблоней, сидит, дожидается. В полночь весь мрак осветился. «Что это такое?» — испугался Иван. Кто-то прилетел и сел на яблоню. Иван потихоньку поднимается вверх и видит: чудесная птица, поедая яблоки спускается вниз. Хотел схватить, только одно перышко осталось в руке, сама улетела. Утром он несет это перышко к отцу. «Это что за перышко? А-а, эта птица не нашего государства, это — жар-птица. Она из чужой страны к нам прилетает. Кто этого вора найдет, тому и царство!» Старший сын решился: «Я поеду!» И уехал. На второй день уехал средний сын. И младший сын просит отца отпустить его на поиски. «Ты же еще очень молод», — говорит царь. А Иван просит, да еще приговаривает: «Скажи, на которой лошади ехать, и благослови меня». Отец благословил. Поехал Иван.

Ехал-ехал, доехал до лесу. Около самого леса стоит столб, на этом столбе доска и на доске написано: «Поедешь направо, лошади не быть, а самому живым остаться. Поедешь налево — самому умереть, а лошади остаться живой. Если ехать прямо, — то ни быть в живых ни лошади, ни самому». «Наверно, старшие братья по этой средней дороге не поехали, — думает Иван, — поеду по ней». Едет по лесу. Ехал-ехал, попалась лужайка: «Постой, — думает, — здесь лошадь покормлю». Останавливается. Идет серый волк. «Иван царевич, — говорит человечьим голосом, — я ведь твою лошадь съем». — «Пожалуйста, ешь, — отвечает Иван, — я и пешком могу дойти». Волк стал поедать лошадь, а Иван отправился в путь. Серый волк кричит ему в след: «Иван-царевич, куда ты идешь, постой немножко!» Иван-царевич сильно испугался. Серый волк прикончил лошадь и говорит Ивану: «Иван-царевич куда теперь ты путь держишь?» — Я иду за жар-птицей. Кто найдет жар-птицу, тому отец царство отдаст». Говорит ему серый волк: «садись на меня». И по пути рассказывает: «У скольких людей я не просил лошадь, все жалели. За это я съедал и лошадь, и седока, а тебе я обязательно уж найду жар-птицу. Она в другом царстве». Сказал это и прибавил шагу.

Вечером приехали. Царство-то обнесено каменной стеной, никак туда не попасть. Волк показывает Ивану-царевичу откуда

можно зайти. Зайти-то зайдешь, только не бери клетку. Одну лишь жар-птицу возьми. Если возьмешь вместе с клеткой, тогда поднимется звон и тебя поймают. Жар-птица сидит вверху на дубе. Полез Иван-царевич за ней, а клетка та очень уж хороша! «Стой, — думает он, — возьму вместе с клеткой, не может быть, чтоб звонки зазвонили». Только взял клетку, — сразу пошел такой звон. Ивана-царевича забрали. «Ты что ж это, жар-птицу воровать пришел?» — накинулись на него. «Она много наших яблок потаскала», — оправдывается Иван. «А ты кто такой?» — спрашивает тамошний царь. «Я сын такого-то царя, зовут меня Иван-царевич». — Хорошо, я дам тебе жар-птицу и клетку, но только ты достань мне золотогривого золотохвостого коня, который находится в таком-то царстве» (*вот опять куда придется ехать!*) — «Хорошо, попробую, авось достану». Идет к своему волку и говорит: «Вот меня и поймали». — «А я ведь тебе говорил — не бери клетку». — «Сейчас царь просил меня достать в таком-то царстве золотохвостого, золотогривого коня». — «Ну, что ж попробуем. Опять он сел на волка и поехал.

Приехали в другое государство вечером. Волк опять его предупреждает: «Иван-царевич, у коня узда очень красива. Смотри же не одевай ее на коня, а так выведи. Если оденешь, опять звон поднимешь». Вошел Иван-царевич в конюшню, видит в самом деле хороша узда: «Дай-ка возьму ее». Начал обуздывать лошадку, опять звонки зазвенели, опять Ивана-царевича забрали. «Ты что же это конокрадством занимаешься?» — спрашивают его. Он отвечает: «Мне этот жеребец очень нужен. За него отец мне даст царство». Царь говорит (а был он холостой): «В некотором царстве живет Елена Прекрасная, если привезешь мне ее, отдам тебе этого коня». — «Поеду, будь что будет», — согласился Иван-царевич. Пошел к своему серому волку. «Ну серый волк, опять меня задержали». — А я ведь тебе говорил, не бери узду. Ну, давай поедем еще раз. Ведь, ты для меня своего коня не пожалел (*вот какой хороший волк*), садись опять на меня».

Приезжают в некоторое царство, одну ночь переночевали, поджидают выхода царевны. «Тебе, Иван-царевич не украсть ее. Ты стой здесь, я сам пойду». Сказав это, волк пошел в сад и спрятался там. Вот царевна с другими девушками пошла гулять. Волк тихонько подкрался к царевне, схватил ее и на себя взвалил, а она от сильного испугу обмерла. Принес волк ее к Ивану-царевичу. Иван-царевич, садись-ка на меня, а царевну возьми к себе на колени, в пути она придет в сознание».

Волк быстро побежал. Девушка открыла глаза, глядит на Ивана-царевича и не понимает в чем дело. Иван-царевич — красавец. Девушке сразу очень понравился. «Ты кто такой» — спрашивает она. «Я сын такого-то царя — Иван-царевич». Ехали они, ехали и приехали к тому царю у кого был конь.

Волк говорит Ивану-царевичу: «Ты с Еленой Прекрасной оставайся здесь, а я обернусь прекрасной девушкой». Вот волк уже в образе красивой девушки говорит: «Ну, Иван-царевич, теперь ты можешь сменить меня на коня». Иван-царевич привел девушку к царю. «Вот тебе Елена Прекрасная, давай мне теперь своего коня». — «Иди, — говорит царь, — в конюшню, бери его вместе с уздой». Девушку же оставил у себя за столом. Иван-царевич вывел коня из конюшни, посадил Елену Прекрасную, сел сам и уехали оба. «Ну, теперь, — говорит царь, — надо свадьбу сыграть». Позвал гостей и начал пировать. Только захотел поцеловать девушку, видит волчий зуб. Волк выскочил из-за стола и убежал. Догнал Ивана-царевича. «Ну, Иван-царевич, садись ты теперь на меня, а Елена Прекрасная поедет на коне».

Ехали, ехали, в другое царство приехали. Говорит волк Ивану-царевичу: «Теперь я опять в коня обернусь». И стал волк золотогривым, золотохвостым конем. Повел Иван-царевич его к царю. «Вот привез тебе коня, — говорит, — а ты отдай мне жар-птицу». — «Ну, что ж, возьми, бери и клетку на придачу». Получил Иван-царевич жар-птицу вместо коня. Теперь у него и жар-птица, и конь, и Елена Прекрасная. Ну, теперь, слава богу, царство мне достанется», — думает он про себя. Сели на коня: Иван-царевич правит за повода, а Елена Прекрасная держит в руке жар-птицу с клеткой и едут. А царь думает: «Дай-ка и я прокачусь на жеребце». А жеребец очень уж хорошо идет. Вздумалось царю полем поехать. Выехал конь и тут же сбросил его, превратившись опять в волка, и удрал. «Ну, обманул ведь меня Иван-царевич!» — догадался царь. Волк догнал их. «Садись, Иван-царевич, на меня опять (*волк полюбил Ивана-царевича за то, что тот не пожалел, скормил ему лошадь, — и это пиши*!)

Едут. На том месте, где волк съел лошадь Ивана-царевича, волк прощается и напоследок дает добрый совет: «Иван-царевич, смотри, — нигде не ложись спать. Если остановишься покормить лошадь, то стереги Елену Прекрасную, жар-птицу и коня. Как уснешь, сразу тебя убьют твои братья». Попрощавшись с волком, Иван едет дальше. На пути им встречаются сочные луга. Иван-царевич предлагает Елене Прекрасной остановиться, покормить лошадь. «Корми», — отвечает она. Сидели, сидели и вот за разговором Иван-царевич сам не заметил, как задремал и заснул. К этому времени подоспели братья. «О-о-о! — удивляются братья, — смотрите, что везет наш сопляк-то: и девушка, и жеребец, и жар-птица. Видно ему достанется царство!» А старший брат предлагает: «Давай убьем его». — «Давай, — соглашается младший, — тогда нам обоим царство достанется». Зарезали они Ивана-царевича, увели с собой коня, Елену Прекрасную, жар-птицу и уехали. «Вот, папа, мы все нашли» — докладывают братья. А царь справляется о своем младшем сыне, — где же теперь гуляет мой Иванушка? (*он его очень*

любил, оказывается). Выдает теперь царь Елену Прекрасную за старшего сына. Начали играть свадьбу.

Пробрался туда Кащей бессмертный. Похищает Елену Прекрасную, коня, жар-птицу, а всех присутствующих усыпляет. Усыпил он весь город: людей, скотину. Все спят, тихо. А у волка что-то сердце не на месте, чувствует не хорошо. «Стой, — думает он, — пойду-ка Ивана-царевича поищу. Может его убили?» Идет. Выходит на ту самую полянку, где Иван-царевич мертвый лежит, и по телу ползают уже черви. Стал волк чистить его и до того дочистился, что сам устал до смерти. Прилег рядом с Иваном-царевичем. А в то время летит черный ворон с двумя воронятами. Думают: с кого бы начать клевать. Два детеныша сели на Ивана-царевича, а волк — цап одного. Ворон умоляет волка: «Отпусти, пожалуйста, моего детеныша». А волк отвечает: «Принесешь живую и мертвую воду, тогда отпущу». Улетел ворон за живой и мертвой водой и вернулся с двумя пузырьками. Волк тут же разорвал вороненка. «Зачем убил?» — спрашивает ворон. «Сейчас оживлю, — говорит волк, — это я для проверки сделал, может ты обманываешь меня». Открыл пузырек, помазал мертвой водой шею вороненка: она стала как мертвая. Помазал живой водой: вороненек ожил и улетел. Потом, вымыв Ивана-царевича чисто на чисто, смазал его мертвой водой, он стал как мертвый. Потом смазал живой водой. Иван-царевич ожил. «Ой, как долго я спал!» — «Совсем недолго, только полгода, — отвечает волк. — Говорил ведь я тебе не спать, а ты уснул. Братья тебя убили, а Елену Прекрасную, коня и жар-птицу всех увезли. А от братьев все забрал Кащей бессмертный, твои родители и братья, вся свадьба — спят. Ты теперь не ходи домой. Иди вот по этой тропиночке. Твой жеребец стоит под тремя дубами за железными дверями, а Елена Прекрасная и жар-птица находятся у Кащея бессмертного. Когда-нибудь ты меня вспомнишь» (*волк все знает да не говорит*).

Пошел Иван-царевич по тропиночке. Шел, шел, видит два чорта нашли пальто-невидимку, шапку-невидимку и дубинку и не могут разделить поровну. «Давайте разделю» — предлагает Иван-царевич. «Раздели, — соглашаются черти. — Видите: там далеко стоят два дуба, сбегайте до них, кто скорее прибежит, тому и отдам» А сам надел на себя пальто-невидимку, шапку невидимку, взял дубинку в руки. Черти прибежали, а человека то и нет. «Вот, — говорят они — хорошо он нас разделил, а мы столько старались и не смогли». Так черти остались ни с чем.

А Иван-царевич направляется к своему коню. Шел, шел, дошел до тех трех дубов: на железных дверях висят двенадцать замков. Коня освободить трудно, очень крепко запер Кащей бессмертный. «Дубинка, а ну-ка раздроби все эти двенадцать замков. Начал бить — дубинка все замки раздробила. Конь увидел Ивана-царевича обрадовался. «Ой, как я тебя заждался», — проговорил конь человеческим голосом. Поехали дальше. Видят

какая-то птица гоняется за ястребом. Ястреб помощи просит: «Спаси мою голову, как-нибудь потом я тебе пригожусь». — «Дубинка, убей ту птицу.» (*эта дубинка везде может*). Едут дальше. Ехали-ехали, видят за собакой гоняется волк. Собака опять бежит к Ивану-царевичу: «Спаси мою голову, может быть я тебе пригожусь». — «Дубинка, убей этого волка!» Дубинка и волка убила. Ехали-ехали, доехали до моря. Видят за щукой гоняется какая-то большая рыба. Щука просит Ивана-царевича: «Спаси мою голову, убей как-нибудь эту рыбу». — «Дубинка, убей эту рыбу», — приказывает опять. Поехал дальше.

Ехал-ехал, доехал до большого дома, окруженного каменной стеной. У ворот этого дома извиваются пятьдесят змей, никого не пропускают. «Дубинка, убей всех этих змей!» Дубинка расправилась со змеями, но ворота железные, никак не войти. Надел Иван-царевич пальто-невидимку. «А ты дубинка, — приказывает он, — раздроби эти ворота! Что за человек живет здесь?» Ивана-царевича не видит никто. Дубинка разбила железные ворота. А дом этот самого Кащея бессмертного. Зашел Иван-царевич во двор, слышит звуки красивой музыки. Пошел дальше, видит сидит Елена Прекрасная и с нею жар-птица. Иван-царевич снял шапку-невидимку. Елена Прекрасная видит только голову его. «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Как же ты ожил?» — Меня оживил наш волк. А где же Кащей бессмертный?» — «Ушел пировать, он все время пьянствует. Со мной думает обвенчаться, а я не хочу». — «Ты спроси его, где находится его душа смерть, а говори так: «Ивана-царевича убили братья, а братья спят. Я теперь согласна обвенчаться, скажи — где твоя смерть». Кащей бессмертный возвращается пьяный, не видит Ивана-царевича. Вот Елена Прекрасная и спрашивает его: «Кащей-бессмертный, где твоя смерть, скажи, потом я обвенчаюсь с тобой». А Иван-царевич прислушивается, что будет говорить Кащей бессмертный. «Ивана-царевича братья убили, братья спят. Теперь уж я с тобой буду венчаться». Кащей бессмертный обрадовался и говорит: «На таком-то острове стоит дуб, под этим дубом сундук, в сундуке заяц, внутри зайца утка, в утке яйцо. Вот это яйцо и есть моя смерть. На этот остров никто не может попасть», — говорит кащей. Елена Прекрасная говорит: «Вот теперь через неделю обвенчаемся». Пока Иван-царевич ездит туда!

Вот Иван-царевич сел на своего жеребца и поехал. А море очень большое, даже дуба на острове не видно. Спрашивает жеребца. «Сможешь ли через это море переплыть». — «Наверное смогу». Жеребец поплыл. Добрались до острова, подходят к дубу, а сундук никак не достать. «Дубинка расщепи-ка этот дуб!» Дубинка на-чисто расщепала дуб, даже с корнем вырвала. И сундук стоит там, сундук железный. «Дубинка, опять тебе придется разбить сундук». Дубинка разбила сундук, а из этого сундука

выбежал заяц и скрылся. Иван-царевич загрустил. Видит какая-то собака уже тормошит этого зайца (*та самая собака, которую он спас*). Из зайца вылетела утка. Иван-царевич опять пригорюнился. И здесь ему помог тот ястреб, которому он жизнь спас. Ястреб поймал утку, а из утки яйцо выпало в море. «Ну, теперь конец», — думает Иван-царевич, опечалился. Садится на жеребца: «Поедем, делать нечего, яйцо упало в море». Жеребец выплыл на другую сторону. Иван-царевич стоит на берегу, а в это время щука-рыба и тащит яйцо ему (*вот, хе-хе-хе!*). Все кому он спас голову и ему помогли! Едет к Кащею бессмертному. Доехал, а его опять дома нет, опять ушел пировать. Иван-царевич снимает весь невидимый костюм. Елена Прекрасная видит теперь его всего. «Что принес смерть?» — спрашивает Елена Прекрасная. «Принес» — сказал он и опять оделся в невидимое пальто.

Приходит Кащей бессмертный. Иван-царевич снимает шапку: «Зачем ты взял мою Елену Прекрасную, жар-птицу, моего жеребца?» Как только кащей приблизился к Ивану-царевичу, тот одел свою шапку. Опять Кащей бессмертный не видит его. «Дубинка, бей хорошенько Кащея бессмертного». Ну бьет, бил, бил, а убить нельзя, смерть то в кармане. «Иван-царевич, не бей меня. Все равно тебе меня не убить. Тебе мою смерть не найти», — говорит Кащей бессмертный. Лежит избитый, не может встать с места, а умирать не умирает. Иван-царевич раздевается и кажет ему яйцо. «Вот твоя смерть. Я нашел твою смерть. Как разобью, так и умрешь». — «Неси это яйцо домой, никогда не разбивай его. Теперь я к тебе ни разу не приду. Возьми музыку, Елену Прекрасную, жар-птицу, жеребца, вези к себе. У вас сейчас спит вся скотина, спят все люди в городе. Как поспеешь до своего поля, так и начни играть в эту музыку. Все проснутся», — дает совет Кащей бессмертный.

Доехал до своего поля, наладил эту музыку, музыка сама играет. Просыпаются люди, скот. Идет по городу с музыкой, будит народ. Доходит до дома. Проснулись отец, мать и встали братья. Отец сильно обрадовался. Он все теперь привез с собой. А братья встали на колени перед Иваном. «Иван, прости нас пожалуйста!» — «Папа, я тогда же все привез, но братья меня убили (разрубили). Ну, братья, я вас прощаю. А теперь начнем играть свадьбу. Я обвенчаюсь с Еленой Прекрасной». Гости все в сборе, начали играть свадьбу, а Иван-царевич вдруг вспомнил: «А где же мой серый волк?» Вспомнил! «Я здесь», — проговорил волк, в виде красивой девушки. «Ну, Иван-царевич, ты теперь приюти меня до смерти. Раз она теперь не волк, волшебство ее кончилось. Она же была человоком. «С большим удовольствием, живи пожалуйста», — говорит Иван. Вот отец и говорит Ивану: «Ну, Иван, тебе теперь царство. Ухаживай за мной, корми, пои меня».

Сказка дальше, я ближе.

4. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЗРУЧКА

У царя были сын с дочкой. Вот пришло время умирать царю. Позвал он детей и говорит: «Ухаживай за сестрой, как за матерью, а ты, дочка, за братом ухаживай, как за своим отцом». После этого царь недолго жил, умер. Остались они вдвоем. Иван-царевич все время ездит на смотр, а сестра сидит дома. Подоспели года жениться Ивану-царевичу. «Сестрица, а не жениться ли мне?» А она: «Сам знаешь. Пожалуй, женись!» Поехал смотреть невесту. У генерала не понравилась. У полковника понравилась. «Ну, полковник, не отдашь ли ты свою дочь за меня?» — «Отдать-то отдам, но она у меня немножко сердится». Жених и невеста обручились, на свадьбе пировали целую неделю.

Живут теперь втроем. Брат с сестрой очень уважают друг друга. а жене это не по сердцу. «Что это, — говорит она, — вы так друг друга уважаете». — «Отец завещал мне сестренку смотреть как мать. Вот я и помню его слова. И сестренке завещал ухаживать за мной как за отцом». Вот как-то поехал Иван-царевич на смотр, а во время его отсутствия жена прирезала всех кур. Приезжает Иван-царевич, жена выбегает к нему навстречу и говорит: «Ты очень доверял сестренке, она же зарезала всех кур, ни одной не оставила.» — Ну что ж это отцовский капитал, а мы сами себе соберем,» — ответил он и на сестру нисколько не рассердился.

В другой раз опять он уехал на смотр. Опять жена прирезала всех уток, ни одной не оставила. Возвращается Иван-царевич со смотра. Навстречу выбегает жена и докладывает: «Вот, Иван-царевич, ты хвалил свою сестру, а она прирезала уток всех до одной». — «Ну, что же, это отцовский капитал. Мы сами себе заведем опять», — ответил он и на сестру не рассердился.

Дня через три-четыре Иван-царевич опять поехал на смотр. На этот раз жена всех гусей перерезала. Возвратился Иван-царсвич, а она опять ему: «Вот, Иван-царевич, очень уж ты доверял сестре. Она ни одного гуся не оставила». А он все так же: «Это, мол, отцовский капитал» (*теперь все время так*). Не сердится на свою сестру, остался дома. Дружит со своей сестрой, живут, не сердятся.

Ну, приходит время, опять ему надо на смотр. Уехал. Жена привела мастера с бойни, заставила зарезать всех овец. Ни одной не оставляет. Опять Иван-царевич возвращается со смотра Жена выбегает встречать: «Иван-царевич, вот как ты сестре доверял, а она всех овец прирезала, ни одной не оставила». А он ей в ответ: «Это отцовский капитал». Опять не сердится на сестру.

Пожив некоторое время дома, опять Иван-царевич отправился на смотр. А жена в это время привела двух человек и перерезала всех коров. Иван-царевич приехал, а она выходит

навстречу. «Вот, доверял сестре, а она всех коров прирезала.» — «Это отцовский капитал, мы сами себе наживем», — отвечает он ей. Опять не сердится на сестру.

Пожив некоторое время дома, Иван-царевич опять уехал на смотр. А жена позвала трех человек и прирезала всех лошадей. Иван-царевич возвращается со смотра, а она выходит ему навстречу и говорит: «Вот, Иван-царевич, доверял сестре, а она всех лошадей прирезала, ни одной не оставила. «Это отцовский капитал, мы сами себе заведем», — отвечает Иван-царевич и не сердится на сестру.

Теперь Иван-царевич живет дома, ждет, когда жена родит ребенка. Жена родила, мальчика, все трое ухаживают за ним, любят его. Иван-царевич опять едет на смотр. Во время отъезда она убила своего ребенка-мальчика. Настолько уж рассердилась на его сестру, даже не пожалела свое дитя.

Приезжает Иван-царевич со смотра, она плача выбегает его встречать. «Вот, Иван-царевич, очень уж доверял своей сестре. Нашего Николая она успела уже убить». — «Ну, теперь это наш капитал.» Очень рассердился на сестру Иван-царевич. Заходит в избу. «Сестричка, зачем ты Николая убила?» А сестра ни одного слова не молвит. Жена и советует Ивану-царевичу: уведи свою сестру в рубленный лес, отруби ей обе руки (*вот как*!) Вот Иван-царевич берет топор, ведет сестру в рубленный лес (руэм), кладет руки на пень и отрубает. Иван-царевич даже не обернулся к ней, сразу ушел. А эта сестренка идет и плачет: «Что я буду делать теперь безрукая.»

Шла-шла она, дошла до одного города, с большим трудом забралась в яблоневый сад, очень проголодалась. Взяла да кое-как сронила одно яблоко и съела. А сад этот принадлежал одному купцу. Прибежал в сад купеческий сын, сосчитал яблоки, одного нехватает. Прибегает к отцу. «Папа, у нас одного яблока нехватает:» — «А кто же взял?» — спрашивает отец. «Там стоит безрукая девушка». — «Приведи ее сюда, может быть курам корм месить сумеет». А девушка очень красива. Купеческий сын идет опять в сад, спрашивает девушку: «Ты съела одно яблоко?» А девушка: «Да, я.» — «Может, сможешь курам месить корм. Идем к нам, отец просил тебя». — «Придется итти, коли так». Эту девушку держат у себя, а она сколько может потихоньку все дела делает. Месит корм курам, уткам, гусям. Между делом подает коровам.

Купеческому сыну пришли года женитьбы. Отец говорит сыну: «Пора тебе жениться». — Ну, папа, где же мы возьмем невесту?» — «Сходи-ка к такому-то купцу, посмотри, понравится — нет». Идет к купцу. Приходит, смотреть девушку. Не понравилась она ему. Приходит к отцу. «Ну, как девушка, подходяща или нет?» — Мне не нравится», — отвечает сын. Посылает отец его опять — не годится. Посылает в другое место — тоже не годится. «Ты, сыночек, очень уже разборчив». А Иван все стесняется высказать свое желание. Наконец, говорит:

«Папа, я возьму в жены эту безрукую девушку, а другой мне не надо» (*вот ему кто понравился!*). — «Она же ничего не может делать». — «Ничего, она будет жить дома. Я теперь уже взрослый, будем ездить по деревням, торговать, как-нибудь я ее прокормлю». — «Ну, Иван, сам знаешь. В таком случае возьми ее».

Собрал купец гостей, сыграли свадьбу. Сколько-то времени прожили вместе, может, один месяц, а у купца только один магазин товаров. «Ну, папаша, теперь пойду по деревням торговать». Наложил арбу товару. «Давай руку, отец, поеду на твое счастье». Едет попытать отцовское счастье. Ездил-ездил, от торговли получился большой убыток. Приезжает домой. «Папа, нет у тебя счастья, получился убыток. Теперь, мамаша, поеду на твое счастье, — дай руку». Едет на мамино счастье. Ездил-ездил, опять большой убыток получил. Приезжает домой: «Ну, мама, у тебя тоже нет счастья. Теперь поеду на свое счастье». Торговал-торговал, все товары распродал: ни убытку, ни накладу. Вышла только своя цена. «Ну, теперь, жена, поеду на твое счастье, дай руку — обрубки твои». Жена дает руку, и поехал на счастье жены. Вот он торгует, товар очень быстро идет. Вмиг распродал товар, выручил двойные деньги, большой получил барыш! Приезжает домой. «Ну, жена, большое у тебя счастье! Выручил двойные деньги (деньги на деньги — оксалан окса). Опять поеду на твое счастье». Опять выручка — деньги на деньги. Едет домой. Так, на счастье жены нажил он два магазина. Говорит отцу: «Ты еще не стар, я повезу, товары в другой город, а ты поторгуй здесь». — «Поезжай!» — «И жену повезешь?» — спрашивает сына. «Жена останется, она беременна. Мама поможет ей родить».

Вот Иван сложил теперь много возов, уезжает в другой город. Попал он в тот самый город, где жил тот царь. Магазин построил около царского дома. Иван торгует, а народу ходит к нему точно мошкара летит (шынга-ӱбра вэлэ). Очень большой барыш! Нанял двенадцать приказчиков. Проторговал с полгода, построил три магазина. А его жена родила мальчика, здорового и красивого. «Иван, жена твоя родила ребенка. Приезжай повидаться», — пишет письмо отец. А это письмо перехватила невестка. Пишет ему обратно: «Мне больше эта жена не нужна, выгоните ее, не оставляйте ее дома». — «Ах, почему он так говорит? Ведь он взял ее сильно любя, а теперь, вот, велит выгнать из дома», — думает отец. Опять посылает письмо, спрашивает: «Зачем так сильно разгневался на женуто, а ребенок твой растет и растет. Все больше и больше здоровеет». А Иван ничего не знает. Опять невестка перехватила письмо и шлет в ответ: «Эта жена мне не нужна, выгоните ее. Пусть идет куда угодно и ребенка к ней привяжите». Купец, получив это письмо, очень раздосадовался. «Ах, почему так испортился мой сын. Зачем я его послал торговать!» Жалко стало и купцу, и жене купца своей снохи. «Ну, снохушка, сынок наш тебя гонит. Хоть мы и очень полюбили и тебя

и ребенка, но он велит вас выгнать». — «А как же я сына на руках понесу?» — спрашивает сноха. «Иван приказал привязать его кушаком». Вот они привязывают ребенка, плачут, жалко им и снохи и внука. «Ну, сноха, до свидания. Ходи теперь хорошо». Сноха вышла и пошла.

Шла-шла, дошла до оврага, где протекала речка. Сильно захотелось ей пить. Нагнулась она, а ребенок и выпал в воду. Вот стоит она и плачет. Вдруг на другой стороне появился старик. «Ребенок еще жив, — говорит он ей, — сунь руку как-нибудь, вынь его из воды.» — «Руки-то у меня нет, как я суну?» — «Как-нибудь попробуй. Он жив еще». Вот она сует обрубок до самого ребенка, достала. Рука стала, как прежде и вынула ребенка. Повесила две котомочки, взяла ребенка, стала нищенкой.

Шла-шла, дошла до самого того города, где ее брат и муж. Настал вечер, просится к брату переночевать: «Пустите переночевать нищенку!» А они отвечают: «Иди туда, там пускают!» — Она походила вокруг да около, опять к брату пришла. «Никто не пускает. Мне места много не нужно, только вот у меня ребенок.» — «Ну, в таком случае заходи. В задней избе переспишь с ребенком». А ребенок уже начал ползать (*в сказке скоро*). Наступил вечер. Эти трое идут к ней, а она совсем нищенка, одета плохо. Иван-царевич присматривается к ней, думает: «Что-то она как-будто на мою сестру похожа». А потом сомневается: «Хотя у этой руки есть, а моя сестра безрукая». Муж глядит и думает: «Точь-в-точь как моя жена. Нет, у моей были руки, она же безручка». А ребенок все время играет. Царский сын спрашивает ее: «Вот такие нищие сказок много знают. Мы очень любим сказки, — нарочно пришли к тебе слушать. Может ты нам расскажешь?» — «Рассказать-то сумею, а вдруг вы рассердитесь?» — «Нет не рассердимся». — «Смотрите, никто не сердитесь. А будете сердиться — не буду сказывать». И начала.

«Раньше у царя жили дочка с сыном. Пришло время умирать отцу. «Ну, сыночек, — сказал он, — я скоро умру, а ты за сестрой ухаживай, как за матерью. А ты, дочка, за братом ухаживай, как за отцом». Жили-жили, царскому сыну подоспели года жениться. «Сестричка, жениться что ли мне?» — спросил сестру. А сестра отвечала: «Сам знаешь!» Брат поехал за девушкой к генералу — не понравилась, поехал к полковнику — понравилась, и женился на дочери полковника. Ну, жили они втроем очень хорошо. Брат с сестрой друг друга уважали, Однажды брат уехал на смотр, а в это время жена прирезала всех кур. Приехал брат с осмотра, жена выбежала навстречу со словами: «Вот ты очень доверял сестре, а она прирезала всех кур. Не оставила ни одной». Он ответил: «Это отцовский капитал, мы сами для себя заведем». Не сердился на сестру. После опять во время его отъездов жена прирезала уток, гусей. Приведя одного человека, зарезала овец. Приведя двух человек —

прирезала коров. Приведя трех человек прирезала всех лошадей. Когда же возвращался со смотра муж, — каждый раз она обвиняла сестру. Он же отвечал ей, что это, мол, не наш капитал, мы сами себе заведем. Потом у них родился ребенок, мать убила и его и оклеветала сестру. За это брат разгневался на сестру. Это уж наш капитал. А невестка уговорила его увести сестру в рубленный лес, отрубить ей руки и отпустить на все четыре стороны. Брат так и сделал и руки-то ей отрубил».

«Да, отрубил!» — не стерпев от волнения, закричал брат.

«Если будете сердиться, я не буду рассказывать». Муж говорит: «Пусть рассказывает — сказка очень интересная».

Дальше слушают сказку.

«Отрубив руки, брат даже не посмотрел на нее, повернулся и ушел из лесу. Сестра ушла со слезами. Добрела до одного города. Забралась в какой-то сад. Сильно проголодалась, с большим трудом сронила одно яблоко и съела его. Этот сад оказался купеческий. Туда успел прибежать купеческий сын, доложил отцу, что у них пропало одно яблоко. Купец спросил — кто съел. Сын рассказал ему, что видел там девушку без рук. Купец велел сыну привести эту девушку, чтобы она у них хотя бы кур кормила. Девушку привели, она старалась работать как могла, месила курам, уткам, гусям. А когда подоспели года женитьбы купеческого сына (*купеческий сын сидит и очень внимательно слушает эту сказку*), он и спрашивает отца: «Папа, где мне найти девушку?» Отец предложил съездить к одному купцу посмотреть его дочь, но она не понравилась ему. Ездили в другие места. Там тоже не нашел, что хотел, а сказать правду отцу боится. Наконец, сознался: «Папа я женюсь на этой безрукой девушке». — «Ой, Иван она же не сможет работать», — ответил отец. «А на другой я не женюсь», — решил Иван. Собрал купец гостей, сыграли свадьбу. Иван женился на этой безрукой, красивой девушке»,

«Да, женился!» На этот раз уже Иван рассердился.

«Если будете сердиться, то перестану рассказывать». «Пусть, рассказывает, рассказывай. Сказка очень интересна», — говорит брат.

«Потом купеческий сын стал ездить с товаром по деревням. Идет на счастье отца, получает большой убыток. Идет на счастье матери — большой убыток. Идет на свое счастье — ни убыток, ни наклад. Поехал на счастье жены — привез барыша, деньги на деньги. Ездил-ездил на счастье жены, построил большой магазин. Сложив товар из этого магазина, едет торговать в другой город, а отца оставляет в своем городе вместо себя. Отец его спрашивает: «Разве ты один поедешь, не возьмешь жену?» А Иван отвечает: «Жена беременна, пусть рожает дома как может по-своему». Иван уехал в другой город с товаром. У его магазина народу собирается точно мошкара. Вот так на женином счастье он построил три магазина. А в это время жена его родила. Отец послал письмо, но оно не попало

Ивану в руки. Невестка перехватила. Вместо этого письма написала другое как бы в ответ старику, чтоб выгнали жену из дома навсегда. Прочел купец письмо, удивился: почему так испортился сын, ведь он взял ее любя. Опять написал Ивану ответное письмо. Опять перехватила невестка, написала: «Привяжите ребенка кушаком, выгоните прочь из дома». Со слезами на глазах привязывали ребенка, пожелали счастья и доброго пути ей. Сноха шла-шла, дошла до оврага. Морила жажда пить, наклонилась пить. Ребенок упал в воду. Старалась она этими обрубками вынуть ребенка, руки все дальше и дальше погружались. И руки туда я протягивала, выросли у меня опять руки, и ребенок этот теперь мой и брат-то мой будешь ты, и муж-то мой ты будешь». Так закончила сказку.

Муж живо схватил ребенка, очень полюбил его. «Брат мой, возьми жену привяжи к хвосту лошади, катай по городу. Она убила собственного ребенка сама». Брат поступил с женой так, как сказала сестра, и убил ее.

Сказка дальше, я ближе.

5. ЗОЛОТАЯ РЫБКА

Жили-были царь с царицей. Царица родила 10 ребят. Все умерли. Вот как-то она и говорит царю: «Старик, сходи к знахарке. Что она скажет, — что-то мы стали неплодовиты». Пошел царь к знахарке. Приходит. «Погадай ты мне, почему у нас нет ребят. Десять родили, ни один не выжил». — «Видел ты напротив своего дома озеро?» — «Видел», — отвечает царь. «Там у тебя живет золотая рыбка. Прикажи солдатам поймать эту рыбку. Когда они ее поймают, разрежь ее пополам. Потом соедини голову с хвостом, пусти обратно в озеро, а середину положи на сковороду жарить. Накорми этим жену». Приходит царь к жене. «Ну что тебе, старик, сказала знахарка?» — «В нашем озере, говорит она, есть золотая рыбка. Велит поймать ее, тебе дать съесть середину, а хвост и голову соединить и пустить обратно в озеро. Там она снова будет жить». — «А пусть ловят!»

Царь заставил солдат поймать рыбку. Принесли они ее к царю. Царь сделал так, как приказывала знахарка. Середину вынул, а хвост с головой соединил и сам пошел к озеру, опустил ее в воду. Рыбка ушла в глубь. «А я не умею жарить», — заявляет жена. «Дай стряпке», — отвечает муж. Дали стряпке жарить. Стряпка сжарила, тихонько попробовала сало сама, принесла и отдала царской жене. Царская жена съела эту рыбу, а кожуру и кости вытряхнула за окошко во двор. Там была кобыла и собака. Собака съела кости, а кожуру съела кобыла. Прошло полгода. Стряпка беременна, царская жена беременна, лошадь и собака беременны. Через девять месяцев стряпка родила. Царская жена родила. Лошадь ожеребилась двумя близнецами,

оба с золотым хвостами и золотыми гривами. Собака принесла двух щенят с золотыми хвостами и золотыми ушами. Дети растут здоровые, красивые: на свете нет таких.

Ну и живут. Один — Иван Стряпкин, другой — Иван-царевич. Стали учиться. Однажды Иван Стряпкин говорит Ивану-царевичу: «Скажи отцу сделать нам мечи». — «А какие мечи?» — «Пусть сделает по тридцать пудов». Вот, а им всего то-двенадцать лет! Говорит Иван-царевич отцу: «Отец, скажи чтобы нам сделали тридцатипудовые мечи». Отцу сделали заказ. «Идите, возьмите в кузнице. Готово уже, говорит царь». Пошли они за мечом. «Иван, пойдем в поле, ты сперва брось кверху». Как бросил Иван-царевич меч к верху — пробыл меч вверху два часа. Поставил Иван-царевич пальцы ног, чтоб меч упал на пальцы. Как упал меч на пальцы ног, так вдребезги и разбился. «Ну, теперь я брошу», — говорит Иван Стряпкин. Как бросил, так два с половиной часа продержался его меч наверху (*мать-то его украдкой съела кусок пожирнее*). Приходит домой. «Папа, эти мечи никуда не годятся, разлетелись все», — жалуются они отцу. Потом Иван-царевич пришел к Ивану Стряпкину. Спрашивает: «Какой меч теперь закажем?» — Закажи по шестьдесят пудов!» Приходит Иван-царевич к отцу. «Папа, закажи два меча по шестьдесят пудов». Кузнецы работали эти мечи целых полгода. Отец говорит сыну: «Ну, Иван, мечи ваши готовы». Побежал он к Ивану Стряпкину: «Давай, опять пойдем играть-то». — «А что мечи готовы?» — спрашивает Иван Стряпкин. «Да готовы». Идут двое в кузницу, берут мечи, выходят на старое место играть. Как подбросил Иван-царевич меч кверху, держался меч там два с половиной часа. Еще больше накопилась сила. Иван Стряпкин подставляет пальцы ног, меч падает на пальцы и вдребезги рассыпается (*оказывается нет у них силы!*). Бросил Иван Стряпкин, у него держится три часа в воздухе. Подставляет теперь Иван-царевич ногу, опять меч рассыпается на куски. Вот Иван Стряпкин говорит Ивану-царевичу: «Скажи отцу сделать мечи по девяносто пудов». Иван-царевич, придя к отцу, заявляет, что мечи разлетелись на части, а царь удивляется: «Какие сильные ребята.» — «Закажи, папа, девяностопудовые. Нам эти мечи очень нужны».

Царь опять идет в кузницу, заказывает мечи. Кузнецы работали целый год. Теперь уже им исполнилось по девятнадцати лет. Царь идет в кузницу справиться, готовы ли мечи. Приходит домой: «Иван, мечи ваши готовы!» Иван-царевич бежит к Ивану Стряпкину. «Ну, Иван, мечи наши готовы. Давай, пойдем!» Прямо из кузницы уносят мечи на старое место. Вот Иван царевич кинул вверх — держится три часа меч в воздухе. Иван Стряпкин встал на то место, куда должен пасть меч. Как упал он ему на голову, так и сделалась шапка. Ну, стоит теперь Иван Стряпкин с этой шапкой. Как бросит меч — держится три с половиной часа. Теперь Иван-царевич

подставил голову. Как упал меч, так и у него сделалась шапка. Стали с девяностопудовыми шапками.

Вот Иван Стряпкин говорит Ивану-царевичу (*он все знает, хитрый*): «Иван, идем сейчас домой, попьем, поедим. У нас ведь еще есть товарищи. Потом пойдем гулять». А Иван-царевич и думает: «Какие же это у нас товарищи?» — «Один жеребец — мой, другой — твой. Одна собака — моя, другая — твоя» — говорит Иван Стряпкин. Ну, а еще есть у нас шапки девяностопудовые». Оделись повесили шашки, пошли ловить лошадей. Иван-царевич говорит отцу: «Папа, мы поехали гулять на жеребцах». «Поезжайте!» — соглашается отец. Оделись очень шикарно, сами такие красивые и поехали по городу (*Иван Стряпкин очень уж хитрый; мать-то съела ворованное*). Купеческая дочь несет воду. Здоровая, румяная, красивая. Стряпкин и говорит: «Иван-царевич, поезжай-ка ты домой, а я останусь здесь». А сам скорее ставит свою лошадь к одной старушке и, превратившись в золотой камешек, падает в ведро купеческой дочери (*вот какой хитрый*). .

Купеческая дочь принесла домой ведра с водой. Смотрит в ведро: вода что-то очень блестит. «Папа, в ведре что-то есть: вода очень блестит», — говорит она. Отец подходит к ведру, смотрит — в ведре лежит золотой камешек. Вычерпывают золотой камешек ковшиком. Купец разглядывает и говорит: «В нашем купеческом владении таких камней нет. Положил этот камень в свой карман. «Дочка, только не потеряй». Обрадовалась девушка этому камню. Ну, настал вечер. «Папа, я пойду спать на верхний этаж», — говорит дочь. «Иди», — отвечает отец. Поднялась девушка на верхний этаж, а этот камень выходит из кармана, превращается в человека очень здорового, очень красивого, в нашем царстве нет таких. Девушка сильно его полюбила. «Ты кто такой?» — спрашивает она. «А я нашего царя стряпкин сын. Вот я хочу войти в ваш дом вместо сына (усыновиться), а тебя взять в жены». — «Хорошо если усыновишься. Я у купца единственная дочь». Иван Стряпкин все время живет там, похаживает кормить лошадь к старухе. Жил таким образом около полугода. Девушка забеременела. Над купцом очень насмехаются другие купцы, что у него дочь беременная. Он не верит этому. «Моя дочь никуда не выходит, как же может забеременеть?» — отвечает он им. А Иван Стряпкин не показывается. Купец его еще не видал. Приводит купец доктора показать дочку. Беременная она или нет. Доктор осмотрел ее и говорит: «А дочка твоя беременная, ведь!» — Где же нашла. Ведь никуда она не выходит. Я завтра же прикажу солдатам ее расстрелять, хоть она мне и единственная дочь». Встав на другой день собрал солдат. «Ну, теперь, дочка я тебя расстреляю!» С этими словами выводит ее на расстрел: Иван Стряпкин приходит к купцу. «Зачем хочешь расстрелять ее?» — спрашивает. «Я ее сделал беременной, я на ней и женюсь». Купец смотрит на Ивана Стряпкина (он очень красивый): «Если женишься, то

не расстреляю». — «Женюсь!» — отвечает твердо. В течение целой недели играли свадьбу у купца. Так он обвенчался с купеческой дочкой. От старухи привел свою лошадь, собаку. За то, что там стояла лошадь, отдал старухе сто двадцать рублей денег.

Жил-жил Иван-царевич у себя, услышал, что Иван Стряпкин женился. «Постой, — говорит, — и я поеду искать себе невесту». — «Ну, папаша, досвиданья!» — «Куда это ты направился?» — спрашивает отец. «Еду искать девушку, хочу жениться». Вот он и поехал. Заезжает к Ивану Стряпкину. «Ты, оказывается, женился!». — «Женился», — отвечает ему тот. «А почему же ты меня на свадьбу не пригласил?» — «Ты тогда уехал на смотр. У нас это вдруг вышло». — «Вот, Иван, я тебе оставляю перстень. Если этот перстень потемнеет, то ты меня тогда ищи». Попрощался и уехал.

Ехал-ехал, приехал в другое царство. Заезжает к одной старушке на квартиру. Утром просыпается от сильного колокольного звона. «Бабушка, почему так сильно бьют колокола?» — «Сегодня поведут старшую дочь царя к трехголовому дракону (вувэр) на съедение. Если царь не даст дочку, то дракон весь народ пожрет. Царь пожалел народ и отдает дракону свою родную дочь». (*Когда это было, чтобы царь жалел народ*). «А что разве здесь нет силачей, могущих с чудовищем справиться?» — спрашивает Иван-царевич». — «Вызвались два генерала, — не знаю, смогут или нет». — «Ну, бабушка, ты присмотри за лошадью и собакой, а я пойду поохотиться».

Вот Иван-царевич идет, прячется под мост еще до прихода царевны. Ведут ее два генерала, доводят до моста и оставляют одну. «Еще нас съест», — говорят они между собой. Девушка с плачем заходит в маленькую избушку. Вслед за ней заходит Иван-царевич. «Ой, бог, — воскликнула девушка! — Имея такую красоту, зачем ты пришел сюда. Ведь тебя может съесть дракон!» — «Ну это посмотрим», — усмехнулся Иван-царевич и говорит: «Я лягу спать. Если издалека покажутся три жеребячьих уха, то ты меня кольни иголкой в лицо» (*вот как богатыри могут спать!*). Стала девушка дожидаться прихода дракона. Вот уже начали показываться три жеребячьих уха. Она стала трясти Ивана-царевича. Он не чувствует. А ткнуть его иголкой царевна жалеет. Уж совсем близко дракон, наконец девушка колет Ивана-царевич, он просыпается. Дракон входит в избушку и говорит: «Вот какой славный царь, я одну просил, он послал двух». — «А может и одним насытишься?» — говорит ему Иван-царевич. «В нашем царстве нет таких силачей-богатырей, чтобы меня одолели. В другом царстве есть Иван Стряпкин с Иваном-царевичем, но они сюда не придут. Молоды еще (*вот дракон все знает!*). — «Отдай без драки свою девушку». Такой молодец никогда без драки (из милости) не уступит. «Ну, давай, выйдем поборемся», — говорит дракон. Выходят на борьбу двое. Иван-царевич говорит: «Ты меня ударь сперва». — «Нет ты меня

ударь» — отвечает дракон. Как взял Иван-царевич шапку да как ударит этой шапкой, сразу убил. Три головы падают как скошенные. Рядом лежал камень с дом величиной. Подняв его одной рукой, засунул дракона под камень и придавил его.

Пошел Иван-царевич к девушке. Она ему говорит: «Айда, к моему отцу. Что только попросишь, отец все тебе даст». — «Я не пойду туда, а ты подари мне свою именную ленточку». Девушка отдает ленточку и уходит. А генералы загородили дорогу этой девушке и говорят: «Скажи отцу, что мы убили» — «Так, ведь, не вы же убили?». — «Ты послана на смерть, если не так, то мы здесь же тебя убьем» (*вот они проклятые какие!*) «Коли так, то скажу»,—согласилась девушка. Генералы приводят девушку к отцу и говорят: «Вот мы спасли твою дочь». «Дочка правда это?» — «Правда», — говорит она. Иван-царевич ушел к старушке.

На следующее утро опять сильно бьют колокола. «Бабушка, а почему сегодня так сильно бьют колокола» — спрашивает он, «Сегодня опять поведут среднюю дочь» — вчера генералы убили трехглавого дракона, а сегодня придет девятиглавый», — говорит бабушка. Иван-царевич опять идет под мост. Генералы опять приводят девушку, оставляют ее около моста. «Кабы нас еще не съел», — убегают скорей. Иван-царевич также заходит вслед за девушкой в избушку. «Ой, бог! — говорит она, с такой красотой, зачем ты пришел сюда. Тебя, ведь, съест девятиглавый дракон». А Иван-царевич отвечает ей: «Ну это посмотрим» Опять ложится спать. «Если увидишь девять жеребячьих ушей, — тогда меня ткни иголкой в лицо». Девушка сидит, сторожит. Вот показались девять жеребячьих ушей. Она колет Иван-царевича, он просыпается. Вот опять входит этот дракон и говорит: «Ну и славный царь! Я просил одного, он послал двух». — «Может одним насытишься?» — «Здесь нет таких богатырей, есть в другом царстве Иван Стряпкин и Иван-царевич, им не притти сюда, они молоды еще». — «Ну, отдашь или нет без драки?» — «Такой парень молодец никогда без драки не уступает. Мне хочется побороться». — «Ну, давай тогда выйдем на волю», — говорит дракон. Выходят на волю. Иван-царевич и говорит: «А ну-ка ударь меня!» А дракон: «Ударь ты меня!» Иван-царевич как ударит — спял пять голов. Другой раз ударит — на смерть убил своей шапкой. Опять засунул его под тот самый камень, заходит в избушку. Девушка зовет его к себе. «Что хочешь, все отдаст отец». — «Я не пойду туда, а ты отдай мне свой именной браслет» (кидшол). Отдает она ему браслет и уходит домой. Опять эти генералы загородили дорогу. «Скажи отцу, что мы убили». — «Да, ведь, не вы же убили, как я скажу?» — «Ты послана на смерть. Не скажешь — убьем тебя на месте». — «Если так, то скажу», Приводят генералы ее к отцу, говорят царю: «Убили, ведь!» Он спрашивает дочь; «Правда, что они убили?» — «Правда», отвечает она. Иван-царевич опять идет спать к своей старушке.

Просыпается на утро, опять трезвонят колокола. «Бабушка, а сегодя почему бьют колокола?» — «Сегодня, — говорит, — младшую поведут. Придет двенадцатиглавый дракон. Не знаю: генералы теперь одолеют его или нет. «А что, и второго дракона генералы убили?». «Да, генералы», отвечает бабушка. Иван-царевич опять идет на охоту. «Вот, бабушка», — оставляет ей двенадцать ведер, наполненных водой, и много ножниц, которые велит ей воткнуть в стену. Опять идет под мост. Генералы ведут девушку. Доводят до моста, отпускают ее, говоря: «Еще и нас съест». Иван-царевич заходит в избушку вслед за девушкой. Теперь уж не ложится спать, ждет дракона. Дракон едет на лошади, очень разозленный. Заходит в избушку. «Ну, Иван-царевич, — говорит (теперь узнал). — Двух братишек уничтожил, молокосос этакий. Теперь тебе попадет!». А тот: «Кому попадет посмотрим!» (*Иван-царевич тоже приехал на лошади и с собакой, это позабыл*). «Ну, отдай по доброму свою девушку». — «Такой парень-молодец никогда не даст по доброй воле». — «Ты, что хочешь бороться?» — кричит дракон. «Поборемся!» — говорит Иван-царевич. Выходят на волю. Дракон спрашивает: «Вверху будем бороться или внизу?» — «Мне везде ладно», — отвечает Иван-царевич. «Давай поднимемся вверх», — предложил дракон. Садятся оба на лошадей и быстро поднимаются. Как ударил Иван-царевич один раз — упала только одна голова. Дракон спрашивает: «Люди работают? — «Работают», — отвечает Иван царевич. «В обед отдыхают?» — «Отдыхают». — «Ну и мы тогда отдохнем». Опять поднялись наверх. Иван-царевич ударяет, ни одна голова не падает. Спустились вниз. Дракон прижал под себя Ивана-царевича, а тот его обхватил и не дает встать. Бабушка та успула, наполнять ведра водой некому, втыкать ножницы в стену некому, ведра все повысохли нет воды. Приказывает Иван-царевич собаке: «Беги к матери, пусть наполнит ведра водой, воткнет в избе все ножницы в стену» (*к себе — к золотой рыбке посылает*). Собака бежит через одно царство, прибегает к озеру. «Мама, брат теперь умрет, ведь. Убьет ведь дракон его», — закричала. Золотая рыбка подняла такую бурю, что у старушки крышу сбросило с избы. Не знаю сколько ведер наполнила воды; не знаю, сколько воткнула ножниц.

У Ивана-царевича теперь силы много собралось. Как повернулся, да как насел на дракона, подмял под себя. Да как начал бить своей шапкой, и убил дракона. Опять засунул под тот камень. Теперь туда насовал двадцать четыре головы. Заходит к девушке, а она хороша собой — ну, просто красавица. «Ай-да, пойдем к отцу. Что попросишь, все даст тебе». — «Не пойду, а ты подари мне свой именной перстень». Девушка оставляет перстень, идет домой. Опять генералы загородили ей путь, велят сказать отцу, что они убили дракона. «Но вы же убивали, как я скажу?» — «Если не так, ты послана на смерть, мы тебя убьем здесь же». Приводят генералы девушку к царю и говорят:

«Вот, царь, мы теперь спасли голову твоей дочери. Едва-едва смогли, очень дракон силен». Отец спрашивает дочь: «Правда, это?» — «Правда!» говорит дочь. Иван-царевич опять идет к старушке.

На завтра утром встал он, опять звонят колокола. «Бабушка, а сегодня почему бьют колокола?» — «Сегодня две дочери царя венчаются с генералами: младшая и средняя». А старушка знает все. «Ну и я пойду на свадьбу посмотреть». Садится на свою лошадь, шикарно одетый Иван-царевич. Едет к царю смотреть свадьбу. Приходит к царю: «Ну, царь, кто ж убил драконов».—«Вот эти генералы двое»,—отвечает царь. «Генералы, вы убили?» — спрашивает их Иван-царевич. «Да, мы убили», — отвечают генералы. Если вы убили, то взяли бы у девушек что-нибудь на память. «Нет, мы ничего не взяли», — отвечают генералы.Иван-царевич вынимает именную ленточку, браслет, перстень и говорит: «Вот кто убил дракона. Ну, ладно, пусть убили вы, теперь скажите, где находятся их головы?» — «Их теперь собаки поели, вороны поклевали». — «А нет, они в целости еще. Хорошо я вам дам жениться на этих девушках, но только достаньте драконовы мертвые тела и головы». — «Ладно», — отвечают генералы. Вот Иван-царевич ведет всю свадьбу на то место, где убивал драконов. И царь идет вместе с ними. Доходят до этого камня. «Вот, — говорит Иван-царевич, — все лежит под этим камнем. Выньте!» Генералы начали поднимать камень, даже пылинка не дрогнула. А царь смотрит внимательно. «Ну, теперь посмотрите, я выну мертвые тела». Одной рукой поднял камень, другой ручкой вынимает. Вся свадьба от испуга упала на землю вместе с царем. Еле встали. «Ну, пусть! я вам дам жениться на девушках, — выньте двое эту шашку». — Иван-царевич втыкает в землю свою двадцатипятипудовую шашку. Эта шашка была с обеих сторон острая. Вот оба начали тащить подобно тому, как вынимают огородный кол — с обоих сторон. У обоих животы распоролись, оба присели на землю и тут же умерли. «Вы сами себя убили, не я вас убил», — говорит Иван-царевич. Вот поднимает опять камень, засовывает обратно тела драконов вместе с трупами генералов. Ну, теперь, идут к царю все. А царь спрашивает Ивана-царевича: «Кто ты такой?» — «Я сын того царя.» — «Ну, Иван-царевич, которую девушку пожелаешь взять?» — «Хотя старшие сестры будут обижаться — я возьму младшую». А сестры говорят ему: «Нет мы не будем сердиться, ты нам жизнь спас. За это большое тебе спасибо.» Иван-царевич венчается с младшей.

Живет у царя около недели. «Отец, — говорит (*так называет царя-то*), — дай ты мне один мешок денег, один мешок крупы. Увижу нищих, раздам нищим деньги, увижу птиц — птицам скормлю эту крупу». Выйдя из дома, идет один. Увидит нищего — нищим раздает. Увидит птицу — птиц кормит. Раздает все, идет обратно. Утром встали. «Отец, дай еще мешок денег, мешок крупы». Царь опять дает. Жена говорит ему: «И я пойду

с тобой» (*очень любит Ивана-царевича*). — «Нет один пойду». Идя так, раздавая деньги и посыпая крупу, прошел около тридцати верст. Пришел к озеру, стал бросать крупу летающей над водой стрекозе (вуд упыкыж). Вдруг эта стрекоза превратилась в старушку. «Вот Иван-царевич, ты уничтожил моих трех сыновей», — говорит мать дракона. Бросив крупу ей, он бросил всю свою силу. Нисколечко силы не осталось у него. Привязала старуха Ивана-царевича к камню и спустила на дно озера. „Конец, вот и женись на царской дочке!"

А в это время Иван Стряпкин взглянул на кольцо, кольцо начало чернеть. «Сумел жениться, а зачем же было тебе крупу бросать», — подумал он (*этот проклятый все знает*). Сел Иван Стряпкин на лошадь и поехал к этому царю. Лошадь опять оставил у той старушки, сам пешком пришел к царю. Царь спрашивает его: — «Что, Иван-царевич, долго гулял?» — так друг на друга похожи братья, не узнали его. Вот лег он спать с царской дочкой, с женой Ивана-царевича. Иван Стряпкин спит на спине не поворачивается к ней, а царская дочь хочет его к себе повернуть. Говорит: «Что ты рассердился, что ли? Зачем не повернешься ко мне?» — «Что-то голова сегодня очень болит», — отвечает он ей. На завтра утром встают. «Отец, дай мне один мешок денег, мешок крупы, теперь понесу на третий раз». Иван Стряпкин, получив это, направляется прямо к озеру. А Иван-царевич уже близок к смерти. Подошел Стряпкин к озеру, опять эта самая стрекоза летает. «Я тебя заставлю летать, — говорит Иван Стряпкин. — Вынь сперва Ивана-царевича, а то я тебя на месте убью». Мать дракона нырнула и достала Ивана-царевича. Иван-царевич уже почернел. Но Иван Стряпкин принес с собой пузырек лекарства. Дал глотнуть Ивану-царевичу. Иван-царевич опять стал как прежде такой же здоровый. «Ну, Иван, теперь пойдем ко мне, — говорит Иван царевич. «Итти то пойдем, — говорит Иван Стряпкин Ивану-царевичу. — Но я ведь спал одну ночь с твоей женой». Ивану-царевичу стало не по душе, очень это ему не понравилось. Рассердился. «Мой брат и спал с моей женой!» — подумал он. Теперь уже не ведет к себе Ивана Стряпкина, а дает ему задание. «Вот там-то и там-то лежит меднолобый волк, сходи убей его!» — Если бы я знал это, пусть бы ты лежал на дне озера, — отвечает Иван Стряпкин, — но ты царь: мне нельзя не итти».

Берет у старушки свою лошадь, платит деньги ей за услугу и едет к меднолобому волку убить. Ехал-ехал, доехал. Волк крепко спит. Ударил один раз своей шашкой, волк даже не пошевелился, не почувствовал (*вот где сила-то!*). Потом отрубил волку ноги своей шашкой и убежал, а волк стал лечить свои ноги. Вот волк пустился в догонку Ивану Стряпкину. Тот добежал до озера, не вдалеке от деревни, превратился в золотую сорожку,[1] а волк, чтобы его проглотить превратился в щуку.

[1] Сорога — речная рыба похожа на плотву с красными глазами.

Дочь кузнеца несла воду. Вот говорит ей Иван Стряпкин: «Ты сейчас в своем ведре найдешь золотое кольцо. Это кольцо никому не отдавай. К вам приедет на тройке исправник. Он будет просить у вас перстень, говоря, что он его потерял. За этот перстень будет давать около ста ульев пчел, поставит их вам в огород, денег даст несколько тысяч. Отец прикажет отдать, но ты брось кольцо на пол, потом оно превратится в зерно проса, ты наступи ногой на это зернышко. После этого исправник превратиться в большого петуха, начнет клевать просо. Как закончит клевать, ты убери ногу».

Дочь кузнеца приносит воду, смотрит в ведро, видит золотое кольцо. «Папа, в ведре лежит золотое кольцо», — говорит она.

«Вынь», — говорит отец. Девушка вынимает кольцо и кладет в карман. Не прошло много времени, на тройке прикатил исправник. «Вы что ли нашли мое кольцо?» — спрашивает он старика кузнеца. «Моя дочь нашла», — отвечает он. «Вы мне его отдайте». — «Раз я нашла, зачем отдам?» — говорит девушка. «Я вам дам около ста ульев пчел», — говорит исправник. Вот в огород уже наставил сто ульев (*показывает в глаза как будто стоят сто ульев*). «Вот посмотрите в огород, уже ульи стоят. Еще дам столько-то тысяч денег». — «Ну, дочка, отдай в таком случае», — соглашается отец. «Возьмите ваше кольцо». Бросила девушка кольцо на пол. Кольцо превратилось в зерно проса. Вот исправник превратился в большого петуха и начал клевать просо. Окончив клевать зерна, стал на порог дверей и запел: «Ивана Стряпкина голову съе-е-ел». Дочь кузнеца убрала ногу с места. Иван Стряпкин превратился в большую черную собаку, захватил петуха и съел. Вот какой хитрый оказался он. Вышла на волю собака и вернулась в дом таким же красавцем как прежде и говорит: «Посмотрите теперь свой огород, есть ли там пчелы?» Смотрят — нет ни одного улья. «Он хотел меня обманом съесть» (*если бы не девушка, — съел бы все равно!*) «Вот тебе полмиллиона денег за спасение головы». Разве у купца нет денег? «Ну теперь досвидания. Спасибо за спасение моей головы».

Вышел и пешком отправился дальше, а навстречу идут ему лошадь с собакой! Увидев его, лошадь и собака заплакали. От жалости закапали слезы. Сел Иван на лошадь и поехал.

Едет навстречу Иван-царевич, он тоже выехал искать Стряпкина. «Ах, Иван, я ведь, тебя напрасно послал. Ты уж прости меня на первый раз, ты с моей женой не совершил никакого греха».

«Да разве я могу сделать ошибку с женой моего брата», — говорит Иван Стряпкин. «Ну, Иван-царевич, мы теперь никого не боимся, сильнее нас нет никого на свете». А Иван-царевич и говорит: «Иван, я пойду к тебе». — «Идем», — соглашается он. Вот приходят они, а жена Ивана Стряпкина от сильного горя вся высохла, так долго муж ездил. Иван-царевич спрашивает жену Ивана: «Который из нас твой муж,

узнаешь?» (*оба, как один*). «Наверное, ты!» — указывает на Ивана-царевича. «Вот и моя жена также, оказывается, не узнала». Иван Стряпкин достал пузырек с лекарством, дал жене. Опять она стала красавица, как и прежде. «Ну, теперь поедем ко мне в гости со всей семьей», — предлагает Иван-царевич. Привез их к себе и целый месяц поил и кормил. Иван-царевич привез родного отца, мать к себе на постоянное жительство. Потом Иван Стряпкин пригласил к себе брата с семьей и продержал гостей целый месяц. «Иван-царевич, я отдал полмиллиона дочке кузнеца. Дай ты мне сколько-нибудь денег на торговлю». Иван-царевич дал ему пять миллионов и уехал.

Иван Стряпкин задумался. «Вот его мать и отец вместе с ним живут, а моя мать где-то скитается, нет, поеду-ка я ее разыскивать. Поехал на поиски, а она уже родила другого ребенка, ходит нищенкой. «Мамаша, идем теперь ко мне, будешь у меня жить». Мать испугалась: «Какой ты мне сын?» — «Ты меня родила, оттого, что съела золотую рыбку. Разве не помнишь?!» После этого она вспомнила. «Ну, в таком случае веди, ухаживай. Ходить и нищенствовать очень трудно». Увез он свою мать и начал смотреть за ней.

Сказка туда, я сюда.

6. ИВАН АЛЕКСЕИЧ ЛАСТОЧКИН

Вот жил мариец Алексей Григорьевич Ласточкин. Очень богатый. Он захотел построить мельницу с двенадцатью станками (поступами), чтобы были двенадцать дверей, все железные. Ищет-ищет плотников, нигде не находит. «Чорт бы взялся, и то бы дал строить», — проговорил он. Идет ему навстречу седой старик. Он оказывается уже три года ищет работы. «Что ты сказал, Алексей Григорьевич? — спрашивает старик. «А что сказал? — сказал, еслиб чорт взялся строить и то дал бы». — «Построим, — соглашается старик. — Отдай то, что имеется дома, о чем не знаешь, построим». — «Что же осталось у меня дома? — ничего ведь не знаю». Приходит домой, видит бегают трехлетние ребята девочка и мальчик. За время его отсутствия жена родила двух близнецов. «Ну, — думает Алексей Григорьевич, — натворил дел! Лучше бы совсем не строить мельницу. Своих детишек сам чорту продал».

Вот проходит сколько-то лет. Черти уже достраивают мельницу. Алексей Григорьевич приходит домой и говорит детям. «Ну, дочка и сыночек, бегите куда-нибудь теперь». Они вышли, побежали. Зашли в какую-то маленькую избушку. Видят на столе лежит краюха хлеба, а они очень проголодались. Взяли краюху и съели. Залезли оба под печку. Заходит какой-то старик с двумя собаками. Собаки стали лаять под печку, а старик кричит: «Выходите, кто там!» Ребятишки плача вышли. «Завтра встанете утром, опять бегите, да побыстрее», — советует старик. Утром встали и побежали. Наступил вечер, опять зашли в ка-

кую-то маленькую избушку. Опять там на столе лежит краюха, опять они ее съели. Опять пришел старик с двумя собаками. Собаки залаяли под печку. «Кто там, выходите», — кричит старик. Они опять плача вышли. «Вот я вам оставляю скатерть, — говорит старик, — как дойдете до моря (до Волги), махните этой скатертью. Тогда через воду ляжет мост, перейдите через этот мост. Черти вас очень сильно ищут, уже скоро догонят». Сказав это, снова старик уходит.

На завтра утром встают ребята. Опять побежали. Добежали до огненной Волги (тул-йул). Иван махнул скатертью, образовался мост (*всегда Иван в сказке, все ведь так!*). Перешли через мост, собрали скатерть, мост исчез. Прибежали черти, переходить нельзя. Был там громадный дом, дети зашли в этот дом, а там опять сидит тот самый старик. Вот старичек несколько лет воспитывал детей, они уж и подросли. «Ну, сыночек, пора мне умирать», — говорит старик Ивану, — а ты вспомни когда-нибудь старичка. Ходи на охоту, как и я, вот тебе ружье и пара собак». Старик умер. Похоронили его как следует. Жили же они в самой лесной чаще. «Ну, сестричка, я теперь пойду на охоту». Пошел брат на охоту и видит: летает ястреб с двумя детенышами. «Ястреб, я ведь, тебя застрелю», — говорит Иван (*ну и охотник — стрелять спрашивает*). «Не стреляй, дам тебе одного детеныша», — отвечает ястреб. Отдал ястреб детеныша. Иван отнес его домой. «Вот, сестричка, ухаживай за этой птицей, пои, корми». На завтра опять пошел, видит зайца с двумя зайчатами. «А, заяц, я ведь тебя застрелю». — «Не стреляй — одного детеныша отдам». Отдает заяц одного зайченка. Иван опят отдал его сестре. «Корми, пои, присмотри!» На завтра опять пошел с двумя собаками. Видит волк, ходит с двумя волчатами. «Волк, я ведь тебя застрелю». — «Не стреляй. отдам одного детеныша». Волк отдал одного детеныша. Иван принес сестре, отдал — говоря: «Корми, пои!» Пошел и на завтра с двумя собаками. Ходит медведь с двумя медвежатами. «Медведь, я ведь тебя застрелю!» — говорит. «Не стреляй, дам одного детеныша». Отдает медведь детеныша. Принес домой, говорит: «Пои, корми».

Иван все время ходит на охоту, а сестра смотрит за скотиной. Сильно подросли звери. Сестре очень скучно стало жить одной. Стали поговаривать, что чорт хочет приехать в их места. Вот девушка взяла скатерть, взмахнула через реку и мост замостился. Переправила одного черта. И стала жить с чортом. Чорт как-будто человек. Вернулся брат с охоты, она его поит, кормит, а чорта не видно, не показывается. Опять Иван на охоту ушел. «Давай твоего брата как-нибудь убьем», — предлагает чорт. «А как его убьешь?» — спрашивает сестра. «Ты захворай», — говорит чорт. Захворала. «Ой, братишка мой, не могу ведь подать тебе кушанье. Сходи к какому-нибудь доктору, принеси лекарства». Пошел брат к доктору, принес лекарства, она не выздоравливает. Остается такая же больная. К одному

доктору сходил, к другому, принес лекарства. Хочет вылечить ее — никак не может. А чорт ее потихоньку научает: «Скажи, что ты увидела вещий сон, что надо принести из такой-то двенадцатистанковой мельницы пуд муки и что ты тогда будешь здорова. Пусть идет со всей своей скотиной». Вот приходит брат. «Браток, — говорит она, — я сегодня видела сон. Вот из такой-то, такой-то мельницы принеси один пуд пшеничной муки. Когда съем этот хлеб, тогда выздоровлю. Иди со всей своей скотиной, я не могу кормить их». Иван берет скатерть, идет вместе с собаками и остальными зверями.

Пришел на мельницу, увидал отца. «Алексей Григорьевич, продай один пуд пшеничной муки», — говорит он (*не говорит отец: наверно он сам-то не знает!*). «Нагреби!» Заходит он через двенадцать дверей со всей скотиной. Взял он муку. Только вышел с ястребом, все двери уже и захлопнулись. Пошел теперь один, да сверху летит ястреб. Доходит до Волги, превратив скатерть в мост, перешел. Только-что захотел положить в карман скатерть, прилетел сокол-ястреб захватил когтями скатерть и унес куда-то. Пришел Иван к сестре. Сестра заболтала квашенку из пшеничной муки и спекла хлеба. Поела пшеничного хлеба и выздоровела. «Ну, браток, спасибо тебе, я выздоровела! Очень уже ты много ходить старался. Ой, братик, какой ты грязный, я тебе баньку истоплю мыться». Сестра истопила баню, баня поспела, пошел брат мыться. Раздевается, очень тело-то почернело, грязное. Прибегает чорт: «Ну, теперь я тебя съем». Иван: «Такого черного как будешь есть? Постой, вот вымоюсь — тогда ешь». Вот пришло теперь ему на ум. «Ой, если бы был мой старичек со мной, так бы не случилось наверное. Теперь самому себя приходится отдавать на съедение», — подумал он и видит к окну подлетел ястреб и говорит ему: «Не смывай, намажься еще больше сажей». А Иван все своего старика поминает. Опять прилетел ястреб: «Теперь трое дверей уже разбили», — докладывает о медведе, о волке и о других. Опять туда полетел ястреб. Прибегает чорт во второй раз в баню, а Иван еще только ноги начал мыть. «Скорей мойся», уже кричит чорт. — «Постой, успеешь. Все равно уж теперь съешь меня», — отвечает Иван. Чорт снова возвращается к сестре. Прилетел ястреб докладывает, что уже разбили шесть дверей. Ястреб говорит: «Пока все не сломают, ты не мойся». И снова улетел. Прибегает чорт. «Что же еще не кончил мыться, почему не моешься?» — «Погоди немного, съешь», — отвечает Иван из бани. Прилетает ястреб: «Теперь разбили все двери, идут все. Я им оставил скатерть». И ястребу пришло на ум! Чорт опять прибегает: «Что еще не кончил мыться?» «Нет еще, — отвечает он. — Приходи через час, теперь моюсь». Чорт ушел.

Собаки, остальной скот пришли и стали за баней. Медведь подал Ивану ружье через дымовую трубу. А ястреб советует: «Предложи чорту лечь на спину. Пусть откроет рот, а сам залезай на полку.

Скажи, что, мол, буду прыгать прямо в рот, и стрельни ему в рот. Потом прибежит медведь». Прибежал чорт, Иван кончил мыться, стал чистым. «Ну, теперь я тебя, Иван, съем». — «Ешь, но только ложись на пол вверх лицом, открой рот. Я прыгну прямо к тебе в рот.» — Вот берет ружье и стреляет в него. Все заходят: медведь, волк, собака, заяц. Волк кусает, собака кусает, медведь бьет, сообща убили чорта. Поджег Иван баню, она сгорела вместе с чортом. Пошел к сестре, а у сестры глаза покраснели. «Обо мне так наверное не плакала, а об чорте плачешь. Давай, идем теперь, моя сестра. Я тебя повешу на дубовый сук». Привязав за ноги, поднял, и медведь повесил ее. (*Сам не может поднять — скотина есть*). Ставит трехведерные две бочки под ней. Если обо мне будешь думать, пусть слезы капают в правую бочку, о чорте будешь думать — в левую. Забрал Иван всю свою скотину и ушел.

Невдалеке был царский город. Зашел он к одной старушке со своей скотиной. «Бабушка, пустишь или нет на квартиру?» — «Заходи, я живу одна». Но Иван все только заботится, кормит свою скотину. Однажды утром слышит сильно звонят колокола. «Бабушка, почему сегодня так сильно бьют колокола?» — «Сегодня у царя старшую дочь поведут трехглавому дракону на съедение. Если не отдаст дочку, то потеряет весь народ. Пожалев народ, царь дает свою дочку» (*жди, царь будет жалеть народ!*). «Ну, бабушка, я пойду на охоту со всей своею скотиной». Пошли и спрятались за этим домом, куда должны привести царскую дочь. Иван ждет дракона. Идет дракон, а Иван учит медведя: «Как выстрелю, вы все его и валите». Прибыл дракон. Не успел зайти в дом, как Иван уже выстрелил. Медведь сразу загреб его под себя, а собака с волком набросились кусать. В один миг убили его (*медведь, волк, собака, живущие на хлебе, сильные*). Заходит Иван к девушке. «Выручил, ведь, твою голову!» — говорит ей. «Ой, большое тебе спасибо! Идем к моему отцу. Что только попросишь, то даст отец». — «Не пойду, оставь ты мне именную ленточку». Взял Иван ленточку и пошел опять к старушке.

На завтра проснулся. Опять в колокола звонят: «Бабушка, а сегодня по какому случаю бьют колокола?» — «Сегодня поведут среднюю дочь, придет шестиглавый». — «Что трехглавого вчера кто-нибудь убил?» — «За силачей вызвались два генеральских сына, они убили», — говорит старушка. «Сегодня опять они же пойдут убивать». Он опять говорит ей: «Бабушка, я пойду на охоту». Вот опять идут и встают за домик со всей скотиной. Генеральские сыны приводят девушку, заводят в избу, а сами скорее бегут обратно говоря: «Еще и нас съест!» Идет дракон. Пришел, спустился на землю. Иван выстрелил, медведь насел на него, убили. Иван заходит к девушке. «Ну, пойдем к отцу, что попросишь, то тебе даст отец». «Нет, не пойду». Подари мне свои именные браслеты. Царская дочь оставляет именные браслеты и уходит. Иван остается в избе. Девушку

поймали генеральские сынки: «Скажи отцу, что мы убили дракона». А генеральские дети оба очень красивые. «Ладно, скажу», — соглашается сразу девушка. Иван опять идет к старушке. Повесил ружье, приходит со всей своей скотиной.

Просыпается Иван, опять звонят в колокола. «А, бабушка, сегодня по какому случаю бьют колокола?» — «Сегодня поведут младшую, еще придет девятиглавый дракон. Вчера того убили два генеральских сына». — «Ну, бабушка, я опять иду в лес на охоту». Вот опять приходит и встает за домиком со всей скотиной, ожидает прихода дракона. Генеральские сыны опять приводят в избушку девушку и сами бегут скорее. Дракон пришел, Иван выстрелил. Ну, бороться с медведем. Чуть-чуть не поборол медведя. Если бы не помогли волк с собакой, — смог бы. Всеж-таки убили. Эти мертвые души медведь сует под камень. Заходит Иван в дом. «А спас ведь твою голову!» — «Большое спасибо за спасение. А ты кто такой?» — спрашивает девушка. «Я сын мельника», отвечает Иван. «А я хочу пойти за тебя замуж». (*Вот как прямо начала эта девушка*). «Сейчас замуж не возьму, а вперед — что будет. Подари ты мне именное кольцо». Отдает именное кольцо, выходит и идет. Иван остается сидеть. А генеральские сыновья опять ее окружили. «Скажи, — говорят, — что мы убили». А девушка рассердилась, отвечает им: «Как это, ведь не вы убили». — «Ты послана на смерть, мы тебя убьем и спустим вот в это озеро.» Девушка приходит к отцу, заходят и вместе два генеральских сына. «Ну, дочка, кто убил девятиглавого дракона? Они что ли убили?» Девушка очень смущенно и тихо произнесла: «Эти (н-и-не)». А царь догадался, подумал: «Наверное не они убили?»

Идет Иван к старушке со всей скотиной. Придя к ней, купил одно ведро вина, пуд белого хлеба, пуд черного и спрашивает: «Бабушка, у тебя есть корыто, в котором белье стирают (тувыр мушмэт)?» — «А зачем»?. — «Я хочу свою скотину вином напоить». Старушка ушла за корытом, Иван режет хлеб. Вот эта скотина — давай есть, пить! — Пили, ели, пили, ели — все заснули. Не спит только один ястреб, он очень хитрый.

На следующее утро проснулись, опять очень сильно бьют в колокола. «Бабушка, сегодня по какому поводу звонят в колокола?» — «Сегодня царь выдает одному из генеральских сыновей старшую дочь. А если у царя потеряется что-нибудь, то нельзя обвенчать» (*сказка, так сказка уж!*). Спрашивает Иван ястреба: «Кого пошлем воровать?» — «Пошли своего зайца, его пустят, его очень уважают». Прибежал зайчик, зашел прямо в дом. Свадебники очень полюбили зайца, говорят: «Скромный зайчик, серенький зайчик!» А заяц пляшет. Во время пляски заяц схватил серебряную ложку и удрал. Свадебный народ видел как заяц унес ложку. Говорят царю: «У нас, ведь, потерялась одна ложка. Если потерялась ложка, то в таком случае нельзя венчать». Заяц принес ложку и отдает Ивану, а Иван все время только и делает, что кормит, поит свою скотину.

На завтра встают, опять сильно бьют колокола. «Бабушка, зачем бьют колокола?». — «Сегодня среднюю дочь хотят обвенчать с одним генеральским сыном». — «А что — вчера обвенчали старшую дочь?» — спрашивает Иван. «Не смогли повенчать — потерялась серебряная ложка». Опять спросил Иван у ястреба. Подошел черед волку. «Волка пустят», — говорит. Волк идет. Заходит туда такой веселый, такой ласковый, понравился всем волк. Волк начал плясать, а они! «Ой, молодец, ой молодец, серый волк!» А он во время пляски схватил со стола вилку и убежал. Свадебники опять заметили и доносят царю: «У нас ведь со стола потерялась серебряная вилка». Приносит волк Ивану серебряную вилку. Вот у царя генеральские сыновья советуются. «Завтра, — говорят, — сразу вместе сыграем свадьбу, такого сорта скотину не пустим теперь». На этот раз берут старшую и младшую дочерей, а среднюю оставляют. А младшая дочь говорит: «Хоть убейте, я за них не пойду. Это не у дракона, — если умру, так здесь же». Генеральские сыновья соглашаются жениться на старшей и младшей. Младшая говорит отцу: «Папа, я выйду замуж за сына мельника. Пойду на розыски, где-нибудь все равно найду».

На следующий день опять зазвенели колокола. «Бабушка, зачем опять бьют в колокола?» — «Сегодня царь играет две свадьбы сразу. Выдает замуж дочерей старшую и младшую». — «А что вчера не смогли обвенчать?» — «Вчера опять на свадебном пиру вилка пропала. Какой-то волк стащил, говорят». — «Ну, кого сегодня пошлем?» — спрашивает Иван ястреба. «Я сегодня сам пойду. Они не смогут пройти туда». Вот полетел ястреб, закружился над домом свадьбы. Одно окно оказалось открытым. Влетел он в это окно, прихватил одно полотенце своими когтями. Теперь уже царь сам лично увидел, что венчать никак нельзя.

Вот царь призывает весь народ в город и спрашивает сперва господ: «У кого имеется такая скотина, не у вас ли?» Они хором отвечают: «Нет, нет!» На следующий день собрал всех крестьян и мещан. Теперь уже придется итти и этой бабе. Ну баба пошла туда. Вот царь спросил народ: «У кого есть такие звери?» Опять отказались. Потом у мещан спросил и они ответили: «Нет!» Пришла очередь царя спросить у старушки: «Может у тебя имеется такая скотина? «У меня самой нет, а у живущего на квартире есть». «А какая скотина?» «Имеется медведь, имеется волк, две собаки, заяц и сокол-ястреб». Царь рассердился: «Что за сопляк он».

Он посылает пятьдесят солдат, велит привести его. Около пятьдесяти солдат приходят к нему с винтовками. А Иван спит себе в огороженной комнатке с дверьми. Эти солдаты зашли да закричали: «Эй, сопляк, где ты?» — «Ах еще меня называют сопляком! Ну-ка, Мишка, выкинь всех отсюда», — приказывает медведю. Медведь пьяный, которого берет за руку, которого за ногу, всех вышвырнул. Некоторые остались в живых, некото-

рые умерли. Остальные пришли к царю, докладывают, что, мол, рассердился, не идет. Некоторые солдаты умерли, всех вышвырнул медведь из избы. Теперь уже царь посылает целую роту солдат. Приходят солдаты. Он возится со своей скотиной. «Пойдем, — говорят, — сопляк, тебя царь просит». А он не любит, когда его называют сопляком. Опять этот медведь — давай бросать этих солдат. Солдаты вернулись и царю говорят: «Невозможно привести, не идет». А один нашелся какой-то заявляет: «Я смогу один привести». Просит царя дать пару коней запряженных в повозку. Вот приезжает на паре, привязывает лошадь. Иван лежит в своей комнате. Заходит тихо, даже вступать сильно боится. «Эй, барин, где ты?» проговорил шопотком. «Ой, меня-то барином называют! Пойду, мол, ой теперь пойду!» Иван встает, здоровается с человеком. «Идем, тебя царь просит со всей твоей скотиной». — «Сейчас поедем!» — говорит уже Иван. Скотина уже, как баре, залезла в повозку. Ястреб присел сверху на повозку *(он хитрый)*.

Вот приезжают к царю. Царь спрашивает: «Кто убил дракона?» А девушки отвечают: «Вот эти генеральские ребята убили». Он вынимает ленточку, вынимает браслеты, вынимает перстень и кладет на стол. «Это чьи вещи?» — спрашивает он царя. «Моих дочерей». Потом царь спросил у дочерей: «Этот что ли убил?» — «Да, он», — отвечают. «А почему тогда не сказали о нем?» — «А вот почему: после освобождения генеральские ребята хотели нас убить, оправдываясь тем, что мы посланы на смерть. Ну мы испугались, сказали, что они нас освободили от дракона». Царь приказывает полковникам: «Ведите этих генеральских ребят и расстреляйте!» Сильно разгневался царь. «Ай-да, пусть идут, пусть не мешают! Ну, а которую хочешь взять себе в жены?» — спрашивает царь. Младшая дочка выскакивает: «Я сама пойду за него!» Иван очень красив *(еще о красоте его не говорил)*. Вот венчают его с младшей, играют свадьбу. «Ну, Иван Алексеич, — спрашивает царь, — будешь что ли наследником?» А у царя ребят нет. «Я умру, ты будешь царем». — «Мне все ладно», — отвечает Иван.

Вот живут неделю, другую, третью, прилетел ястреб, пробрался через окно к Ивану. «Ваня, мы все хотим итти в лес повидаться с матерями. Пустишь или нет?» — «И я пойду с Вами, потом в лесу разойдемся». Простился с царем, со своей женой. «Я схожу домой к сестренке» *(и сестра пришла в голову)*. Вот и ушел со своей скотиной в лес. «Ну идите теперь — кто хочет итти к своей матери». Сам остался только с двумя собачками. Пришел к сестре, она наполнила слезами обе бочки до половины: в правой половина, в левой половина. Думала о брате и о чорте. Но Иван спустил сестру с дубового сучка. Оказывается еще чорта-то не позабыла. Брат зашел в дом, а сестра осталась на улице. Пошла к месту сгоревшей бани, нашла в пепле зуб чорта. Пришла к брату веселая. «Браток, наверное, у тебя есть на голове вши, давай-ка поищу». «Чтоже,

посмотри». Во время искания вшей, она вбила брату в голову зуб чорта. Вот чорт прибежал, уже ожил, а Иван уже умер. Понес его чорт на берег Волги, положил в бочку, заколотил и пустил. «Хоть куда теперь неси ветер!»

А у ястреба душа не на месте, так и колит (чырк-чурк). «Что такое, так душа болит?» — подумал он. Вот пошел ястреб искать медведя, розыскал. «Наверное нашего отца не стало», — говорит ему. А медведь: «Наверное его опять сестренка убила. Я пойду к тому дубу, а ты ищи волка с зайцем». Ястреб розыскал волка с зайцем, пришел к медведю. Прибежали две собаки, повели медведя к ястребу, по человеческому закону к Волге. Объясняют медведю, что вот здесь шел к Волге человек. Ястреба послали на розыски Ивана, остальные остались строить плот (*«салык»-из четырех бревен*). Волк с зайцем деревяшки носят, медведь бревна таскает. Ну, кончил медведь постройку, ждут ястреба с известием. Ястреб прилетел спустя две ночи. Медведь спрашивает: «Нашел или нет?» А ястреб так устал, не может слова вымолвить. Не было у него места отдохнуть на лету. «Вы очень спешите с распросами. Я не могу говорить, устал, ведь», — жалуется ястреб. «Найти-то нашел, да не знаю он ли, другой ли. На горе стоит бочка, а кругом большая вода». «Если так, надо приготовить бревен», — говорит медведь. Пошел и принес два бревна.

Поехали. Медведь гребет лопатой. Доехали до полпути. Ястреб спустился отдохнуть. Медведь спрашивает, что полпути проехали. До половины доехали отвечает ястреб. Ястреб вверху летит, указывая путь, волк с зайцем наблюдают, а медведь гребет. Медведь ставит на гору бревна и поднимается. Как начал спускать бочку, она сорвалась и в воду и на дно упала. Все стали ругать медведя: и волк, и собаки, и ястреб. Медведь с испугу поднялся на гору, а в это время бочка всплыла на поверхность. Медведь ругается, спускается снова: «Если бы меня-то не было, все бы остались здесь. Еще ругаете меня». Положили бочку, едут обратно. Пришли домой. Чорт увидел, говорит сестре: «Принесли ведь его». А сестра: «Пусть принесли. Все равно не найдут зуба».

Достали Ивана из бочки, начали искать причины смерти. А заяц несмотря на то, что косой, увидел зуб. Ну старается! Хочет зубами вытащить зуб — не может. Ястреб говорит: «Я могу». Как хлопнул, так зуб и вытащил. Иван ожил. Чорт опять умер, нет теперь его. Медведь говорит Ивану: «Тебе жалко убить сестру, я сам зайду в дом и убью ее». Медведь убил сестру, труп бросили в Волгу. Вся скотина говорит ему разом: «Ну, Иван, веди нас к царю. От тебя не отстанем, корми нас до самой смерти». Пришли к царю. Жена их встретила со слезами. «Наверное ты не домой ходил, очень долго уж гулял. Твоему уходу три года будет. Во время твоего отсутствия умер отец, вместо него царство держала я, а теперь ты царствуй.»

Сказка дальше — я ближе.

7. СЕМЬ СЕМЕНОВ

Вот жил один бедняк — муж с женой *(не все о богатых, и о бедных надо ведь!)*. Жена беременна. В один час родила семь сыновей. На крестины нет денег. Вот выходит муж молиться и садится на перекрестке трех дорог. Как раз едет царь и спрашивает: «Чего ты тут молишься». — «Жена родила семь сыновей в один час, — не кому быть крестным». Царь и говорит: «Давай, я буду!» Царь стал крестным отцом. Семерым крестникам оставил семь тысяч денег. Царь наказывает: «Как будет им по десять лет, направь их ко мне». Стало им по десять лет *(в сказке года скоро идут, в жизни года очень длинные)*. Всех семерых зовут Семенами. «Вот, что сынишки, — говорит отец, — через десять лет просил вас притти ваш крестный отец». — «А кто наш крестный отец?» «Царь. Пойдите к нему». Направились они в путь.

Пришли, видят — стоит часовой. «Мы пришли к своему крестному отцу». — «А кто ваш крестный?» — «Царь». Часовой заходит к царю, докладывает: «Пришли семь ребят и говорят, что они пришли к крестному». — «Пусти их», — приказывает царь. Заходят они все. «Здравствуй, крестный отец!» — «Здравствуйте. Вы что, все Семенами называетесь?» — «Да все Семены», — отвечают дружно. Царь задумался: «Какие бы имена им надавать?» Призывает из-за них около пяти министров. Говорит: «Посоветуйтесь, к какому бы ремеслу их можно было бы пристроить?» Пыхтели-пыхтели в течение трех суток, даже один раз подрались, не смогли определить их ни к какому ремеслу. Приходят к царю девушки, они тоже говорят: «Мы не можем найти никакое ремесло для них. Пусть сами скажут. Может они сами знают, какое им больше нравится».

«Ну, первый Семен, может сам скажешь, какое тебе надо ремесло?» — «Я буду учиться на кузнеца». — «А хорошие кузнецы нам нужны», — говорит царь. «Второй Семен, какому ремеслу желаешь учиться?» — «Я буду на плотника учиться». — «Хорошие плотники нужны», — говорит царь. «Третий Семен, ты чему будешь учиться?» — «Я буду на портного учиться». — «Хорошие портные тоже нам нужны». — «Четвертый Семен, чему желаешь учиться?» — «Я хочу учиться на охотника.» — «Хорошие охотники нужны». — «Пятый Семен, ты чему пожелаешь учиться?» — «Я хочу быть лекарем». — «Хорошие доктора тоже нужны». — «Шестой Семен, ты чему хочешь учиться?» — «Я хочу учиться на знахаря». — «Ой, нет, мне таких не надо!» — «На другого я не стану учиться», — отвечает он. «Седьмой Семен, ты чему хочешь учиться». — «Я хочу учиться цыганскому ремеслу; покупать, продавать, менять». — «Ой, мне такого не надо», — говорит опять царь. «А я на другого не буду учиться совсем». — «Идите теперь и учитесь. Через десять лет опять придете», — посылает на десятилетнюю учебу. Ну, они разошлись по учителям.

Через восемь лет знахарь уже здорово научился. «Если я выучился, значит и остальные выучились», — говорит он. Собрались все вместе, гурьбой пошли к царю. Пришли к крестному отцу. Вот царь их опять распрашивает. «Ну, Семен, как ты научился, кузнечному делу?» Он отвечает: «Если дашь хороший чугун, то поставлю столб до облаков». — «Второй Семен, ты как учился?» — «Если брат мне сделает топор, то тяп-ляп — и корабль будет». — Третий Семен, чему научился?» — «А я только железа не сошью, а остальное все сошью» *(и дерево шьет видать)* — «Четвертый Семен, чему научился?» — «Я как приложусь, так и умрет». — «Пятый Семен, ты чему научился?» — «Если даже только на мизинце ноги будет прт-прт-нырт биться (жизнь), — я его вылечу». — «Ну, знахарь *(со злости)*, чему же научился?» — «Что есть на свете, — я все знаю». — «Ну, ученик по цыганским делам, ты чему научился?» — «Нет на свете вора равного мне». «Крестный отец, — говорит знахарь, — что ты грустишь? Я ведь знаю о чем ты задумался. Вот уже три года как потерялась Анна-царевна, твоя дочка. Потому и грустишь». — «А ты найдешь ее?» — «Если брат поставит чугунный столб, тогда может найду». — «Крестный, купи мне чугуна». Царь дает приказ извозчикам возить чугун в кузницу.

Большой Семен приступил к сварке громадного столба. Построил. Знахарь взял учебную толсгую книгу и лезет на этот столб. Залез и увидел Анну-царевну. Слезает со столба, идет к крестному. «Нашел, ведь, Анну-царевну: у трехглавого дракона лежит на коленях». — «А как ее вернуть?» — «Вот этот вор может украсть». — «Если ты сможешь украсть Анну-царевну, — отдам я тебе все царство». «Ну, а теперь для плавания нужен корабль». — «Браток, свари топор», говорит второй Семен. Сделал топор, отдал второму Семену. Идет он к морю — тяп-ляп и корабль.

Вот сели в него семеро и поплыли по морю. Ехали-ехали, доехали. «Пойди, вор, укради как-нибудь», — говорят все. А вор-то украл, ведь. Дракон остался спящий. Едут теперь обратно домой. Показалось черное облако. «Вон, дракон-то уже идет, — говорит знахарь, — стреляй, охотник!» Охотник выстрелил, дракон упал прямо на корабль. Корабль раскололся на две половины. «Портной, сшивай», — говорит опять знахарь *(и портному работа есть)*. Портной уже шьет. Корабль опять цел. Во время падения дракона задело крылом Анну-царевну. Она умерла от удара. «Ну, — говорят лекарю, — лечи теперь. Ищи, душа-то осталась, нет?» — Лекарь ищет. Видит на мизинце пальцев ног что-то пылт-пылт-пылт, шевелится. Вот лекарь вылечил ее, стала она как прежде. Повезли ее, привозят к царю.

«Привезли Анну-царевну», — докладывает знахарь. «Ну теперь мне царство и Анна-царевна», — заявляет вор. «Если бы я не построил чугунный столб, то не увидел бы знахарь Анны-царевны.» — «Я не отдам вору», — заявляет старший Семен. «Ай, ты, браток, говоришь же ты! Если бы я не построил корабль, то

не смогли бы вы поехать за ней», — говорит плотник. А портной тоже заявляет: «Если бы я не сшил корабль на воде, то нам бы не выйти из моря». А охотник: «Если бы я не убил дракона, — он бы нас всех перебил». А доктор заявляет: «Если бы я не вылечил, то вы привезли бы ее мертвую». Знахарь-то: «Если бы я не увидел ее, то не нашли бы ее». А вор в свою очередь: «Если бы не я, — вам бы ее не украсть».

Царь в полном недоумении, не знает кому дать царство. «Ну, что же я теперь буду делать с вами?» — спрашивает. Советуют ему собрать министров для совещания по данному случаю. Царь собрал двенадцать министров, приказывает совещаться в течение недели. Ну, теперь министры советуются здорово, один предлагает — одно, другой — другое. За неделю два раза подрались между собой. Один министр говорит: «А разве своему крестному сыну можно выдать дочь? Я ничего не могу делать дальше» *(раньше нельзя было выдавать)*. Приходят министры к царю. «Вот что, царь, мы не смогли притти к определенному решению, а все же своему крестнику нельзя выдавать дочь». Вот потом царь сделал их большими министрами.

Сказка дальше — я ближе.

8. ВАСИЛИЙ ОХОТНИК

У одного царя был охотник Василий. Однажды приходит к Василию охотнику генерал и заявляет: «Василий, царь меня направил к тебе. Ты должен сейчас пойти и наловить птиц. У него должна была быть большая вечерка, созвал он гостей. «Ладно, — говорит, — пойду». Василий идет: ходит день, не приносит ни одной птицы, ходит другой — тоже ничего не находит, на третий день опять не находит. Приходит домой, видит на осине сидит орел. «Орел, я ведь, тебя застрелю», — говорит он. А орел ничего не ответил. Охотник выстрелил, сломал ружье, птица жива осталась, приносит он орла домой, поставил на окно, кормит хлебом. Василий идет к царю. — «Не знаю какой час попался: за три дня ходьбы не нашел ни одной птицы, ну и исходил!» — «В таком случае придется купить хотя бы на базаре. Раз нельзя, так уж нельзя».

Приходит Василий домой. В доме полы вымыты. «Кто это вымыл пол?» — говорит он, про себя. Посмотрел в печку: стоит полный горшок супу. «Кто это поставил суп?» — думает. Ждет, ждет, никто за супом не идет. «Стой, я этот суп съем». Подумав и съел суп со всем мясом. Утром встает — изба опять выметена. «Кто это мог вымести пол», — подумал опять про себя. А Василий жил прежде, как мельник, и изба была похожа на избу мельника. Живет около двух недель, поедает готовое из печки. Орел же превратился в такую красавицу, прямо удивишься. «Василий, у тебя деньги есть» — спрашивает эта девушка. «Есть около пяти рублей». — «Хватит и этого. Пойди на рынок, купи ниток разных сортов и разного цвета», — просит

эта девушка. Василий приносит нитки. Она просит стан, говоря, что будет ткать ковер. Закончила ткать ковер, ковер вышел такой прекрасный — съ ума сойдешь. «Василий, неси этот ковер на толчок, но без торгов не продавай». Василий понес ковер. Торги на ковер: «Кто выше?» Вот и устроил торги. Оценка была триста рублей. Когда довели до тысячи рублей, — сразу продал *(вот нитка пятирублевая!)*. Приходит Василий домой. «Насколько повысили?» — «На тысячу рублей». — «Очень хорошо». Теперь она стала женой.

Васильеву жену заметил генерал. Приходит к царю и заявляет: «Ой, Василия-то жена какая красивая, в нашем городе ни одной нет такой». А царь холостой. «А где он нашел такую жену?» — спрашивает он. «Не знаю где. Я не могу знать», — отвечает генерал. «А я пойду к знахарю погадать: где же он, на самом деле, нашел такую?» Царь идет к знахарю, приходит. «Погадай мне: где нашел мой охотник Василий такую жену!» — «Не только такую жену», — говорит теперь знахарь. — «В другом царстве имеется золотохвостый, золоторогий баран. Пошли его за этим бараном сроком на год. Раньше года все равно не успеет привезти, а жена останется одна. Ты ее приведешь к себе, и она будет твоей женой». Царь, возвратившись от знахаря, просит генерала позвать Василия. Приходит Василий к царю. «Василий, — приказывает царь, — в таком-то государстве имеется золотохвостый, золоторогий баран. Приведи его ко мне. Дается тебе один год сроку». — «Да разве я могу привести его?» — «Если не приведешь, — отдай жену». — «Если так, то приведу». *(Жену-то жалко)*. Приходит Василий к жене очень грустный. «О чем грустишь?» — спрашивает жена. «Царь меня посылает в другое царство». — «Зачем?» — «За золотохвостым, золоторогим бараном, а как я его найду, где он? Дал срок один год, а если не пойду, то тебя хочет взять». — «Ложись спать, — говорит жена, — утро вечера мудренее». Василий лежал, лежал со своей думой и уснул.

Вот жена выходит в полночь. «Эй, служащие, идите ко мне!» Откуда-то прибежали служащие: около пятнадцати человек. «Найдете вы золотохвостого, золоторогого барана, или нет?» — «Найдем, — кричат все, — что сейчас нужно принести?» — «Сейчас не нужно, через неделю опять я вас позову». Жена говорит Василию: «Проси у царя один миллион денег и сотню солдат. Говори, что ты один не поедешь». Василий приходит к царю. «Вот что, царь! Дай ты мне миллион денег, одну сороковую бочку вина и сто солдат». Ну царь дает все. «Завтра я уже еду». А генерал тем временем приготовил солдат и бочку с вином. Взяли деньги, идут на пристань. Садятся на корабль, забирают вино. «Ну, солдаты, наливайте и пейте теперь, сколько можете». Солдаты с похмелья спят. Он идет к матросу: «Я тебе дам тысячу рублей — только поверни назад». Матрос повернул пароход обратно. Пароход приплыл обратно к своей пристани. «Что это такое? Ведь обратно приехали», — спраши-

вают друг друга солдаты. «Вот вам по сто рублей денег, идите домой на год» *(раз посланы на год)*. Солдаты, выпив как следует вина, отправляются домой. Василий пошагал домой, приходит к жене. «Я ведь солдат распустил на год по домам» — «Как это ты сумел-то? Они ведь на год отпущены», — говорит жена. Настала ночь, Василий лег спать. В полночь жена встает и кричит своих служащих. Служащие приходят. «Ну, теперь приведите барана вашего». — «Сейчас приведем». Через каких-нибудь три часа приводят барана. Поставили его за печку. Жена и говорит: «Василий, царь уже приходил за мной. Я ему дала недельный срок, иди теперь, веди барана, скажи: «Вот барана привел тебе». Василий приходит к царю. «Ну, царь, я принес твоего барана»: А генерал был там же. «Как, то есть, барана?!» Приводит генерал барана к царю. Весь дом осветился от этого барана. «Иди, — говорит, — опять к знахарю».

Приходит царь к знахарю, рассказывает, что Василий привез барана. „Он может привести не только барана, но может найти «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума"“, — он около десяти лет будет ходить за ним». Царь приходит к себе, призывает Василия. „Вот, что, Василий, ты найди такого человека «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума"“. — «А где я его найду. Нет, такого не смогу найти!» — «Не найдешь, — приведу жену твою» *(раз он царь!)*. Опять Василий в глубоком раздумьи идет к жене. «Василий, что ты так горюешь?» — спрашивает жена.“ «Ой, бог, не знаю. Какого-то человека позвал царь, велит найти: «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума"“. — «Ложись спать, — говорит жена, — утро вечера мудренее». Василий с горя уснул, жена в полночь кличет служащих. Они приходят. она спрашивает: „Найдете ли вы «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума"“. — «Нет, нам его не найти», — отвечают они. Утром Василий проснулся, жена ему говорит: «Василий, нельзя ведь найти его». Даёт она ему клубок ниток и полотенце с тем, чтобы он никогда не утирался чужими. «Вот куда покатится этот клубок, ты следуй за ним и когда-нибудь ты меня вспомнишь». После этого, попрощавшись с женой, ушел Василий.

Клубочек все бежит, Василий шагает. Проходят таким образом большое пространство. Заходят в лес, а клубочек становится все меньше и меньше. Уже клубочек остался с луковицу. Еще размотался и кончился. Видит Василий кругом каменные стены, железные ворота, а в середине стоит большой дом, каменный дом. Василий заходит туда. Заходит в дом, там сидит старушка, бегают двое девчат. «Куда так направился сынок?» — спрашивает старушка. «Напойте, накормите, я очень голодный. Утром скажу все». Накормили, напоили, Василий лег спать. Утром две девушки встали раньше. Василий, услыхав их шаги, тоже проснулся. Одел сапоги, умыл лицо, а девушки несут ему полотенце. «Утрись этим полотенцем», — предлагают они. «У меня есть свое полотенце». «Разве красиво утираться своим поло-

тенцем? На, утрись нашим», — настаивают девушки. «Нет, своим утрусь». Василий вынимает свое полотенце из мешечка. Девушки заметили это полотенце и вырвали из рук. «Мама, зять пришел, закричали они *(вот куда попал, вон чья девушка оказалась жена-то его! Небось знала, куда посылает!)* Мать говорит девушкам: «Состряпайте хороший обед». Пока готовился обед, бабушка села рядом с Василием, начала расспрашивать: «Ну, зятек, куда ты это идешь так?» — „Вот, мамаша, послал меня царь найти «нет, нет, што, был, был, што, свата-разума», может ты найдешь. А я вот не могу найти“ *(она эта бабушка, была царицей всех зверей)*. Вот она скликала самых сильных зверей, какие только бывают на земле: львов, медведей, волков. Прибежали звери.“ «Вот что, моя семья! Не найдете ли вы такого человека «нет, нет, што, был, был, што, свата-разума»“. — «Нет, мы не можем найти». А медведь говорит: «Может найдут змеи, ящерицы, мыши?!» Старушка призывает их: «Вот вы такого человека найдете, или нет?» — «Нет мы такого человека не сможем найти». Окунь говорит: «Может лягушка найдет? Она ведь все время ходит, скачет». Призывает она лягушек. „Вот, лягушки, не можете ли вы найти такого человека «нет, нет, што, был, был, што, свата-разума»“. — „Мы не найдем, — отвечают они опять. — Может бабушка найдет. Она старая тихо скачет, отстала». Ну, бабушка приходит. „Ты, бабушка, не можешь ли найти «Нет, нет, што, был, был, што, свата-разума“. «Найду» — отвечает она *(вот старая старушка!)*. «Меня, — говорит она, — недельки две надо кормить». Кормят лягушку. «Ну, теперь Василий найдет. У меня уже сила накопилась».

Идут они с Василием. Василий не может за лягушкой угнаться. Пришли к Волге. Не на чем переправиться: ни лодки, ни плотика. Вот лягушка начала себя накачивать воздухом, уже стала величиной с копну. «Василий, садись на меня, я прыгну через Волгу», Василий сел на нее. «Смотри, держись крепче», — и лягушка прыгнула через Волгу. Вот лягушка говорит: «Иди по берегу Волги, пройдешь сажень сто, попадется маленькая избушка. Зайди в эту избушку и спрячься в подполье. Что будет дальше, — сам увидишь». Ну Василий пришел в избушку, спрятался в подполье. Около десяти часов ночи приходят три девушки: стол стоит пустой, ничегошеньки нет. Садятся трое за стол и кричат: „«Нет, нет, што, был, был, што», дай нам обед“. Вот откуда ни возьмись вышел такой молодец. Несет обед, что только пот идет. Несет вин разного сорта. Девушки опьянели, говорят молодцу: „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», дай нам музыку!“ Музыка заиграла, девушки очень усердно принялись за пляску. Поплясали, поплясали, вышли и ушли. Опять на столе ничего нет.

Вот Василий выходит из подполья, садится за стол: „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум» неси обед!“ Не знаю откуда появляется молодец и несет обед Василию. „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», садись со мной рядом обе-

дать". Сват-разум от сильных чувств похлопал по спине Василия. «Сколько народу я поил, кормил — ни один меня не сажал за стол. Приходится ходить голодным», — говорит он Василию. Пьют, едят, вдвоем. «А ну-ка, сват-разум, начни-ка музыку!» Вот они начали плясать двое. «Сват-разум, я хочу тебя увезти к себе». — «Вези», — соглашается он. Утром встают. Василий выходит в путь. «Ну, ай-да, сват-разум!» *(он ведь не видим глазами)*. Приходят к лягушке: «Ну, Василий, садись, и держись покрепче!» Василий садится, говорит: «Садись, сват-разум!» — и лягушка прыгнула через Волгу.

«Ой, бабушка, наверное ты проголодалась.» — обращается к лягушке. «Очень проголодалась», — отвечает она. Василий не знает, здесь ли сват-разум или нет. „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», дай обед, и сам садись рядом!»" Пришел ведь сват-разум-то, принес обед, вина. Пьют, едят втроем. «Сват-разум начни-ка музыку!» Музыка заиграла, начали плясать со сватом-разумом. А лягушка смотрела-смотрела, не стерпела, начала плясать. Попросили лягушку довести до своего места, она довела. «Ну теперь я остаюсь.» — «Спасибо тебе, лягушка, за то, что ты пошла. Теперь опять наверно будешь ходить голодной.» — «Я буду ходить обедать к твоей матери».

Вот Василий приходит к матери жены. «Ну, зять, нашел, что ли? Принес что ли?» — «Нашел и привел, — говорит он. — Ну, а ты ведь проголодалась?» — «Нет, я не голодная». Вот Василий садится за стол. „«Ну, мать, садись рядом! Сестры мои, садитесь и вы! «Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», тащи обед, и сам садись!»". Обед появляется, пьют-едят. «Сват-разум, начинай музыку!» Ну уж теперь заиграла музыка самая красивая. Начали опять плясать пятеро. Мать говорит Василию: «Жену-то все равно должен помянуть. Я не знаю: вот уже прошла одна неделя, как она от царя улетела, превратившись в лебедя». Попрощавшись — уходит. В пути заблудился, расхаживает около воды *(моря)*. Видит приезжает один купец на пароходе. «Увези меня на своем пароходе», — просит Василий. «Увезу», — отвечает купец. Вот поехали. Василий проголодался: „«Купец, садись со мной рядом! «Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», неси обед, и сам садись рядом!»" *(теперь уж он не отстает)*. Купец удивился — откуда вышел такой молодец. «Сват-разум, начни-ка опять свою музыку». Поплясали трое, опять не стало свата-разума. Купец говорит Василию: «Ты мне отдай его, а я тебе отдам «шылта-мылта» он все может делать; каменные дома, работать в кузнице, плотничать, и дам тебе пароход». Приезжают на пристань. — «Я — говорит принесу тебе «шылта-мылта» ты жди меня здесь!» Купец приводит, также и он невидим. «Ну, сменяем, что ли, теперь?» — «Сменяемся,» — сказал Василий *(вот дурак то!)*.

Василий едет один на пароходе и очень проголодался. «Шыльт-мыльт»! — кричит он. — Принеси обед». Вышел такой молодец. «Я не могу принести этого, а другое все могу». —

отвечает он. «Шылта-мылта» не стало опять. „«Нет, нет, што, был, был, што, сват-разум», неси обед!“ Не знаю откуда вышел, опять несет обед. „Садись сам рядом со мной, и ты «шылт-мылт» иди обедать!“ Сели трое — едят. «Как же ты пришел сват-разум?» — удивляется Василий. «Он старался, старался назвать мое имя — не мог. Вот я и прибежал сюда.»

Приезжает в свой город на широкую площадь. „«Шылт-мылт», построй на этом месте большую гостиницу!»“ — приказывает Василий *(вот что теперь открывает!)*. Прошло только три дня — уже построил *(скоро построил, помогли наверно)*. Повесил вывеску: «Эта гостиница Василия охотника». Раз своя — пускал очень дешево. Народ прямо валит туда. Розыскал он всю сотню солдат до одного, они говорят ему: «За то, что мы ему привели барана, он нам сделал прибавку». Во время прогулки как-то генерал увидел эту вывеску и прямо пошел к царю. «Вот что, царь! Василий, построил большую гостиницу. Народу там собирается — точно мошкара (тына убра вэлэ) и все пьяные, давай сходим туда». Приходит царь к Василию, спрашивает: «Ну что, нашел Свата разума?» — «Собери всех солдат в своем городе, — тогда скажу».

Царь собрал солдат. Он вышел на улицу и подумал. «Ох, я ведь позабыл помянуть жену, что же будет теперь?» — «Как ты приехал, я пришла, — говорит она, — а ты не поминаешь — позабыл?» Вот царь спрашивает Василия: «Где же Сват-разум?» — «Не знаю, что будет делать, — говорит жена. — Ты спроси солдат: «кого они поставят царем». Вот Василий и спрашивает: «Если меня любите, то поставьте меня царем. Если не любите, то сейчас же отсеките. Если же не любите царя, то расстреляйте его сейчас же вместе с генералом.» Оказывается и царь и генерал очень плохо относились к солдатам. Расстреляли их обоих. Василия сделали царем. Отпустил он этих сто солдат по домам. Вот теперь у Василия есть «Сват-разум» и «Шылт-мылт». Живет очень хорошо.

Сказка туда — я сюда.

9. МАРИЯ МАРИЕВНА

У царя были три дочери и один сын. «Ну, сыночек, я теперь уже скоро буду умирать. Какие бы женихи не пришли к твоим сестрам, отдай их». Сказав эти слова царь долго не жил — умер. Сидят они как-то вчетвером, играют в карты. В это время прилетел ворон, стукнулся об землю, превратился в человека и говорит: «Здравствуй Иван-царевич!» — «Здравствуй, молодец!» — «Что говорил отец, знаешь?» — «Которое знаю, а которое не знаю». Ворон сказал: «Унесу одну твою сестру», — и унес ее. Теперь они остались только трое. Все только играют в карты. Опять прилетает коршун, стукается об землю, превращается в человека и говорит *(это сказка, ничего ведь хорошая?)*: «Здравствуй, Иван-царевич!» — «Здравствуй, молодец!» «Ну,

Иван-царевич, что отец говорил, помнишь?» — «Которое помню, которое нет». Коршун унес еще одну сестру. Опять летит сокол-ястреб. Вот опять стукнулся о землю, превратился в человека. «Здравствуй Иван-царевич!» — «Здравствуй, молодец!» — «Что говорил отец знаешь?» — «Которое знаю, которое нет». Теперь всех сестер у него потаскали, ни одной не осталось. Ивану-царевичу ни в карты играть нельзя, ни что... остался один. Что делать, куда деться — не знает. «Стой, — подумал он, — посмотрю-ка я что есть в отцовском сундуке?» Искал, искал, нашел карточку: очень красивая девушка; (оказывается отец его снял невесту для Иван-царевича). Имя этой девушки «Мария Мариевна». «Ну, я поеду искать эту девушку, — подумал он. — Где же это она находится?» Очень она ему понравилась. У Ивана-царевича был красный мерин. Оседлал он мерина, поехал.

Едет полем, едет лесом, опять выходит в поле, доехал до одной маленькой избушки. Напротив этого маленького домика стояли три дуба. Привязывает лошадь к дубу, входит в избу. Вошел в избу — там сидит старшая сестра. «Ой, идет браток, как меня розыскал?» А Иван-царевич даже не знал, где его сестра. «Спрячь свою лошадь, — говорит сестра. Иван-царевич спрятал лошадь, пошел к сестре. «Ну, браток, я соберу поесть», — кормит братика. «Сестра, — спрашивает он, — зачем эти дубы здесь стоят?» — «Вот зачем! Прилетит твой зять, сядет на на эти дубы. Как сядет на них, дубы уйдут в землю *(вдавливаются в землю)*, а он превратится в человека и заходит в дом». Вот уже летит ворон, садится на дубы, они все уходят в землю, а он превратился в человека и заходит. «Ой, жена, что это больно уж русским духом пахнет?» — «Сам гулял среди русского народа, потому пахнет русским духом», — отвечает жена. Поит, кормит мужа, потом спрашивает. «Вот если бы у нас был сейчас Иван-царевич, чтобы сделал?» — «Чтобы сделал? — поздоровались бы, поели-попили бы и только!» — «А он ведь здесь». — «Если здесь, — давай его сюда. Я ведь говорил, что пахнет русским духом». Вот он здоровается с Иван-царевичем. Так потряхнул руку, что чуть ключицу не повредил *(вот какой сильный)*. Вот они пьют, едят целую неделю. Иван-царевич живет у них. «Иван-царевич, куда ты сейчас направился?» — «Я иду к Марии Мариевне. Отец оставил ее портрет. «Итти-то идешь, но все равно ты ее не получишь». — «Пойду хотя посмотрю на нее, какова она, вот... Я оставлю тебе перстень. Как перстень почернеет — ты тогда меня иди искать.» Отдает перстень. — «А я тебе отдам полотенце. Ты с ним никогда не будешь голодным» *(видно как сват-разум)*. После этого попрощались, и ушел.

Ехал опять, приехал к такой же маленькой избушке. Там стоят шесть дубов. Опять привязал лошадь к дубу и заходит в избушку. «Ой, браток идет!» — вскрикивает сестра. «Пришел», — отвечает он. Попоила, покормила, опять прячет. «Сестра», —

спрашивает он, — зачем стоят эти дубы?» — «Вот как прилетит твой зять, сядет на эти дубы, они все уйдут под землю, а он превратится в человека и тогда заходит». Прилетает коршун, садится на дубы, они спускаются, он же превратился в человека и заходит. «Ой, что это очень русским духом пахнет?» — «Наверное, ты ходил среди русского народа, вот тебе и пахнет», — отвечает жена *(это нужно все время записывать!)*. Ну, она кормит, поит своего мужа. Когда насытила, тогда спрашивает: «Вот что, муж! Если бы здесь был Иван-царевич, то чтобы с ним сделал?» — «Поздоровались бы, попили, поели бы», — отвечает муж. «А он ведь здесь». — «Я ведь говорил, что русским духом пахнет. Если он здесь, то веди его сюда». Иван-царевич вышел, поздоровались. Зять чуть-чуть руку не оторвал, — вот какой сильный был. Ну, в течение одной недели пили, ели. Он спрашивает: «Ну, Иван-царевич, куда это ты путь держишь?» — «Я иду к Марии Мариевне. Отец оставил мне ее карточку.» — Итти-то иди, но все равно ее не получишь». — «Схожу, хоть посмотрю на нее, что она из себя представляет. А тебе оставлю свой перстень, если он начнет чернеть, то ты меня ищи». Отдает перстень. «А я тебе дам скатерть. С этой скатертью ты никогда не останешься голодным». После этого Иван-царевич прощается и уходит.

Теперь уже прошел очень большой путь. Видит: стоят девять дубов около маленькой избушки. Ставит лошадь красного-то мерина, заходит в избу. Сидит там младшая сестра. «Ой, — вскрикивает, — идет мой братишка! Как ты нашел?» — «Да, пришел», — отвечает он. «Возьми свою лошадь от дуба, куда-нибудь спрячь!» — «Сестра я не буду прятать лошадь, — отвечает он, — а куда-нибудь привяжу к сторонке». Вот сестра его поит и кормит. «Сестра, скажи для чего здесь стоят девять дубов?» — спрашивает брат. «Придет твой зять, сядет на эти дубы, дубы провалятся в землю, а он, превратившись в человека, зайдет в дом. Ну, браток, я тебя теперь спрячу, а то не известно что может сделать твой зять», — говорит ему сестра. «Нет, я не буду прятаться. Я буду смотреть, как будут проваливаться дубы, когда он сядет». Вот Иван-царевич дожидается своего зятя. Ну, теперь летит его зять, садится на дубы, они спускаются в землю, он же превращается в человека и заходит. Увидев Ивана-царевича очень обрадовался, потом с любовью поздоровался и вырвал ему руку. Но, у него свое лекарство имеется, — как мазнул, рука сразу срослась. «Ну, жена, собирай теперь есть-пить!» Что она ни несет на стол, прямо-таки удивишься. Вот они пьют, едят и пиво-то и вино-то, всякой всячины. Теперь уже Иван-царевич прожил у них две недели. «Ну, Иван-царевич, — спрашивает зять, — куда ты путь держишь?» *(Зять знает все это)* — «Я иду к Марии Мариевне, Отец оставил ее портрет, — говорит шурин. «Итти-то иди, но все равно ты ее не сможешь взять,» говорит ему зять. «Я сколько ни пытался взять ее, и то не смог, и другие твои зятья про-

бовали и все напрасно». — «А пойду, — говорит он, — хоть посмотрю, какова она есть?» — «Вот, зять, я тебе оставлю перстень, — как он почернеет ищи меня». — «Хорошо, буду искать», — отвечает зять. «И я тоже дам тебе перстень». Отдает ему свой перстень. «Ну, Иван-царевич, еще мы с тобой должны поговорить... Сейчас она полтораста женихов в тюрьму заключила. Попали туда всякие люди: сыновья генералов, сыновья купцов, помещиков и много других. Как доедешь, — говорит ему, — и тебя запрут туда же, заберет твою лошадь. А Мария Мариевна действительно прекрасная! Все ее женихи валяются там голодные. Вот знаешь как месят свиньям — таким она кормит их, а мука, как мякина. Вот сперва начни кормить солдат с женихами, не отдавай это полотенце Марии Мариевне. Иногда придется и отдать, тогда начни со скатеркой. Не отдавай эту скатерку Марье Мариевне. Иногда придется и отдать, а ты начни со своим перстеньком *(оказывается этот зять все уже знал)*. Ну, а теперь досвидания». Попрощавшись уходит Иван-царевич.

Не знаю сколько проехал, наконец доехал. Привязывает лошадь, заходит в дом. «Ой, опять идет жених!» говорит Мария Мариевна. «Ты откуда пришел, что за человек такой?» — «Вот я сын такого-то царя, Иван-царевич. Отец оставил твою карточку. «Принес эту карточку, нет?» — «Принес,» — и отдает Марии Мариевне *(даже своему зятю не говорил о том, что с собой несет карточку девушки)*. Берет Ивана-царевича за руки и запирает в тюрьму. Также запирает в хлев для себя его лошадь. Только заперли Ивана-царевича, а женихи очень проголодались. Он вынул полотенце, появились: обед и пиво и вино, всякая всячина вместе, а потом и музыка заиграла. Вот женихи пляшут, поют, пьют, едят, и говорят между собой: «Ну, и дал нам бог Ивана-царевича!» Утром стряпка принесла месиво в корыте, начала подавать корыто Ивану-царевичу, а Иван-царевич как оттолкнет обратно — чуточку не попало стряпке. А музыка все играет, просто прелесть как, все поют и пляшут. Стряпка простояла целые сутки, все наблюдала. Очень красиво. Через сутки приходит к Марии Мариевне. «А где ты до сих пор была? Что так долго ходила?» — «Вот что, Мария Мариевна! — отвечает стряпка. — В нашей казарме такая красивая музыка играет... пляшут, поют, наши-то женихи. Мне чуть-чуть не попало корыто в лоб — так сильно оттолкнул его Иван-царевич». Мария Мариевна приказывает: «Приведи сюда Ивана-царевича!» Стряпка приходит: «Иван-царевич, тебя просит Мария Мариевна!» Вот Иван-царевич вышел из казармы, а из окон кричат ему женихи: «Иван-царевич, как-нибудь не отдавай ты свое полотенце». Иван-царевич приходит к Марии Мариевне, она задает вопрос. «Ты чем же так можешь?» — «У меня есть полотенце». — «Ты мне отдай его!» — «Дать-то дам, но ты дай мне потрогать твои груди» *(вот куда двигается)*. А Мария Мариевна думает: «А что, разве убудет от одного

прикосновения?» Позволяет. Он отдает полотенце. Опять запирает его.

Вот он начал со скатертью, в три раза лучше питье и явства, а музыка играет еще лучше. Опять стряпка несет свое месиво, теперь уже стала в сторонку. Иван-царевич оттолкнул далеко корыто. Три дня плясала стряпка с трезвой головой. Вернулась домой: «Ну, — спрашивает Мария Мариевна, — что это ты очень долго ходила, трое суток пропадала?» — «Трое суток не переставая плясала, — отвечает она. — Там поют, пляшут, музыка прекрасная». — «Приведи Ивана-царевича!» — приказывает она стряпке. Приходит Иван-царевич. «Ну, Иван-царевич, как это ты так можешь?» — «У меня есть особая скатерть». — Отдай ее мне!» — «Отдать — отдам, — говорит, — если дашь дотронуться до волос твоих»... Мария Мариевна в изумлении думает: «А что! от того, что дотронется, разве убудет?» и позволяет. Иван-царевич отдает ей скатерть. Его опять уводят и запирают.

Вот он уже стал действовать своим перстнем, теперь в семь раз прекраснее. Стряпка опять несет свое месиво. Теперь уже не подает в окно, а сразу пляшет. Проплясала целую неделю. Опять возвращается обратно. «Что долго пробыла спрашивает Мария Мариевна?» — «Всю неделю плясала, в семь раз лучше прежнего!» Опять Мария Мариевна удивляется, приказывает: «Приведи Ивана-царевича!» Идет Иван-царевич. А из окошка женихи кричат: «Иван-царевич, пожалуйста, не отдавай уж теперь свой перстень!» — «Чем же теперь-то ты можешь?» — спрашивает Мария Мариевна. «Перстеньком», — отвечает он. «Ты мне отдай его!» — «Дать-то дам, — говорит он, — ты ложись на кровать, а я повисну над тобой на лямке и буду стремиться поцеловать тебя». А Мария Мариевна в раздумьи: «От того, что он попытается поцеловать меня — ничего не будет, лягу», решила она. Мария Мариевна легла, а он повис на лямке, так что можно лишь только кружиться вокруг ее лица. Иван-царевич своей ловкостью все же сумел поцеловать ее. После этого она говорит: «Ну, Иван-царевич, уж какая я хитрая, а ты оказывается был еще хитрее!»

Вот они живут около недели вместе очень хорошо. А она, Мария-то Мариевна оказывается была царица и говорит: «Ну, Иван-царевич, я поеду на войну для наблюдения. Нельзя не ехать, а ты останься здесь вместо меня. Вот я тебе оставлю одну тысячу денег, — говорит. — Отдай женихам: пусть выпьют с похмелья, выпусти всех на волю». И ключей оставляет ему очень много. «При помощи этих ключей ты можешь ходить и рассматривать все, что у меня есть». Сказала и отдельно передает двенадцать ключей. «А этими ключами ничего не открывай!» Мария Мариевна уехала на войну, а Иван-царевич выпускает женихов. Они поблагодарили Ивана-царевича и уходят. Вот он теперь всюду ходит, все рассматривает, открывая одно за другим. Чего только нет у нее. Все есть. «А зачем же не велела открывать этими двенадцатью ключами, — думает. —

А что будет? — открою!» Вот он открывает двери, поднимается кверху. Поднялся, видит сидит двенадцатиглавый дракон, закованный в цепи. Вот какая хитрая оказалась: даже двенадцатиглавого дракона смогла заковать *(пиши)*. В комоде стоит бутылка зеленой воды. Двенадцатиглавый дракон спрашивает Ивана-царевича: «Иван-царевич, подай мне эту зеленую воду. Если дашь, я тебе спасу три твоих жизни» (века). А Иван-царевич подумал: «А что, хорошо ведь, если я проживу три века», и подал воду дракону. Выпив эту воду дракон как напыжится — все цепи разорвал. А эта вода оказывается была придающей силу. Выходит из окошка и прямо летит на войну. Хватает Марию Мариевну и прямо к себе *(вот!)*. Иван-царевич остается непричем. Ну, Иван-царевич ждет Марию Мариевну. Ждет день, ждет два, ждет неделю — нету. Солдаты, возвратились с войны, говорят, что Марию Мариевну увез дракон. Запирает все кругом Иван-царевич, берет красного мерина и едет к дракону.

Ехал-ехал, доехал, а дракон от того, что долго в цепях просидел, ходил угощаться в гостиницу, Иван-царевич приходит, берет Марию Мариевну — вдвоем едут домой. Вот приходит домой дракон и спрашивает: «Куда ушла моя Мария Мариевна?» — «Увез Иван-царевич» — отвечают ему. «Подите, спросите у доброго коня, когда нам ехать ему вслед?» Идут служащие, спрашивают: «Когда ехать в догонку Ивану-царевичу?» Конь отвечает: «Посейте рожь, созреет; ее выжните, смолотите, смелите и сделайте солод, сварите пиво, выпьем пиво и поедем *(через год)*. Вот посеяли рожь. Поспела, сжали, смолотили, смололи, наварили пиво, попили, потом поехали. Вот змей берет доброго коня, садится верхом и поехал вслед. Иван-царевич не доехал еще даже до полпути, как дракон догнал его. «Вот, Иван-царевич, я уже спас один твой век» *(вот уж век!)*. Берет Марию Мариевну, едет обратно. Иван-царевич поехал за ним.

Приезжает Иван-царевич, а змей опять ушел пьянствовать. Берет Иван-царевич Марию Мариевну и увозит. Приходит домой змей, спрашивает: «Куда ушла моя Мария Мариевна?» — «Иван-царевич увез», — отвечают ему. «Сходи, спроси доброго коня, когда скажет ехать в догонку?» Вот идет служащий к доброму коню и спрашивает от него: «Когда можно ехать за Иваном-царевичем?» — «Посейте пшеницу, выжните, испеките пшеничный хлеб, тогда поедем.» Посеяли пшеницу созрела, сжали, вымолотили, напекли хлеба, поели, потом поехали. Теперь уж проехал половину пути, полгода ехал. «Вот Иван-царевич, — говорит дракон, — я уже два твоих века спас. Больше не приезжай». А Ивану-царевичу не терпится *(душа не терпит)* сильно полюбил. Опять поехал дракону вслед.

Доезжает, забирает Марию Мариевну и увозит. Приходит домой змей, спрашивает: «Куда опять ушла Мария Мариевна?» — «Увез Иван-царевич». — «Идите спросите доброго коня, когда ехать?» Служащий идет к доброму коню, спрашивает: «Когда

ехать вслед Ивану-царевичу». — «Через три месяца поедем», — отвечает добрый конь. Проходят три месяца, поели, попили вместе с лошадью, опять поехали. Теперь уж проехали много больше чем половину дороги. «Ну, Иван-царевич, теперь спас три твоих века, теперь уж не приходи: все равно убью», — говорит дракон. А у Ивана-царевича душа не терпит. «Нет, еще поеду», — подумал он. Иван-царевич опять поехал... Приехал. Берет Марию Мариевну, опять увозит *(сколько нашел работы своим открыванием)*. Вот приходит змей, спрашивает служащих: «Куда ушла моя Мария Мариевна?» — «Увез Иван-царевич». «Подите, спросите доброго коня, когда скажет ехать?». Служащий спрашивает коня: «Когда ехать вслед за Иван-царевичем?» — «Через месяц, отвечает конь — очень шибко едут». Едут через месяц. «Ну, Иван-царевич, теперь уж я тебя убью. Ну, и изрубил его вместе с красным мерином. *(Оказывается Иван-царевич доехал было до моря)*. Кладет он его в бочку и пускает в море. Змей опять увез Марию Мариевну. Мария Мариевна сильно горюет, даже ума лишилась — настолько горюет.

Ворон посмотрел на перстень — он почернел. «Ну теперь нашел своей голове конец Иван-царевич, — подумал он, — а надо ведь итти к коршуну, к братишке». Прилетает к коршуну, говорит: «Умер ведь наш Иван-царевич». — «Я тоже посмотрел на перстень — почернел. Я ждал тебя», — отвечает коршун. «Ну, ведь наш братишка ждет нас». Говорят про ястреба-то: «Давай, пойдем к нему». Приходят к ястребу. «Ну, браток, умер ведь наш Иван-царевич.» — «Да, умер, — отвечает он, — у меня тоже перстень почернел». И дальше им говорит ястреб: «Сумел завоевать ее, а жить не сумел. Мария Мариевна наказала не открывать двенадцать замков, а он, дурак, открыл. Не надо бы подавать зеленую-то воду хоть. Вот он теперь три века спас ему *(ястреб все знает)*. — Ну, вы ищите внизу, а я вверху летать буду. Пойдем по берегу моря».

Ворон с коршуном внизу ищут, в лесу, а ястреб вверху летает. Вот ястреб искал-искал, нашел. Стоит на одной горке бочка. «Идите сюда, я нашел: не знаю Иван-царевич, — не знаю, что?» — кричит им ястреб. Вскоре прилетели братья. Вот ястреб берет бочку и несет на то место, где был убит Иван-царевич, и бросает ее сверху, приговаривая: «Если там Иван-царевич, пусть бочка разобьется. Если же нет — останется целая». Бочка упала и разбилась. Ну принялись они соединять отрубленные части Ивана-царевича. Уже сделали похожим на человека. Ястреб вынул из кармана пузырек с мертвой водой, помазал, он стал точь в точь как мертвый. Вынимает ворон из своего кармана оживляющую воду, помазал Ивана-царевича, он встал. «Ой, очень долго спал!» — «Много спал. Тебя же твой двенадцатиголовый дракон изрубил, мы тебя разыскали», — говорят ему. «А верно ведь, изрубил, а где мой красный мерин?» — «Его тоже изрубил, его вороны исклевали».

«Ну... я поеду еще один раз, и вам придется опять оживлять меня» (*настолько душа его прилипла к ней*). «Вот что, Иван-царевич, — обращается к нему ястреб. — Где он нашел своего доброго коня — пусть об этом спросит Мария Мариевна. Пусть скажет, что, мол, ты уж теперь убил Ивана-царевича, а я буду теперь твоя. Где, мол, ты достал его?»

«Если ты пойдешь пешком, то тебе придется итти целых десять лет. Вот я тебя, — предлагает он, — увезу (на себе). Только лишь двадцать верст не донесу. Донес бы до него, он может учуять мой запах и убить» (а зятья оказались очень хорошими потому, что, когда выдавал сестер, так не заставлял долго упрашивать их).

Вот и понес его ястреб. Только двадцати верст не донес, спустил его с себя. Приходит к Марии Мариевне, она его поит, кормит и прячет. Вот приходит дракон, и Мария Мариевна начала говорить с ним. «Где ты достал доброго коня? Я теперь уж буду твоя, Ивана-царевича убил...» — «Я, — отвечает он, — из-за этого доброго коня три года пастушил. Вот отсюда наверное будет верст двести, имеется море, а перейти через это море невозможно. У меня в сундуке есть скатерка, как этой скатеркой махнешь — сразу сделается мост. Вот я через этот мост и перешел. Пройдешь около десяти верст — там живет Яга-ягница. У нее триста лошадей. Вот я пас этих лошадей в течение трех лет». Сказав это, змей опять ушел.

Она вынимает из сундука скатерку, призывает Ивана-царевича и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, придется тебе три года пастушить». — «А, буду пастушить!» — отвечает. «Я тебе дам эту скатерку, ты иди». — «Зачем она мне?» — спрашивает он. «Для перехода через море. Махнешь ею, сделается мост, и ты перейдешь».

Выходит Иван-царевич и двести верст шагает пешком. Сделался мост, переходит и идет к этой старушке, к Яге-ягнице. А старушка очень злая. Приходит туда Иван-царевич, приветствует ее. «Здравствуй, бабушка». — «Здравствуй», — отвечает она. «Что, разве ты живешь одна?» — «Нет, у меня есть еще двое дочерей, они лошадей караулят, пастушат». — «Может меня наймете пастушить?» — «Постой, вот придут девчата, что они скажут». Вот пригнали девчата триста лошадей и заходят к матери. А там сидит Иван-царевич. Девушки идут в свою комнатку — призывают мать. «Мама, поди-ка сюда! — шопотком говорят они. — Откуда такой красавец пришел?» — «Он пришел наниматься в пастухи». — «Мама, давай мы его наймем. Паслипасли, нам уже надоело». Девушки выходят из комнаты. «Наймешься что ли в пастухи?» — спрашивают они. «Я за этим и пришел», — отвечает Иван-царевич. «Ну, — говорят они, — завтра ты погонишь лошадей», а об оплате не договариваются.

Иван-царевич пастушит: год прошел, два прошло, прошло два с половиной года. Он очень прилежно пастушит, и девчатам стало жаль его, очень пожалели его. «Мама, мы теперь сами

будем пасти. Пусть теперь идет домой к себе», потом девчата обращаются к нему: «Ну, Иван-царевич, что возьмешь за работу?» — «Какого доброго коня дали двенадцатиголовому змею, и я прошу такого же». — «Дадим тебе, — говорит мать. — Вот тебе узда, как пройдешь три версты, — там стоят одиннадцать дубов и один пенек. Отсчитай четыре дуба, а пятого позови к себе, он тебя очень ждет (*Яга-ягинца все знает*). Этот сильнее всех, у нас останется еще десять, нам хватит». Иван-царевич идет с уздой, приходит, отсчитывает четыре дуба, на пятом кричит: «Выйди, добрый конь! Я, Иван-царевич, пришел». Добрый конь очень обрадован: «Я, мол, в царские руки попал». — «Ну, Иван-царевич, — говорит он, — садись на меня». Сел. «Куда поедем? Сверху поехать, он может учуять по воздуху. Если по земле поедем, то земля будет сильно содрогаться» (*оказывается бессильный!*). Согласились ехать тихонько по земле. Доехали до моря. Иван-царевич машет скатеркой, тихонько переходят.

Вот подоспели к Марии Мариевне, забрали ее и поехали. А он, добрый конь, едет тихо. Приходит змей, опять Марии Мариевны нету. «Куда ушла Мария Мариевна?» — «Увез Иван-царевич», — отвечают служащие. — «Иди, спроси доброго коня, когда ехать». — «Попьем, поедим и поедем, — ответил конь. — Теперь — брат мой. Не знаю, сможем, не знаю — нет». Вот он догоняет их. «Ты у кого служишь, — спрашивает старший брат?» — «У чорта». — «А я служу у царя. Вот, если хочешь жить, подними его вверх, стряхни и изруби». Вот таким образом он убил змея. — «Теперь ай-да, поедем!» — говорит добрый конь. Мария Мариевна садится на драконова доброго коня, а Иван-царевич на своего. «Ну, давай, теперь поедем. Кто может сильнее». Младший брат все отстает и отстает. Иван-царевич за три сутки раньше доехал. Вот и Мария Мариевна приезжает.

Эти места, этот город очень понравились Марии Мариевне. «Поезжай теперь ко мне, — говорит Мария Мариевна, — вези сюда свое полотенце, скатерть, перстень из сундука!» — «Я много горевала из-за этих вещей». — «Призови своих зятьев, сестер для свадьбы!»

Иван-царевич по пути же доезжает до ворона и заходит к ним. Как раз сидит зять. «Ох, — говорит он, — идет Иван-царевич. Наверное приехал звать меня на свадьбу!» Очень обрадован. «Да, иду звать вас! — говорит Иван-царевич. — А пока еду еще за полотенцем, скатеркой и перстнем. На обратном пути еще заеду — приходите все!» Уехал к другому зятю, заехал к третьему. Все порассказал, а зять ястреб ему говорит: «Ну, спасибо, Иван-царевич, что пастушил. Все-таки вы уж его теперь убили, а мы все жили боялись его. Ну, а теперь съезди и возьми перстень, полотенце, скатерть». Вот Иван-царевич едет опять. Приезжает, заходит в дом, открывает сундук, забирает все. Сколько времени он ездил, за это время ни одного замка нет ломанного, все цело. Запирает так же и едет к зятю. «Ну, зять и сестра, одевайтесь, поедем!» Едут к коршуну. Приезжают,

а коршун ждет не дождется. Заходят в избу. «Ну, зять и сестра, одевайтесь, поедем играть свадьбу». Едут к ворону. Приезжают. Ястреб начал говорить. «Вот брат, — говорит он, — спасибо Ивану-царевичу за ходьбу в пастухах». — «Очень большое спасибо», — говорят остальные братья. Ястреб говорит: «Теперь сильнее нас нет никого на свете». И они говорят, что мы теперь никого не боимся. Выезжают. Приезжают. Мария Мариевна вышла встретить зятей, сестер.

Ну, собрал теперь гостей Иван-царевич. В течение целого месяца играли свадьбу.

Сказка туда — я сюда.

10. ИВАН ДУРАК

Вот опять у одного царя было три сына. Посеял он очень много пшеницы. «Сынишки, кто же у меня поедает пшеницу?» — говорит однажды детям. Посылает старшего сына, говорит, что он должен покараулить сегодня. Сын послушался, но не караулит, а пошел к милой. Утром смочил самого себя, заходит в дом к отцу и говорит: «Я не видел никого». Так же поступил средний сын. «Ну, Иван, — говорит отец, — теперь придется итти тебе» (*он не очень дурак*). Иван берет аркан и уходит. Вот он ходит вокруг полосы. После полуночи, время, наверно, так с час было, вдруг кругом все осветилось: лошадь с блестящей, как белая чешуя, шерстью. Тихонько подкрался Иван-дурак, кинул на шею аркан и забрал ее. Ведет лошадь, строит ей стойло и ставит ее туда. «Ну, сыночек, — спрашивает дома отец, — видел ли кто поедает?» — «Папа, — говорит, — я поймал. Сходи, посмотри: поставил в стойло (*вроде балагана*), но только не говори братьям. Я сегодня опять пойду».

Опять в час ночи спускается теперь с серебрянной шерстью. Мальчик опять подходит и забирает эту лошадь. Опять ставит в свой *(вроде)* балаган. Приходит к отцу. «Ну, сыночек, видел?» — «Папа, сегодня опять поймал вора, сходи посмотри!» — «Ну, сегодня ночью иди опять!» — советует отец.

Вот он опять идет. Опять в час спускается лошадь-то. Иван тихонько крадется. Эту он сразу за уши поймал. Сама она с аршин длины, с двумя спинными хребтами, а уши в поларшина длиной. Опять ведет в свой балаган. После этого Иван каждый день ходил кормить их. А братья заметили и говорят между собой: «Куда это ходит наш Иван? Давай пойдем за ним, подкараулим!»

Иван, подав лошадям корму, выходит оттуда и идет домой. Пришли братья в балаган, посмотрели: стоит красивая пара лошадей. «Давай, — говорят, — украдем этих лошадей и на царском базаре продадим». Украли лошадей, братья и поехали. Приходит Иван к лошадям, а лошадей нет. Говорит сам себе: «Кто же мог увезти моих лошадей». А Конек-горбунок говорит человеческим голосом: «Иван, твоих лошадей увели твои братья про-

давать на царском базаре. Садись на меня, живо мы их догоним около города». Сел на него Иван и поехал. Эта лошадь на аршин глубиной вдавливает землю, вот какой могучий!

Ехали, настал вечер, наступила ночь. Что то блестит вдали будто огонек. «Давай поедем к этому огню», — говорит Иван. А лошадь отвечает: «Не нужно туда ехать». — «Нет, поедем». — «Ну что же, давай поедем», — согласился конь. Подъезжают к этому огню — лежит там перышко жар-птицы (*перышко так освещало*). «Я возьму это перышко», — говорит Иван. «Нет, не бери, — советует конь. — Если возьмешь, — с тобой случится большая беда». — «А, возьму!» — отвечает он. Берет, кладет в шапку и надевает шапку на голову. Поехали дальше. На рассвете догнали братьев. А Иван *(сильный, могучий богатырь)*: «Братья, куда это вы ведете моих лошадей, зачем украли?» Братья испугались, поскорее убежали. Вот теперь Конек-горбунок учит Ивана, что делать с лошадями: «Проси за этих двух лошадей десять фунтов золота. Кроме царя никто не в состоянии купить, он купит». Иван привел лошадей на базар, народ боится близко подходить к лошадям. Извещают царя. Царь приходит смотреть лошадей. «Десять фунтов золота за двух лошадей. Если купишь двух этих, то третью отдам даром», — говорит Иван. Царь увел всех трех.

У царя были два конюха, он поручает им: «Смотрите за этими лошадьми, кормите как следует». А лошади не подпускают к себе ни одного конюха. Пошли они жаловаться царю. «Нас не подпускают. Вели привести его самого. Наверное еще недалеко уехал». Царь им говорит: «Запрягите мою лошадь, гоните за ним, догоните его». Вот конюхи запрягли лошадей и поехали. Догнали, привели Ивана. «Ну, Иван, будь ты своим лошадям сам же конюхом», — говорит царь. «Хорошо», — отвечает он. Он постоянно на сеновале в сене спал. В одну ночь как-то снял шапку. Вдруг весь сеновал осветился. А конюхи, увидев это, пошли сразу к царю докладывать: «Вот что, царь, твой Иван хвастается, что он может поймать жар-птицу». — «Приведите его!» Иван приходит к царю. «Ну, Иван, говорят, ты можешь поймать жар-птицу?» — спрашивает царь. «Поймать жар-птицу? Я не ястреб», — отвечает он. «Если не сможешь поймать, то я тебя убью!» (*а убийства он очень боится*). «Если так, то смогу!» — отвечает Иван. Идет он к своим лошадям: «Ой, беда!, — говорит, — что я теперь поделаю?!» А Конек-горбунок говорит Ивану: «Я предупреждал тебя: не бери то перышко, не то будет беда. Но это не беда — беда еще потом придет». Настал вечер. «Ну, Иван, давай теперь поедем», — говорит Конек-горбунок. Везет туда, где нашли перышко. А там стоит яблоня с яблоками. «Вот, залезай сюда, — предлагает Конек-горбунок. — Она будет сверху поедать и спускаться вниз. Смотри только не лови за хвост — хвост выдернется, и она может улететь, а старайся поймать за ноги». Вот Иван залез и сел на сучек. Конек-горбунок спрятался. В полночь прилетает жар-птица. Кругом стало светло. Садится

на яблоню. Сверху, пожирая яблоки, спускается вниз: Ивана не видит. Иван схватил ее за ноги. Выходит лошадь, и поехали. Приезжают к царю. Заходит Иван в дом и подает жар-птицу царю.

Однажды ночью конюхи видели, как Иван принес жар-птицу и еще больше стали сердиться. Опять идут к царю, а царь — жених. «Вот что, царь, твой Иван говорит такие слова: я, мол, царю могу достать царевну (царскую дочь)». — «Приведите Ивана опять сюда!» Спрашивает царь Ивана: «Можешь ты такую-то девушку от царя привезти?» — «Да разве я смогу! Я ведь не змей, только змей может унести». — «Если не сможешь, — убью тебя!» Иван опять идет к своему Коньку-горбунку и говорит: «Ой, беда!» — «Я тебе сказал, не бери перышко. Ну, ничего! Это не беда, а беда еще впереди», — говорит Конек-горбунок. Утром Иван, выспавшись, идет к лошади. «Ну, Иван, давай теперь поедем», — говорит Конек-горбунок. Едут. Приезжают в город. «Ну, Иван, теперь следи: царская девушка с двумя подругами выйдет в такой-то сад погулять». Сказав это, Конек-горбунок прячется, не доходя только пяти саженей. «Ты захвати ту, которая будет в середине, и притащи ко мне. Она по пути бросила свой именной перстень в озеро (*позабыл, проклятый*). Вот он приводит девушку к царю и говорит: «Ну, теперь привез твою девушку!» И добавил про себя: «Ну и царь, полюбил же эту девицу, а мне ее и за пятак не надо!» (*за пятак не нужно, вот!!*). Ну, царь теперь предлагает девушке обвенчаться. «Когда же я обвенчаюсь с тобой, если у тебя такой хитрый конюх. Обвенчаюсь, — говорит девушка, — пусть он принесет из церкви моего отца венец». (*и чаша причащальная, и венец — все там*). Царь просит привести Ивана. Иван приходит. «Иван, — говорит он, — принеси из церкви царя венец и чашу для причастия!» — «Я ведь не вор», — отвечает он. «А то, — говорит царь, — я тебя убью». — «Если так, то смогу принести». Опять идет к своей лошади. «Ой, беда!» — «Это что за беда, еще не такая беда будет», — отвечает ему. «Вот рассветет, тогда поедем». Вот уже рассвело, они поехали, говоря, что нужно прибыть к обедне.

Ну, приехали теперь. Спрашивает Иван Конька-горбунка: «Как же мне взять их, они служат?!» — «Повесь две котомки, притворись нищим». Стал нищим, вошел теперь в церковь, а эта-то лошадь превратилась в такого красивого, золотохвостого и золотогривого коня и принялась ходить вокруг церкви. Царь увидел эту лошадь, весь народ выбежал из церкви — никого не осталось. В это время Иван все сложил в две котомки. Солдаты за лошадью гоняются. Вышел Иван и пошагал по той дороге, по которой пришел. Лошадь догнала Ивана. «Ну, Иван, садись на меня». Поехали дальше. Приезжают к царю. «На, бери, царь, я привез тебе венец», — говорит Иван. «Хорошо, если привез, спасибо!» Этот царь все о свадьбе беспокоится, а девушка говорит: «Я обвенчаюсь в том случае, если твой конюх сможет достать из такого-то озера мое именное кольцо» (*ей хочется выйти замуж за конюха: она его любит за то, что он все может*).

Призывает царь Ивана и говорит: «Иван! Достань кольцо из такого-то озера». — «Да ведь я туда не залезу, я ведь не чорт!» — отвечает Иван. «А иначе я тебя убью». — «Если так, то смогу! Привезу еще раз». Приходит к своей лошадке и говорит: «Ой, беда!» — «Это что за беда! Настоящая беда тебе еще будет», — отвечает конь. Утром встал Иван и заказывает царю приготовить двадцатипятипудовые цепи. Сделали цепи. Иван подпоясался этой цепью и поехал.

Доехали до озера. Лошадь ему говорит (*а сильный же был, когда мог подпоясать двадцать пять пудов!*): «Иван, бей теперь озеро этими цепями». Озеро становится меньше. Подоспел царь рыб и спрашивает его: «Иван! Зачем ты бьешь так озеро?» — «Здесь находится именное кольцо царской дочери — его ищу». — «Не бей, я призову всех рыб», — говорит подводный царь. Созвал всех рыб и спрашивает: «Может, вы найдете именное кольцо?» — «Мы не можем найти», — отвечают они. «А все ли вы собрались?» — спрашивает их. «Не все, нет ерша с карасем». — «Ищите, куда они делись». Вот лещь с окунем идут на поиски. Оказывается, ерш с карасем попали в одну яму и дерутся. «Айда, скорее, вас зовет царь, а то останемся совсем без воды». — «Вам нужна большая вода, а нам и маленькой воды для драки достаточно», — отвечают они. Все же их увели. Приводят к рыбьему царю, он их спрашивает: «Может, вы найдете именное кольцо?». — «Я не найду», — отвечает карась. А ерш очень обозлен. «Ну, а может ты, ерш, найдешь?» — «Да, я найду», — отвечает ерш. Он, прогуливаясь, видел кольцо своими большими глазами. «Ну, если найдешь, то принеси, пожалуйста». Принес ерш кольцо, и отдал царю. А царь-рыба отдал Ивану. Иван привозит к царю кольцо, отдает девушке. «Ну, теперь обвенчаемся», — говорит царь. «Обвенчаемся, — отвечает девушка, — когда станешь молодым». — «А как? Разве можно превратиться в молодого?» — «Можно. Пусть будет один большой котел холодной воды и один большой котел кипящей воды, чтобы постоянно кипела, и один большой котел молока, чтоб тоже беспрестанно кипел. Сперва прыгни прямо в кипящую воду. Выйдя оттуда — прямо окунись в кипящее молоко, а из него прыгай сразу в холодную воду. Оттуда уж выйдешь совсем молодым». Призывает Ивана. «Иван, будет тебе один котел холодной воды, один котел кипящей, воды, третий котел — кипящего молока. Сперва прыгай в кипящую воду, потом в кипящее молоко, а под конец прыгнешь в холодную воду. Таким образом вымоешься». — «Туда залезать — я ведь не железо». — «Если не пойдешь, — я тебя убью». — «Если так, то выкупаюсь», — отвечает он опять и идет к лошадке. Говорит Иван: «Ой, беда!» — «Да, это уж беда последняя. Не знаю только: стерпишь или умрешь теперь, — отвечает лошадь. — Ты попроси сроку трое суток». Иван идет к царю и просит сроку на трое суток.

Царь дает срок на три сутки. «Ну, Иван, я теперь поеду искать корень (одной) травы, — говорит лошадь. — Если смогу

найти, — будешь жив. Если не найду, то умрешь». Конек-горбунок ушел искать. Ищет одни сутки не переставая, проходят другие сутки — не находит. На третьи сутки нашел как-то. Приходит к Ивану. Иван спрашивает: «Нашел ли?» — «Нашел!» и посылает Ивана к царю сказать, чтобы готовили котлы. Царь приказал кипятить в восемнадцати ведерном котле. «Ты, — говорит он, — сделай такие перила, а я с них прыгну в кипяток». Опять возвращается к лошади. «Иван, — говорит лошадь, — ты залезай на перила и скажи ему, что я выведу лошадей на прогулку, открыв двери на лужайку». Ну теперь Иван встал на перила. «Царь, — говорит он, — теперь я выведу лошадок на лужайку, хоть посмотрю на них в последний раз».

Солдаты выпускают лошадей. Ну, эти красивые кони сильно заиграли. Конек-горбунок бегает вокруг котлов с травкой, остужает. После этого Конек-горбунок отходит от котлов дальше. «Ну, царь, теперь досвиданья, все равно умру!» — как прыгнет в кипящее молоко, потом в холодную воду... Вышел таким красавцем — пожалуй, на свете нет такого. Вот уж какой красивый! После него сразу же окунулась царская дочь — вышла такой же прелестной красавицей. Ну, царь теперь говорит: «Вскипятите и мне скорее!» Вскипятили, вода сильно кипит, царь залезает на перила, прыгает в кипяток и там же умирает (*обвенчался!*). Вот Иван женился на этой девушке и сам стал царем.

Сказка дальше — я ближе.

11. ЛЯГУШКА КВАКУШКА

Вот, опять у одного царя было три сына. Говорит им царь: «Я вам дам одну задачу. Кто сможет достать хорошую лошадь, чтобы она не боялась ни войны, ни чего другого, — тому царство!» Вот два старших сына выходят и идут пешком искать лошадь. «Ну, отец, и я пойду, — говорит Иван-царевич. «Ты же еще мал, не сможешь привезти, — говорит царь. — Хотя иди, может тебе и попадет царство». Иван вышел в путь.

Идет Иван полем, заходит в лес. Лес не очень большой. Попадается ему поляна. На этой поляне стоит двухсаженный пень с дуплом. Он залезает туда — что за пень это? Смотрит — дупло. «Стоп! — говорит, — спущусь-ка я сюда». Спустился, видит: на табуретке сидит лягушка-квакушка. «Здравствуй, лягушка-квакушка!» — говорит Иван-царевич. «Здравствуй, Иван-царевич!» — отвечает она, — а зачем пришел ты сюда?» — «А вот зачем пришел: отец послал на розыски лошади, чтобы лошадь не боялась ничего: ни войны, ни чего другого, и тогда он отдаст царство. Нас трое сыновей у отца (*а лягушка-квакушка и без этого очень хорошо знает, да!*). «Будешь хозяином своих слов?» — Буду», — отвечает Иван. «Служащие, — говорит теперь она, — какой лошадкой возите воду, ведите ее сюда». Лошадь эта тонконогая и тонкобрюхая. А Иван-царевич подумал про себя: «Да разве

эта лошадь не будет бояться»! Лягушка-квакушка говорит: «Ну, Иван-царевич, веди теперь лошадку».

Лошадь некрасивая, а у братьев очень красивые, купленные приведены. А против царя идет война. «Ну, сыновья, — говорит он, — теперь поедем! Берите своих лошадей». Лошади братьев, услыхав вдали ружейные выстрелы, сильно испугались. Только и стараются, что убежать. А лошадь Ивана-царевича, навострив уши, прислушивается — откуда доносятся ружейные звуки. Вражьи войска подошли очень близко. У братьев лошади убежали. Лошадь же Ивана-царевича так и рвется в бой. Один Иван всех врагов перетоптал. Отец наблюдал это, видел. Теперь отец идет домой и Иван-царевич приезжает со своей лошадью, братья же приходят пешком. «А где же ваши лошади?» — спрашивает царь. «Убежали с испугу», — отвечают сыновья. «Вот лошадь Ивана-царевича, всю войну истребила, не испугалась. Наверное, ему достанется царство», — говорит отец.

«Ну, еще дам вам одну задачу: найдите человека, чтобы он ничего не боялся». Вот опять братья выходят пешком на поиски, а Иван-царевич — на своей лошадке к тому пню поехал. Пускает лошадь на луга, а сам спускается в дупло. «Здравствуй, лягушка-квакушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Опять за чем идешь?» — «Вот мне теперь нужен такой человек, чтобы ничего не боялся». — «Эй, служащие! У нас в цепях стоит собака, ведите ее сюда», — кричит лягушка-квакушка. «А будешь ли ты, Иван-царевич, хозяином своих слов?» — «Буду! — говорит Иван-царевич, — хозяином сам». Выводят собаку, ловит лошадь, едут трое. Приезжает к отцу. «А, Иван-царевич! Где твой человек?» — «Вот мой человек. Никого не испугался» — отвечает Иван-царевич. А братья привезли таких здоровых, толстых! Спят одну ночь, утром встают. «Ну, сынишки, пойдем в лес охотиться и возьмем этих людей». Приходят в лес. Не знаю — сколько прошли: попадается столб, идут по меже. С сильным рычанием идет навстречу медведь. Люди братьев залезли на ель, четверо на четыре ели. Царь стреляет в медведя. Собака, набежав на медведя, давай бороться один на один. Медведь загреб собаку под себя. А царь с Иваном-царевичем, подойдя поближе, выстрелили в упор. И так убили медведя. Собака выбралась из-под медведя. Иван-царевич, царь и собака забрали медведя и пошли домой. Братья вдвоем приходят вслед за ними. «А где же ваши люди?» — спрашивает отец. «Они с испугу убежали!» — отвечают сыновья. «А у Ивана-царевича человек не испугался, наоборот, бросился с медведем бороться», — говорит отец. «Вот видите, он принес медведя. Наверное, царство достанется Ивану-царевичу».

«Дам я вам еще одну задачу, — говорит царь: — кто сыщет красивую и хорошую девицу — тому царство!» Ну, братья вышли на поиски. «И я пойду, пора», — говорит Иван-царевич. Он теперь знает куда итти. Приходит опять на полянку, отпускает свою лошадь на луга. Вот, взбирается на тот пень и спускается

внутрь. Опять там же на табуретке сидит лягушка. «Здравствуй, лягушка-квакушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Ну, что тебе опять понадобилось?» — спрашивает лягушка-квакушка. «Теперь мне нужна прекрасная девушка, красивая, здоровая!» — «Ты ведь говорил, что будешь хозяином своих слов?» — «Да говорил», — отвечает он. «Ну, вот, я и буду твоей женой, веди меня!» — предложила она (*вот ему все только такие*). Поймал он лошадь, взял в руки лягушку и повез. Приходит домой. За столом сидят красивые девушки, найденные братьями, а у него лягушка. Сажает лягушку хорошенько на стул, как я, вот, сижу. Она сама садится поудобнее. Отец спрашивает: «Где твоя девушка, Иван-царевич?» Прошелся по комнате Иван-царевич и с досады плюнул: «тьфу!» Прошелся другой раз — опять «тьфу!» (*жена нехорошая*). — «А... моя жена — вот она — лягушка!»

Детишки, кто принесет красивую рубашку — тому царство! Вот теперь снохи (жены) старших братьев посылают своих мужей на толчок. А Иван затужил. Все разошлись. «Иван-царевич, ложись спать», — говорит лягушка. Иван-царевич заснул. Около одиннадцати часов ночи лягушка вышла и села на крылечко и крикнула: «Служащие! Принесите ту рубашку, которую папа перед воскресеньем одевает!» Служащие живо принесли рубашку. Жаба поднимается в комнату, кладет рубашку рядом с Иваном-царевичем, а сама опять усаживается на своем стуле. Иван-царевич встал утром и расхаживает по комнате. «Иван-царевич, погляди рубашку», — говорит она. Он еще и не видел. «А где?» — «Где спал, там же ведь лежит». Глядит Иван-царевич на рубашку, боится ее в руки взять. «Если возьму голыми руками, то, может, запачкается», — думает про себя. Взял в руки бумагу, прихватил бумагой и говорит лягушке: «Заверну-ка я твою рубашку в бумагу». — «Завертывай», — ответила она. Ну, пришли снохи и зятья, положили рубашки на стол и дожидаются царя. Наконец, приходит отец. Старшие снохи показывают ему свои рубашки. Он взглянул на них и говорит: «Мне кажется, что эти рубашки куплены на толчке... Ну, Иван-царевич, покажи, какую рубашку сшила твоя жена!» Иван-царевич начал развертывать бумагу. Царь боится взять руками, такая замечательная рубашка. «Вот, смотрите, я даже боюсь дотронуться до этой рубашки. Я буду надевать ее только по пасхальным дням, в год раз. Наверное, царство достанется Ивану-царевичу». Лягушка внимательно слушает (*она и без того знает, волшебница!*).

«Вот теперь, кто испечет самый лучший хлеб — тому царство!» — говорит царь. А снохи наблюдают за лягушкой: что она станет делать. Лягушка замесила тесто и кинула месиво прямо в печку. «Постой, пойдем и мы так же сделаем», — говорят они. Вот они ушли и поступили так же — бросили тесто в печку. Вот опять наступил вечер. Иван-царевич завалился спать. Лягушка, превратившись в женщину, вышла на крылечко

и закричала: «Эй, служащие! Несите сюда тот хлеб, какой папа ест по воскресеньям». Служащие принесли ей завернутый в скатерть большой каравай, высотой с поларшина. Принесла она хлеб домой и положила рядом с Иваном-царевичем. Иван-царевич все только спит — она усыпляет его. Опять села на табурет. А старшие снохи посмотрели в печку: нет там никакого хлеба, зола и зола! Протурили мужей в пекарню. «Идите, мол, в пекарню». Пришли мужья в пекарню и требуют: «Давайте самый лучший хлеб!» Вот сыновья принесли, отдали женам. А Иван-царевич опять ходит по комнате, волнуется, не видит хлеба. Лягушка говорит: «Иван-царевич, посмотри хлеб». Иван-царевич стал развертывать хлеб, но дальше побоялся смотреть, завернул обратно. Самый прекрасный, хороший хлеб! Приходит царь. Старшая сноха говорит: «Вот, папа, я испекла такой хлеб. Не знаю — подойдет, не знаю — нет». Царь рассматривает каравай. «Этот хлеб, — говорит он, — базарный, а не самой тобой испеченный». Так же и у другой снохи. «Ну, Иван-царевич, какой хлеб смастерила твоя лягушка?» Иван-царевич надел белые коленкоровые перчатки и развертывает скатерть. «Вот, посмотрите теперь, снохи мои, ведь сами теперь видите, что за хлеб! Наверное, царство будет Ивану-царевичу!» — говорит опять царь. «Эта лягушка, наверное, не простая», — думает царь.

«Вот, я вам еще одну задачу дам: кто до завтрашнего дня сможет стать красавицей прекрасной — тому царство!» А Иван-царевич думает: «Где же это видано, чтобы лягушка красавицей стала!» Все ушли из избы. Лягушка говорит Ивану-царевичу: «Иван-царевич, завтра я не смогу рано поспеть. Ждите меня до десяти часов. Если отец спросит, то ты скажи, что она вернется только к десяти часам». Лягушка идет к себе. Проходит одна ночь. Встали около восьми часов утра, приходят обе снохи. Навешали всяких цветов, намазались всякими красками, и царь пришел только к девяти часам. «Иван-царевич, — спрашивает отец, — что твоя лягушка еще не пришла?» — «А она придет только к десяти часам. Подожди, папаша!» — говорит он отцу. Вот, к десяти часам идет она: вся улица осветилась (*сказка, так сказка уж*). Едет в стеклянной повозке на тройке, у коней хвосты и гривы золотые. Иван-царевич увидел из окна: «Папа, это ведь моя жена едет!» — с радостью закричал он. Царь взглянул в окошко и что же там увидел. А она стоит около ворот. Вот Иван-царевич с отцом вышли ее встретить. Привели в дом. Одна щека — солнышко, другая щека — месяц! Весь дом заблестел. «Вот посмотрите теперь, снохи и сыновья мои!» Сейчас же, в этой же повозке помчали их венчать. Обвенчали и сыграли свадьбу.

«Ну, сыновья, теперь уж Ивану-царевичу — царство! Он будет вместо меня».

Ночь спят, другую спят, третью спят. Не знаю, как то Иван-царевич наткнулся на лягушечью кожу и эту лягушечью кожу бросил он в топящуюся печку. А Мария-царевна (*бывшая ля-*

ушка-то) говорит Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, не смог ты стерпеть дня два. Теперь же не знаю — найдешь меня, не знаю — нет!» Сказав эти слова, превратилась в лебедя и улетела в окошко. Иван-царевич остался со слезами, (*если бы он потерпел дня два, то у нее кончилось бы все колдовство*).

Вот теперь Иван-царевич берет самую лучшую лошадь, берет собаку и пускается в путь — искать жену. «Ну, — говорит он лошадке, — лошадка! Я не знаю куда ехать. Вези меня!» Лошадь говорить не умеет, но все же понимает. Шибко бежит лошадь. Доезжают до леса и видят: стоит громадный дом. К нему и подъехали. Лошадь с собакой остаются у ворот, а Иван-царевич входит в дом. «Что же ты лошадь не заводишь, зятек? (*узнали*). — «Да сразу побоялся, не знал, кто здесь живет». Невестка поит-кормит его. Утром встал. Жила там еще дочь от первой жены сестрой приходилась она жене. «Вот, я твоей лошади приклеиваю, одно крыло, — говорит она, — ты должен ехать быстро!» Приклеила крыло, и собака не отстает.

Едет Иван, встречается опять такой же большой дом. Опять, оставив собаку с лошадью, заходит в дом. «Зятек, что же ты не заводишь лошадь?» — «А я побоялся заводить!» — отвечает он. «А куда же ты направился?» — «Я еду, — говорит, — искать Марию-царевну». — «Зачем же ты не потерпел суток двое, бросил лягушечью кожу в огонь?» — «А ты знаешь, где Мария-царевна?» — «Я то не знаю, да может моя старшая сестра знает», — говорит она. Вот она попоила-покормила своего зятька. Выходит к лошади, приклеивает второе крыло, теперь стало два крыла, (*она все знает да не говорит*). «Гони ночь и день лошадь! Где-нибудь да найдешь!» А лошадь эта много ездила по этой дороге.

Вот, едет он ночи и дни. Опять доезжает до большого дома, заезжает с лошадью. «Ох, едет зятек», — встречает она. Это — старшая дочь от первой жены, (*одна дочь от первой жены — старшая над птицами, средняя — царевна рыб, а младшая — царевна зверей*). Вот, просыпается утром Иван-царевич, а она его торопит: «Ну, зятек, поскорее еще надо тебе торопиться, время ехать!» Вот, наклеила еще одно крыло. Теперь лошадь с тремя крыльями. «Если она не пролетит раньше тебя, то ты ее жди на перепутьи трех дорог, Твою Марию-царевну уносит бусурманский богатырь, а его смерть будет такова: ты бросишь песок ему в глаза, он начнет их протирать, а в это время собака его и растерзает».

Иван-царевич поехал шибко. Собака не может угнаться — все отстает и отстает. Уже намного отстала, но Иван-царевич догнал: едет бусурманский богатырь, везет венчать Марию-царевну. «Ты, — говорит, — зачем силой везешь мою жену?» А Мария-царевна, увидав Ивана-царевича, сильно обрадовалась. «А тебе какое дело? Какая твоя жена!» С криком слезает с коня, чтобы драться. Лошадь начала топтать богатыря, тот не умирает, а бросить песок Иван-царевич совсем позабыл. Собака прибежала. Иван-царевич посмотрел на Марию-царевну, а она рукой ему

показывает, что нужно песок бросить. Иван-царевич догадался, вспомнил. Бросил песок ему в глаза, а он скребется в глазах. Слепого-то собака искусала на смерть.

Вот Мария-царевна села на свою лошадь и поскакала к сестре. Теперь уж у Марии-царевны нет никакого колдовства — все исчезло. Одна щека — солнце, другая — месяц. Приезжают к сестре, гостят там целый месяц. У другой сестры — второй месяц. У третьей — опять месяц. Погостили три месяца. Две старшие сестры подоспели к младшей, где еще гостил Иван-царевич. «Ну, Иван-царевич, мы теперь на полгода к тебе гостить поедем», — заявили сестры. Иван-царевич охотно ухаживает за сестрами. И сейчас живут.

Сказка дальше — я ближе.

12. БОГАТЫРЬ ИВАН ЗВЕРЕВ

У одного богатого марийца был пятнадцатилетний сын. У отца было много стогов хлеба. Мальчик пошел на гумно и как-то убил мышку. Пришел домой, докладывает отцу: «Папа, я сегодня убил какого-то зверя». — «Ладно», — отвечает отец. Пошел на другой день — убил мышь опять. «Папа, я опять зверя убил», — говорит. И на третий день так же, а отец все только — «ладно!». Вышел на улицу играть с ребятишками. Они его давай дразнить: «Иван Зверев, да Иван Зверев». Приходит домой, говорит отцу: «Папа, я отсюда уйду — ребята меня дразнят». — «Куда же ты пойдешь, коли ты у меня единственный сын». — «Нет, все равно уйду». Берет маленький топорик, косу, половник, жердочку от хмеля, садится на саврасого мерина и едет. Ехал-ехал, доехал до леса, там попал на межу. А мух насело на лошадь несметное количество. Слез он с лошади и прихлопал восемьдесят две мухи. Сделал маленький гробик, положил мух и похоронил. Поставил маленький колышек, прибил доску с надписью: «В течение одного часа Иван Зверев убил восемьдесят два богатыря». И дальше поехал.

Сзади нагоняет его какой-то богатырь. Простые люди боялись проезжать по этой меже. Богатырь поровнялся со столбом и стал читать надпись: — «В течение одного часа Иван Зверев убил восемьдесят два богатыря». Богатырь боится дальше ехать, думает: «Этот и меня убьет. А, что будет! Поеду. Не станет же ни с того ни с сего убивать!» А Иван едет себе «сыпльык-сыпльык». Не проехали и ста саженей, как богатырь кричит ему вслед: «Богатырь Иван Зверев, стой!» Иван Зверев испугался громкого голоса — слетел с лошади (*вот, насколько был силен*). Богатырь подъехал, а он ему и говорит: «Я ехал и дремал, а ты неожиданно крикнул. Посади меня теперь на лошадь». Сам он без пня не мог садиться на лошадь. Богатырь посадил Ивана Зверева на лошадь, а сам призадумался: «Что такое, очень уж легкий он».

Опять к этому столбику прискакал другой богатырь, читает:

«Здесь в течение одного часа Иван Зверев убил восемьдесят два богатыря». Богатырь сильно испугался. «Если в течение часа убил столько, так со мной-то он расправится очень легко!» — «А, что будет! Поеду», — думает он. Не проехал и ста саженей, кричит: «Стой! Иван Зверев богатырь!» А тот опять с перепугу упал с лошади. «Я же сплю на ходу, а вы все время кричите неожиданно. Я ведь устал — в течение часа убил восемьдесят два богатыря», — кричит на них. «Теперь посадите меня на лошадь!» Посадил его богатырь. Богатыри присмирели, боятся даже слово вымолвить, едут тихо. Один богатырь спрашивает: «Богатырь Иван Зверев, куда вы путь держите?» — «Я еду жениться на царской дочери», — отвечает он (*вот еще чего захотел, сопляк*).

Приехали в столичный город, привел их в царский сад и приказывает: «Выгоните из этой избушки караульщика!» Взял один богатырь этого караульщика и переправил через забор на улицу. Караульщик сада пошел к царю и стал рассказывать о том, что случилось: «Не знаю, какие-то люди заехали в сад и меня бросили через забор». Услышал это царь и послал против них войско из трехсот солдат. Иван Зверев посылает на войну младшего богатыря, а сам все только точит свою косу и топор. Богатырь, расправившись с войском, возвратился обратно. На другой день царь снаряжает пятисотенное войско. «Ну, теперь твой черед. Иди!» — приказывает Иван старшему богатыру. Так и этот, прикончив войско, возвратился. А царь думает: «Нет, я же могу таким образом уничтожить из-за них все свои войска!» В течение трех лет он выкармливал в земле одного богатыря; решил выпустить его. Теперь черед Ивану итти бороться с богатырем.

Втыкает он в землю покрепче жердь от хмеля и залезает на нее, а косу зарыл незаметно тут же. Царь вывел своего богатыря и спрашивает: «Ну, как, сможешь ли расправиться с этими богатырями?» А большой богатырь отвечает: «Если бы была ручка у земли, я бы землю повернул!» Ну, теперь богатырь тихонько подходит к Ивану. «Иван Зверев, богатырь! Зачем ты туда залез?» Тот опять от его голоса падает на землю и ложится рядом со своей косой. Подходит богатырь. «А почему лежишь ты так спокойно?» — «Я слушаю, как земля над тобой насмехается», — отвечает Иван. «Послушай-ка, как там говорят: три года лежал под землей, три года лежал под землей!» Богатырь ложится и слушает. А Иван в это время как дернет косой — сразу перерезал богатырскую шею. Но богатырь встал и чуть чуть не схватил Ивана Зверева, но он во время дал теку. Богатырь свалился.

Взял Иван свой маленький топорик, стал рубить шею. Целый день рубил: кое-как отделил голову. А туловище богатыря в сажень вышиной. Идет Иван Зверев в сад, заходит в избушку: «Унесите его труп, бросьте куда-нибудь в овраг! Я очень устал», — говорит им. Богатыри пошли бросить труп, стали

поднимать — одному не справиться. Еле-еле вдвоем свалили на носилки и сбросили в овраг. «Вот это богатырь!» — говорят про себя. «Хорошо, что мы тогда посадили его на лошадь, а то он мог нас обоих прикончить». Боятся итти к нему. Тут входят к Ивану Звереву, он их спрашивает: «Ну что, сбросили?» — «Унесли, бросили», — отвечают они. Вот Иван Зверев и начал говорить с ними: «Сейчас вы должны убить царя. Я буду венчаться с его дочерью, вам дам полцарства и сам буду держать полцарства». Пошли богатыри к царю и убили его. Иван Зверев, обвенчавшись с его дочерью, сделался царем. Иван Зверев держит полцарства и два богатыря — полцарства.

Сказка дальше — я ближе.

13. ИЕН ИЕНЫЧ

Жил купец со своим сыном. Сыну подоспело время жениться. «Ну, мой сынок, я скоро умру, тебе пора жениться», — предлагает отец. «Папа, где мы возьмом невесту?» — «Мне всякий свою дочь отдаст! Вот поедем к такому-то купцу — он выдаст нам». — «Папа, мы такую девушку не возьмем, я таких девчат очень не люблю. Они очень капризные бывают. Вот завтра проедусь по городу — может, найду какую-нибудь. Утром встану, хорошенько подзакушу, может, до вечера сыщу». Утром встал и поехал. Ездил-ездил по городу — ни одна девушка не попалась (отца зовут Иен и сам Иен). «Пройдусь, — говорит, — по слободке!» поехал по слободке. Видит — одна девушка ходит милостыню сбирает. Хоть одета и плохо, но очень красива. Иену девушка очень понравилась. «Идем ко мне! Не ходи больше сбирать», — заявляет ей прямо. «А ты кто такой?» — спрашивает девушка. «Я сын такого-то купца». Узнав о нем, девушка воворит: «Я сейчас пойду домой, а то мать меня совсем потеряет». — «А далеко находится твоя мать?» — «Семь верст, в деревне Осиповке», — отвечает она. «Ну, завтра утром я к вам приеду. А как тебя зовут?» — «Звать меня Александрой, отца — Михаилом». — «Ну, завтра я к тебе приеду на паре и увезу вместе с матерью».

Иен вечером возвратился к отцу. «Ну, сынок, нашел девушку?» — «Да, нашел одну девушку-нищенку», — отвечает Иен. А в лавке у них было всего три приказчика. Иен утром встал, доложил отцу, что, мол, я поеду сегодня же и привезу ее. Приказал кучеру запречь лошадей и поехал к девушке. Приехал в деревню, справился где находится нужный ему дом, заехал. Изба ка худая. Дома оказалась только мать. «Здравствуйте?» — «Здравствуем», — отвечает мать. «Я ведь приехал за твоей дочкой!» — «Мне она уже говорила, что ты приедешь за ней. Ты, может быть, будешь ее обижать? Мы ведь очень бедные, а вы богатые». — «Если будет жить с толком, я никогда ее не обижу», — отвечает Иен. «Коли так, то выдам», — отвечает мать. «Я вас обоих повезу — ты будешь жить у меня же, будешь

помогать дочке стряпать, стирать белье, а дочку твою я буду учить торговать. Ты будешь постоянно находиться дома». После такого разговора он обеих повез к себе. Привозит к отцу. Хотя одеженка плохая, зато девушка здорова и красива. Отцу она тоже понравилась. Без всякой свадьбы, так, втихомолку, поженились. Очень недолго прожили, как купец умер. Поплакали втроем — ничего не поделаешь! Придется похоронить. И похоронили.

После этого он стал учить ее торговать. А товар хорошо расходится. Поторговали они год — у них уже два магазина стало. У жены, видать, счастье есть. «Вот что, жена! У нас имеется два магазина, мы договорились с товарищем поехать в другой город поторговать. У него два магазина есть. У него жена остается дома торговать — и ты останешься торговать». — «Хорошо, — отвечает жена, — останусь». Собрали товар на баржу и поехали. Купили по магазину, выгрузили товары. Торгуют с этим товаром с полгода — прибыль остается большая у обоих. Однажды говорит Иену его товарищ: «Мы здесь, Иен Иеныч, торгуем с тобой, а наши жены там, пожалуй, уж нам изменили». — «Моя-то жена нет, — говорит Иен Иеныч, — она как придет из магазина, тотчас же принимается молиться». — «Ну вот, я поеду, все равно ее соблазнить сумею», — возражает товарищ. «Нет, не сможешь», — говорит Иен-то. «А давай спорить!» — «Давай поспорим, что же!» — отвечает Иен. «Если ты ее соблазнишь, то я отдам тебе весь товар, который находится дома и здесь. Если не сможешь, — то сам отдашь. А для доказательства привези мне прядь волос и ее именное кольцо». С таким договором товарищ уехал.

Приехал днем, заезжает сперва к своей жене. «Вечером, — говорит ей, — я поеду в гостиницу посмотреть». В десять часов вечера пошел, разгуливает по улице. Стучится в ворота: «Дворник, пусти!» — «Кто ты» — кричит дворник. «Я приехал из того города, товарищ Иена», — отвечает он. Пропустил его дворник во двор, а в дом войти нельзя — кругом заперто. Заглянул в окно, видит: Иенова жена усердно молится богу, зайти к ней никак нельзя. Постоял немного, повернулся и ушел. Дворник опять запер дверь за ним. Приходит к своей жене, выспался. Утром встал и вспомнил: «Стой! — говорит, — я пойду к бабушке» (*а бабушка ничего не понимает*). Приходит к бабушке, она спрашивает его: «Зачем пришел?» — «А вот зачем, — говорит. — Мы поспорили с Иен Иенычем. Если я смогу у него жену одурачить, то он даст мне два магазина. Если не смогу, — то придется мне отдать ему свои два магазина». — «Ну, едва ли тебе это удастся, — отвечает бабка. — Она ведь все время молится. Ты посиди-ка — я схожу к ней». Идет бабушка к ней, а она уже в магазине торгует. Заходит эта бабушка в магазин и предлагает ей: «Дай ты мне пятнадцать рублей, а я в залог принесу тебе свой сундук с пожитками. А то, — говорит, — увезут за подати». — «Привези — дам», — отвечает она. Возвра-

щается бабушка домой и говорит купцу: «Я сундук не запру — только повешу замок, а тебя положу в сундук». По пути говорит ему: «Она молится и ляжет спать, а перстень свой снимет и положит на стол. Как только уснет, ты тихонько отрежь прядь ее волос, возьми перстень и тихонечко выпрыгни из окна. Я оставлю вожжи, чтобы ты мог спуститься».

Привезли его; бабушка заходит в магазин. «Привезла, — говорит, — сундук-то». — «Пойдите, поднимите с дворником и поставьте сундук в мою спальню». Поставили в спальню наверх. Мать опять спальню заперла. Вечером, кончив торговлю, она пошла домой, поужинала с матерью. «Ну, мамаша, я теперь пойду спать», — и ушла. Помолившись часов до одиннадцати, взяла именной перстень со стола, переложила в кушетку. Жена Иен Иеныча вообще спала очень крепко. Вот он берет ножницы и тихонечко срезает волосы с затылка. Укрепил вожжи, спускается из окошка. Потом дернул вожжи, вожжи отцепились. Утром встала она, хватилась перстенька — нет перстенька. «Что это? Ведь сняла и положила сюда! Куда же мог деться? Наверное, оставила в магазине», — волнуется она. Купец опять приходит к старушке, отдает ей пятьсот рублей и говорит: «Иди, сейчас же выкупи свой сундук». Старушка запрягла лошадь и поехала. Приходит в магазин, отдает ей пятнадцать рублей. «Бери теперь свой сундук. Спустить поможет там дворник». Старушка спускает сундук и увозит.

Вот поехал купеческий сын в тот город. Приехал к Иен Иенычу. «Но, прост[1] теперь магазин!» Показывает волосы и именной перстень. Написали постановленне, расписался Иен Иеныч, что прост магазин. Приезжает Иен Иеныч к себе, приходит в магазин — жена торгует. «Выходите, — говорит, — все из магазина вместе с приказчиками!» Запирает магазин. Сильно обозлен на жену. «Ну, жена, иди! Не нужна, не нужна!» — закричал он. И прогнал жену. Мать удивлена: «Зачем ты гонишь ее? Ведь ты любя на ней женился?:» — «Она — гулящая, — отвечает он, — как с ней в одном доме жить. — А ты, живи здесь же в доме», советует матери.

Ушел Иен Иеныч из дому, стал вольным солдатом, не знаю в каком-то городе. А жена эта подстригла волосы и тоже стала солдатом. Жена попала в другой город, не очень далеко. Жена та, послужив год, получила чин полковника. Вот едет она на смотр в тот город, где ее муж. Смотрит... узнала мужа, он все еще такой же рядовой солдат. «Солдатик, — зовет она, — иди-ка сюда, пойдем ко мне. Будешь моим денщиком». Вот сделала его денщиком, Хорошо. Он чистит сапоги. «Разве так? Так чистят! — кричит на него. — Плохо вычищено!» и бьет его сапогом. Бьет одно утро, бьет другое утро. Однажды какой-то солдат нарочно намазал на сапоги грязь и не стал чистить, сказав себе:

---

[1] Выражение сказочника, означающее: «Опростай магазин, т. е. уйди из магазина!»

«Пусть за это освободит от должности денщика!» Он тоже поступил таким же образом — намазал сапоги грязью. Приносит утром сапоги. Полковник говорит ему: «Вот хорошо начистил, сумел! А теперь, — говорит, — поедем в другой город» (*в свой город*).

Оба заезжают в гостиницу, и денщика не оставляет. «Ты откуда родом?» — спрашивает денщика. «Я сын здешнего городского купца», — отвечает он. «Почему стал солдатом?» — «Вот почему, — отвечает, — мы поспорили с товарищем (за магазины): если бы он не сумел соблазнить мою жену, то он дал бы мне магазины; если бы сумел, — то я должен был отдать. Я уверял его, что моя жена не из таких, что она все богу молится. Вот уехал он в этот город. Примерно, через четыре дня привез именное кольцо ее и волосы. Два магазина он взял у меня». — «А как же он прошел к жене-то?» — «Не знаю, — отвечает, — как он прошел к ней». — «Коли так, то его нужно позвать в гостиницу из того города сюда». Провели одну ночь — уже прибыл тот купец. Уселись трое и стали пить. Полковник расспрашивает купца: «Как, — говорит, — ты смог взять его магазины? Как ты туда прошел?» — «А как зашел? — говорит он. — Приходил я однажды вечером к ней, дворник пропустил во двор, но кругом было закрыто — ниоткуда не проберешься туда. Жена его в это время молилась богу. Ничего не выходило. Пошел я тогда к одной старушке. Пошла старушка к его жене занимать пятнадцать рублей, говоря, что требуют подати, а в залог поставила в ее верхнюю комнату свой сундук, а в сундук положила меня. До одиннадцати часов она все молилась. Потом сняла с пальца именное кольцо, положила на кушетку. Легла спать. Уснула очень крепко. Я вышел тихонечко из сундука, взял с кушетки именное кольцо и тихонечко срезал волосы. После этого спустился из окошка и спокойно ушел домой». — «А сейчас где находится тот купец?» — спрашивает генерал. «Я не знаю», — отвечает он (*и муж, и жена находятся там же, да*). «Ну, ты посиди, а мы с денщиком пойдем в баню». Денщик испугался итти вместе с полковником в баню. «Давай, — говорит, — вместе будем мыться». Заводит денщика *(ей то уж очень понадобилоеь)*. «Ну, денщик, раздевайся, полковник разделся уже». «Вот, Иен Иеныч, где жена твоя — я ведь и есть твоя жена!» Из бани пошли в гостиницу.

Из гостиницы направились прямо к той старушке. Полковник ведет допрос: «Ты спрятала в сундуке этого купца?» — «Да». — «Брала пятнадцать рублей?» — «Брала». — «Сундук, заложенный в заклад, поставила вверх?» — «Поставила». — А он ничего не смог сделать с его женой?» — «Ничего не сделал. Ему пришлось украдкой выбираться из комнаты», — отвечает старушка. «За это дело сколько ты получила денег?» — «Пятьсот рублей он оставил мне». — «Как не дать, если за это два магазина получает», — говорит она. «Ну, ты, купец, прост теперь магазины!» — «Ведь я жена его, а он будет Иен Иеныч.

А тебя, бабушка, мы сожжем!» Зажигают сажен ь дров и сжигают бабушку.

Вот приходят к себе, застают еще в живых родную мать. Потом идут к его жене все втроем. «Ну, давай ключи от ваших магазинов! Теперь все наше!» Вот она вместо себя сделала полковником Иен Иеныча, а сама опять стала его женой. «Вот что, Иен Иеныч, — говорит она ему, — поезжай-ка ты в тот город, откажись от должности полковника, а те два магазина с товаром продай и привези деньги». Иен Иеныч поехал, отказался от должности полковника, продал оба магазина и приехал обратно к жене, говоря «Нам хватит и своих двух магазинов! Нельзя постоянно жить врозь, надо жить вместе». Теперь живут они вместе, ухаживают за матерью.

Сказка дальше — я ближе.

14. СИДОР

Жил бедняк Сидор, была у него одна корова да худая лошаденка. Жена у него красивая, хотя и беднячка. «Сидор, — говорит жена, — давай продадим корову». — «Зачем ее продавать?» — удивился Сидор. «Вот зачем: ты меня одень так, как одеваются жены купцов: купи ботинки с галошами». — «Продать то продадим, да ведь мы тогда останемся без молока, — отвечает Сидор, — а ты в это время будешь ходить нарядной». — «Продай», — настаивает жена. Ну, продал он корову за тридцать рублей и нарядил свою жену. «Ну, Сидор, я теперь пойду к обедне». Пришла к обедне жена Сидора, собой красавица. Выходит поп с евангелием из алтаря, — все только и смотрит на эту женщину, только и думает: откуда пришла такая барская жена? Вышел дьякон с кадилом — тоже глаз не сводит с нее, думает: «Откуда взялась такая барская жена? Ах, хоть бы раз погулять с ней как-нибудь!» И становой стоял через два человека от нее — все на нее косит глазами. И бога не надо стало, думает: «Ах, как-нибудь бы побыть с ней хоть раз».

Как вышла из церкви, поп ее поймал и спрашивает: «Ты какого барина жена?» — «Ну тебя, поп, неужели ты не узнаешь? Я ведь Сидорова жена», — отвечает она. «А можно к тебе притти сегодня?» — спрашивает поп. «Можно, можно! Сидор как раз сегодня уезжает в город. Принеси с собой сотню рублей денег и бутылку водки».

Так же поймал дьякон. «Ты какого барина жена?», — спрашивает ее. «Я Сидорова жена», — отвечает она. «А можно к тебе притти сегодня?» — «Можно, — отвечает она. — Сидор сегодня уезжает в город. Неси только сто рублей и бутылку водки».

Дальше задержал ее становой, так же спросил. Жена Сидора заказала сто рублей денег и бутылку водки.

В восемь часов пришел поп: тук-тук-тук — стучится в окно. «Кто пришел?» — откликается Сидорова жена. Пускает в избу

попа, он вешает свой тулуп на вешалку, дает сто рублей денег и бутылку водки. Водку она поставила в шкаф. «Погоди немножко, поп, я поставила самовар, попьем чайку, водочки, все равно ночь-то ведь наша», — успокаивает Сидорова жена.

Только стала ставить самовар, опять стучатся в окно. «Кто там?» — спрашивает она. «Я», — отвечает с улицы Сидор. «Сидор вернулся, наверное что-нибудь позабыл», — передает она попу.

— «А я куда денусь?» — «Ты надень мой старый сарафан и встань за печку. Там есть ручная мельница». Дает ему мешок ржи и велит ее смолоть. Ну, поп мелет. Заходит Сидор. «Зачем быстро так воротился?» — «Трубку на окне позабыл», — отвечает Сидор. «А это кто такая мелет?» — «Не знаю, какая-то старушка-зырянка», — отвечает она. «Ну пусть мелет». Сам уходит.

Опять стучатся в окно. «Кто?» — спрашивает она. «Я, отец дьякон, пришел», — отвечают с улицы. Сидорова жена, открывает дверь, впустила его в избу. Дьякон снимает тулуп, дает ей сто рублей и бутылку водки. Сто рублей — в карман, бутылку водки в шкаф. «Давай, — говорит, — поиграем!» — «Вот только самовар поспеет». Опять стучатся в окно. «Кто же, — говорит, — может притти? Наверное, Сидор что-нибудь опять позабыл». — «А я куда?» — встревожился дьякон. «Около печки лежит корыто: залезай под него». Дьякон залез под корыто. Зашел Сидор в избу. «Зачем опять вернулся?» — спрашивает жена. «Трубку то взял, а кисет позабыл». Взяв кисет, уходит.

Только успел уйти Сидор, опять стучатся в окно. «Кто там?» — спрашивает Сидорова жена. — «Я! Становой пришел!» Впустила и его. Становой снимает тулуп (*тулуп у него очень хороший!*), отдает ей сто рублей денег и бутылку водки. Деньги — в карман, вино — в шкаф. А поп с дьяконом, наверное думают: «Мы то попались, попадись и ты!» — «Давай, — говорит становой, — начнем теперь!» — «Постой немного, поставлю на стол самовар, будем пить чай с вином».

Сидор опять с песнями возвращается обратно. «Кто это?» — спрашивает становой. «Это, — отвечает она, — едет Сидор». — «А я куда спрячусь?» — «Вот видишь на полатях стоит ящик с перьями — залезай туда. Там никто тебя не увидит». Он залез туда, а Сидорова жена его сверху прикрыла. Сидор заходит в дом и говорит жене: «Ты что, жена, одурела? Ведь у меня сегодня именины, а ты меня посылаешь куда-то в город!» — «Сидор, — говорит она, — если у тебя сегодня именины, то у меня есть водка». Ставит на стол одну бутылку водки. «Ты, жена, иди сейчас к попадье, позови ее, скажи, что у Сидора именинник».

[*Далее следует рассказ о том, как Сидор приказывает жене поочередно пригласить попадью, дьяконицу и жену станового и продает им на определенных условиях корову*].

Сидорова жена пришла обратно домой, садится за стол. Вдвоем с Сидором допили оставшуюся бутылку водки. Сидор опьянел. Видит, на вешалке висит ружье. «Возьму я это ружье, жена, — говорит, — застрелю эту зырянку». — «Не стреляй, не стреляй, Сидор!» — упрашивает она. «Если не в нее, так стрельну в корыто!» (Корыто начало подпрыгивать). А жена опять: «Не стреляй!» — «Ну, коли так, то я выстрелю в коробку!» Выстрелил в коробку, а коробка вместе со становым — вниз... Становой встал, да бежать... За ним поп, за попом дьякон. От всех осталось по тулупу.

Поп приходит к жене. «Эх ты, подлая гулящая баба!» — «А ты не ходи до поздна», — говорит жена. А поп говорит жене: «Да ведь в ту минуту, когда ты с ним была, я рядом и молол. «Ой, батюшка! Ты ничего больше не говори и я не скажу», — говорит жена. Вот, приходит дьякон к жене. «Ну и бесстыжая же ты!» — «А ты не гулял бы до этой поры», — говорит она. «А сама то, — отвечает он. — Я, ведь в это время под корытом лежал в аккурат». — «Ай, отец дьякон! Ты ничего больше не говори и я ничего не скажу». Вот приходит к жене становой. «Ой, срамница! Ой, подлая!» — «А что же ты до сих пор шатаешься?» — «Да ведь я тут же был! Хорошо еще, что уперся коленкой, а то бы совсем меня задавили!» — «Ай, барин! Ты ничего не говори, и я больше ничего не скажу».

На утро Сидор встал, приходит к попу под окно. «Ведите вашу выручeнную корову!» — «Ой, Сидор! На тебе пятьдесят рублей, только не кричи больше!» Пошел под окно дьякона: тот тоже дал ему пятьдесят рублей, а становой дал сто рублей.

Сидор после этого сильно разбогател: пятьсот рублей денег и три больших тулупа. И сейчас живет богато.

15. ПОП И РАБОТНИК

Пошел поп искать работников. Навстречу ему идет молодец: в сапогах, в красной рубашке, в жилетке. «Куда это ты, батюшка, направился?» — «Иду искать работника. А ты куда?» — спрашивает поп. «Я иду наниматься к кому-нибудь». — «Идем ко мне», — говорит ему поп. «Пойти то пойду, но я ведь и немецкому языку обучаю». — «Кстати, и моя матушка давно хочет обучиться немецкому языку. Если сможешь ее выучить, я дам тебе пятьсот рублей; если не сможешь — только двести».

Вот поп повел его к себе. Покормил поп работника. Настал вечер, ложатся спать. Утром встали, позавтракали. «Ну, работник, пойдем горох молотить». Смолотили горох, а солому работник стаскал в скотный двор. «А зачем туда таскаешь?» — спрашивает поп. «Вот сколько пудов ты смолотил — столько же смолочу и я», — отвечает тот. Кончили молотить, провеяли, у попа вышло гороху шесть пудов. «Вот и у меня вымоло-

тится столько же», — говорит работник. Поп удивляется: «Ну как же так столько же выйдет, когда там ничего не осталось?» — «А выйдет!» — уверенно отвечает работник.

На другое утро поехали они за сеном. Доехали до полпути, работник говорит: «Батюшка, я ведь вилы позабыл!» — «Иди, принеси, без вил нельзя». Работник побежал. Его заметил дьякон, который в это время к попадье в гости пришел. «Работник ваш идет. Куда я денусь?» — спрашивает дьякон попадью. «Иди, — говорит, — в гороховой соломе спрячься — там не найдет»! — «Зачем ты, работничек, воротился?» — спрашивает попадья. «Батюшка меня взял с собой за сеном ехать, а у меня есть работа — горох молотить. Зря сохнет солома», — отвечает он. «Еще не высохла, и молотить не нужно» (*там лежит дьякон, жаль ей!*). Взяв вожжи, увязал солому вместе с дьяконом и поволок на гумно. И ну молотить! А дьякону стало невтерпеж, кричит: «Ой!» — «Нет, — говорит работник, — здесь должно выйти шесть пудов гороху!» Очень уж больно дьякону. «Ой!» — кричит он. «Нет, здесь выйдет шесть пудов гороху!» приговаривает работник. «Коли так, я дам тебе шесть пудов гороху», — говорит дьякон. «Ладно, неси! Только сейчас же, и поставь в каретник рядом с мешками попа». Дьякон принес горох и поставил, где сказано.

Работник, взяв вилы, бежит к попу сено класть. Ой, уж намерзся поп — даже дрожь проняла. Долго пробыл работник. «А что же ты долго так ходил?», — спрашивает поп. «Я, ведь горох молотил», — отвечает работник. «Сколько пудов намолотил?» — «Шесть пудов вышло», — говорит он. Наложили немножко сена, скорее поехали галопом. Попу не терпится горох увидеть. Ненасытный. Доезжают. Поп прямо бежит в каретник смотреть горох.

Стал работник голландскую сажу молоть. Все складывает ее в ящик, что на полатях стоял. А поп удивляется, спрашивает. «Зачем сажу мелешь, работничек?» — «Этому товару придет большая ярмарка», — отвечает он попу. «А мне так эта чепуха и за две копейки не нужна». — «А теперь, работник, мы поедем на мельницу». Помольные деньги отдает работнику. Работник эти деньги оставляет на полочке. Доезжают до полдороги — работник спохватился: «Ай, батюшка, я ведь помольные деньги дома позабыл!» — «Ты все, — говорит, — позабываешь. Иди, принеси, а я до тебя сколько смогу буду молоть». Работник опять бежит обратно. Дьякон опять пришел к попадье (*раз попало — еще надо*). «Опять идет твой работник. Куда я денусь?» — «Залезай в ящик на полати». Дьякон залез в ящик, лежит. А работник, взяв доску и веревку, заходит в избу. «Зачем идешь?» — спрашивает попадья. «Повез поп меня на мельницу, а оказалось, что сегодня началась большая ярмарка». Поднял доску на полати, закрыл ящик, завязал его крепко накрепко и спустил вниз. Выносит на волю, ставит в салазки и увозит.

Поехал он по той большой дороге (*показывает Казанский*

тракт.—К. Ч.). Навстречу ему едет исправник. «А что это ты везешь!»—спрашивает исправник. «Это живой чорт, недавно поймал. Я давно хотел видеть, вот и везу,» отвечает работник. «Покажи, что за чорт?» — «Показать покажу, если же убежит, то вы отвечаете!»—«Ответим!»—говорят они. Вот он вытащил дьякона, а дьякон пустился бежать вон туда в лес-болото. А исправник со становым прямо-таки испугались: дьякон стал черный, как настоящий чорт. «Вот он побежал! Ловите!» — кричит работник. Вот исправник с кучером давай бежать за ним вдогонку. А работник сел на тройку, прикатил прямо к попу во двор — и в каретник, а лошади — все три жеребца. Берет помольные *(за помол)* деньги и бежит на мельницу. Поп уже кончил молоть — стоит мешки завязывает. «А что ты так долго был?» — спрашивает он работника. «Ты меня взял куда-то на мельницу, а оказывается сегодня открылась большая ярмарка». — «Ну, почем продал свою голландскую сажу?» — «Три жеребца с повозкой» — отвечает работник. Поп тут же сел на воз и давай лошадей погонять, — уж очень ему хочется поскорее жеребцов увидеть! Приехав домой, поп сразу пошел в каретник жеребцов смотреть. Открывает двери, а жеребцы стоят, ржут и балуются. «Ну и дал же мне бог работника! Спасибо ему!» думает про себя.

Прошло некоторое время. Говорит работнику поп: «Ну, теперь, работничек, мы пойдем собирать ругу». А работник советует: «У нас отправляются так: работник, одев одежду попадьи, остается дома, а одежду работника надевает попадья». Попадья согласилась переодеться, и они ушли вдвоем с женой, а работник остался дома:

Опять идет дьякон. «Куда ушли поп с работником?» — спрашивает он. «Теперь они раньше трех дней не вернутся» — отвечает работник.

Вот приезжают поп с женой. А работник состряпал им прекрасный обед. Одеждой обменялись. Работник собирает на стол. Обед изумительно вкусный. А эта попадья и предлагает попу: «Батюшка, хорошо было бы позвать отца дьякона на обед!» — «Ну-ка, работничек! Сходи-ка, позови» — предлагает поп. Работник идет к отцу дьякону и кричит: «Отец дьякон, где ты? Поп тебя приглашает». — «Не могу!» — отвечает дьякон. Работник идет обратно и докладывает, что дьякон болен. «Я сама к нему схожу» — загоревала попадья. «Что же иди, позови» — соглашается поп. Приходит попадья к дьякону. «Отец дьякон, где ты?» — «Здесь!» — доносится голос дьякона из задней комнаты. «А что у тебя болит?» — спрашивает она. «Разве не знаешь, что болит?! Что ты со мной наделала!» — «Я, — говорит попадья, — ничего не знаю, отец дьякон. Хотя дай мне тебя поцеловать!» — «Хорошо, если дашь язык свой». Вот и сунула язык она, а дьякон откусил у нее весь язык целиком. Говорить ничего не может, только «буль-буль-буль». Пришла к попу. «Дьякон-то не идет, что ли?» — спрашивает поп. «Буль-буль-буль» — отвечает она. «Вот, батюшка, она и научилась говорить по немецки — русские

слова совсем позабыла». Он ее выучил в полгода. «Давай, — говорит, — теперь 500 рублей, расчет!» Садится в новую повозку, запряженную тройкой, и домой.

Вот и конец сказке.

16. ТРИ БРАТА

Жили три брата, очень богатые. Двое старших занимались торговлей, а младший ходил на охоту. Как-то раз шатался он по лесу и заметил орла, и орел тоже его увидел. Только прицелился он выстрелить, как орел и заговорил: «Не стреляй, я ранен. Отнеси меня домой и накорми, я тебе окажу услугу». Вот понес он орла домой. «Чем ты питаешься?» спрашивает он орла дорогой. «Я, — говорит, — ем только мясо». У младшего брата, без мала, деньги все вышли. Было у них 8 или 9 коров. Вот зарезал одну корову, зарезал другую, этим и кормил орла.

Жены братьев сильно разгневались: «Ты, мол, теперь всех коров переведешь, вот придут братья, ругать станут тебя». А он всех коров прирезал, ни одной не оставил. У орла оказывается, крыло было подстрелено. «Ну, — говорит орел, — я теперь выздоровел, приготовь мне 40 пудов мяса». — «Чем же я буду закупать?» — «У вас в огороде стоит большой дуб, около этого дуба лежит сухой навоз, под этим навозом стоит двухведерный горшок с золотом. Поди под этот дуб, сковырни навоз и увидишь горшок. Так он и сделал. Пошел к тому дубу и отыскал горшок. Принес золото в горшке, а золовки сидят пригорюнившись, — нет коров. «Ну, золовки, сколько теперь вам нужно денег? Вот купите хоть 20 коров по тысяче рублей». Сказав это, отдал деньги.

Начал он закупать коров на мясо, купил 20 голов. «Вот, золовки, выбирайте себе любую». Коров купил хороших. Приготовил 40 пудов мяса, еще 13 коров остались лишних.

Приготовил сорок пудов?» — спрашивает орел. «Приготовил» — отвечает он (*в другом свете что ли жили эти братья?*). Вот орел говорит ему: «Поставь-ка бочку с мясом на меня, вдвоем поднимемся. Каждый раз как я взгляну на тебя, давай мне кусок мяса.

Вот при каждом взгляде орла он давал и давал куски мяса, осталось только взлететь, — мясо и кончилось. Вот взглянул орел еще раз — тут он и отрезал кусок мяса от своей ноги, и в тот же миг поднялись.

«А-а, что это последний раз у тебя мясо было что-то уже очень вкусное?» — спросил орел. — «Я отрезал от своей ноги, мяса — ведь у нас не хватило». — «Больно было?» — «Очень больно». Орел быстро начал исправлять поврежденную ногу и вылечив ее, сказал: «Ну, браток, отправляйся по этой тропочке (прощаются они). Попадется тебе озеро, на это озеро прилетят купаться двенадцать голубей. Как превратятся в девушек и пойдут в воду. Одна девушка свою одежду положит чуть в сторонке, — ты спрячься. Как войдут они в воду, ты и укради

у одной из них одежду и снова спрячься. Девушка начнет очень искать».

Дошел он до указанного озера и спрятался. Видит, летят двенадцать голубей, обернулись девушками и пошли купаться. Вот он и украл одежду. Девушки вышли из воды. Одиннадцать оделись, а у одной нет одежды. Ей нельзя уж больше превратиться в птицу. Одиннадцать превратились в голубей и улетели. Одна лишь осталась на берегу. Вот она плачет, ищет одежду. «Если взял тот, кто старше меня, я буду звать его старшим братом, если взял старше отца — буду звать дедушкой, если взял мне ровесник, назову того мужем».

Он вышел, отдал одежду. Говорит ему девушка: «Иди по такой-то дороге, нас двенадцать девушек, живем мы у такого-то старика в большом доме. Громадный такой... Как придешь ты, он тебя спросит — зачем пришел? — А ты говори прямо — сватать девушку. — Вот он выведет нас, в образе двенадцати лошадей. И спросит — узнаешь ли невесту? — Мы все будем, как одна. Я махну хвостом, а ты примечай. Потом выведет двенадцать девушек, все как одна. Я волосок свешу, вот так, вперед. Потом выведет нас, превратив в двенадцать голубей. Как пойдем мы по кругу, я свешу одно крылышко чут-чуть, смотри не зевай! Как ты придешь, он тебя сразу запрет». При этих словах девушка обернулась голубкой и улетела.

Вот допрашивает старик девушку: «почему ты отстала от подруг?» — «Я, — говорит, — купалась дольше других и не видела как они ушли», — обманывает она его.

Пошел меньшой брат по тропиночке. Шел, шел, дошел. Около ворот стоит часовой (*караульщик*). «Ты зачем пришел сюда?» — Я пришел сватать девушку» — говорит прямо. Караульщик доложил старику. «Что за человек, пусть заходит!» Пустил его к себе. «Ну, браток, зачем пожаловал? — «Я пришел сватать девушку». — «Это ты украл ее одежду?» Старик уже все знает. Девушки рассказали ему и как потерялась одежда, и как подружка там задержалась. Старик тут же молодца и запер.

На другой день выводит старик двенадцать лошадей. «Ну, браточек, выходи теперь. Угадаешь, которая твоя невеста, получишь ее». Вот ходят лошадки кругом, а та уже и хвостом шевельнула. Поставил старик лошадей в ряд и спрашивает: «Ну, которая твоя невеста?» — «Вот эта». — «Правильно», — говорит старик. И опять запер его в отдельную избушку, а кормит чем попало.

На второй день вывел двенадцать девушек, поставил их в ряд и зовет его. Тот ходит, приглядывается. Увидев ту волосинку, вскрикнул: «вот эта». «Правильно», — говорит старик. И снова запер его в избушку.

На следующее утро выводит двенадцать голубков. «Ну, браточек, — говорит, — выходи»! Голубочки играют, ходят по кругу. Он следит за крыльями. Та махнула крылышком. «Ну, теперь которая твоя невеста?» — «Вот эта», отвечает он. Опять запер

его старик. Вот что, браточек, построй-ка ты к завтрашнему утру большой монастырь, будем тебя венчать. «Построю», — соглашается он. А старик в изумлении думает, — что это за человек?

Примерно, часам к одиннадцати приходит к нему невеста и говорит: «Как встанешь завтра утром, начни пол подметать». А сама позвала своих служащих и к утру уже монастырь построила. Парень же этот, взяв метелку, ходит, подметает кругом. Приходит к нему старик. «Построил монастырь?» «Построил», — отвечает он, не боится старика. «Вот сегодня обвенчаем вас».

Неизвестно откуда достали попа и обвенчали молодых. Целую неделю свадьбу справляли. Положили их спать в отдельной комнате. Спят ночь, спят другую, спят третью ночь. К каждому обеду их приглашают особо. «Теперь, — говорит ему жена, — сегодняшней же ночью мы должны бежать, иначе старик все-равно съест нас, он тант против нас сильную злобу». И ночью бегут они вдвоем.

Вот посылает старик за ними к обеду. Стучат в окно: «Идите обедать». — А башмак, оставленный женой, отвечает: «Сейчас придем».

Вот ждут, пождут к обеду, нет людей. «Сходите еще, что они там медлят», — велит старик. — «Что долго собираетесь, время кушать». — «Сейчас придем», — опять отвечает башмак.

Время уже близко к обеду, они все не идут. Старик тогда догадался: «стой, — говорит, — я сам схожу». — «Ну, доченька, зятек, идемте скорее обедать». — «Сейчас идем», — отвечают оттуда.

Старик идет к себе. Опять ждет, их нету. «Постой, схожу еще раз, зайду прямо к ним». Приходит, а двери закрыты не плотно. Заходит в дом, нет ни души. «Нету их, ушли, жена его больно хитра, идите за ними вслед, верните их», — посылает старик одиннадцать девушек.

Жена почуяла погоню и говорит: «Ну, нас нагоняют, я буду коровой, а ты пастухом». Обернулась она в корову, а он пастухом. Голубки уже подоспели, пролетели над ними, повернулись и летят обратно домой. «Ну, что, видели?» — спрашивает их старик. «Не видали и не нашли», — отвечают голубки. «Может видели какого-нибудь человека?» — спрашивает старик. — «Видели только корову и пастуха». — «Вот это они и были, отправляйтесь еще раз».

А беглецы продвигаются все дальше и дальше. Опять почуяла жена погоню. «Опять ведь гонятся за нами, ты будь нищим, а я монастырем, ты сиди у монастыря и собирай милостыню» (*жена-то какая хитрая*).

Голубки опять пролетели дальше. Летали, летали, не нашли, полетели обратно домой. Опять спрашивает старик: «нашли или нет?» — «Нет, не нашли», — отвечают девушки. «Может видели какого-нибудь человека?» — «Только нищего, сидевшего на паперти монастыря, и видели», — отвечают они. «Вот это как раз

они-то и были: жена — монастырь, а муж — нищий. Ну, теперь я сам уж поеду». И погнался.

Опять жена почуяла погоню. «Ну, теперь уже старик сам идет. Я буду озером, а ты селезнем. Он придет в виде лебедя, а потом обернется большим быком и начнет пить воду из озера, высушит все. Ты смотри не давай пить много, а то я уж больше не буду твоей, он выпьет всю мою кровь и съест тебя, а сам превратится в ястреба. Как только начнет пить, ты выходи на берег, обернись большим медведем и разорви его на части».

Вот старик и подоспел. Жена стала озером, а муж селезнем и погуливает. Старик уже превратился в быка и начал пить воду из озера. Селезень вылетел на берег и превратился в медведя. Загреб этого быка и разорвал. Жена опять девушкой стала. Муж спрашивает ее: «куда мы теперь отправимся?» — «Пойдем, — говорит, — к отцу, отец мой был очень сильным царем. Теперь стал королем, земля у него маленькая. Вот мы и пойдем выручать его прежнюю землю». А муж спрашивает: «как же ты сюда-то попала?» — «Старик меня маленькую у отца украл». Вот пришли они к ее отцу. «Здравствуй отец», — здоровается дочь. «А я ведь тебя не знаю», — отвечает отец. «Я твоя дочь. Пропала у тебя пятилетней. Ну, папаша, как живешь, по-старому или нет?» «Не по-старому, — отвечает отец, — от всей моей земли мне оставили только одну двенадцатую часть». Дочь и говорит: «ничего, сейчас мы объявим войну и отберем всю землю».

Вот царь всех оповестил, чтоб к такому-то часу собрались на заседание. Пришли цари, и он начал речь держать: «Я желаю вернуть свою землю, а для этого пойду на всех войной». Они ему говорят: «как же ты со своей маленькой семьей победишь нас?» А один из царей и говорит: «а мы и остальную землю отберем у него». На этом порешили начать войну такого-то числа.

Приходит царь к своей дочери. Дочь спрашивает: «Ну, папа, как же?» — «Я сказал им такого-то числа начать войну». — «Ты, папа, никого из солдат не тревожь, я пойду сама».

И вот, надвигается большое войско. А у этой девушки был рожок. Взяла она этот рожок и подула в него. И вышло из рожка столько бойцов — с ума сойдешь! Вышли оттуда еще три могучих богатыря. Эти войска в два дня всех победили. Девушка отвоевала отцовскую землю. Побежденные цари еще сильнее рассердились и пошли на нее, пять государств сразу.

Опять надвигается сильная война. Девушка взяла рожок и подула два раза. Теперь вышло шесть богатырей. Войска вышли — конца краю нет, и пушек... и всякой всячины полно, не знаю, откуда и взяла. Война продолжалась не больше недели. Она победила всех восставших царей и сделала их королями, а отцу возвратила всю землю.

«Ну, папаша, каково будет тебе, я хочу сделать царем своего мужа?» — «Вот, доченька, вернула ты мне мою землю, и мне

снова захотелось еще годика три побыть царем», — отвечает ей отец (*все же хочется поцарствовать ему*). Тут муж и говорит жене: «Ай ай! да пусть царствует до смерти, после все равно наше будет».

Итак, до смерти царя они ухаживали за ним. А как умер он, сами заняли престол. Жена сильна!

Сказка дальше, — я ближе.

17. АРАП

Жили муж с женой, богатые и бездетные. Вот и говорит как-то жена мужу: «Сходи-ка, муженек, к знахарке, мы с тобой живем восемь лет, и нет у нас детей». Отправился он к знахарке. «Ты зачем пришел?» — спрашивает знахарка. «Восемь лет уж, как я женат, и нет у меня детей». И говорит ему знахарка: «вот, возьми-ка эту луковицу». — «А сколько стоит твоя луковица?» — спрашивает он. — «Одна луковица сто рублей». Покупает он за сто рублей луковицу. «Иди к жене, — говорит знахарка, — и дай ей скушать эту луковицу».

«Вот, жена, знахарка дала мне луковицу и приказала накормить тебя ею». Разрезал он луковицу на четыре части и покормил, а шелуху выбросил за окно. А кобыла ходила по двору и съела ту шелуху. «Ну, муженек, — говорит жена через полгода, — у меня в брюхе что-то есть, чувствую, как там шевелится». «Если есть, значит хорошо», — отвечает муж.

Посмотрел лошадку — и лошадка жеребая. «Вот, женка, и лошадка наша с жеребенком будет».

Через девять месяцев родила сына. Назвали его Иваном. Красивый, здоровый, как и луковица. И лошадка ожеребилась. Вот они живут так года три, четыре, пять... У Ивана подошли года учиться. Учился он почти до семнадцати лет. А муж уехал торговать на три года. В это время жена научилась гулять с другим. Иван стал помехой им. Вот любовник и предлагает: «Давай убьем Ивана». — «А как это сделать? — спрашивает мать (*вот родила, даже сын не нужен стал, а сама родила!*). — «Я тебе принесу снадобье, ты положишь его в пирог и накормишь его этим пирогом», — предлагает любовник.

Мать состряпала пирог. Возвращается Иван с ученья и прямо зашел к своему жеребцу. У жеребца провалились копыта в землю. «Эй, товарищ, почему же твои копыта в землю провалились?» — спрашивает Иван. «Вот почему, — отвечает жеребец, — мать для тебя испекла пирог: как ты его съешь, так и умрешь. Выброс этот пирог из окна, смотри только не вздумай есть». Пошел Иван к матери. «Ой, мама, нет ли чего поесть, я очень проголодался?» «А я тебе пирог испекла, ешь суп с пирогом», — предлагает мать. «Суп с пирогом не идет, мама, дай-ка мне хлеба». Мать принесла хлеб и пирог. Иван взял пирог и выбросил в окно собаке. Тут мать рассердилась: «Зачем ты выкинул хороший пирог?» «Я, — говорит Иван, — не люблю

пирогов». Вот Иван наелся и выглянул в окно. Смотрит, а там собака издыхает. «Вот-так мамаша! хороша же ты оказываешься, если бы я поел твоего пирога, так бы и умер: посмотри-ка, как собака издыхает! От бога выпросили сына, а сейчас стараетесь убить». А матери возразить нечего.

На следующий день Иван опять идет в школу. И любовник опять к матери пришел: «Почему пирога не ел?» «Выбросил за окно, собака съела и сдохла!» — отвечает она. «Вот я принес ему рубашку. Истопи-ка ты баню. Как наденет он эту рубашку, так и умрет». Мать взяла рубашку и пошла топить баню. Баня поспела, и Иван пришел. Опять он заходит к своему жеребцу. Теперь уж жеребец по колено ушел в землю. «Ой, товарищ, почему ты так глубоко в землю ушел?» — «Мать твоя даст тебе новую рубашку и будет посылать в баню. Ты не надевай рубашку, — положи ее на печь, пусть сгорит. Сам приди, одевшись в грязную рубашку. А матери скажи: я повесил рубашку сушить, она упала на печь и сгорела». Выслушав это, Иван пошел к матери в избу. — «Иван, иди в баню, баню истопила». — «Надо сходить, — отвечает Иван, — хорошо бы помыться». — «Вот тебе новая рубашка, одень ее после бани».

Иван взял рубашку и пошел. Придя в баню, сразу же бросил рубашку на печь, она и сгорела. Сам надел грязную рубашку и пошел к матери. «Почему ты не одел новую рубашку?» — спрашивает мать. «Я ее повесил на гвоздик, она упала в бочку с водой. Я положил ее на печь сушиться, она и сгорела».

На другой день Иван снова пошел в школу. А к матери ее любовник пришел и спрашивает: «Почему твой сын не одел рубашку?» — «Сжег на печи, — отвечает она ему. «Теперь по-другому сделаем. Ему все передает жеребец, ты же захворай».

Она захворала. Как вернулся Иван из школы, прямо и зашел к жеребцу. Жеребец стоит, как полагается, и ничего не говорит. Пошел Иван к матери. Мать лежит тяжело больная. «Иван, сходи к знахарке!» Пошел Иван к знахарке. Знахарка говорит ему: «Твоя мать здорова».

Возвратился Иван к матери: «Мама, она сказала, что ты здорова».

Утром опять Иван пошел в школу. А любовник пришел и советует: «Скажи Ивану так: давай зарежем жеребца, только тогда я выздоровлю, если съем его сердце и легкие».

Как вернулся Иван из школы, опять по пути к жеребцу зашел. Жеребец стоит в земле до половины живота. «Ой, товарищ, почему опять так глубоко в землю ушел?» — «Иван, Иван, меня ведь хотят зарезать, не давай погубить меня, через двое суток уже возвращается твой отец. Мать твоя будет торопиться, а ты ей скажи, что до возвращения отца резать ты не позволишь».

Иван пошел к матери, а она попрежнему больна. «Ну, Иван, сегодня надо зарезать твоего жеребца», — решительно говорит

она. — «Мама, до возвращения отца я не дам жеребца резать». — «Неизвестно, когда прибудет отец!» — «Через двое суток». — «Откуда ты знаешь?»

— «Мне сказал школьник».

Через двое суток вернулся отец. Жена больна. «Что это, жена, ты как-будто больна?»

— «Сильно больна, — жалобно отвечает жена, — я видела сон: какой-то старик советовал мне зарезать жеребца и съесть сердце и легкие. Тогда, говорит, я выздоровлю». — «Что же, надо зарезать», — соглашается муж.

Вернулся Иван из школы и — прямо к жеребцу. У жеребца только спинной хребет виден. «Ой, товарищ, что же ты опять так провалился? — жалобно спрашивает Иван. — «Сегодня меня уже зарежут», — отвечает жеребец. — Как выведут меня резать, ты и спроси у отца: «Папа, вместе мы с этим конем родились, дай хоть один круг на нем проехаться».

Пошел Иван к отцу, пьет-ест, наедается. Отец говорит ему: «Скричи Егора с Василием жеребца резать. «Хорошо», — отвечает Иван. Позвал мужиков, выводят жеребца резать. «Папа, вместе мы с этим конем родились, дай хоть прокачусь один круг, как он идет?» — «Ну, будь по твоему, прогуляйся», — отвечает отец.

Сел на жеребца и поехал кататься. Жеребец идет прекрасно. Объехав круг, возвратился Иван к отцу. — «Папа, мать не больна, у нее есть любовник. Она хотела меня отравить пирогом, я его собаке бросил, она издохла. Потом хотела меня извести, дали рубашку, в баню посылали, я пошел в баню и сжег ту рубашку. А вот сейчас хотят, чтобы зарезали этого жеребца. Посылала мать меня к знахарке, знахарка сказала, что она здорова. Вот что, папа, возьми для меня проволоку, свей ее в тросс, что хочешь делай, хоть бей до смерти. А теперь до-свидания. Вам бог дал ребенка, мать меня только и старалась как-нибудь со света сжить, прощай!»

Лошадь поднялась вверх. Вот они едут, доезжают до полянки у большого леса, спускаются туда. Там колодец. На этом колодце лежит большой алдыр (ковш). Иван сильно захотел пить «Иван, выпей только один ковш», — предупреждает жеребец Иван выпил ковш, а вода такая вкусная! Зачерпнул еще один ковш. А в колодце стоит красавица. — «Почему ты пьешь, не спросившись?» — спрашивает она. Как взглянул Иван на красавицу, так и почернел как цыган. «Вот, — говорит ему жеребец, — ведь я просил тебя выпить лишь один ковш, а ты выпил два, да и на девушку поглядел. Вот уж я теперь и не смогу тебя на себе таскать, куда хочешь, туда и иди! Когда нужен буду, позови меня».

Пошел Иван своей дорогой — могучий богатырь. Шел, шел, вышел в царский город. Проголодался. Стал искать работы. Вот один купец предлагает ему: «У меня есть работа, уборную чистить, если хочешь, — иди». Иван стал чистить — всю уборную

разломал. Приходит купец — уборная разломана. «Зачем сломал, я тебя кормить не буду», — говорит купец.

Пошел Иван к царю, черный стал, совсем как арап. Спрашивает царя: «Есть у тебя какая-нибудь работа?» «Работа есть, — отвечает царь, — надо привезти дуб. Дуб очень большой». «Хорошо, я привезу его», — согласился Иван.

Дал ему царь несколько солдат и одиннадцать лошадей. Солдаты запрягли лошадей, сели в сани и говорят Ивану: «Садись, арап, в сани!» — «Если я сяду, то ваши лошади не увезут меня». — «Что ты, дурак, где же это видано, что одиннадцать лошадей не увезут!»

Иван высадил солдат и сел сам в сани, а лошади ни с места (*ну и легкий, то один жеребец справлялся, а то одиннадцать лошадей не могут, много грехов набралось, не надо было ему глядеть на девушку*). Слез Иван с саней, пошагал пешком. Пришли к дубу, — дуб сухой. Солдаты советуются: как же теперь дуб срубить? «Арап, сруби ты», — предлагают ему. «Что мне рубить, столкну и все!» Толкнул, дуб и повалил наземь (*мала же у него сила!*) Взвалил на плечо и понес к царю. У царя была изба для скота. Просунул Иван дуб в окно этой избы и сбросил прямо на пол. Пришел царь, смотрит. «Зачем ты, арап так сделал, тащи дуб обратно». — «Накорми, тогда вытащу», — отвечает Иван. — «Что же тебе дать кушать?» — «Пять ведер молока, пять ведер супу, пять пудов хлеба!» Накормил его царь.

Наелся арап и говорит: «Уйдите все со двора». Вынес он дуб из избы и бросил через крышу (*вот сколько было силы!*). Дуб раскололся на четыре части. После этого царь сильно полюбил Ивана. «Тебе эта работа не годится, становись-как ты лучше сад сторожить», — говорит ему царь.

Прослужил Иван неделю сторожем. Царь ему приказывает вырвать из земли сухие яблони и насадить живые, а он взял да и выдергал все, до единой, собрал их в кучу. Сильно рассердился царь — сада не стало. Вот призывает его к себе, спрашивает: — «Зачем ты вырыл весь сад? Теперь мы тебя убьем, застрелим. А арап и говорит: «Вам меня никогда не убить. Пуля для меня слабее укуса блохи. К завтраму будет твой сад необыкновенно прекрасен». И пошел спать в свою избушку.

На утро встал в 10 часов и зычным криком зовет жеребца (прибежит или нет?). Прискакала лошадь. «Зачем ты меня вызвал», — спрашивает. «Вот что я с садом наделал. Насади все сухое». Лошадь отвечает ему: «Я насажу, а ты иди к кабаку, возьми там две большие бочки и принеси с речки воды». С этими словами лошадь исчезла. Взяв две бочки на спину, пошел Иван по воду. Зачерпнул обе бочки и полил сад. К утру сад в семь раз стал лучше (*помогает лошадь*).

Полюбовался царь на сад. Арап ему стал еще милее. И говорит младшая дочь царя: «Папа, я пойду замуж за арапа». Старшие сестры замужние обе возмутились: «Что ты, дура,

зачем пойдешь за такого черного?» — «А вот и выйду за него», — повторяет настойчиво она.

В это время на царя идет войной большая сила. Зятья пошли воевать. Арап приходит к царю и говорит: «Дай мне коня и я поеду на войну». Царь дал. Иван вывел коня в поле и избил его до смерти. Содрал шкуру, пошел в сад, в свой домик. «Вот, теперь есть что положить в изголовье». А спал он на голых досках. Покликал свою лошадь. Лошадь прилетела. — «Ну, Иван, залезай в правое ухо и вылезай в левое!» (*маленькая, видно лошадка!*) Вот, залез в правое ухо, вышел в левое и сделался невиданным красавцем, — горит как золото. «Но, теперь садись на меня», — говорит конь (*теперь — можно, избавился от греха-то!*) Возьми плетку, поедем на войну».

Вот едут они вдвоем на войну. Уничтожают все войска. Лошадь топчет, он бьет. На обратном пути этой же плеткой ударяет Иван своих зятьев по разу. Приезжают зятья к царю и рассказывают: «Что за человек, горит как золото, разгромил все войска, а на обратном пути так хлестнул нас, что сейчас больно». А старшие сестры говорят ей: «Эх, ты, хочешь итти за арапа, вот ведь где жених!» — «А я все-таки пойду за арапа», — отвечает она.

На другой день опять идет сильная война. Уезжают зятья. Арап опять идет к царю: «Дай мне еще одну лошадь?» — «Вчера я дал тебе лошадь, куда ты ее дел?» Но дал все же ему еще коня. Опять вывел Иван его в поле и опять избил до смерти. Снял шкуру и кричит: «Сороки-вороны, слетайтесь сюда, царь пожертвовал лошадь вам на съедение!» А сам содрал шкуру, пошел домой в караулку. «Вот теперь и есть у меня постель, — застилает постель, — теперь тело не будет болеть». Опять кличет лошадку, она появляется, Иван влезает к ней в правое ухо, вылезает в левое. Опять сияет красотой, как золото. Садится на лошадь и уезжает. Опять уничтожает все войска. Теперь уже ударяет зятьев по два раза. Возвращаются затья и докладывают царю: «Опять вчерашний же разбил войска. Как ударил нас обоих по два раза, так мы даже изогнулись». Сестры уговаривают младшую: «Вот, за какого жениха надо выходить, а ты хочешь итти за арапа».

Младшая сестра, как будто про все знает: «А я все же выйду за арапа». Какой бы там красивый не был, она свое поет.

А Иван приехал в сад, залез в левое ухо, вылез в правое, стал опять таким же черным комом, как прежде.

На третий день опять нагрянула война. Опять зятья уехали. Опять Иван просит царя дать ему лошадь, а царь и отвечает: «Я тебе уже две лошади дал, дам еще одну». Опять вывел ее на поле то и убил. Снял шкуру. «Сороки-вороны-коршуны, слетайтесь сюда, царь пожертвовал вам лошадь, ешьте ее». И пошел в свою караулку: вот теперь есть покрывало на зиму.

Опять зовет лошадь. Появляется лошадь. Иван залезает

в правое ухо, выходит в левое, садится на нее. Лошадь теперь гибко идет. Опять они уничтожили все войска, целые сутки бились. И победил этот царь другого царя. Вот на обратном пути Иван по три раза хлещет зятьев — те валятся с ног. Приезжают они к царю и докладывают: «Ну, папаша, теперь война кончена, опять тот же человек разбил войска, а на обратном пути дал он нам по три раза — мы оба и свалились». Старшие сестры говорят младшей: «Вот за какого жениха выходить надо!» — «А я все же пойду за арапа», — говорит она свое.

Каждое утро носила она завтрак арапу. Как приехал Иван к избушке, лошадь ему и говорит: «Ну, Иван, теперь я не уйду от тебя (*вот и грех кончился!*). Теперь ты всегда будешь красавцем и силачем».

Приносит младшая дочь царя завтрак, смотрит, гуляет в саду конь — золотогривый, золотохвостый. Заходит в избушку — арап красивый, здоровый. — «Несешь! — говорит ей, — я уж теперь не ем столько» (*начал наедаться!*). Младшая дочь царя заговорила с ним: «Возьмешь меня замуж, арап?» — «Я ведь не арап, а Иван, — отвечает он, — если выдаст твой папа, то возьму». — «Отцу тут нет дела, я сама силой пойду» (*очень здоровый!*). Скажи, это ты уничтожил войска?» — «Да, я». — «Это ты бил зятьев плеткой?» — «Я», — отвечает он.

Вот пошла царская дочка к отцу. «Папа, войска не арап уничтожил, а Иван. Сейчас он в караулке сияет как золото, а лошадь золотогривая, золотохвостая гуляет по саду». Говорят старшие сестры: «Как ты надумала итти за арапа? Идем, папа, посмотрим, что за человек он!» — зовут они царя. Младшая дочь обрадовалась, идет впереди. Приходят в сад, царь вызывает Ивана. Вышел Иван и засиял сад! А царская дочь пошла и встала рядом. Царь ему: «Ну, Иван, теперь пойдем ко мне, теперь тебе не бывать караульщиком сада. Моя дочь хочет пойти за тебя, возьмешь, или нет — не знаю?» — «Если отдашь, возьму», — отвечает Иван. «А-а, я выдам с охотой».

Вот он женился на царской дочери, обвенчали, свадьбу играли около недели. «Ну, Иван, — говорит царь, — я тебе даю полцарства. Половиной будешь править ты, половиной я».

Сказка дальше — я ближе.

18. МУЖИК ХОРОНИТ ТРЕХ ПОПОВ

Давно-давно жил купец со своей женой. Купец — богатый. «Старуха, — говорит купец, — у нас детей нет, давай, раздадим один магазин нищим, может попадем в царство небесное». Вот они роздали один магазин, все же не удалось попасть в царство небесное. «Старуха, сшей мне холщевую шляпу». Вот старуха сшила ему шляпу. Пошел он в город, зашел в кабак. Отдал на полуштоф водки денег, а водку не взял. В другом кабаке также покупает водку, отдает деньги, а водку не берет. Заходит в третий кабак, опять оставляет за один

полуштоф денег. Идет в тот кабак, где оставил за первый полуштоф. Навстречу идет продрогший поп. — «А что, батюшка, никак озяб?» — Очень замерз». — «Давай зайдем сюда погреться?» — предлагает купец? Заказывает водку, выпивают ее вместе. Приказчик спрашивает: «ну, давайте расчет?» Купец бросает шляпу: «На эту шляпу поверь». — «На эту шляпу можно поверить на тысячу рублей». (*Раз вперед уплачены деньги*). Поп удивлен — что за шляпа, сшита из холста, а на тысячу рублей доверяют.

Выходят оба и идут опять с попом в другой кабак. Встречается им другой поп. Тоже продрог сильно. — «Замерз что ли?» — «Замерз очень», — отвечает поп. А первый поп и говорит — он меня здорово согрел. «А если замерз, то давай зайдем сюда погреться!» — зовет купец другого попа. «Ну, давай один полуштоф», — говорит купец приказчику. Вот втроем выпивают его. Выпили, приказчик опять требует расчет. Вынимает купец из кармана шляпу, говорит: «на мою шляпу доверяешь?» — «На эту шляпу можно доверить на тысячу рублей». Попы удивлены: сшита из холста, а на тысячу рублей доверяют — говорят друг с другом. «Ну, ай да в третий кабак».

Вот пошли они втроем. Встречается им третий поп. Тоже сильно продрог. — «Озяб что ли? — спрашивает купец — если озяб, то зайдем сюда погреться». Опять заходят вчетвером. «Ну, давай один полуштоф», — спрашивает у приказчика. Приказчик принес водку, они роспили ее вчетвером. Выпили, приказчик опять просит расчет. Вынимает купец из кармана шляпу. «На эту шляпу доверяй», — говорит он опять. На эту шляпу можно доверить на тысячу рублей», — отвечает приказчик. Попы опять удивляются: сшита из холста, а на тысячу доверяют. Выходят втроем на улицу и сговариваются: «Давайте купим у него эту шляпу, на нее в магазине можно купить на несколько тысяч!» Зашли попы в кабак и говорят: «Алексей Семенович, продай нам свою шляпу?» «Продам, — отвечает купец, только прошу три тысячи рублей». Попы дают ему три тысячи, купец приходит к жене. «Продал ведь ту шляпу за три тысячи», — докладывает он ей. Где же ты нашел такого дурака? — спрашивает жена «Попы купили».

А попы все вместе пошли в магазин. Набирают себе ситцу, сукон разных. Набрали тысяч на двенадцать. Вот приказчики требуют расчет от попов. Развертывают шляпу, бережно завернутую в белую тряпку. «На эту шляпу доверяй», — говорят они. Эта шляпа нам за две копейки не нужна», — отвечают приказчики. «Давай, — говорят — пойдем к Алексею Семеновичу, убьем его, зачем он нас обманул!»

Алексей Семеныч в это время притворился мертвым, лежит в кровати. Заходят три попа в избу, а там одна купцова жена возится. «Алексей Семеныч спит что ли?» — «А он ведь умер», — отвечает она. — «Но, если умер, хорошо», — говорят попы. — «А что, он очень был нужен?» — спрашивает старуха. — «Чу-

точку нужен был». — «Если очень нужен, я оживлю его». — «А как же ты оживишь?» — спрашивают попы. А она берет ножницы, берет маленький молоток, защемила зад, дергает и тихонько стукает молотком. Алексей Семеныч просыпается. «Алексей Семеныч, продай эти ножницы с молотком?» — «Продам, три тысячи рубликов». Опять попы покупают это все.

Вот один из попов как-то рассердился на свою жену и убил ее. Ножницами щипал, щипал, жена никак не оживает. Скорее запрятал жену, а в это время приходит другой поп и говорит: «Я убил жену, давай молоток с ножницами». «А твоя матушка где?» — спрашивает. «Ушла в гости к сестре», — отвечает первый. Вот как не старался второй поп, так и не мог оживить жену. Запрятал он ее. Приходит третий поп. «Куда ушла твоя матушка?» — «В гости к сестре пошла», — говорит. — «Дай-ка молоток с ножницами, и я ведь жену убил». — «Не дам, обманул ведь нас Алексей Семеныч, а мы и прикончили своих жен».

Вот собрались они втроем и советуются: «Давайте убьем Алексея Семеновича». А Алексей Семеныч выпилил у себя две половицы — так, что как вступит на пол, так и упадет в подполье. Вот идут три попа к Алексей Семенычу. А тот встал у дверп с ломом (*быть им в царстве-то небесном*). Поп только хотел зайти — он его ломом по голове. Поп сразу дух вон и в подполье. Убил таким образом всех троих.

Наступил вечер. На улице с похмелья солдат шатался. Алексей Семеныч позвал его к себе. «Ты, что с похмелья?» — спрашивает его. «Похмелье очень сильное — говорит солдат. Вот купец дал ему полбутылку опохмелиться. «Знаешь, что, земляк, — говорит Алексей Семеныч, — ко мне пришел поп пировать и умер, унеси-ка ты его на Волгу, сунь под лед, я тебе дам сто рублей». — «Где лежит он?» — «В сартире». Вот стало около десяти часов, солдат понес попа. А там стоит часовой. — «Кто идет?» — «Чорт». — «Что несешь?» — «Попа».

Приходит обратно. Алексей Семеныч опять уговаривает его полбутылочкой. — «Поп-то опять ведь пришел, опять зашел в сартир», — говорит солдату. Опять солдат понес попа, опять часовой кричит: «Кто там идет?» — «Чорт». — «Что несешь?» — «Попа». Часовой и думает себе: «ну теперь чорт всех попов в городе перетаскает».

К приходу солдата купец еще одного попа приготовил. — «Опять ведь обратно прибежал!» — Давай еще полбутылочку». — «Сможешь унести-то?» — «Смогу». Выпил еще бутылку и опять потащил. Часовой опять спрашивает: «Кто идет?» — «Чорт». — «Что несешь?» «Попа!» — «Ну, теперь перетаскает всех попов в городе», — думает часовой.

Рассвело. Часовой известил попов, что мол сегодняшней ночью чорт унес трех попов. Начальники посоветовали им, чтобы попы одели ризы, может тогда чорт не подойдет. Приходит солдат к Алексею Семенычу. «Ну, давай Алексей Семеныч, сто рублей!» Алексей Семеныч отдал сто рублей, вдобавок еще угостил

полубутылкой. Вышел солдат на улицу. А на улице опять какой-то поп ходит с кадилом и в ризе. Солдат и этого попа словил: «опять вернулся?» Живого попа в реку сунул.

Купец так и не смог попасть в царство небесное. Загубил четырех попов.

Сказка дальше — я ближе.

19. ОМЕЛЬЯН СУЧКИН

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, в котором мы живем, в тех местах, где спят на голых досках или на ровном месте, как на голове...

Это было давно. У одного царя не было сына. Однажды запрягает он лошадь, сажает жену и едут они вдвоем с женой. По дороге ведут такой разговор: «Как будем жить — сына нет, состаримся и умрем. Кому достанется наш престол?» Ехали-ехали, доехали до большой реки. Навстречу им идет дряхлая старушка.

Старушка останавливает царя: «О чем же это вы с женою беседуете, ваше императорское величество?» Царь отвечает: «Ай, что ты знаешь, старуха! Тебе умирать пора уже». А бабушка отвечает ему: «А знаю, о чем вы беседуете». — «Ну, если знаешь, скажи, о чем мы беседовали», — говорит царь. «А вот о чем говорили: у вас нет сына, и вы едете и грустите о нем».

— «А как бы это сделать одного сына?» — спрашивает царь. «Ты, — говорит старушка, — поезжай по берегу этой речки, встретишь там рыбака. Рыбак поймает маленькую рыбку и будет бросать ее в воду. Ты его останови, купи эту рыбку. Цену дай такую, какую спросит».

Поехал царь по совету бабушки и доехал до рыбака. Рыбак поймал маленькую рыбку и хотел бросить в воду; царь остановил его: «Я, — говорит, — ее куплю. Сколько просишь за эту рыбку?»

Рыбак тоже не дурак: «Триста рублей, — говорит, — ваше императорское величество!» Царь отдал ему триста рублей. А бабушка ему говорила: «Ты эту рыбку никому не давай, корми ею только свою жену». Привез царь рыбку домой и отдал стряпке, говоря: «Смотри, свари эту рыбку, да сама не хлебни!» Стряпка взяла рыбку, вычистила, вымыла, внутренности и воду, в которой мыла, выплеснула на траву. У царя была кобыла, которая ни разу не жеребилась. Вывели ее на волю, она съела эту траву. Стряпка варит и думает себе: «Варю первое купанье (чэс) царицы, неужели нельзя отведать? Может, будет пересолена, может — недосолена будет», и хлебнула ухи. Потом стали царицу кормить рыбкой вместе с ухой. Кроме царицы, эту уху

ела еще собачка. Через девять месяцев царица родила сына и называют его Иван-царевич; родила и стряпка мальчика — ему дали имя Иван Кухаркин; родила собачка человека — назвали Омельян Сучкин. Лошадь через одиннадцать месяцев принесла трех жеребят.

Эти ребята растут не по дням, а по часам. Двух лет уже начали бегать, играть. Их различить трудно — все как один! Узнать можно только по тому, что собачий сын бежит к матери, сын стряпки ищет себе поесть, а царский сын меняет белье (наряд). Омельян Сучкин кормил трех жеребят; за маленьким ухаживал больше всех: поэтому он стал проворнее остальных. Он взял его себе. Потом стали ходить в школу. Играть уже ходят в город. Кого схватят за руки — руки оторвут, кого схватят за ноги — ноги оторвут. После они стали учиться в высшей школе, в вузе. Стали большими озорниками. К царю стали поступать многочисленные жалобы, что, мол, ваши ребята озорничают: кого за руки схватят — оторвут руки, кого за ноги — оторвут ноги. После этого царь говорит своим сыновьям: «Лучше учитесь охотничать. У вас и лошади есть». Вот они берут три ружья, садятся на лошадей и едут. Уезжают за двадцать — тридцать верст и привозят большую добычу. Так они проездили два — три года и, в конце концов, стали большими богатырями.

Однажды поели, попили и поехали далеко в лес, может быть, за сто верст. Там они ходили-ходили по большому лесу и заплутались, не могут найти дорогу обратно. В конце концов, к вечеру вышли на полянку. На поляне заметили большой дворец. Открыв ворота, заехали во двор. Лошадей привязали к трем столбам под навесом. Положили корм, сами зашли во дворец. Поискали хозяина и не нашли, — пустой дом.

Поужинав вечером, стали ложиться спать. Омельян Сучкин говорит Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, сегодня ведь нам нужен будет караульщик. Они сегодня придут и убьют нас». Иван-царевич спрашивает: «Кого пошлем караулить?» — «Караулить, конечно, пойдешь ты, Иван-царевич. Ты у нас самый старший». Иван-царевич одевается и выходит за ворота. К полуночи идут три девушки. Старшая девушка говорит: «У нас сегодня есть гости». Средняя говорит: «И караульщик сидит у ворот». Младшая сестра говорит: «Если есть караульщик, то он спит, зайти можно». Заходят в дом, осматривают: в печке нет обеда. Все съели. А Омельян Сучкин не спит! Наблюдает из-под одеяла. Три девушки топят печку и ставят обед в два раза больше. После этого уходят, ночью же.

Утром рано просыпается караульщик у ворот; дает корму лошадям, поит их, и потом с шумом вбегает к спящим, будит ребят: «Вставайте! Больно уж долго спите! Я продрог, сидя у ворот всю ночь, а вы долго спите!» Встает Омельян Сучкин: «Ну что, старший брат, что сегодня видел?» — «Ничего не видел, всю ночь только волки выли да филины кричали». — «Ну, ладно, раз не видел, так не надо. Все равно одна ночь про-

шла!» — говорит Омельян Сучкин. Затем встают все, завтракают, садятся на своих лошадей и отправляются опять в лес. Опять плутают-плутают весь день и, не найдя другой дороги, снова возвращаются в тот дом. Заезжают вечером туда же, заводят лошадей, ставят. Сами входят в дом, пьют и едят, печку открыли. Вечером Омельян Сучкин говорит: «Ну, Иван Кухаркин, сегодня тебе черед выходить на караул». Одевается Иван Кухаркин и идет. Сидел-сидел — и тоже заснул. К полуночи опять идут три девушки. Говорит старшая девушка: «У нас еще гости не ушли». Средняя говорит: «И караульщик у ворот есть». А младшая: «Хотя и есть караульщик, но он спит ведь. Войти можно». Входят в дом, открывают печку — от угощения ничего не осталось: все съедено. Омельян Сучкин опять не спит, — лежит, подсматривает из-под одеяла. Девушки опять готовят обед и уходят. Иван Кухаркин вскакивает с места, дает лошадям корм, поит их и выходит, говоря: «Ребята, долго спите! Вставайте! Я всю ночь простоял на карауле». Омельян Сучкин спрашивает: «Ну, а что видел на карауле?» — «Я ничего не видел. Только слышал вой волков да крик филинов». Опять встают, пьют, едят приготовленное в печке угощение, садятся на лошадей и уезжают.

Ездят-ездят, ездят-ездят весь день, а к вечеру опять возвращаются к тому же дому. Ставят лошадей на свои места, вынимают из печки угощение и съедают опять. Омельян Сучкин говорит: «Сегодня мой черед итти на караул». Одевается и выходит за ворота. Расхаживает у ворот, спать не ложится. Наступает полночь. Опять идут три девушки. Старшая говорит: «Еще не ушли наши гости». Средняя говорит: «Сегодня и караульщик не спит». Младшая говорит: «Если караульщик не спит, ведь можно же зайти». Заходят три девушки в дом — угощения нет: все съедено и выпито. Затопляют печь, еще больше ставят угощения, а затем выходят на улицу. Караульщик задерживает их: «Давайте обратно в дом, больше вас не отпустим». Войдя в дом, он кричит: «Эй, ребята, вставайте! Смотрите, вот кто к нам приходил три ночи подряд! Даже этого не смогли докараулить». Они встают, смотрят — три девушки. «Ты, Иван-царевич, постарше — возьмешь старшую девушку; ты, Иван Кухаркин, среднюю, а я — младшую!» После этого они стали все жить там.

Жили они там около трех лет. Спустя три года жена Омельяна Сучкина говорит: «К нам приедет наш младший брат. Он — шестиголовый змей. Его нельзя допустить сюда, а надо уничтожить на дороге». — «Вот ты, брат постарше, иди сегодня. Там в лесу есть кленовый мост. Он поедет через этот мост (*как говорится: калинов мост*)». «Вот, — говорит Омельян Сучкин Ивану-царевичу, — иди ты сегодня и прикончи его там». Вечером, поужинав, Иван-царевич пошел к тому большому мосту. Пришел туда и начал расхаживать вдоль и поперек моста. Почувствовал страх в душе — одному в лесу страшно. Залез под мост, лег и как следует заснул (*вот какой караульщик!*). В по-

луночную пору жена говорит Омельяну Сучкину: «Иди-ка сам, наш караульщик спит!» Омельян Сучкин встал, надел свою богатырскую одежду и отправился. Приходит. Взглянул туда, взглянул сюда — нет Ивана-царевича на большом мосту. А он залез под мост и спит себе как следует. «Спи, — думает, — коли так, если уж очень захотелось спать». Выходит сам из под моста, садится на столб посреди моста.

Вдруг в полночь поднимается сильный ветер. Глядит Омельян Сучкин — издалека, блестя, как черный коршун, едет шестиглавый змей. Доезжает до Омельяна Сучкина, и лошадь змея спотыкается и падает. Змей соскакивает с нее и подходит к Омельяну Сучкину: «Ты зачем пришел сюда, добрый молодец? Ты пришел ко мне ссориться или бороться?» — «Я, — говорит он, — пришел к тебе бороться, нечистая сила!» — «Тебе со мной бороться — еще голова твоя зелена», — говорит змей. «А нука, если ты очень сильный, сдунька меня в лес», — говорит Омельян Сучкин. Как дунет змей — так не осталось ни одного деревца на расстоянии шести верст кругом, — все попадали. В то время, когда он дул, Омельян Сучкин ударил его большим рычагом так, что у него рассыпались три головы. Другой раз дал по другой стороне — раздробил еще три головы. После этого взял его за хвост и бросил в воду. Вышел оттуда, пришел домой и говорит жене: «Прикончил твоего брата!» И сам лег спать.

Ранешенько встает караульщик из-под моста, кормит лошадей, поит их и вбегает в дом: «Что вы долго спите со своими молодыми женами! Я всю ночь стоял около воды на карауле и сильно продрог!» Омельян Сучкин, поднявшись с постели, спрашивает: «Ну, что ты сегодня видел?» — «Ничего не видел, ходил по вранью ваших жен».

Наступает другой вечер. Вечером говорит Омельяну Сучкину жена: «Сегодня, — говорит, — приедет средний брат, девятиглавый змей. Его надо прикончить!» Омельян Сучкин говорит: «Иван Кухаркин, сегодня твой черед, вчера ходил Иван-царевич». Вечером, поужинав, Иван Кухаркин отправился туда. Он тоже, придя на караул, походил-походил около моста, залез под мост и заснул. Опять жена Омельяна Сучкина говорит ему: «Поди-ка сам, наш караульщик опять заснул». Омельян Сучкин встал, ночью-то, и пошагал. Приходит, ищет караульщика, а он спит себе под мостом. К двенадцати часам поднялся ветер, — едет девятиглавый змей. Опять, доехал до Омельяна Сучкина, лошадь споткнулась и упала. Подбегает змей к Омельяну Сучкину: «Ты что шатаешься, добрый молодец, посреди такого большого леса?» — «Ты, — отвечает Омельян, — зачем пришел сюда, нечистый дух?» — «Я, — говорит, — Омельян Сучкин, пришел с тобой бороться!» — «Со мной бороться — у тебя голова зелена!» — «Если уж у тебя такая большая сила дунь-ка на этот лес». Как дунул змей, так на расстоянии девяти верст кругом не осталось ни одного деревца — все попадали. «Нет, — говорит, — не так

борются, а вот как!» Вырвал с корнем большой дуб, да как стукнет его! Покатилось три змеиных головы; в другой раз дал — покатилися еще три головы; в третий раз дал — покатились остальные три головы. Схватил змея за хвост и в воду. Приходит домой и ложится спать.

На рассвете Иван Кухаркин вылезает из-под моста, идет домой, поит и кормит лошадей, а потом вбегает в дом: «Эх, — говорит, — долго вы спите со своими молодыми женами! Я всю ночь просидел на карауле, и лошадей накормил, а вы еще спите!» Спрашивает Омельян Сучкин: «А что ты видел?» — «А что я видел, — ходил по вранью ваших жен и только; продрог весь, слышал вой волков и голос филина».

На третий вечер жена Омельяна Сучкина говорит ему: «Сегодня придет наш старший брат, двенадцатиголовый змей. Придется итти тебе». Вечером Омельян Сучкин поужинал, надел свою одежду и говорит перед уходом: «Вот что, братья, приходите сегодня ко мне на помощь; две ночи вы проспали — я за вас расправился. Не спите!» Пошел он к мосту, сел и думает себе. Настала полуночная пора, поднялся большой ветер, надвинулась туча черная, молния заблистала, гром загремел. Слышно — едет, деревья ломает. Доезжает до Омельяна Сучкина, лошадь (круп) падает, споткнувшись. Соскакивает двенадцатиголовый змей. Говорит Омельян Сучкин: «Что ты, нечистая сила, по ночам шатаешься!?» — «А ты, добрый молодец, зачем сюда изволил притти: ссориться или бороться? Тебе со мной бороться — еще голова твоя зелена (*зеленоголовый*)! На свете есть Омельян Сучкин, но его никакая собака не может принести сюда». — «Нет, — говорит Омельян Сучкин, — не собака, а добрый конь меня сюда привез. Я сам и есть Омельян Сучкин!» — «Ты — Омельян сучкин?» — «Я сам, и пришел бороться с тобой!» (*А как он об этом знал: когда родился Омельян Сучкин, земля вздрогнула, — об этом узнали разные змеи, что родился их погубитель-богатырь*). Они начинают бороться. Борются-борются — ни один не побеждает. Омельян Сучкин говорит змею: «Отец-мать есть?» — «Есть!» — «Работать заставляли?» — «Заставляли!» — «Обедом кормили?» — «Кормили!» — «После давали отдохнуть?» — «Давали!» — «Ну, и мы отдохнем. Отойди, нечистая сила!» Как толкнет его, он так и полетел вверх тормашками (нырьлоп). А Омельян Сучкин ждет Ивана-царевича с Иваном Кухаркиным. Во время отдыха снимает он сапог с правой ноги и бросает на дом, где они живут. Своим богатырским сапогом он снес полкрыши. Опять приступили к борьбе. Ну, борются-борются — оба сильно устали. Опять Омельян Сучкин спрашивает: «Отец-мать есть?» — «Есть!» — «Работать заставляли?» — «Заставляли!» — «Обедом кормили?» — «Кормили!» — «После обеда давали отдохнуть?» — «Давали!» Сказав: «Отойди, нечистая сила!» толкнул его. Змей полетел задом наперед. Как снял другой сапог Омельян Сучкин, свиснул на крышу своего дома, — так другая половина крыши слетела прочь. Опять схватились. Его лошадь что-то

почувствовала. Вырвав дубовый столб, прибежала вместе со столбом. Омельян Сучкин раздробил три змеиных головы, а лошадь больше того. Победили вдвоем.

Потом Омельян Сучкин сел на лошадь и прискакал к братьям, очень обозленный. Разбудил Ивана-царевича с Иваном Кухаркиным. А они с перепугу стали на колени, взмолились: «Будь ты нашим старшим братом!» После этого они жили там еще три года. Крышу свою перекрыли снова.

После всего этого жена Омельяна Сучкина говорит: «Теперь придет искать наша мать. Она глотает сорок саженей вперед, сорок саженей вверх и по сторонам. Нас все равно здесь уничтожит, хотя бы вы и остались в живых». Отдает она Омельяну Сучкину большой платок и говорит: «Вот, если встретится на пути какое-нибудь препятствие, — надо махнуть платком, и перед тобой будет дорога». Затем садятся все трое на своих лошадей и едут, попрощавшись со своими женами. Едут так быстро, как только могут бежать лошади. Иван-царевич говорит Омельяну Сучкину, когда они выезжают из леса на луг: «Давай немного отдохнем здесь, покормим лошадей». — «Некогда, — отвечает Омельян Сучкин, — надо ехать». Махнул белым платком — дорога открылась. Ехали-ехали — у Ивана-царевича лошадь стала уставать. Ивана-царевича уже проглотила. Ну, гонят теперь вдвоем, ну гонят! Гнали-гнали — вышли на луга. «Давай, — говорит Иван Кухаркин, — зайдем сюда в столовую, покормим лошадей и сами закусим». — «Нет, — отвечает он, — некогда прохлаждаться, надо ехать!» Махнул платком — дорога открылась. Гнали-гнали — у Ивана Кухаркина устала лошадь. Догнала его и проглотила. Омельян Сучкин остался один. Гнал-гнал — доехал до деревни. Заходит в кузницу и сразу кладет в огонь кузнечные тиски. И догнала. «Дайте, — кричит, — мне Омельяна Сучкина! Если не дадите, — проглочу вместе с кузницей!» — «Глотать вместе с кузницей — горло обожжешь!» — «Но я не для того пришла, чтобы стоять долго и ждать! Дайте сейчас же мне Омельяна Сучкина!» — «Сунь язык в окно — сейчас бросим Омельяна Сучкина». Она просунула в окно язык. Кузнецы прихватили его горячими тисками. Омельян Сучкин схватил двухпудовый молот и давай ее стегать по спине. «Давай, — говорит он, — что проглотила! Вынимай обратно!» Вот тут-то она попрыгала, покарежилась и выбросила мертвых Ивана Кухаркина и Ивана-царевича с лошадьми. «Давай живую воду! Хоть где найди! Надо их оживить!» — «Вот что, — говорит она, — в лесу есть ключ, принесите эту воду, попрыскайте ею — оживут». Омельян Сучкин вскочил на лошадь и помчался туда. Почерпнув воды, привез, попрыскал одного, другого — не шевелятся. «Врешь, — говорит, — старая сука! Ты не ври!» Еще прибавляет ей по спине этим молотком. Наконец, выдохлась и сказала: «В лесу, в таком-то месте, есть ключ с серебряным срубом; на серебряной цепочке висит серебряная кружка. Вот если оттуда принесете — оживут оба».

Привозит Омельян Сучкин живую воду скорехонько. Как спрыснул одного, так он и вскочил: «Ой-ой! Долго спал», — говорит Иван Кухаркин. Потом спрыснул Ивана-царевича, и он вскочил на ноги, говоря: «Долго спал!» Потом спрыснули лошадей, и они вскочили. После чего три богатыря прикончили эту старуху. Потом они приехали к себе домой.

Иван-царевич стал царем, пробыл до революции; во время революции его вышибли.

20. МИШКА ТОМА И КАТУН ДЕВИЦА

Однажды сын царя задумал жениться. Идет в свой город, в свой собор смотреть девушек. Смотрит после обедни — нет ни одной девушки по душе. Под конец подходит к нему старая бабушка. Его звали Иваном-царевичем. «Что ты наблюдаешь, Иван-царевич?» — «А ты, — говорит, — старая баба ничего не знаешь, что мне надобно». — «Нет, Иван-царевич, я знаю, что тебе надо: ты хочешь жениться, высматриваешь девушек». Он идет домой и думает: «Что это? Как она узнала?» В следующий праздничный день опять идет Иван-царевич в эту церковь-собор. Опять выходит после обедни и высматривает — нет ему подходящей девушки. Как вышли все из церкви, опять встречает его старушка и говорит: «Знаю ведь: ты ищешь девушку. Ты, — говорит, — придешь домой, у вас есть такой Мишка Тома, он знает». Царевич приходит домой и думает, как бы сказать Мишке Томе. Идет в магазин, приносит полтора литра зеленого вина, а на закуску заставил сварить барана. Наливает ему вина в кубок. Тот взял одной рукой, выпил по богатырски, без вздоха. Закусывает этим бараном. «Иван-царевич! Что ты хочешь спросить у меня?» — спрашивает Мишка Тома. «Я хочу спросить у тебя: не найдешь ли ты подходящую для меня девушку?» — «Девушку, — говорит он, — я тебе найду, но наш жених плох!» Он подумал: «Ой, что это? Я ведь царский сын, неужели плохой?!» Ему показалось обидно.

Потом опять в праздничный день идет он смотреть девушек. Смотрит — подходящей для него девушки нет ни одной. Под конец подходит к нему старушка: «Я, ведь, тебе сказала, что у вас есть Мишка Тома, что он найдет девушку!» Приходит Иван-царевич домой, покупает три ведра вина, несет вместе с закуской Мишке Томе и поит его всем сразу. «Если больно уж хочешь жениться, давай поедем завтра смотреть. У меня, — говорит, — есть одна девушка через три государства в четвертом». Садятся, конечно, на лошадей, берут, что им нужно, и едут.

Через три месяца доезжают до Катун-девицы. Оказывается, она сама была царица. Ставят лошадей у ворот. Посылает Ивана-царевича в сад гулять и говорит ему! «Если кого там встретишь, посылай для разговора ко мне». Катун-девица увидела Ивана-царевича и сильно рассердилась. «Кто, — говорит, — зашел, —

в наш сад без разрешения?!» и посылает одного богатыря выгнать Ивана-царевича. Пришел богатырь и начал выгонять Ивана-царевича. А он говорит: «Иди, за воротами стоит мой слуга, говори с ним». Приходит к Мишке Томе: «Какого шатуна ты пустил в наш сад?» — «Я, — отвечает тот, — не шатуна послал, а мы приехали сюда через три царства сватать Катундевицу». Пока ходил там первый богатырь, она послала уже другого, приказав: «Поди, выгони его скорее!» Первый богатырь пошел наверх докладывать, а со вторым говорит Иван-царевич: «Меня послал сюда Мишка Тома, иди, там стоит мой слуга, выясняй с ним». Второй богатырь подходит к нему за воротами и со злостью схватил Мишку Тому за грудь. «Кто тебе разрешил впускать (в сад) шатуна?» — «Это не шатун, а Иван-царевич, — отвечает он, — мы приехали через три царства сватать девушку. Не сердись. Иди ты к царской дочери и скажи ей, что мы приехали свататься». В это время она уже послала третьего богатыря: «Иди, — приказывает, — выгони человека из сада!» Первый и второй богатыри докладывают Катундевице: «Вот, — говорят, — приехали тебя сватать». Третий тоже пришел к Иван-царевичу; тот его опять посылает к Мишке Томе: «Иди туда-то, говори с Мишкой Томой». И третий богатырь, подойдя к нему, схватил его за грудь. «Кто тебе разрешил посылать этого человека в наш сад?» — «Мы к вам приехали родню делать, а ты хватаешься за грудь! Иди, скажи, что в вашем саду гуляет жених». Приходит третий к царской дочери и докладывает: «Приехал Иван-царевич из русского государства сватать тебя». — «Если они меня хотят сватать, так пусть Иван-царевич прокатится на богатырском коне, — тогда что уж будет!» — отвечает она.

Дают им квартиру. Завтра объезжать. «Если может (могущий) он управлять (конем), — есть душа, если нет, — то нет», — говорит она. Для завтрашней поездки Ивана-царевича назначают коня, на котором он должен проехаться. Ночью приходит Мишка Тома к этому коню, берет шелковую плетку и давай его бить, учить по-свойски. До тех пор хлестал коня, пока он не заговорил языком: «Мишка Тома! Зачем меня бьешь?» — «Завтра утром посадят на тебя моего жениха. Ты его вози так, как возишь своего хозяина, не валяй дурака!» Утром встал Иван-царевич, поел-попил, сел на лошадь и поехал. Лошадь идет и роет землю, ровно посадили большого богатыря. Поездил и благополучно вернулся обратно. На другой день дают Ивану-царевичу испробовать ход другой лошади, как она ходит. В другую ночь опять заходит Мишка Тома к этой лошади и бьет ее шелковой плеткой до тех пор, пока она не заговорила: «Зачем ты, Мишка Тома, бьешь меня?» — спрашивает конь. «А вот зачем: завтра на тебя сядет наш жених, Иван-царевич. Так ты вози его, как возишь своего хозяина». Утром встает Иван-царевич, поел-попил, сел на лошадь и поехал. Лошадь идет, изгибается совсем, делает большие ямы в земле, точно под боль-

шим богатырем. Поездил, вернулся благополучно. На третий день дают лошадь третьего богатыря и говорят: «Поедешь на ней». Заходит ночью Мишка Тома к лошади, опять бьет ее до тех пор, пока лошадь не заговорила человеческим голосом: «Мишка Тома, зачем ты меня бьешь?» — «Завтра сядет на тебя наш жених Иван-царевич. Как возишь своего богатыря, так же прокати и его, не дури!» Встает утром Иван-царевич, садится на лошадь. Она идет, играя, как под большим богатырем. Съездил благополучно и привел лошадь обратно. После этого девушка говорит: «Пожалуй, за этого богатыря можно выйти, но если он выполнит еще одну такую задачу: если сможешь допрыгнуть ко мне снизу в третий этаж, тогда сыграем свадьбу».

Подъезжает Мишка Тома на своем коне под окно, ставит на одну свою ногу жениха и подбрасывает (пинает) Ивана-царевича, как чурбашек, прямо в окно; он же прыгает сразу к девушке. После этого начали играть свадьбу. Ведь царю не варить вино, только повенчать да играть свадьбу.

Угощались целый день. Вечером легли спать. Во время сна она кладет на своего мужа одну руку. Иван-царевич выполз с большим трудом и сразу побежал к Мишке Томе в конюшню. «Ну, Мишка Тома, беда!» — «Что за беда?» — «Моя жена заснула и как-то положила на меня одну свою руку, — еле-еле я выкарабкался из-под ее руки и пришел сюда». — «Я ведь говорил, что у нас есть девушка, но жених плох», — говорит Мишка Тома: «Так нельзя, ее надо проучить — пусть дурака не валяет!» Приходит к ней ночью и нахлестывает ее той шелковой плеткой, говоря: «Не шали больше!» После этого ложится Иван-царевич опять рядом с Катун-девицей. Утром встают, завтракают, все хорошо: как будто ничего не было. Весь день гуляют, вечером опять ложатся спать. Опять она в глубоком сне положила на Ивана-царевича одну ногу. Вот, ему опять пришлось через силу выкарабкиваться. Опять прибегает он к Мишке Томе: «Вот, — говорит, — Мишка Тома, беда у меня!» — «Что за беда?» — «Уснула вот, положила на меня свою ногу — кое-как выполз». Мишка Тома ночью же соскакивает и давай ее бить. «Спи со своим мужем как следует!» Бьет ее до своего удовлетворения и уходит. Иван-царевич лег снова к ней. Просыпаются утром, угощаются как следует, играют свадьбу. О случившемся — ни слова. Ложатся спать на третью ночь. После того, как заснули, она повернулась и положила на Ивана-царевича половину грудей (чизижым). Вот он выкарабкивается кое-как, все равно как из-под жернова вылезает. Выполз с большим трудом и опять побежал к Мишке Томе на конюшню (имньэ вӱта). «Ну, беда! — говорит, — Мишка Тома! Я здесь так не могу жить». Мишка Тома быстро вскакивает, берет ту самую шелковую плетку и бьет ее так, что даже Ивану-царевичу стало жалко. И девушка узнала, что учит не Иван-царевич, а Мишка Тома.

Утром просыпаются, попили-поели и сговариваются вместе. «Давай, — говорит она, — убьем Мишку Тому!» Поят его вечером

вином как следует, так, что ему остается только пойти и лечь в свою постель. Обычно он ложился головой к дверям, а в это время лег ногами. Ночью посылают к нему богатыря зарубить его. Как только богатырь открыл дверь, сразу ударил и отсек обе ноги. Он думал (он лежит), как всегда. Когда ему отрубили ноги, Мишка Тома даже не почувствовал. Утром просыпается, смотрит — обе ноги целиком отрублены. Выполз на четвереньках. Сделал он себе два костыля, повесил обе отрубленные ноги через плечо, вышел и говорит Ивану-царевичу: «Ну, — говорит, — спасибо за милость, за угощение. Досвиданья, живите со своей женой мирно!»

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Идет день, два, три — и месяц, и два. Идет и встречает слепого богатыря. Спрашивает его: «Ты кто такой будешь?» — «Я, — говорит, — слепой богатырь. А ты кто?» — «Я — Мишка Тома, безногий богатырь». — «Ты, Мишка Тома, куда идешь?» — «Я иду искать живую воду». — Слепой богатырь умоляет его: «Мишка-Тома, возьми меня с собой, пожалуйста: я хочу вылечить глаза». — «Ай-да, — говорит он, — вместе». Вот едут они теперь вдвоем. Встречают они безрукого богатыря. Спрашивает их безрукий богатырь: «Куда вы идете, богатыри?» — «Мы, — отвечают они, — идем искать живую воду». «У меня, — говорит Мишка Тома, — нет ног». — «А у меня рук». Он умоляет их: «Возьмите и меня, я хочу вылечить руки. Ты кто будешь?» — «Мишка Тома. А ты?» — «Слепой богатырь». Идут они втроем на розыски живой воды. Шли-шли — дошли до большого леса; в лесу оказалась тропинка. Идут по этой тропинке день, идут другой день, на третий доходят до большого ключа. «Теперь, товарищи, мы дошли до живой воды», — говорит Мишка Тома. Снимает он свои ноги с плеча, приставляет их на место и пускает воду; слепой богатырь умывается, а безрукий богатырь (опускает) руки. У Мишки Томы приклеились ноги, у безрукого богатыря — руки (приросли), а у слепого открылись глаза. *(Сказка на своем выстоит, говорят).*

Отрываются оттуда и идут дальше, разговаривая между собою. «Кто у нас какую силу почуял в себе?» — «Я почувствовал еще большую силу», — говорит Мишка Тома. «Я в два раза стал сильнее», — говорит слепой, так же и безрукий. Выходят они на большую дорогу, а Мишка Тома и говорит им: «Вот что, братишки, по этой дороге нам встретится большой мост; через этот мост ходит шестиголовый змей мучить дочь бронзового царя. Его надо убить! На конце моста, в расстоянии километра, есть маленькая избушка. Давайте мы тут остановимся».

Живут они там до вечера. Вечером говорит Мишка Тома: «Я, — говорит, — пойду сторожить на этот мост шестиглавого змея, а вы не спите, молитесь богу, (пусть) помогает бог нам его убить». Идет, садится на столб стоящий на краю моста. К полуночи поднимается сильный ветер, подходит черная туча, — хлынул дождь с громом и молнией. Едет на черной лошади,

как коршун, шестиглавый змей. На его хвосте сидит черный ворон, впереди бежит черная собака. Собака, добежав до Мишки Томы, с лаем убежала прочь; ворон, встрепенувшись с хвоста, начал кричать; лошадь, подъехав к Мишке Томе и споткнувшись, упала. Змей быстро соскочил с лошади. Мишка Тома говорит ему: «Нечистый дух! Что ты по ночам волочишься?» — «А ты, — говорит змей, — добрый молодец, что здесь сидишь, зачем пришел?» — «Я, — говорит, — тебя жду, пришел тебя караулить». — «А подкараулив меня, что хочешь сделать? Пришел ругаться или бороться?» — «Я, — говорит, — пришел не ругаться, а бороться». — «Я, — говорит змей, — покажу тебе, как ты пришел бороться». Подбегает змей. Когда змей подбежал, Мишка Тома вынул меч-кладенец и сразу срубил ему три головы. Повернувшись, взмахнул мечом другой раз и убил змея. Садится он на лошадь змея и приезжает к товарищам.

Он приехал — товарищи спят. Как топнет ногой, — оба соскочили и встали на колени. «Прости, больше никогда не будем спать!» А он: «Почему, — говорит, — уснули? Я вам не разрешал, кажется?!» Прошел день. Мишка Тома говорит: «Сегодня проедет отсюда девятиглавый змей мучить дочь серебряного царя. Она сейчас больная. Сегодня я пойду стеречь девятиглавого змея, а вы смотрите — не спите!» Выходит и идет к мосту, садится на столб. Наступает полночь, поднимается сильный ветер, полил дождь с громом и молнией. На большом черном коне едет девятиглавый змей. На хвосте ворон, впереди с лаем бежит большая черная собака. Ворон взлетел и начал каркать, лошадь, споткнувшись, упала. «Ах ты, стерва! Что, уже таскать (меня) не можешь?» — ругает змей коня. «А ты, нечистая сила, чего тут ездишь?» — «А ты, добрый молодец, ругаться пришел или бороться?» — «Я, — отвечает он, — пришел не ругаться, а бороться с тобой». Змей подбегает к нему бороться и как толкнет Мишку Тому, так тот чуть не слетел с ног. Мишка Тома вынимает ему в ответ меч-кладенец и ударяет так, что три головы долой. Повернувшись, ударяет второй раз — опять три головы; в третий раз размахнулся — последние три головы слетели. Садится на коня и едет к своим. Опять они спят. Как топнет — изба задрожала. Вскакивают, падают на колени: «Ну, брат, прости!» — «Ведь я говорил вам — не спите!» Лег отдохнуть — сильно устал.

Прожили день, вечером Мишка Тома говорит: «Придется итти: сегодня по этому мосту проедет двенадцатиглавый змей. Он мучит дочь золотого царя. Она сейчас сильно больна». Берет и ставит на скамейку большую чашку, в стену втыкает большой нож, на нож вешает белый платок. «Присматривайте за ним, — приказывает он им, — как начнет платок краснеть и с него начнет капать кровь, так вы спешите ко мне на помощь!» Сказав это, — Мишка Тома ушел. Они же устраиваются как следует и засыпают.

Подходит он к концу моста, ложится поперек него посредине

и думает, лежа: «Как бы сегодня прикончить и этого змея?» Наступает полночь, поднимается большой ветер — качает весь лес; поднимается черная туча и начинает лить дождь, как из ведра, с громом и молнией. Как вошел змей на мост, — затрещали все балки у моста. Впереди с лаем бежит черная собака; черный ворон с криком поднялся вверх; черный конь падает, споткнувшись. Двенадцатиглавый змей кричит на лающую собаку: «Ах ты, негодяйка! (вуйэтлан толшашлык) Чью падаль (труп) почуяла? Мой труп или твой труп почуяла?» Поперек моста лежит Мишка Тома. «Да здесь лежит Мишка Тома», — говорит змею собака. Змей, спрыгнув с лошади, быстро подбегает к Мишке Томе, и между ними завязывается сильная борьба. Ну, стараются-стараются — ни один не может пересилить. Мишка Тома вспотел совсем, начал ослабевать; сунул в карман руку, захватил горсть песку и бросил в глаза змею. Змей принялся чистить глаза, а в это время Мишка Тома вынул мечкладенец и начал играть им: змеиные головы полетели, как кочны капусты. Срубив все, (туловище) змея бросил в воду. Сел на коня, поехал. Вошел в избу — они опять в развалку, а платок покраснел и кровью наполнилась чашка. Как топнул — сразу вскочили и упали на колени. Но начали умолять его: «Прости, пожалуйста, Мишка Тома!» Обругал он их обоих как следует, но скоро перестал.

«Ну, говорит, братишки, теперь поедем в гости. Ехать нам троим — всем есть по лошади!» — «Куда поедем?» — спрашивают товарищи. «Поедем, — говорит, — к бронзовому царю».

Скоро сказка говорится, дело быстро не делается.

Сели да погнали. Едут сутки-двое, едут неделю, две, три, едут месяц. Доезжают до бронзового царя. Спросив город царя заезжают и вызывают царя. «Мы, — говорят, — приехали к тебе в гости угощаться. Не знаем — примешь, не знаем нет?» — «Я, — отвечает он. — очень охотно принял бы далеких гостей. Вижу, что вы не простые люди, а богатыри. Но беда в том, что к моей дочери ходит шестиглавый змей и каждую ночь ее мучает». «А вот, — говорят они ему, — (посмотри) вот они: его лошадь и его собака. Мы его убили такого-то числа, в такомто месяце. Больше он к вам сюда не придет». — «То-то вижу, лошадь похожа на его! И правда, после того времени не приезжал, и дочка моя стала поправляться. Заезжайте, — говорит, — будьте гостями! Угощу, поухаживаю за вами». Заезжают, угощаются одни сутки, проходят еще одни сутки; (наконец) говорит ему Мишка Тома: «Но, надо ехать в другое место. Погостили здесь — хватит!» — «Ты, — говорит ему дочь царя, — Мишка Тома, возьми меня замуж!» — «Я, — говорит тот, — не возьму, оставлю этого братишку». Повенчав, оставляет безрукого богатыря. Сыграли свадьбу, поели-попили, пожили еще три дня и поехали вдвоем.

Сели на лошадей, едут. Слепой богатырь говорит: «Теперь куда едем?» — «Теперь, — говорит, — едем в гости к дочке се-

ребряного царя». Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Едут неделю, две, три, месяц. Доезжают до серебряного царя. Расспросив царский город, заезжают туда, подъезжают к царскому дворцу и вызывают царя. «Вот, серебряный царь, мы приехали в гости!» — «Я, — отвечает он, — очень люблю принимать таких далеких гостей. Но, — говорит, — ко мне каждую ночь ходит девятиглавый змей и мучает мою дочь». — «Мы его в такой-то день, там-то, в таком-то месяце послали на тот свет. Если не веришь — вот его лошадь, вот — собака!» — «А, может быть! Узнаю его лошадь. Он с того дня не бывал, и дочь моя начала выздоравливать. Заезжайте, будьте гостями! Могу за вами поухаживать, угостить». Заезжают, пьют-едят, угощаются (за гостей). Проходят сутки, проходят другие, подходят третьи. Так нельзя: поели-попили — надо уезжать. Дочь царя говорит Мишке Томе: «Возьми меня замуж!» — «Нет, я тебя не возьму, оставлю своего товарища». Оставляет слепого богатыря. Венчают, играют свадьбу, угощаются. Затем Мишка Тома выезжает один и едет.

Едет неделю, две, три. Проходит месяц. Доезжает до золотого царя. Спросив город золотого царя, заезжает, подъезжает к дому царя и вызывает его. «Ну, — говорит, — я приехал к тебе в гости. Пустишь или нет?» — «Пустить-то бы очень пустил, — вижу ты человек из дальних, — говорит царь, — но у меня беда: ко мне повадился двенадцатиглавый змей, мучает дочь мою». — «Я этого змея убил в такой-то день, в таком-то месяце. Вот, — говорит, — если не веришь, его лошадь и собака!» — «А, пожалуй, лошадь его узнаю. С такого числа он не бывал. Заходи, будь гостем!» Угощается сутки, двое, трое. «Теперь, — говорит, — надо ехать. Спасибо за честь за милость». Дочь золотого царя говорит: «Мишка Тома! Возьми меня замуж.» — «Я, отвечает он, — пошлю тебе вместо себя другого человека на этой же лошади и в этом же костюме. Сам не буду заходить».

Выходит, садится на лошадь, поворачивает и едет. Едет неделю, две, три. Едет месяц. Доезжает до Катун-девицы. Останавливается на ее лугах. Видит — один пастух караулит большое стадо скотины. Подзывает к себе пастуха и спрашивает его: «Это чья скотина?» — «Эта скотина нашей хозяйки, Катун-девицы» — отвечает пастух. — «А с кем она живет?» — «Живет со своими тремя богатырями. А ты откуда приехал?» — «А я, — говорит, — дальний, приехал через три царства». — «А как ты сюда попал?» — Иван-царевич после этого не стерпел — заплакал: «Я, — говорит, — приехал жениться на Катун-девице. У меня, — говорит, — был друг, конюх Мишка Тома». — «А где он сейчас, знаешь? Узнаешь, кто я? Я и есть Мишка Тома, и я еще разок тебя пожалею». Тут Иван-царевич заплакал, как ребенок. «Снимай эту пастушескую одежду, парядись в мою, садись на эту лошадь, и куда она тебя повезет, — туда и поезжай. Там есть для тебя девушка, там твое счастье!» Одевшись, Иван-царевич садится на лошадь и уезжает туда венчаться.

Мишка Тома берет длинную махалку (пастушеский бич), и в течение двух часов прибил всю скотину: прекрасных больших быков. Видит Катун-девица из своего терема: «Что такое, с ума что ли сошел наш пастух?!» Вытолкала одного богатыря в затылок, говоря: «Ступай, сделай с ним расправу!» Увидев его, подлетает богатырь к нему на лошади, а Мишка Тома уже приготовил свою махалку для него. Как дернет махалкой ему навстречу, — так и полетела его голова, как кочан капусты. Смотрит Катун-девица из окна и думает: «Наш пастух одурел». Выталкивает другого богатыря. Тот тоже садится на коня, летит, как ветер, к нему. Мишка Тома опять расправил махалку. Как дернет ему навстречу, — так голова полетела, как капуста. Увидев это, Катун-девица обезумела. «Двух убил! — говорит она. «Иди теперь ты, расправься с ним!» И с третьим Мишка Тома сделал то же (*короче написать уж*!). Катун-девица одурела. Приезжает сама. Мишка Тома спускает ее (с лошади), складывает махалку вдвойне и давай ее бить. Ну и бил, ну и бил — до смерти. Потом он говорит: «Это ведь не Иван-царевич. Я сам Мишка Тома. Я приехал к тебе жить, тебя учить!» Пошли они и сыграли свадьбу. Стали они с девятью сыновьями и с девятью дочерями.

Сказка вся, больше сказать нельзя.

21. МЫШКА И ВОРОБЕЙ

Когда-то дружили мышка с воробьем. Всегда советовались о своей еде. Жили так, примерно; две недели: что не найдут — едят все вместе. Однажды, когда мышка ушла домой, воробышку попалось конопляное семечко. Не стерпев, проглотил он это конопляное семечко. Мышка пронюхала об этом. За это она рассердилась и подала в суд на воробья. В суд подала ко льву — царю зверей. Воробей тоже рассердился на мышку и пошел жаловаться к своему царю — орлу. Поднялись друг на друга два царя, орел собрал всех птиц, а лев — всех зверей из-за одного конопляного семечка.

Птицы и звери для войны собрались в большом лесу. Птицы бьют сверху, звери — снизу. Боролись-боролись. Как ударил большой своей лапой лев орла, так и переломил у него крыло. Орел чуть не слетел с вершины большого дерева. Звери разошлись, а орел остался на сучке дерева.

Сидел сутки, сидел двое, трое, — даже проголодался. Никто его не кормит. Сидит, горюет: что делать, лететь не может. Навстречу орлу выходит охотник с ружьем. Прицелился в орла — хочет застрелить. Орел заговорил по-человечески: «Охотник, не убивай меня! Поймай меня, отнеси домой и корми, пока не вырастут крылья». Понес его старик — богатый охотник. Приютил богач орла. Орел съедает в день быка. Жил год у охотника и разорил его едой начисто. Семья и жены начали ругаться, что, мол, принес птицу, прокормил на нее все свое

состояние (суртэт пэчэт — дом и двор). После этого орел говорит старику: «Пусти теперь меня на волю!» Старик выпустил. Орел поднимается вверх. Смотрел-смотрел старик и потерял из виду — потерялся он на дне неба. «Прощай теперь мое состояние!» — со слезами входит старик в дом.

Орел вернулся через сутки обратно, пришел к старику и говорит: «Идем, дедушка! Я тебе теперь заплачу». А у старика сыновей не было — были только дочери (*это я позабыл*). «Ну, дедушка, садись теперь мне на спину, я тебе здесь не смогу уплатить, повезу к себе». Поднял орел старика вверх и понес, показывая ему весь мир. Довез до большой горы, перевез через эту гору. После этого поднял старика еще выше и бросил его вниз. Перед падением на землю, орел его подхватил: «Вот, — говорит, — дедушка, как ты почувствовал? Сильно ведь перепугался?» — «Испугался очень сильно, думал — умру!» — «В то время, как ты прицеливался в меня из ружья, мне так же почувствовалось». Опять понес его дальше.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается.

Летели-летели, долетели до бронзового дворца. Спустились к воротам. Орел говорит старику: «Ты подожди немного здесь, а я зайду сюда; у меня здесь есть младшая сестра». Зашел к сестре, сестра встретила его на середине двора. «Как поживаешь, сестрица?» — «Живу хорошо, слава богу!» — «Жалеешь отца и мать, или же не жалеешь?» — спрашивает орел. — «И тебя, братишка, жалею, а больше — отца и мать». Орел, повернувшись, вышел в ворота. «Давай, садись на спину, поедем к средней сестре».

Летели-летели, долетели до серебряного дворца. Спустились к воротам. «Ты, дедушка, постой здесь, а я зайду». Встречает сестру посреди двора. «Как поживаешь, сестра?» — «Я ничего, попрежнему. Ты, братишка, где обитаешь?» — «Сестра, кого ты больше всего жалеешь: меня или отца с матерью?» «Тебя тоже очень жалею, братишка, отца и мать больше», отвечает сестра. Поворачивается орел, выходит за ворота. «Ай-да, дедушка! Садись, еще поедем подальше».

Садится дед. Летели-летели, долетели до золотого дворца, остановились около него. «Дедушка ты постой здесь, а я зайду: здесь живет старшая сестра». Встречает сестру посреди двора: «Как поживаешь, сестра?» — «Я живу по старому. Ты как, братишка, поживаешь? Где ты проживал?» — «Кого ты жалеешь, сестрица, — говорит он, — меня жалеешь, или отца и мать больше?» — «Жалею отца и мать, (но) они умерли. Тебя же жалею больше всех — ты жив и явился». Орел поворачивается и говорит: «Дедушка, заходи во двор, идем в избу». Старик зашел в избу, и сестра орла (удивленно) смотрит на него. Накормила, напоила до-пьяна, даже спать уложила. Старик жил там одну неделю. Через неделю говорит орел: «Но, дедушка, еще будем жить, или пойдешь домой?» — «Домой-то очень уж хочется, да дороги-то ведь я не найду», — отвечает старик.

«Раз привез — провожу и дам подарок». Сестра выносит сверток в белой тряпке. «Дедушка, положи этот подарок за пазуху как следует, до дома не смотри!» Кладет старик осторожно подарок за пазуху и говорит: «До дому ни за что не взгляну на этот подарок».

Орел сажает старика на спину и несет обратно. Летят-летят, долетают до большой горы, переправляет орел старика через большую гору и опускает на землю. «Ну, дедушка, большое тебе спасибо за угощение, за уход, за присмотр! Иди и не останавливайся нигде отдыхать и не смотри на подарок!»

Шагает старик по дороге. Проходит день, проходит два. Идет неделю, проходит три. Идет месяц, другой — еще не видно дома. Как только стал подходить к дому — вздумал старик отдохнуть. Сел, вынул подарок из-за пазухи. «Что это за завязка? Постой, — думает, — разверну и посмотрю». Развернул старик тряпку — выстроился (перед ним) золотой дворец. «Ой! Что буду делать?! Куда денусь?! Как понесу золотой дворец?!» Пока он сидел так, горюя, подошел к нему один седой старик со страшным видом. «Кто тебе разрешил на моей земле ставить дворец?» (*оказывается, колдуна была земля*). «Я, — говорит, — соберу тебе дворец, но запиши на меня кровью из своего пальца то, чего не знаешь дома». Как раз в его отсутствие, оказывается, родился сын. «Я напишу тебе, — ты собери мне дворец», — согласился старик и написал ему старик. Колдун собрал ему в тряпочку большой дворец. Охотник задумчиво пошел домой.

Шел-шел, дошел до дома. Навстречу ему из избы выбегает маленький мальчик. Мать его предупредила: «Смотри, сынок, идет твой отец». Сыну его уже исполнилось три года. Спрашивает старуха старика: «Куда ходил, старик, что принес?» Старик вынул тряпочную завязку, развернул — выстроился золотой дворец. Зажили они очень хорошо. Сын растет, стал уже прекрасным женихом, начал подыскивать себе невесту.

Однажды вечером старик лег спать и приснился ему колдун: «Дедушка, — говорил он во сне, — что ты еще раздумываешь? Уже время отпускать сына». Старик сильно закручинился, но ни сыну, ни матери его ничего не говорит. Живут еще. Старик не отпускает сына. Однажды ночью приснился сон его сыну. «Ты, — говорит колдун, — почему не приходишь? Тебя ведь отец продал мне». Сын встает утром и говорит отцу: «Если ты меня продал, почему же ты меня не пускаешь, папаша? Я жить не буду больше (здесь), выйду и пойду жить к старику-колдуну». Собирает вещи и уходит. Со слезами остаются старик со старухой дома.

Шел дорогой, зашел в лес. Идет по лесу, уже скоро вечер, а зайти переночевать некуда. Идет дальше. К сумеркам выходит на маленькую лужайку; на этой лужайке стоит маленькая избушка. Заходит в избу — на печке лежит большая старуха. «Бабушка, если бы ты пустила (меня) ночевать?» — спрашивает

он ее. Бабушка отвечает; «Зайди, зайди, сыночек! Мы тебя очень ждем. Ты идешь к старшему брату, но у брата ты не сумеешь жить, — он все равно убьет тебя».

Встав утром, сын старика опять пустился дальше в путь. «Постой-ка, сыночек, — останавливает его старушка, — дам тебе кое-какой совет, может живым с ним останешься: когда ты придешь к нему, скажи ему, что я к тебе пришел наниматься. У него есть двенадцать девушек. Если сумеешь взять одну из них, то очень легко освободишься от него. А как ее взять об этом скажет тебе моя старшая сестра. Сегодня ты дойдешь ночевать до нее. Вот тебе путевод». Сказав это, она отдает ему шелковый моточек. Шагает он по лесной тропиночке, моточек катится впереди. Идет целый день. К вечеру приходит к маленькой избушке, заходит — сидит там большая старуха. «Оказывается, сыночек пришел, мы тебя очень ждем», — говорит старушка. Провел у бабушки ночь. Утром встал и начал собираться в путь. «Сыночек, я хочу дать тебе кое-какой совет. Недоходя до старика, тебе попадется озеро. Туда прилетят купаться двенадцать уточек. Ты как-нибудь укради у одной из них одежду и спрячь. А дальше уж сам знаешь, как поступать. Вот тебе шелковый моточек: куда он поведет, туда и иди».

Вышел сынок в путь пешком, пошел следом за мотком. Шел-шел — дошел до большого озера. Придя на берег озера, спрятался он в камышах. Прилетели двенадцать уток и сели на озеро. Сняли одежду все — превратились в девушек. Прыгают все в воду и начали купаться, играя и веселясь. Этот подкрался сквозь длинные камыши, украл одежду одной утки и спрятал. Выкупались утки, вышли на берег. Одиннадцать уток сделались опять птицами, а у одной потерялась одежда. Осталась она одна и начала со слезами кликать: «Кто же мог взять одежду? Если взяла женщина старше меня — буду называть своей матерью, если мужчина — своим отцом; если же взял кто младше меня — весь век называла бы того братом, весь век называла бы сестренкой. Если взял жених — пусть будет вечно моим мужем». После этих слов охотничий сын вышел к ней и говорит: «Вот твоя одежда! Я взял, вот она — нарядись!» Отдает ей одежду. Она нарядилась уткой и говорит жениху: «Ну, если сумел взять одежду, сумей и меня взять». — «Как я тебя возьму?» — «А вот как ты меня возьмешь: завтра придешь к моему отцу и наймешься работником. Проживешь три дня. Он начнет тебе предлагать: женись, дочку выдам! А ты ему скажи: я возьму (только) твою дочь, другую не возьму. Если ты меня не узнаешь, то отец прикончит тебя. Он выведет нас кормить — я буду голубкой. Когда станет выводить, я буду ходчее всех клевать, буду бить всех остальных».

Пришел к колдуну. «Дедушка, — говорит он, — я пришел к тебе наниматься в работники». — «Вижу, вижу! Очень жду тебя, ты мне давно очень нужен. Хорошо, хорошо! Живи,

работай». После трех дней работы дед говорит ему. «Ну, сыночек, хорошо ты работаешь, я за тебя выдам дочку». — «Я возьму только твою дочь, а не стряпку», — отвечает тот. «Хорошо, если сумеешь, — выдам, если нет, — голову съем. Вот завтра выведу девушек: если узнаешь дочку, — возьмешь, если нет, — нет». Встает старик рано утром, выводит двенадцать голубков и посыпал им пшеницы. Голубки, прыгая и играя, клюют, а одна голубка очень уж шустрая: клюет одного, другого; бьет крыльями одну, другую. «Вот девушка, я возьму эту голубку», — заявляет он. «Хорошо, хорошо, сыночек! Бери сердечно любимую, — говорит. Еще дам тебе одну работу: если выполнишь, — выдам, не пожалею. Выруби одну десятину леса, выкорчуй его, вспаши, посей, вырасти до завтра пшеницу». Жених впал в раздумье: «Достанется же моей голове», — думает себе. Вечером ложатся спать. Девушка постучала в окно. «Что ты кручинишься, встань и не валяйся, — говорит, — посмотри в окно!» Посмотрел в окно, а на месте леса колышется-стоит пшеница. Девушка уж успела сделать за ночь. Просыпается утром старик, смотрит в окно — стоит пшеница, только колышется. «Ой-ой! Умен же, оказывается, будущий зять! Постой, я ему задам ума — обоих я прикончу», — думает старик. Топит баню жарко и пригоняет туда обоих с дочкой. Там он хотел обоих запарить до смерти.

Девушка говорит мужу: «Ты плюнь в этот угол, а я плюну в другой». Оба превращаются в мух и вылетают через окно. Немного погодя старик-колдун посылает в баню свою стряпку: «Пойди-ка, наверное зажарились, выкинь обоих». Приходит стряпка в предбанник, зовет девушку: «Скоро ли вымоетесь?» Два плевка отвечают из двух углов: «Еще мы не домылись!» Придя обратно, стряпка докладывает старику: «Здорово! Еще моются в бане. «Сходи-ка еще!» — просит колдун. Придя опять, стряпка зовет их: «Скоро ли вымоетесь?» Отвечают ей плевки из бани: «Еще веником не парились!» Приходит она к старику и докладывает: Еще, говорят, веником не парились». — «Нет, это враки! Они убежали» — говорит колдун. — «Пойдите, откройте и узнайте — кто там есть!» Придя, раскрывают двери, а два плевка закричали из угла; «Не входите еще, мы не надели белье!» Придя, докладывают старику; старик рассвирепел: «Их надо прикончить!» Посылает в погоню конных: «Как поймаете, сразу везите сюда!» — приказывает строю. А они — девушка с женихом — бегут, что есть мочи. Девушка приложила ухо (к земле) и слушает — вслед за ними идет погоня. Говорит она ему: «Я буду стадо, а ты будь пастухом».

Погоня догоняет и спрашивает у пастуха: — «Ты, — говорят, — не видел здесь прохожих — девушку с мужчиной? Давно ли ты здесь пасешь скотину?» — «Я, — говорит, — здесь три года уж пасу скотину эту». Поворачивают и едут обратно. Докладывают старику: «Не видали, не нашли; только встретили мы пастуха с большим стадом скотины». — «Ах, дураки! При-

вести бы вам вместе стадо и пастуха! Стадо ведь была моя дочь, а пастух — жених ее. Ступайте, идите скорее, пригоните все обратно!» Повернувшись, погнали. Наклонив голову к земле, девушка стала снова прислушиваться: «Постой-ка, вот опять за нами (сильно) гонятся. Ты будь попом, а я буду монастырем. Зайдут, спросят да уйдут». Догоняют, заходят в монастырь. «А ты, — говорят, — поп, не видел ли проходящих отсюда женщину с мужчиной». — «Здесь, — отвечает поп, — я нахожусь тридцать три года; кроме вас, я никого не видывал никогда!» Придется возвращаться опять обратно ни с чем! Повернули и поехали обратно. Приезжают быстренько и докладывают старику: «Мы не видели твоей дочери; видели только монастырь, там молится себе (один) поп; говорит, что никого не видел». — «Дураки вы! Взять бы попа и монастырь, привезти бы вместе. Они самые и были; скорее поезжайте еще, заберите их!» Еще посылает погоню старый кобель.

Едут искать. Опять она, приложившись к земле, слушает. Опять за ними сильно гонятся. «Ты будь гусем, а я буду большим озером. Никто и никогда не может перейти через озеро». Приезжают к озеру, смотрят: озеро широкое, глубокое: перейти никак невозможно. Поворачивают и едут обратно. Приезжают к старику и докладывают: «Такое дело, дедушка! Мы никого не видели. Доехали мы до широкого, глубокого озера. Гуляет только один одинехонек гусь». После этого старик махнул рукой, подумав: «Теперь спаслись».

Они потом приехали к своим отцу-матери и до революции жили шикарно. Пришла революция — их раскулачили.

Вот тебе одна сказка.

22. ВАСИЛИСА КРАСА, ЗОЛОТАЯ КОСА

Давным давно, в одном столичном городе жил один большой купец. У него было двенадцать магазинов. Был у него сын Иван и три дочери. Когда он, состарившись, стал умирать, то сказал сыну: «Ну, сыночек, я уж состарился, скоро умру. Ты не выдавай своих сестер замуж и сам не женись».

Живут они, примерно, года два-три. Как-то однажды, осенним вечером, когда сестры сидели за ужином, поднялся сильный ветер, кто-то стукнул в окно: «лыт-лат». «Иван, купеческий сын, — слышен голос, — выдашь ты мне сестру или сестренку, или нет? Если выдашь, то скорее одень и выведи; если нет, то самого не будет (в живых)!» Иван, купеческий сын, подумал: «Ведь не жить же век с сестрами! Хоть отец и не велел выдавать, но нельзя не выдать». Одел сестру, вывел ее за ворота, и унес ее большой ветер-туман.

Остался он с двумя сестрами; погоревали недельки две и все позабылось. Жили-жили. Опять однажды сели они ужинать — младшие горюют о старшей сестре. Опять поднялся большой ветер и постучали под окном: «лыт-лат». «Иван, ку-

печеский сын, — кричат оттуда, — выдай среднюю сестру. Если не дашь, — тебе плохо будет». Иван, купеческий сын, подумал про себя: «Нельзя же жить век». Одел сестру, вывел за ворота. Дунул большой ветер-вихрь на сестру и унес ее. Зашел в избу, брат с сестрой заплакали вдвоем: «Видно, наше счастье таково!» Погоревали неделю, две-три — потом перестали.

Жили, примерно, года два. Опять во время большого ветра под окном Ивана купца постучали: «шолт-шолт». «Иван, выдашь последнюю сестренку, или нет? Дашь, — так одень и выведи; нет, — тебе плохо будет!» Иван, подумал: У двух сестер счастье такое, и у третьей такое же». Одевает сестру и выводит на улицу. Дунул большой ветер-вихрь и не стало сестры. Иван остался один. Зайдя в избу, Иван сильно заплакал: «Ну, — говорит, — оказывается, наше счастье было таково». Оставшись один, Иван долго горевал. Прожил некоторое время, и ему вздумалось: «Пойти и мне, что ли, — думает про себя, — доканать свое хозяйство?» Бросает свои магазины, берет собаку, ружье и отправляется. Идет день, проходит два, проходит неделя, две, три; месяц, два, три.

Скоро сказка сказывается — не скоро дело делается.

Шел-шел и деньги кончились, кончились запасы питья и еды и проголодался. Доходит до большого моря. «Пойти, — думает, — по берегу этого моря. Может быть, что-нибудь найду подстрелить». Шел-шел, встретил морского рака. «Подстрелю я этого рака, зажарю и съем», — думает он. Направил ружье на рака, а рак заговорил перед ним: «Не стреляй, — может когда-нибудь пригожусь?» Повесил Иван ружье и идет дальше, думая про себя: «Придется, видно, умереть голодной смерью». Каждый хочет жить, защищает свою жизнь. Идет дальше — встречает ястреба. Прицеливается в него из ружья. «Не убивай, Иван! — говорит ястреб. Когда-нибудь сделаю хорошее дело тебе». Положил ружье на плечо и зашагал Иван дальше, сам думает: «Придется умереть с голоду». Проходит и встречает воробья: направляет на него ружье. Воробей ему говорит: «Иван, не убивай меня тоже: я окажу тебе какую-нибудь хорошую услугу». Опять закинул Иван ружье за плечи и думает: «Придется все равно умереть с голоду». Пошел он дальше по берегу. Шел-шел — встречает рыбу-кит. Пришел во время прилива и не смог уйти (видимо). Направил ружье на кита и подумал: «Хоть этого съем, а потом пойду». А рыба-кит тоже умоляет. «Не убивай меня, Иван! Я тебе тоже окажу хорошую услугу». Иван идет дальше и находит гнездо дикой пчелы: «Хоть здесь, — думает, — поем меду, хотя немного буду сыт». — «Иван, купеческий сын! Как-нибудь да не разоряй моего гнезда. И я тебе сделаю какую-нибудь нужную работу». — «Ну, как же мне теперь быть? Что буду есть? Я голоден!»

Идет Иван дальше, встречает волка. Прицелился в него, хочет выстрелить. «Иван, не стреляй в меня! Сделаю когда-нибудь нужную тебе работу!» — взмолился волк. «И этого нельзя убить!

Оказывается, пришло мне время умереть голодной смертью. Как быть, ведь я очень голоден!» Вешает Иван ружье на плечо и идет вперед. Шел-шел, встретил медведя. Прицелился в него и думает: «Этого то уж застрелю и изжарю! Наконец-то пришел мой обед!» Только приготовился Иван выстрелить — заговорил медведь человеческим голосом: «Иван, купеческий сын! Не губи меня как-нибудь. Я бы сделал для тебя нужную работу». «Нет, нет! Теперь я уж умру с голоду. Нет сил больше, конец! Так мне суждено было, оказывается, умереть с голоду». Иван оставляет медведя живым и идет дальше.

Еще три дня Иван плутал голодным. На третий день вечером Иван заметил терем, подошел поближе, посмотрел: стоит медный дворец. Подойдя к нему, зашел во двор. Зайдя, узнал он старшую свою сестру и сестра узнала его. Поцеловалась. Заводит она братишку в дом, поит-кормит, угощает (с радостью). После говорит ему! «Ну, братишка, ты спрячься. Сейчас придет мой муж. Как бы он тебя не убил». Только что спрятала братишку — влетает из окна большой богатырь — Воробей Воробеевич. Спрыгивает на пол и превращается в богатыря. «Фу, — говорит, — жена! Что у тебя русским духом пахнет?!» Жена отвечает ему: «Сам летал около русского народа и наглотался русского духа». — «Ну, — говорит, — давай пить-есть. Корми, есть очень захотелось!» Посадила его за обед и говорит: «Что, Воробей Воробеевич, если бы в это время пришел сюда мой брат. Что бы ты сделал?» — «Что бы сделал? — отвечает он. — Погуляли бы недельку». — «Больше ничего не сделал бы?» — «Нет!» — «Он ведь здесь», — говорит жена. «Где? выведи!» Открывает она большой шкаф — выходит оттуда Иван, купеческий сын. Обнялись они, поцеловались и начали угощаться. Погулявши, начали беседовать вдвоем. «Ну, куда ты, братишка Иван, направился?» — «Вышел вот, — отвечает ему Иван, — куда глаза глядят, куда голова влезет. Хорошо было бы и жениться, если хорошая попадет». — «Есть, — говорит зять, — одна девушка, но только наверное не сумеешь взять ее. Я, — говорит, — будучи сильным, могучим богатырем Воробьем Воробеевичем, и то не смог взять. Она, — говорит, — живет через девять царств в десятом, западном государстве; ее зовут Василиса Краса Золотая Коса. Но только ты ее не сможешь взять. У нее дворец обнесен большим тыном, и на каждом тыне висят человеческие головы». Погуляли недельку, и начал Иван собираться в западное государство. Прощается с сестрой и зятем. Сестра накладывает ему в котомку разной снеди и говорит: «Давай, братишка, сменяемся мы перстнями!» — «А зачем?» — «А по этим перстням мы будем знать друг о друге: если я буду умирать, — почернеет перстень у тебя на руке; если ты умрешь, — у меня на руке почернеет». — «И я еще помогу тебе» — сказал зять. Спрыгнул на пол, сделался воробьем и, вырвав из правого крыла одно перышко, отдал ему. «Если случится беда большая, — стукни этим перышком о землю, — тогда все тебе будет», — советует

ему зять. Повесил Иван на спину ружье, взял свою маленькую собачку и отправился в путь.

Идет день, идет два; идет уже неделю, идет две; проходит уже месяц. Выходит он на широкое поле. Опять увидел большой дворец. Подходит к дворцу — дворец весь из серебра. Зайдя во двор, встретил женщину: сразу же он узнал в ней свою среднюю сестру, и сестра узнала Ивана. Сестра бросилась ему на шею и расцеловала. Зашли в большой дом. Сажает сестра Ивана за обед. Перед тем как наесться, она говорит брату: «Ну, братишка, я тебя спрячу. У меня, — говорит, — придет муж, большой богатырь Ворон Воронович». Распахиваются большие окна — влетает ворон. Спрыгивает на пол и превращается в большого богатыря. «Что это, жена, в доме чувствуется запах русского человека?» — спрашивает он. «Я, — отвечает жена, — живя здесь три года, кроме тебя, другого не видывала. Сам ты летал среди русских и принес с собой запах». — «Ну, может быть. Давай пить-есть!» Садятся вместе за обед. Жена говорит мужу: «А что, любимый мой муж, сильный могучий богатырь Ворон Воронович! Если бы к нашему обеду пришел мой братишка?» Что бы ты сделал?» — «Что ты, — говорит он, — что бы я стал делать? Попили-поели бы, погуляли бы недельку!» — «Он ведь здесь, я его спрятала!» — «Выведи! Зачем спрятала?» Вывела сестра Ивана. Пьют-едят, гуляют. Спрашивает зять ее брата: «Ну, куда же ты направился, братишка?» — «Я, — отвечает он, — иду искать себе девушку. Я иду через девять царств в десятое царство, на запад. Хочу взять себе Василису Красу Золотую Косу». — «Вот, братишка, тебе не взять ее! Я, — говорит, — будучи большим богатырем, не смог взять! Куда тут тебе! У нее дворец обнесен кругом большим тыном, на каждом тыне по человеческой голове. Один из них без человеческой головы — это тебе. Кто только ни приезжал к ней свататься — кого на тын, кого в тюрьму заточила», — говорит ему Ворон Воронович. Погуляли, таким образом, одну недельку, и Иван начал собираться в путь, — прощается с сестрой и зятем. Говорит ему сестра. «Братишка, давай переменимся на руках перстнями!» — «Зачем менять, сестрица?» — «По этим перстням ты узнаешь о моей жизни, а я — о твоей: если ты умрешь, то перстень на моей руке почернеет; если я умру — на твоей руке почернеет перстень». — «И я тебе помогу малость», — сказал Ворон Воронович, прыгнул на пол и сразу превратился в черного ворона. Он вырвал из своего правого крыла перышко и отдал Ивану. Завернув перышко, Иван спрятал его, повесил котомку со съестным на обед, взял ружье, маленькую свою собачку и вышел.

Шел-шел — проходит один день, проходит другой; и месяц проходит. Опять вышел он на широкое поле и увидел издалека зарю. Подходит ближе — видит дворец, весь золотой! Подходит к нему, заходит во двор. Посреди двора встречает женщину. Посмотрел — узнал младшую сестру, и сестра, посмотрев на него,

узнала брата. Обнялись оба за шею и поцеловались («умам налын шупшалыт»). Заводит сестра брата и начинает угощать. Не кончив угощать, говорит она ему: «Братишка! Я тебя спрячу, — прилетит мой муж». Прячет брата. Раскрывается большое окно, и влетает Сокол Соколович — сильный могучий богатырь. Спрыгивает на пол и превращается в большого богатыря. «Что такое, — говорит он, — сильно пахнет русским духом! Может, русский пришел к тебе?» — «Три года будет, мой любимый муж, как я, кроме тебя, никого не видела. Сам ты летал среди русских» — отвечает жена. «Ну, может быть среди русских. Давай обедать! Сильно проголодался». После того, как сели обедать, жена говорит мужу: «А что если бы сейчас пришел мой брат, шурин твой, что бы ты сделал?» — «Глупая! Что я стал бы делать? Угощались бы недельки две, и все!» — «Он ведь здесь, прибыл. Я его спрятала». — «Зачем спрятала глупая? Давай, выведи его! Где он?» Открыла большой шкаф и оттуда вышел Иван. Сажает его за стол, гуляют они таким образом одну неделю, гуляют другую. Потом Сокол Соколович спрашивает Ивана: «Куда путь держишь, зачем идешь? — «Я, — говорит Иван, — иду сватать девушку через девять царств в десятое, в западное государство — за Василисой Красой Золотой Косой». «Ты не сможешь ее взять. Я, — говорит, — будучи большим богатырем Соколом Соколовичем, (и то) не смог взять. У нее вокруг дворца стоит тын, на каждом тыне по человеческой голове — попались за ее красоту. Она вешает одного жениха на тын, другого заточает в тюрьму. Только один тын стоит у ворот без головы; это, наверное, приготовлен тебе». Пожил, погостил Иван и начал собираться в путь. Сестра предлагает Ивану: «Братишка, мы сменяемся с тобой перстнями. По этому перстню мы узнаем о твоей жизни. Если я умру, — почернеет кольцо на твоей руке; если ты умрешь, — почернеет на моей руке». Меняются они перстнями. «И я тебе немного помогу», — говорит Сокол Соколович. Соскочил он на пол, превратился в сокола, и отдал Ивану перышко из своего правого крыла. «Если уж наступит большая нужда, — говорит он Ивану, — то стукни перышком о землю: все будет перед тобой, что только захочется твоей душе». Взял Иван маленькую свою собачку, повесил через плечо ружье, вышел и отправился в путь.

Шел-шел — проходит день, проходит неделя, проходят две, и месяц проходит. После месяца доходит Иван до большого луга. Пришел, как говорится, на заповедные луга Василисы Красы Золотой Косы. Взглянул на большой дом — видит вокруг него на тынах сплошь висят человеческие головы; только у ворот стоит один тын без человеческой головы. Иван посмотрел на него и подумал: «Вот он, этот тын! Готовится для меня». Иван и проголодался, и утомился. Вынимает перышко, данное Воробьем Воробеевичем, стукает о траву. Перед Иваном появляются двенадцать девушек. «Что тебе надобно, Иван, купеческий сын? Мы тебе представим», — заявляют они. — «Мне все нужно для

еды, кроме птичьего молока. Мне нужны музыканты — хор из девушек. А танцевать вы!» — заказывает Иван. Когда было все готово к угощению, — налил он стакан красного вина и вскрикнул, что есть мочи: «Да здравствует наш сильный могучий богатырь Воробей Воробеевич!» Как выпил он этот стакан, так сразу заиграла музыка, запел девичий хор, заплясали все девушки. Услышала это из своего терема Василиса Краса Золотая Коса и приказала узнать: «Что за музыка, что за шум на моем прекрасном лугу? Пойдите, притащите его»! Слуги идут туда и, придя, говорят таковые слова: «Кто это разрешил на нашем лугу так гулять? Чьей милостью ты так гуляешь, поднимаешь честь?» — «Я, — отвечает Иван, — гуляю по милости сильного, могучего богатыря Воробья Воробеевича!» Они его забирают с собой, запирают в тюрьму. А в тюрьме народу! — большая тюрьма полна. Там собраны и короли, и принцы, и генералы — все собраны вместе. Пищи дают: хлеба с фунт и воду. Иван, купеческий сын, подождал до вечера и потом спросил; «Кто, — говорит, — хочет сегодня повеселиться со мной, те поднимите руки». Один, другой — заговорили все. «Здесь, — говорят, — не то, что веселиться, даже со своими тысячами рублей не сможешь поесть тронных калачей!» — «Нет, у нас тысячи рублей, мы сможем (просто) милостью». Как только стемнело, вынул Иван, купеческий сын, из-под пазухи перышко Воробья Воробеевича: сразу вышли двенадцать девушек. «Что тебе надо?» — спрашивают они. «Нам, — говорит он, — волосы надо подстричь — у всех длинные. Принесите такую одежду, в какую они раньше наряжались, пить-есть несите все, кроме птичьего молока!» Открылась парикмахерская: стригут волосы, бреют бороды; наряжаются в свою одежду. Наконец, отправляются. Нашли где-то вина и другой чести довольно много. Налили себе вина, и вскрикнул Иван: «Давайте, выпьем, закусим за здравие сильного, могучего богатыря. Да здравствует Воробей Воробеевич!» Тут начала играть музыка. Пьют-едят, гуляют.

Василиса Краса Золотая Коса, услышав из своей комнаты этот шум, вытолкала своих слуг узнать: «Кто посмел внести в мою тюрьму вино и напоить всех?» Когда слуги подошли туда, они совсем очумели: «Кто смог внести такую честь к вам?» — спрашивают слуги. «У нас (человек), прибывший сегодня — он нас угощает». Потом слуги подозвали Ивана к себе и спросили: «Чьей милостью ты мог устроить это гулянье?» — «Я, — говорит он, — гуляю по милости сильного, могучего богатыря Воробья Воробеевича;» — «Продай ты это нашей девушке хозяйке!» — «Эта вещь не продается вашей девушке!» — «А за какую же цену ты отдашь эту вещь?» — «Отдам я эту вещь Василисе Красе в том случае, если она даст подержаться за груди» (чизижым кучыктагын). Приходят слуги и докладывают Василисе Красе. «Приведите его ко мне, — говорит она, — я дам подержаться за груди». Приводят его; он подержал ее за груди

и отдал перышко (*идет сватовство*). Ведут обратно его в тюрьму и запирают. Кончают товарищи все свои дела и живут, питаясь фунтом хлеба и фунтом воды.

В другой вечер опять спрашивает Иван, купеческий сын: «Давайте устроим еще один праздник! Поугощаемся, чем можем!» — «Если сможешь, мы не откажемся от праздника», — отвечают они. Вынимает он перышко сильного могучего богатыря Ворона Вороновича, стукает по столу. Выходят двенадцать девушек: «Что тебе нужно, Иван, купеческий сын?» — «Нам нужно есть-пить и повеселиться!» — отвечает он. По велению его принесли они все, налили по большой чарке. Опять говорит Иван: «Да здравствует могучий богатырь Ворон Вороновича!» И начали они пить-есть и плясать и петь как следует. Опять доносятся звуки гулянки до комнаты Василисы Красы. Призывает она слуг: «Кто, — говорит, — посмел занести в мою тюрьму столько угощения?!» Слуги идут в тюрьму и спрашивают: «Кто, — говорят, — сумел устроить сегодня этот праздник? Чьей милостью он гуляет?» — «Праздник устроил пришедший вчера купеческий сын в честь богатыря Ворона Вороновича». Призывают к себе Ивана: «Чьей милостью ты сегодня сделал праздник?» — «Я, — отвечает он, — праздник сделал в честь богатыря Ворона Вороновича, вот перышко!» — «Продай этот товар!» — «Этот товар не продажный». — «А как же можешь отдать?» — «Если Василиса Краса покажет голые ноги...» Придя, докладывают эти слова Василисе Красе. Она просит Ивана, купеческого сына в свою комнату. Василиса Краса показывает ногу... Иван оставляет ей перышко. Опять уводят его и запирают в тюрьму. Товарищи с жалостью говорят, что, мол, ты раздашь все свои пожитки, и будем тогда жить на фунте хлеба. «Что же, — отвечает он, — попробую пожиток до-конца! А дальше — что будет...»

На третий вечер Иван опять устроил праздник. Опять начал сильно пировать. Василиса Краса снова услышала шум и вытолкала слуг, говоря: «Кто занес в тюрьму вино?» Приходят слуги в тюрьму и снова обращаются к народу: «Кто устроил этот праздник, чьей милостью вы пьянствуете?» — «Праздник устроил недавно пришедший Иван, купеческий сын», — отвечает народ. Призывают Ивана: «В честь чего ты устроил этот праздник?» — спрашивают его. «Моя честь — вот это, перышко могучего богатыря Сокола Соколовича. Этим я устроил». «Продай это перышко». «Это перышко не продается. А если Василиса Краса позволит проспать с ней одну ночь в ее объятиях — перышко будет ее!» Слуги уходят. «Вот, — говорят, — у него есть перышко Сокола Соколовича. Если ты разрешишь ему проспать в твоих объятиях одну ночь, он оставит перышко тебе».

Утром встают, оба направляются в тюрьму. Иван, купеческий сын, открыл тюрьму и выпустил весь народ. Раздает по тысяче рублей денег и говорит: «Идите теперь все по своим

домам!» Поблагодарив его, все уходят. Затем Василиса Краса показала ему все свои комнаты, показала также один чулан, но просила туда не входить. Прожив некоторое время, Иван купеческий сын, подумал: «Что я за хозяин, когда не знаю, что находится в этом чулане!» Открыв чулан, заходит он один. Там висит человек, привешенный за ребра. «Пожалуйста, — проговорил человек, — если меня перевесишь с одной стороны на другую, я тебя выручу из трех смертей!» Иван из жалости спустил его. Человека не стало. Пришел в свою комнату — потерялась Василиса Краса Золотая Коса. Иван, купеческий сын, опечалился и забегал: «Куда ушла? Куда потерялась? Кто видел, кто слышал?» Ее унес Кащей бессмертный. Взял Иван свою собачку, ружье и ушел из большого дома.

Шел-шел большой дорогой, заходит в большой лес. Идет по лесной дорожке, выходит на маленькую полянку. На маленькой полянке стоит маленькая избенка. Иван заходит в избушку — там на печке спит большая старуха. «Куда идешь?» — спрашивает она. «Не знаю, — куда иду, не знаю, — куда вышел! Сам не пойму. У меня исчезла жена — Василиса Краса Золотая Коса. Иду ее искать. Не знаю, — где найду ее!» Старушка говорит Ивану: «Ее унес Кащей бессмертный! Зачем ты освободил его от привязи — ведь ему оставалось только три часа жизни? Теперь ты от него много натерпишься (увидишь горя)! Ты завтра встань и иди к моей сестре; она его больше знает и посоветует тебе». Встает Иван утром, позавтракал и начал собираться в путь. «Постой-ка, — говорит старуха, — я тебе дам товарища — он найдет сестру». И пускает впереди него шелковый моточек, говоря: «Иди вслед туда, куда поведет этот моточек». Шел-шел Иван за моточком, к вечеру выходит на маленькую лужайку; посреди этой лужайки стоит маленькая избушка. Заходит он в маленькую избушку — на печке лежит большая старуха. «Куда идешь, сыночек?» — спрашивает она. «Куда иду, — сам не знаю; куда захожу, — сам не ведаю», — отвечает Иван. «Знаю, знаю, куда ты идешь!» — говорит старуха. «Сегодня ты ложись да спи, а завтра я дам тебе совет». Выспавшись, встал Иван и начал собираться в путь, а старушка стала давать ему советы: «Твою жену, Василису Красу, унес Кащей бессмертный. Даже если три года будешь итти, и то не найдешь ее. Сперва ты приобрети себе для пути лошадь. Дам тебе такой совет: иди ты к моей старшей сестре, наймись пастухом. У нее имеется двенадцать кобыл. Если сумеешь пропасти их в течение трех суток, — возьми себе жеребенка, который приглянется. Если ты не сумеешь выпасти, то она съест твою голову. Знай, сестра моя очень злая!» Выходит Иван в путь. «Еще, — говорит она, — я тебе дам шелковый моточек».

Иван шагает за моточком. К вечеру выходит из леса на маленькую полянку. Посреди маленькой полянки стоит маленькая избушка. Заходит туда Иван. Старушка говорит ему: «Зачем пришел ты, сыночек?» — «Я пришел к тебе пасти твоих две-

надцать лошадей». — «Хорошо, хорошо, сыночек! — отвечает она. — Если сумеешь пропасти моих лошадей в течение трех суток, я тебе дам одного жеребенка, который тебе приглянется. (Как раз) мои кобылы все жеребые». Поел Иван пирога с водой и лег спать, а маленькая его собачка залезла под ступеньки сеней. Разбудила его утром бабушка, напоила-накормила; вывела двенадцать кобыл из хлева, дала Ивану длинную махалку и послала пасти. Вышли лошади на широкие луга, фыркнули «кжок», лягнули и разбежались кто куда. Запечалился, заплакал Иван: «Попадет теперь моей голове, прикончит бабушка мою головушку», — думает он. Погоревал, проплакал весь длинный день. Выбегает на широкие луга медведь. «Вот, Иван! Не плачь, не печалься! Ты меня спас от смерти, и я тебя спасу». Созывает медведь к вечеру своих детенышей, согнал всех двенадцать лошадей в кучу. «Бабушка, я пригнал всех твоих лошадей домой!» Вышла бабушка, посмотрела — лошади все в хлеву. Напоила-накормила Ивана и спать уложила. Выходит бабушка в полуночную пору и давай драть кобыл: «За каким чортом вы пришли! Кто вас пригнал обратно? Я ведь говорила вам, что утром же убегайте в лес. Завтра я вас выпущу: до одной убегайте в широкие поля и не одна не возвращайтесь обратно». Встал утром Иван, накормила его бабушка пирожком и водой, послала в поле. Выбегают лошади в поле, дунули «кжок», лягнули и разбежались. Опять Иван заплакал голосом, как маленький мальчик. «Ой, что буду делать? Куда денусь! Съест теперь бабушка мою голову!» Плакал до изнеможения. Потом лег и заснул крепко. Просыпается — солнце уже низко, и проголодался, и лошадей нет. Опять заплакал, как ребенок. Навстречу ему выбегает волк: «Зачем так сильно плачешь, Иван? Когда-то я обещал тебе, теперь вот пришел тебе помочь». Убежал большой волк в поле, призвал всю свою семью. Волки, одну за другой, пригнали всех лошадей к Ивану. Иван, довольный, обрадованный, гонит лошадей домой. Загнал всех в хлев, зашел в избу и доложил старушке: «Бабушка! Хорошо стерег твоих кобыл — загнал всех в хлев!» Накормила бабушка Ивана пирожком и водой и уложила спать. Встала бабка в полночь, пошла в хлев. Очень больно бьет кобыл, приговаривая: «Зачем вы не смогли убежать?! Я ведь вам говорила, что разбегайтесь по широкому полю!» — «Мы все убежали, а в поле нас окружили волки: еле-еле спаслись, и Иван запер нас в хлев», — отвечают ей кобылы. «Теперь уж завтра улетайте все в воздух и ни одна не возвращайтесь!»

Встает утром Иван, бабушка накормила его пирожком с водой и выгнала кобыл. Лошади вышли и улетели в воздух. Иван опять заплакал: «Что теперь делать? Куда итти? Съест теперь мою голову бабушка». Плакал-плакал до изнеможения, лег и крепко заснул. Солнце уже склонялось к вечеру, когда проснулся Иван, голодный: «Ой, что делать, куда деваться?» — опять, задыхаясь, начал сильно плакать. Летит ему навстречу

пчелиная матка. «Иван! Я когда-то обещала тебе помочь». Собрала пчелиная матка всю свою семью, полетела за лошадьми и начала жалить их как следует. Очень скоро собрали они лошадей в одну кучу. Собрал, пригоняет всех к бабушке. Иван идет, лишь помахивая и похлопывая своей большой махалкой. Загоняет лошадей в хлев, заходит к бабушке: «Бабушка! Пригнал я всех твоих лошадей. Пас трое суток». — «Большое спасибо, братишка! Смог пастушить лошадей трое суток. Завтра я тебе дам твоего любимого жеребенка». Поел-попил Иван и залег спать.

К полуночи двенадцать кобыл принесли двенадцать жеребят. Вынула бабушка сердца у одиннадцати жеребят и приставила их к одному жеребенку. А собака Ивана ходит под лестницей и наблюдает проделки бабушки. Проснувшись, Иван выходит; собака подбегает к нему: «Брат Иван! Бабушка тебе предложит жеребенка. Ты возьми (только) валяющегося под корытом паршивенького жеребенка». Бабушка встала, повела Ивана в хлев и говорит: «Вот, сыночек, жеребята! Возьми того, который тебе приглянется. Очень славненькие», — предлагает она ему. Иван одного похлопает, другого похлопает; посмотрел так одиннадцать жеребят; потом заметил валяющегося под колодой жеребенка и говорит старушке: «Все жеребята у тебя хороши очень, но мне с ними не справиться. Вот тот жеребенок, что валяется под корытом, когда подрастет, так лошадь будет». Бабушка говорит Ивану: «Оказывается, есть же ум у тебя! Если хочешь получить этого жеребенка, — посей конопляное поле: вспаши за один раз, заборони, потом посей одно сито конопляного семени; после этого два раза вспаши и заборони. А дам тебе семя сосчитанное — соберешь обратно семечки, — тогда я тебе благословлю этого валяющегося под колодой жеребенка. Если не сможешь выполнить эту работу, — я съем твою голову».

После этого Иван запряг лошадь, вспахал, заборонил, посеял семена; снова вспахал и заборонил дважды, затем взял решето и начал ковыряться в земле. Не найдя ни одного зернышка, заплакал в голос. «Только теперь, оказывается, дойдет и до моей головушки!» Прилетает стая воробьев. Говорит Ивану один воробей: «Иван, не печалься много-то, и мы тебе поможем!» Садятся все на конопляное поле и давай собирать семечки! Один несет, другой несет Ивану в решето, и решето наполнилось семечками. Иван очень обрадовался, принес бабушке семена: «Бабушка, я принес тебе все семечки», — докладывает он. Высыпала бабушка семечки на стол, сосчитала и говорит ему: «Теперь я съем твою голову: неизвестно куда дел одно семечко!» Со слезами выходит Иван на волю, а на крыше, расправляя перышки, сидят воробьи. Иван посмотрел на крышу, и с рыданьем начал умолять их: «Кто у вас старший? у меня не хватает одного семечка! Бабушка (теперь) съест мою голову!» Вот начали кричать воробьи «чыгэ-чого (*про себя*), и бьют сильно одного крыльями. Проклятый! Оказывается во время

сбора он проглотил одно семечко. Выпало зернышко изо рта того воробья, старший воробей спустился с крыши и отдал его Ивану. Иван, сильно обрадованный, принес его бабушке. Берет зернышко бабушка, ведет Ивана в хлев, надевает на жеребенка маленькую узду и передает Ивану. «Если вырастишь этого жеребенка, — надежная скотина будет у тебя: сможет выручить тебя от всякой беды». Вывел Иван жеребенка и отдалился от дома бабушки.

Отъехав от дома бабушки, выехал на широкое поле. «Иван, сними с моей головы узду, я еще и узду не могу таскать. Если ты хочешь сделать из меня надежную скотину, — пролежи в течение трех суток вниз лицом, не шевелясь; кто бы к тебе ни пришел, кто бы тебя ни пугал — не шевелись вовсе. Через трое суток я сам к тебе подойду и дерну три раза за волосы». Иван ложится вниз лицом, а жеребенок бежит в широкое поле. Через трое суток жеребенок прибегает к Ивану, дергает его за волосы три раза. Иван вскакивает. Посмотрел и удивился — из паршивого жеребенка вышел прекрасный конь. «Теперь, Иван, надевай на меня узду. Я могу таскать узду!» Иван повел его дальше.

Шел-шел, хотел сесть на лошадь, а лошадь говорит Ивану: «Если ты хочешь ездить на мне, то пролежи еще шесть суток вниз лицом, не шевелясь. По прошествии шести суток я вернусь сама и три раза дерну тебя за волосы». В течение шести суток какие-то чудовища хотели умертвить Ивана (*это подослала баба Яга*). Через шестеро суток вернулась лошадь к нему и три раза дернула за волосы. Иван вскочил и изумился — прекрасная лошадь: выросли крылья по два аршина. Как говорит марией — «крылатый конь!»

«Садись теперь, Иван, на меня». Иван сел на нее, схватился крепко за гриву. Лошадь летит, как сильный ветер, как птица. Ехали-ехали, проехали довольно большое расстояние. Лошадь говорит Ивану: «Иван, если ты пролежишь еще двенадцать суток вниз лицом, то равной мне скотины даже на свете не будет. Тогда мы сможем проехать в сутки двенадцать тысяч верст». Иван слез с лошади и лег вниз лицом на двенадцать суток. «Я вернусь через двенадцать суток и три раза дерну тебя за волосы, — тогда ты встанешь. А так не вставай, хотя бы какие страсти не пришлось тебе видеть». Иван лежит. Приходят резать его, приходят его убивать, приходят его пилить пилой, — Иван, сдерживаясь, лежит (себе) вниз лицом. Через двенадцать суток прибегает к Ивану лошадь, роет землю своими громадными ногами, ржет сильным голосом и дергает Ивана три раза за волосы. Иван вскакивает. Прямо удивишься — какая лошадь! По аршину выросли крылья. «Ну, теперь садись, Иван, на меня, поедем к Кащею бессмертному отбирать у него Василису Красу Золотую Косу». Садится Иван, поднимаются выше леса, летят чуть ниже облаков.

Скорехонько приезжают к Кащею бессмертному, а у Кащея

бессмертного дворец очень большой, да очень красивый. Василиса Краса, горюя, сидит на окошке и посматривает. Кащей бессмертный ушел в лес за дровами для бани. Выбегает к своему мужу Василиса Краса, он сажает ее на свою лошадь, поворачивает и они едут. Кащей, припевая, везет дрова из лесу. Лошадь его спрашивает: «Хозяин! Почему ты поешь?» — «Почему мне не петь? Василиса Краса моею стала!» (Он тридцать три года висел на ребрах, сейчас распариваясь в бане, лечился). После этого говорит ему конь: «Не пой, твою Василису Красу увез Иван, купеческий сын!» — «А где он приобрел лошадь-то?» — спрашивает он. «Его конь — мой младший брат, он стал прекраснейшей скотиной». «Догоним мы его, или нет?» — «Доедем домой, ты в бане попарься, ляг отдохни, поешь-попей, а потом поедем», — отвечает ему конь. Приезжают домой. Вымылся Кащей в бане, попил-поел и поехали. Верст пять не доехала Василиса Краса до дому, как Кащей нагнал их. Кащей кричит грубым голосом вслед: «Постой, Иван! Кого ты украл? Я тебя догоню!» Догоняет, отбирает Василису Красу, подбрасывает Ивана высоко вверх и перед тем, как ему упасть, взял за грудь и ставит его на землю. «Вот, Иван, — говорит ему, — я тебе обещался спасти от смерти — спас один раз!» Садится и увозит Василису Красу.

Шел-шел Иван, опять дошел до Кащея бессмертного. Опять к приходу Ивана он ушел за дровами для бани. Василиса Краса, увидев его из окна, выбежала навстречу. Посадил ее Иван и повез. Кащей, припевая, везет дрова по лесу. Лошадь спрашивает его: «Отчего ты поешь, хозяин?» — «Как мне не петь: мои ребра заживают и скоро мы заживем с Василисой Красой!» — «Опять Иван увез Василису Красу», — извещает его конь. «Догоним ли?» — «Догоним, — отвечает конь. — Приедешь домой, помоешься в бане, вспашешь, посеешь пшеницу, она поспеет; сделаешь солод, сваришь пиво, выпьем его, — и тогда догоним их». Приехал Кащей домой, посеял пшеницу, сварив пиво, выпил и затем отправился в путь. Поехал и догнал Ивана, купеческого сына. Василиса Краса не доехала до своего дома всего три версты. Загреб Кащей Ивана и бросил на дно неба. Перед тем, как долететь ему до земли, схватил его за грудь. «Теперь я тебя дважды спас от смерти». Повернул Кащей и помчался, а Иван поехал вслед за ним. Ну бегут, ну бегут! Доехал Кащей домой и сразу ушел в лес. Василиса Краса, увидела из окна Ивана, выбежала встретить. «Я не могу здесь жить! Вези меня, Иван, отсюда!» Иван повез ее. С песнями Кащей везет дрова из лесу. Его лошадь говорит Кащею: «Отчего ты, Кащей, поешь?» — «Если мне не петь, так кому же? Будем жить с Василисой Красой с Золотой Косой!» — «Ведь Василисы Красы нет дома. Увез ее Иван». Спрашивает Кащей у лошади: «Можно догнать?» — «Можно, — отвечает конь. — Вспахав огород, посей пшеницу, сделав солод, выпьем пива — потом поедем». Вернувшись из леса, Кащей поел, попил и пустился в погоню. Им осталось доехать две версты, как он их догнал. Бросил Ивана,

купеческого сына вверх, повернулся и поехал. Упал на землю Иван, купеческий сын, и разлетелся, как щепочки.

У старшей сестры Ивана почернело золотое кольцо на руке, почернело золотое кольцо и на руке младшей сестры. Та и другая говорят своим мужьям: «Эх, наш братишка ведь ушел на тот свет!» Вылетел Воробей Воробеевич, полетел к Ворону Вороновичу и Сокол Соколович прилетает к Ворону Вороновичу. Три свояка, собравшись, совещаются: «Эх, пропал ведь теперь наш братишка! Где искать, как найти?!» — спрашивают друг друга. Полетели по трем направлениям: Воробей Воробеевич полетел на восток, Сокол Соколович — на юг, а Ворон Воронович — на север. «Эх, — думают они, — братишка из-за красоты Василисы Красы голову свою съел!» Ворон Воронович с Соколом Соколовичем унюхали его. Опять собрались все вместе и начали советоваться. Говорит им Ворон Воронович: «Ребята! Мы сейчас найдем способ!» Собирает Ворон косточки (обрывки тела) и все трое прячутся в кусты. На собранные обрывки тела Ивана прилетела ворона со своим детенышем и начала клевать. Выпрыгнул Ворон Воронович и сгреб детеныша вороны. Ворона начинает умолять: «Зачем ловишь, богатырь? Зачем не хочешь отпустить нас?» — «Я вас не задержу — найдите мне лекарство!» — «Какое лекарство?» — «Нам нужна мертвая вода и нам нужна живая вода». — «Дай два пузырька!» — Отдает Ворон Воронович два пузырька, ворона улетает, а вороненок остается на руках. Приносит ворона лекарство, разрывает Ворон Воронович вороненка пополам, прыскает одно лекарство — вороненок сросся; спрыснул другой водой — вороненок поднялся и улетел.

Собирают три свояка косточки, соединяют их друг с другом и вспрыскивают одной водой — косточки срослись; спрыснули другой водой — и Иван вскочил. «Очень долго спал!» — говорит он. «Хорошо еще, братишка, спал: если бы не мы, — ты бы весь век спал!» После этого он рассказал им, как было дело, как умер, как женился на девушке. Выслушав его, они стали ему советовать: «Не должно быть, — говорят, — на свете бессмертного человека. Поезжай ты к Василисе Красе — пусть она спросит смерть у Кащея бессмертного».

Идет он на большие луга, находит там свою лошадь садится на нее и приезжает к Кащею. Кащей ушел в лес за дровами для бани. Нарубил себе дров и с песнями возвращается обратно, а Иван у него дома беседует с Василисой Красой — как поступить. «Ты, — говорит Иван ей, — спроси где находится смерть Кащея». Затем Иван, купеческий сын, выходит из дома. Приезжает Кащей, топит баню, моется. Василиса Краса готовит ему обед. Кащей думает про себя: «Поправится ребро — Василиса Краса будет моей!» — «А что, Кащей, — говорит она ему, — мы скоро заживем с тобой как следует. Где твоя смерть?» — «Зачем тебе?» — «Я хочу любить твою смерть так же, как люблю тебя самого», — отвечает она. «Глупая! — отвечает он. — моя

смерть в половом венике, что у порога стоит». Затем Кащей идет рубить дрова для бани. В это время Василиса Краса украсила половой веник всякими цветочками. Приезжает Кащей из леса, входит в дом, смотрит на веник. «Василиса! Что ты сделала? Что это с твоим веником?!» — спрашивает он. — «А как я тебя самого люблю, так же люблю и твою смерть», — отвечает она. «Глупая! Как может быть там моя смерть?!» — «Почему же ты мне не говоришь? Видимо, ты мне не веришь», — говорит ему Василиса Краса. «Разве моя смерть там? — говорит Кащей, — вон по двору ходит свинья. Моя смерть в свинье». Утром опять Кащей отправляется в лес за дровами. В его отсутствие приводит она свинью в горницу, наряжает ее в платье — шелк не шелк, на голову надела большую шляпу. Кащей возвратился из лесу, зашел к жене. К его возвращению свинья нагадила полную горницу. Кащей огляделся, а в горнице воняет — терпеть нельзя! «Что ты сделала? Кого ты пустила? Что это за барыня лежит?» — «Это я свинью завела, — отвечает она. — Как тебя люблю, так же люблю твою смерть». — «Глупая! Разве моя смерть там?!» — Василиса Краса начала плакать, приговаривая: «Ты меня не любишь, говоришь неправду!» — «Если хочешь знать, где моя смерть, — на Большом море есть остров Буян; посредине него стоят двенадцать дубов. На самой средине имеется большая глубокая яма. В этой яме вырос громаднейший дуб. Под корнями этого дуба стоит большой железный сундук. На дне сундука лежит живой заяц. Внутри зайца живет дикая утка. В дикой утке есть яйцо — в том яйце моя смерть» (*найди его*!). «Уйу! — удивляется она, — очень далеко, я не смогу дойти туда, не смогу украсить твою смерть!»

Просыпаются на другое утро. Кащей опять отправляется за дровами. В его отсутствие приходит Иван, купеческий сын. «Узнала теперь, Василиса?» — спрашивает Иван. — «Узнала, очень далеко смерть». Василиса Краса рассказала Ивану все, где находится смерть Кащея. Садится Иван, купеческий сын, на свою лошадь и мчится к далекому морю. Подъезжает. Далеко-далеко виднеется дубняк. Иван садится на берег океана и горюет: «Как переправлюсь, куда пойду, что буду делать?» В это время подплывает к нему рыба-кит: «О чем горюешь, Иван?» — спрашивает кит. «Я хотел переправиться на остров Буян, да некому перевезти меня. Что буду делать?» — говорит он. «Иди, Иванушка мой, садись на спину: я обещался помочь тебе разок!» Садится Иван на спину рыбы и переправляется на остров Буян. Выйдя, Иван просит: «Ты подожди меня немного. Я хочу переправиться обратно!» — «Хорошо, — отвечает кит, — подожду. Скорее возвращайся обратно!»

Расхаживает Иван по острову, приходит к дубам — не находит ямы, идет к яме — не находит дубов. Ходил-ходил, нашел кое-как. И дуб-то очень большой, и яма-то большая. «Как выкорчевать этот дуб, как свалить его?» — раздумывает Иван,

стоя у дубов. Навстречу ему идет медведь. «О чем задумался, братишка Иван? Я тебе обещался когда-то сделать одну милость. Не одну я сделаю, а две» — говорит ему медведь. Сваливает он дуб своими большими лапами и роет еще вниз. Рыл-рыл, дорыл до сундука. Вынул медведь сундук, ударил его о дуб — сундук разлетелся. Выбегает оттуда заяц. Навстречу зайцу выбегает волк и рвет зайца на две части. Из зайца вылетает большая утка. Навстречу утке летит ястреб, разрывает ее на две части, и из утки выпадает яйцо в средину моря. «Конец теперь мне», думает Иван, идет на берег моря, садится и горюет (*все пропало, не сможет он достать его!*). Выносит яйцо большой рак в своих клешнях. «На, брат Иван! Я тебе помог!» Сунул Иван яйцо за пазуху, подошел к рыбе-киту, сел ему на спину, и кит вывез его на другой берег. Поймал Иван лошадь и быстро летит. Добежает до Кащея бессмертного. Опять Кащей ушел в лес рубить дрова для бани. Нарубил дров и с песнями возвращается домой. Говорит Кащею его лошадь: «Отчего же поёшь ты, Кащей?» — «Если мне не петь, так кому же петь?! Ведь мы будем жить с Василий Красой! Я буду париться в последней бане — я уже выздоравливаю!» — «Нет твоей Василисы Красы, увез ее твой Иван, купеческий сын!» — «А можно его догнать» — спрашивает Кащей у лошади. «От того, что догонишь — мало толку: Василиса Краса не твоя!» Кащей в сильном гневе бросает на дороге дрова и гонится за ними, что есть мочи. Догоняет Ивана, купеческого сына и Василису Красу, не дав им доехать одной версты до дому Василисы Красы. Вскрикнул Кащей из всей силы: «Куда везешь, стерва!» Иван, купеческий сын, переложил яйцо из одной руки в другую — Кащей свалился со своей лошади, как блоха. Опять вскочил на лошадь и погнался за ними, опять ему очень хочется отобрать девушку. Опять Иван, купеческий сын, начал перекидывать яйцо из руки в руку, и Кащей снова свалился с лошади, как блоха. Опять садится он на лошадь и снова из всех сил гонится за ними. Перед тем, как Кащей догнал их, Иван, купеческий сын, сжал яйцо и раздавил его. Кащей упал с лошади, как блоха, и больше не встал.

Иван с Василисой доехали до дома Василисы, созвали своих зятьев и сестер и устроили большой праздник.

И я там был, мед пиво пил — по усам текло, в рот не попало. Дали мне колпак, стали меня в шею толкать; дали мне шлык — я в подворотню шмыг и коленко ушиб.

23. КАК МУЖИК УКРАЛ САЛО

Некогда в одном селе жил бедный мужик. Он сильно молился богу. Как только ударят в колокола, он первый приходил в церковь, но свечки ни разу не покупал. Однажды увидел его поп и спросил (*его звали Марко*): «Ах, Марко, — говорит поп, — как я вижу, ты очень богомольный человек,

а свечки ни разу не поставишь!» — «Я бы с удовольствием поставил, но у меня нет денег на свечу», — отвечает ему Марко.— «А ведь ты, Марко, портной?» — спрашивает поп. — «Что мое шитье: чиню старье и шью новое для родных!» (*оказывается, таковский был портной!*). «Ты лучше иди воровать, — советует поп, — ты на этом деле больше выручишь!» — «Куда я пойду?» — «А вот от нас десять верст живет помещик. Пойди к нему». Выходит Марко ночью и шагает к помещику.

Шел-шел, встречает одного человека. Спрашивает его встречный: «Куда ты направился?» — «Я иду воровать!» — отвечает Марко. «А ты куда идешь?» — «И я иду тоже воровать». — «А как тебя зовут?» — «Меня зовут Клим. А тебя как?» — «Меня — Марко». Пошли вместе.

Шли-шли, встретили одного человека. «Куда вы направились, родные?» — спрашивает их встречный». «Мы идем воровать». — «Кто вас направил?» — «Нас послал поп; а тебя кто послал?» — «И меня послал поп». — «Как тебя зовут?» — «Демид! А ваши имена как?» — «Меня Марко». — «Меня Клим». Три вора пошли вместе. Приходят к помещику воровать, заходят во двор. Запрягают хороших коней, складывают шикарные вещи и все это — упряжь с вещами — привозят к попу. Хотели еще вынести большой сундук с золотом, но не было у них приспособлений.

Утром просыпается помещик. Конюха входят в хлев — лошадей нет! Входит помещик в кладовую — там не оказалось припасенных вещей. А как-то помещик слышал, что в селе появился новый вор Марко. Запряг помещик плохонькую лошаденку, взял ящик и приезжает к Марко. «Марко, ты украл мое добро?» — спрашивает он. — «Я!» — отвечает тот. — «Ну, а куда дел вещи мои?» — «Я увез к попу. Поп велел мне красть». — «Если он велел тебе обокрасть меня, то я велю тебе обокрасть его!» — «Хорошо, — отвечает ему Марко, — украду и привезу к тебе. Оставь ты мне эту свою кляченку». Помещик оставил ему клячу.

Идет Марко в кузницу, заказывает орудия для воровства. Под вечер собираются все трое вместе. Ловит Марко девять раков, идет в церковь, покупает девять свечей, затем, уж ночью, берут за повод клячу и идут к попу. Заводят лошадь под навес к попу, привязывают ее веревками и вынимают у лошади внутренности; затем защемляют клешнями каждого рака по свечке, зажигают их и пускают раков по темному двору. Поп выходит в уборную, они его скручивают, закрывают ему рот и запихивают его внутрь лошади. Потом заходят в дом к попадье. Попадья сильно перепугалась. Говорит Марко попадье: «Зачем ты перепугалась?» — «Что то нет батюшки, потому и перепугалась!» — «Не пугайся ты, его ангелы унесли на дно неба. Если не веришь, посмотри в окно: вон ангелы расхаживают по двору со свечками. Придут через час и тебя унесут туда же. Ты отдай нам сейчас же все свое имущество». Попадья

садится на табуретку и отдает все свое имущество. Все это имущество они несут к помещику. Утром, на рассвете, прискакал помещик к попу. Идет под навес, разрезает живот лошади — оттуда вываливается поп, весь в крови. Затем поп заходит в дом, попадья одна посиживает на табуреточке. Помещик одевает попа в белое, привезенное им с собой. «Вот, — говорит помещик, — ты посмеялся надо мной, и я высмеял тебя. Теперь долговая чашка выполнена!» С этими словами он уходит.

С рассветом поп пошел к Марко. «Марко, дома?» — «Дома!» — отвечает ему. «Ты украл сегодня мое имущество?» — «Украл!» — отвечает Марко. «Кто тебе велел украсть?» — «Украсть твое имущество велел помещик!» — «Если он велел воровать у меня, то я велю украсть у него сундук с золотом!» — «Хорошо, — отвечает Марко, — поедем!»

Отправляются ночью: Клим, Демид и Марко. Приходят к помещику. Взломав большой замок, забираются в подвал. Марко отцепляет сундук от цепей, а Клим и Демид караулят наверху. Выходя на бодьшую площадь, делят поровну золото. А сундук стоит дороже всех денег (золотых). Клим с Демидом не дают ему. «Ты, — говорят, — и раньше много воровал. Наверное у тебя уже есть такой сундук. А нам нужен, у нас нет такого!» — «Постойте, не спорьте! — успокаивает их Марко. — Я спрошу у помещика — кому он благословит?»

Помещик спал на чердаке. Поставив большую лестницу, Марко залез к нему. Потряс его легонечко. «А ну?» — спрашивает Марко. До этого у него сидел сказочник, смотрит помещик, сам спит, сидя. Разбудил тихонечко его Марко и спрашивает: «Слушай, помещик, еще расскажу одну сказку!» А помещик, спросонья: «Ну, расскажи, слушаю!» — «Некогда, — начал Марк, жили три вора. Зашли они воровать к помещику... Слушай!» — кричит Марко. «Ну, ну, говори!» — отвечают два вора, подслушивающие у подвала. «Слышишь, помещик?» — спрашивает Марко. «Ну, ну, слышу!» А сам даже глаз не открывает. «Деньги разделили поровну, кому ты благословляешь сундук? — спрашивает Марко. «Кто заходил — тому благословляю! — отвечает спросонья помещик. Марко быстро спустился с лесенки. «Слышали, кому благословил!» — «Но, если уж тебе очень много надо, — бери», — говорят они с досадой. Забрал Марко сундук и идет себе один домой.

Шли-шли Клим с Демидом, вдруг им вздумалось: «Давай пойдем к Марко, у него много свиного сала, давай украдем!» Приходят. Демид советует: У Марко свиное сало висит на подволоке в мешке. Давай пролезем через соломенную крышу». Поднимается Демид, ищет — не может найти свиного сала. Клим говорит ему: «Я, — говорит, — спрошу у жены Марко». Заходит тихонечко в дом, Марко с женой спят. Он тихонечко будит жену Марко: «Женка, а женка! Где висит наше сало?» Она отвечает спросонья: «Свиное сало я принесла, положила на лавочку к дверям». Клим схватил сало и унес. Несут его через

поле. Проснулся Марко, вышел во двор, положил корму лошадке и заходит в дом. Жена спрашивает: «Марко! Зачем ты спрашивал у меня свиное сало?» — «Я не знаю, я не спрашивал у тебя ничего!» — «Постой, — думает, — надо посмотреть, может утащил Клим!» Смотрит — сала не оказалось. «Постой! Это сделал Клим! Я обратно отберу его». Выходит и бежит за ними. Они перебежали через поле, дошли до леса, сильно притомились и зашли в дом к лесничему. Один говорит: «Руки замерзли!», другой: «Устал!». «Немного отдохнем, потом пойдем дальше», — советуются вдвоем. Марко раньше их прибежал в дом лесничего, вошел туда и, взяв в руки кирпич, залез в печку. Сидит поджидает. Когда они подошли к печке греть руки, Марко бросил ему в лоб кирпич. «Круп» послышался им звук. Они удрали, а мешок с салом остался на полу. Марко взвалил его на плечи и понес. Потом они вернулись. «Вот ведь, это чорт нас напугал. Давай вернемся, возьмем сало обратно!» Приходят, хватаются за сало — нет сала! «Эх, это был не чорт, а Марко, оказывается, унес наше сало!» Выходят вдвоем и бегут за ним. «Украдем мы у него сало», советуются они. Марко с ношей сильно отстал. Они пришли к нему раньше, чем он. Жена Марко днем выстирала белье. Надевает Демид рубашку замужней женщины, залезает на воротный столб, стоит и плачет в голос: «У-у-у! — приговаривает, — воры унесли наше свиное сало!» Притащил Марко сало, спрашивает у Демида: «О чем плачешь, женка? Вот твое свиное сало, на!» Отдав сало, Марко пошел дать лошадям, потом зашел в избу. А жена спит себе, развалившись. «Женка! Где сало то?» — спрашивает он ее. «А больно то я знаю, куда ты девал! Ты ведь ушел сало разыскивать. С твоего ухода я и на улицу то не выходила!» — «Кто же у ворот плакал? Кому я отдал сало?» — «Нет, нет! Я ничего не знаю», — отрицает жена. Марко говорит себе: «Это Демид проклятый, наверное состроил все опять!» Он опять погнался за ними.

Вышли они в поле, начался сильный буран. Ходили-ходили, сбились с дороги и очень устали. Говорит Демид Климу: «Клим, ты постереги сало, а я дорогу поищу!» Как раз подошел туда Марко. Марко говорит: «Поищи-ка теперь ты дорогу, я устал!» Он принял его за Демида и оставил ему сало. Положил Марко сало на плечи и пошагал. Клим и Демид плутали-плутали и, наконец, сошлись. «Ты кто будешь?» — «Я буду Клим!» — «А где наше сало?» Сцепились ругаться. «Я ведь тебе поручил!» — «А я тоже оставил тебе! Наверное, — говорит Клим, — это был Марко! Давай еще сходим, унесем сало». Жена Марко встала, затопила печку, положила сало на сковородку и жарит. Глядя в окно, говорят они: «Все равно съедим это сало!» Маркова жена поставила сало остудить на окошко и приоткрыла немного окно. Демид говорит Климу: «Давай, украдем через окно!» Просунул Демид свои руки в окно, чтобы взять сало, а Марко из-за косяка как ударит его палкой, — так искры и посыпались из

глаз! Демид вынул руки и взвыл: «Ой, очень горячее!» А Клим ему советует: «Не так ведь надо! Постой-ка я сам!» Просовывает руки вместе с рукавами зипуна. Марко ударил его палкой сильнее, чем надо. И этот закричал: «Это не сало горячее, а Марко дерется палкой!»

Потом Марко постучал в окно: «Заходите, заходите по-доброму!» Заходят они в дом к Марко. Несет Марко на стол бутылку водки, ставит свиное сало и угостились они по-хорошему.

После того уж воровать идут каждый отдельно.

24. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

Некогда жил один царь и хворал. Лежал он неделю, две; месяц, два; год, два, и ни один человек не мог его вылечить. Наконец, он обратился к профессорам другого государства. Приехал к нему профессор из другого государства и дал такой совет: «Ты никакими лекарствами не сможешь вылечиться. Я найду тебе лекарство; через девять царств в десятом государстве на окошке царь-девицы лежит золотое яблочко и маленький пузырек лекарства. Если сумеешь достать их, если съешь это яблочко и выпьешь то лекарство, — только тогда вылечишься», — говорит ему врач-профессор.

Призывает царь одного, старшего, сына (у него было трое сыновей), этого сына звали Андрон, и говорит ему: «Ну, сынок! Мне сказал заграничный профессор, что через девять царств на окне царского дворца имеется лекарство: золотое яблочко и флакончик. Ты съезди за этим лекарством. Дам тебе корабль, провизии и солдат». Посылает сына по морю.

Едет Андрон водой. Ехал-ехал, проехал неделю, проходит три, проезжает два государства, доезжает до третьего. Доехав до города третьего царя, высадил солдат на берег. А этот царь, увидев из окна дворца, как остановился пароход и как высадились солдаты, приказал своему генералу: «Что за шатун прибыл? Или на квартире остановился, или же хочет поднять войну?!» Пришел генерал туда и повел Андрона к царю. Придя, Андрон отдал честь. «Кто ты будешь, шатаешься?» — «Я — князь!» — «Если ты князь, то почему высадил солдат в моем городе без разрешения?! Ты шатун, прохвост!» Забирает его со всем войском и арестовывает.

Царь ждет Андрона с лекарством, а о нем и вести нет. Не дождавшись, призывает среднего сына, Антона: «Ступай, съезди ты, сыночек Антон! Андрон куда-то потерялся. Я тебе дам корабль, войско и провизии». Снарядил корабль, посадил Антона и послал. Сел Антон и поехал. Ехал неделю, две, три; переехав через два царства, доезжает до третьего. Останавливает пароход опять у царского города, чтобы покормить войско, выводит их в город. Царь увидел из своего дворца. «Что за народ, — говорит, — ко мне прибыл? С хорошим намерением

или с войной?» Опять посылает к пристани дежурного генерала. Приходит генерал и спрашивает у солдат: «Кто ваш начальник, князь или генерал?» Призывает он князя к себе: «Ай да, — говорит, — к царю!» Приходит князь к царю и говорит, таковы слова: «Я сын русского царя. Мой отец не умирает и не выздоравливает, лежит больной уже три года. Послал он меня через девять государств в десятое за лекарством. Я у тебя остановился только отдохнуть. Дам отдых войскам и скоро выеду». — «Если ты князь, то почему заехал на квартиру без разрешения?» — спрашивает его царь и запирает солдат вместе с пароходом в темницу.

Царь ждет сына — опять нет известий о нем. Третий сын его, по имени Иван, говорит отцу: «Пусти, отец, я поеду!» — «Сынок, — говорит царь, — двое твоих братьев пропали. Если и ты пропадешь, кто же станет царем после моей смерти?!» — «Пошли меня, отец, я смогу!» — требует Иван. Царь так и не мог уговорить сына. Дал ему пароход и послал. Садится Иван на корабь и отправляется в путь.

Проходит неделя, проходит другая; на третьей неделе доезжает он до третьего царства. Ставит корабль на якорь и один спускается в город; идет, расспрашивает, где царский дворец.

Подходит к дворцу и говорит часовому: «Я сын русского царя и хочу видеться с вашим царем!» Часовой доложил дежурному, дежурный доложил царю. Приказывает царь: «Если есть у него дело, — пустите дальнего человека». Заходит Иван к царю, отдает установленную честь, здоровается, жмет руку. «Я, — говорит, — сын русского царя. Мой отец три года лежит больной: не умирает и не выздоравливает. Я еду через девять государств в десятое за лекарством к царь-девице. Пусти меня пожалуйста, на квартиру; спущу свою семью с корабля и дам передохнуть». Тогда царь сказал дежурному генералу: «Пусть спустятся с корабля солдаты русского царя и погуляют по городу. И ты, Иван-царевич, будешь у меня гостем!» Солдаты спускаются с корабля и гуляют по городу. Отдохнув двое суток, Иван начал собираться в путь. Поблагодарил царя за честь, сел на пароход и поехал дальше. А царь дает ему дорожное напутствие: «Через два государства в третьем царствует мой младший брат. Заезжай к нему в гости и передай привет».

Едет Иван-царевич неделю, едет две; на третью доезжает до шестого государства. Доехал до царского города, ставит пароход на якорь. Опять спустился, один идет, расспрашивает, где царский дворец. Говорит часовому: «Я хочу видеть царя, доложи ему!» Часовой передал караульному начальнику, начальник передал дежурному генералу. Говорит царь: «Если есть дело — пусть заходит!« Заходит Иван-царевич, отдает установленную честь, жмет руку, здоровается. «Я — сын русского царя. Мой отец три года лежит в постели: не может: ни умереть, ни выздороветь. Я еду через девять государств в десятое за лекарством в девичье царство. У этой царь-де-

вицы на окне дворца лежит золотое яблоко и пузырек с лекарством. Если все это выпьет и съест, — папа выздоровеет». Царь отвечает: «Верно, есть такой человек». — «Я пришел к тебе спросить квартиру: хочу дать отдых своей семье». Царь говорит Ивану: «Хорошо, отдохнешь ты» и посылает генерала на корабль, чтобы пустить солдат в город. «Ты отдохни у меня, — предлагает царь, — будь гостем!» Проспав одну ночь, Иван начал собираться в путь. Передает царю поклон от брата. «Так, Иван, — говорит царь, — заезжай передохнуть в девятое государство, там царствует мой младший брат. Передай от меня поклон и расспроси у него как заехать и взять лекарство. Он живет рядом — все знает».

Иван садится и едет. Едет неделю, едет две, проходит три. Ехал-ехал, доехал Иван до девятого государства. Доехал до города, поставил пароход на якорь. Спустился, опять пошел в город разыскивать дворец царя. Находит его и говорит часовому: «Я хочу зайти к царю!» Часовой доложил караульному начальнику, начальник передал дежурному генералу, генерал доложил царю. Царь решает; «Если дело есть, — пусть заходит!» Заходит Иван к царю, отдает установленную честь, жмет руку, здоровается. «Я сын русского царя. Мой отец уже три года лежит больной: не умирает и не выздоравливает. Еду за лекарством. У вас рядом, — говорит, — на окошке дворца царь-девицы имеется золотое яблочко и пузырек с лекарством. Если отец выпьет его и съест это яблоко, то выздоровеет. Так сказал нам профессор. А я сейчас пришел к тебе проситься на квартиру». Царь посылает дежурного генерала, разрешает солдатам сойти в город, а Иван остается гостем у него. Затем Иван расспросил, как зайти и лучше взять лекарство. Ты, — советует царь, — доедешь туда в полдень, а это государство целиком спит в обед. Зайди во дворец и возьми лекарство. Ты осмотри там все — наткнешься на один чуланчик. Этот чулан будет завязан шнурком и запечатан печатью. Смотри, туда не заходи!» Иван передает от брата поклон. Говорит царь Ивану: «Счастливый путь! Благополучно съездить. На обратном пути заезжай ко мне!» Садится Иван и едет.

Доехал как раз к обеду. Выходит в город и очень удивился: весь город спит. Шагает Иван по городу, ищет дом царь-девицы. Доходит до дворца царь-девицы. У царских ворот сидит часовой и спит. Проходит Иван прямо во дворец. Ходил-ходил по царскому дворцу, вдруг увидел на столе золотое яблоко и пузырек лекарства. Затем идет по дворцу, рассматривая все, Шатаясь по дворцу, наткнулся на тот чулан, завязанный шнурком и запечатанный печатью. Сорвал шнурок, разломал печать. открыл дверь и заходит в чулан. Спит там девушка царевна, прекрасная собою! Ложится Иван к ней, обнимает ее. Встает от нее, расхаживает по дворцу — времени еще много. Заходит к ней в другой раз, снова обнимает царевну и целует ее. Опять, выйдя от нея, расхаживает, смотрит на часы: еще до пробуж-

дения царства имеется полчаса. И в третий раз заходит Иван и обнимает царевну. Потом вынул из кармана блок-нот и написал ей, что, мол, зашел в твой чулан такой-то Иван-царевич и три раза тебя целовал. Эту бумажку он засунул под крышку стола. Выходит от нее, смотрит на часы: остается только пятнадцать минут.

Иван собрался уезжать. Только успел сесть на корабль — проснулось все государство. Иван едет обратно. Доехав до девятого государства, заходит туда. Спускается с парохода, бежит в город к царю. Говорит часовому: «Я хочу видеть царя!» Часовой передал караульному начальнику, начальник доложил генералу, генерал — царю. Царь ответил: «Если дело есть, — пусть заходит». Входит Иван к царю, жмет руку, здоровается. «Приехал?» — «Приехал!» — «Дежурный генерал! Пойди, скажи войскам его — пусть выходят в город. А ты будь у меня гостем!» Поит-кормит Ивана царь, очень ухаживает за ним. Царская честь ударила Ивану в голову. Тогда царь начал расспрашивать Ивана: «Хорошо ли доехал? Хорошо ли съездил? Взял ли лекарство, еще что сделал?» — «Ничего не делал, взял только нужное лекарство!» отвечает Иван. Царь говорить Ивану: «Прямо говори, что ты сделал. Ничего не будет!» — настаивает царь. Тогда Иван сказал царю: «Виноват, — говорит, — зашел в чулан-то я, три раза шнурок разорвал и печать сломал!» — «Молодец ты, если сумел так!» Иван у царя три дня гулял, потом стал собираться домой. Царь говорит ему на прощанье: «Когда поедешь домой, заезжай к моему брату в шестое царство, передай большой поклон!»

Садится Иван на пароход и отправляется в путь. Прошел день, прошло два; на третьи сутки доехал до шестого царства. Ставит Иван пароход на якорь, сам идет в царский город. Подходит к царскому дворцу, докладывает часовому; часовой передал дежурному, дежурный — генералу, генерал — царю. «Если дело есть, пусть заходит,» — распорядился царь. Входит Иван, здоровается с царем. «Прибыл?» — «Прибыл! Я хочу дать отдых своей семье. Можно ли остановиться на квартиру?» — спрашивает Иван. «Заезжай!» — говорит царь и посылает генерала. Солдаты выходят с парохода на сушу, а Иван остался гостем у царя. Царь очень потчует Ивана, поит-кормит его. Иван тут же передал царю поклон от младшего брата, говоря, что очень хорошо был принят им, хорошо угощался. Царь начал расспрашивать Ивана: «Как съездил, что везешь?» — «Очень хорошо съездил! Взял нужное мне лекарство». — «Еще что ты сделал в своей поездке?» — спрашивает царь. «Я ничего не сделал, ездил я очень смирно!» — «Прямо говори, что сделал. Ничего не будет!» — Иван сознался: «Взял я в девичьем государстве пузырек с лекарством, золотое яблочко, а потом зашел в чулан, сломав дверную печать, и три раза поцеловал царевну-девушку!» — «Молодец! — хвалит его царь, — не дал потачки!» Погостив у царя трое суток, Иван стал собираться

в путь. Царь говорит Ивану: «Заезжай в третье государство, передай от меня привет!»

Уехал Иван. Едет-едет, проходит неделя, проходит другая; на третью неделю доезжает в третье царство. Бросает якорь, выходит и идет в город. Доходит Иван до царского дворца, говорит часовому; часовой передал караульному начальнику, начальник передал дежурному генералу, генерал — царю. Царь приказывает: «Если у него есть дело, пусть заходит!» Заходит Иван к царю, жмут руки, здороваются вдвоем: «Съездил?» — «Съездил! и вернулся». Царь приказал генералу спустить его солдат с парохода. «А ты, — говорит, — останься гостем!» Царь пойт-кормит, угощает Ивана. Царская честь ударила Ивану в голову. Тогда царь начал расспрашивать его: «Хорошо ли съездил? Что везешь?» — «Везу нужное мне лекарство», — отвечает тот. «Еще что видел, что сделал на пути? Говори прямо, ничего не будет!» — «Что же сделал, скажу прямо: зашел к царевне-девушке, взял на окошке лекарство, сломал печать на чулане и три раза поцеловал царь-девицу». «Молодец, если ты сумел съездить так! — говорит царь Ивану. «У меня в тюрьме лежат какие-то шатуны с двумя кораблями». Иван предлагает царю: «Давай сходим посмотреть в темницу!» Идут они в темницу, открыли и Иван узнал своих братьев. Выходят из темницы, приходят в царский дворец. Говорит Иван-царевич царю: «Это мои братья, они уехали от отца за этим лекарством». — «Если твои братья, — забери их с собой, увези этих дураков с собой!» предлагает ему царь. Забирает Иван-царевич своих братьев на двух кораблях, сами все втроем садятся в один, а два корабля тянут сзади и едут к отцу. Иван говорит братьям в дороге: «Вы хотя хорошие и умные, не смогли привезти все же лекарство!» Сговорились братья вдвоем и поят его допьяна. «Давай, — говорит один другому, отберем у него золотое яблоко, лекарство перельем в другой пузырек. Когда приедем в свой город, в пузырек нальем морской воды, а вместо золотого яблока подложим крашеное, а самого бросим в море». Антон возражает: «Так не годится. Неизвестно, что он натворил на своем пути-дороге, а нам придется отвечать? Приезжают все к отцу. Отец лежит такой же больной. Заходят сыновья все втроем: «Ну, сыновья, — спрашивает их отец, — кто привез мне лекарство для выздоровления?» Отвечает ему Иван-царевич: «Привез я тебе, папаша!» Берет царь лекарство и начал пить. Заболел еще сильнее, не может даже пошевелиться. Потом говорят Антон с Андроном: «Вот уж мы привезли настоящее лекарство!» Отдают отцу золотое яблоко и пузырек лекарства. Царь начал по капельке пить лекарство и ломтями есть яблоко. Съел яблоко, выпил лекарство и стал совершенно здоров. Призывает царь к себе Андрона с Антоном и говорит им: «Сыновья мои! Поведите этого Ивана-дурака в большой лес, зарежьте его там и принесите мне показать кровавое его белье»! Сажают Андрон с Антоном Ивана в плохонькую тележку и уво-

зят его из дома отца. Довозят до средины большого леса и говорит ему Андрон: «Тебя мы здесь зарежем». Антон возражает: «Нельзя резать брата! Неизвестно, что он натворил при своем путешествии. Беда ляжет на нас. Лучше мы его отпустим голым, а сами выйдем в город, купим козленка, намажем белье его кровью и принесем показать отцу». Раздевают Ивана и отпускают его голым. Выходят в город, режут козленка, окровавливают одежду Ивана и приносят показать кровавую одежду.

Что творится с Иваном?

Иван ходил по лесу (*лес-то, оказывается, находился в жарком месте — климате!*) и питался плодами. Жил в этом лесу ровно три года, не находя выхода. Еле-еле пришлось ему выйти через три года в маленький город, как наш Йошкар-Ола. Во время большой грязи он завяз в грязи перед воротами богатого купца. Увидела купеческая дочь из окна и сказала отцу: «Папа, кто-то валяется против наших ворот. Если умрет, — нам плохо будет. Его надо внести в дом!» Послал купец работников, они вынесли Ивана из грязи перед воротами. Повели Ивана прямо в баню, вымыли его; остригли длинные волосы, одели, дали поесть. У этого богатого купца держали его, как гостя. А потом Иван начал просить работу. Ивану дали маленькую работенку: кормить купеческих собак. Купеческая дочь ходила учиться в гимназию. Иван начал обучать ее иностранному языку. Однажды купеческая дочь спрашивает его: «Иван, ты чей сын? Наверное, ты не из простых людей!» — «Если бы я был не из простых, то я не завяз бы у ваших ворот. Отец у меня портной, а мать прачка, сам Ванька», — отвечает ей. Спрашивает купеческая дочь у отца: «Папаша! Ему не собак кормить, а надо дать получше работу. Он знает даже иностранный язык. Видать, не из простых людей!» — «Ну, хорошо, — соглашается отец, — пусть кормит тогда свиней; тоже скотина — не собака же!» Заявляет купеческая дочь Ивану: «Иван с завтрашнего дня ты будешь кормить свиней!» Иван обрадовался этому и начал кормить свиней. Теперь уж купец спросил у Ивана: «Ты, Иван, наверное, не простой человек?» — «Эй! — отвечает он, — мой отец портной, мать прачка, я Ванька! Если бы был не простой, не валялся бы около ваших ворот!»

Посмотрим, что творится в доме царя?

Царь-девица пишет из девичьего государства письмо царю: «Пошли ко мне доброго молодца Ивана-царевича». Призывает царь старшего сына Антона, говорит ему: «Сынок, ты привез мне лекарства из девичьего государства?» — «Я!» — «Если ты, то поезжай скорее, требует тебя царь-девица!» Садится Антон на корабль, берет войско с собой и отправляется в путь. А царь дает телеграмму, что Иван-царевич едет к ней. Царь-девица очень ждет его: каждый день ходит на берег моря смотреть. Увидев русский корабль, выходит встречать его с музыкой, с солдатами; устраивает большой парад. Русский корабль пристает к пристани, выходит навстречу царь-девице Антон-

царевич. Спрашивает царь-девица: «Приезжал ты в таком то году? Ты Иван-царевич?» — «Приезжал! Я — Иван-царевич», — отвечает он. «Ну, а что сделал, что увез? Говори прямо — ничего не будет!» — «Я, — отвечает он, — взял только лекарство, больше ничего не делал». «Признайся, — говори прямо!» — требует она. — «Ничего не знаю», — отвечает он. Забирает его вместе с солдатами, дает ему пятьдесят розог, запирает в тюрьму.

Опять пишет царь-девица русскому царю: «Довольно смеяться надо мной! Направь Ивана-царевича! Если не направишь, объявлю большую войну». Получив от нее письмо, вытаращил царь глаза. Призывает царь Андрона: «Ты, сынок, ездил в девичье государство?» — «Я ездил!» — «Если ты ездил, — придется ехать тебе. Требует тебя царь-девица!» Сейчас же снаряжает царь корабль, дает войско и посылает Андрона. Дает туда телеграмму: «Сам Иван-царевич едет». Царь-девица выходит на берег, поджидает. Дождалась, наконец, — показался русский корабль. Собирает она множество солдат, выходит встречать с музыкой. Вышел ей навстречу Андрон-царевич; подходит царь-девица и спрашивает: «Такой-то добрый молодец, Иван-царевич, ты ли будешь?» — «Я!» — отвечает Андрон. — «Приезжал ли ты в таком-то году, что увез, говори прямо!» — «Приезжал сюда я, взял пузырек лекарства и золотое яблоко, только всего!» — «Прямо говори, что ты сделал — ничего не будет!» — «Ничего я с тобой не сделал, ничего я не взял!» — отвечает Андрон. Забирает его царь-девица вместе с войском, дает ему сто розог и запирает в тюрьму.

Опять посылает сюда телеграмму: «Довольно смеяться надо мной! Если не вышлешь Ивана-царевича, доброго молодца, я прибуду к тебе с войной!» Царь совсем опешил: что делать? Война на носу! Давай рассылать по своему государству телеграммы. Приходит купцу телеграмма. Вечером, придя из гимназии, купеческая дочь читает телеграмму. Прочитав, дает Ивану: «Смотри-ка, какую телеграмму получил папа. К нам идет война», — говорит ему. Иван, прочитав телеграмму, только подумал про себя. Спросила его купеческая дочь: «Случайно, не ты ли будешь царский сын?» — «Если бы я был царский сын, — я бы не завяз в грязи перед вашими воротами», — отвечает он. К царю приходит еще одна телеграмма из девичьего царства. «Пошлешь или нет ко мне доброго молодца, Ивана-царевича? Если не вышлешь, — я уничтожу твое государство!» Царь опешил очень здорово. Опять разослал по всем деревням и городам телеграммы: «Может быть, где-нибудь найдется затерявшийся беспаспортный бродяга». И купец получил телеграмму. Прочел телеграмму сам, а вечером дает дочери. А Иван, прочтя телеграмму, подумал про себя. Заявляет купеческая дочь: «Ты будешь Иваном-царевичем!» — «Если бы я был Иван-царевич, то я не завяз бы около ваших ворот. Отец у меня портной, а мать прачка, я Ванька». Ответ короткий. Приходит к царю последняя телеграмма: «Посылаю последнюю телеграмму. Давайте

Ивана-царевича, или объявлю войну!» Царь разослал телеграммы в каждую деревню, в каждый дом, и в каждый город. И купец получил телеграмму. Приходит вечером купеческая дочь из гимназии, выходит с телеграммой к Ивану. «Посмотри-ка, какую интересную телеграмму получил сегодня папа». Иван прочел телеграмму и сразу заплакал. «Ты будешь Иван-царевич?» — обращается к нему купеческая дочь. «Я!» — высказал только сейчас. Купеческая дочь упала на колени перед ним. «Прости нам, Иван! Если бы мы знали, что ты являешься сыном царя, не заставили бы кормить собак и свиней!» Дочь передала об этом купцу, купец подал телеграмму царю. Повезли Ивана-царевича на почтовых от станции до станции — только пыль столбом летит (тӱтрыктат вэл кудалыктат). Приезжает к отцу. Отец выбегает встретить его, и со слезами встает на колени перед сыном. Тогда сын ему говорит: «Отец, не вставай на колени передо мной, меня подвели братья!» — «Сынок, ты привез лекарство! Очень просит тебя царь-девица. Я тебе дам корабль, а то поднимется очень большая война», — залепетал царь.

Садится Иван на корабль, забирает солдат, а царь посылает телеграмму в девичье царство: «Не ходи войной против нас, — высылаю самого Ивана-царевича», — написал в телеграмме.

Ехал-ехал Иван и доехал. Царь-девица для встречи сделала очень большой парад: по обеим сторонам пристани расставила солдат с оружием и музыкой. Во всех церквах забили колокола. Вышел Иван на пристань. Подходит к нему царь-девица и говорит: «Ты ли будешь достойный молодец Иван-царевич?» — и берет его за правую руку. «Я буду Иван-царевич!» — отвечает он. «Приезжал ли ты в таком-то году? Что ты сделал и что взял?» — спрашивает его она. «Я приехал в твой дворец, взял на окошке золотое яблочко и флакончик лекарства». — «Еще что сделал? Говори прямо — ничего не будет!» — спросила у него царь-девица. «Нет, я ничего с тобой не сделал!» — «Признайся, ничего тебе не будет за это» — говорит ему твердо царь-девица. «Я, — отвечает он, — зашел в чулан к тебе и три раза обнял». — «Вот, — заявляет она, — ты мой муж, а я твоя жена, а наш сын вот такой. Сын наш уже семилетний». Оказывается, играя, нашел мальчик под столом бумажку и начал по этой бумажке разыскивать отца.

Повела царь-девица Ивана-царевича в свой дворец и устроила большой праздник. После свадьбы вывел Иван-царевич своих братьев: старшему дал сто розог, среднему — полтораста розог. «Поезжайте, — говорит, к — отцу, отец состарился!» Нарядил корабль и послал их к русскому царю. Приехав, они зажили.

Сказка туда — я сюда.
Сказочник на печку.
Сказка вся, сказать нельзя.

25. КАК МАРИЕЦ ПОПАЛ В СТАНОВЫЕ

Подошла пасха. У марийца не оказалось даже дров на печку. Жена марийца утром встала и будит мужа: «Эй, муженек! Опара для блинов поднялась, а у тебя даже дров нет еще для затопки печи». Встал муж, взял большой топор и отправился в лес за дровами. Стояла громадная липа с дуплом; подойдя к этой липе, начал он рубить ее: «кроп-кроп». Изнутри липы раздался человеческий голос: «Мари, не руби!» — «С тобой говорить мне сейчас недосуг, — отвечает мариец, — у меня может скиснуть опара для блинов». — «Не руби! Иди домой — дома у тебя готовые дрова лежат». Мариец отступился, взял топор и пошел домой. Доходит до дома, видит — у самого дома лежат дрова, примерно, на две-три печки. Затопила жена печку и накормила его блинами.

Прожили денька три, опять дрова кончились. Берет мариец большую палку и идет к липе. Подойдя, постукал: «лат-лат». — «Что нужно, мари?» — «Что нужно! Мне опять дрова нужны! нужны дрова целыми саженями», — просит мариец. «Пойди домой — будут дрова саженями», — отвечает голос из липы. Приходит домой: вокруг избы стоят дрова целыми кладями.

Жил-жил мариец, ночь спал, другую ночь проспал, потом говорят с женой: «Куда годится такая жизнь! Ни хлеба нет, ни скотины нет, ни строения нет! — Пойди к липе!» И пошел к большой липе. Стукнул по липе большой палкой. Опять закричал голос из липы: «Что нужно, мари?» — «Видишь ли, — говорит он, — что нужно! Хлеба нет, скотины нет, хозяйства своего нет. Пусть будет у меня строение кругом, полные хлева скотины и чтобы были у меня кладухи хлеба вокруг гумна!» — «Пойди домой мари, — отвечает голос, — ложись сегодня спать, а завтра все будет!»

Пришел мариец домой, настал вечер, лег он спать. Утром просыпается — кругом большие хозяйственные постройки (сурт пэчэ), кладух понаставлено полно у гумна (идым пэчэ тич), в избе целыми сундуками стоят деньги, скотина шумит — полные хлева. Стал он богатым человеком.

Жил-жил мариец, обленился: захотелось ему стать начальником. Взяв большую палку, пошел к большой липе. «Лат-лат-лат» постукал по липе. Слышен из нее голос: «Что тебе нужно, мари?» Мариец отвечает: «Очень хочется стать начальником! Нечего все жить так!» — «Ну, а каким же начальником желаешь стать?» — «Я, — отвечает он, — хочу быть очень старостой!» — «Пойди домой, ложись спать, а завтра соберут собрание и тебя выберут старостой», — отвечает голос из дупла.

Приходит мариец домой, настал вечер, лег он спать. Утром просыпается — наряжают собрание. «Идем, дяденька, на собрание!» Приходит мариец на собрание, уступают богатому место за столом. Раньше богатый всегда садился за стол. Выбрали старостой этого богатого дядю. Богатый мариец живет старостой.

Жил-жил, надоело. Опять пошел к большой липе. «Лат-лат-лат» — стукнул по липе. Слышен из липы голос: «Что нужно, мари?» — «Что нужно! — отвечает он. — Надоело ходить пешком, хочу быть старшиной!» — «Иди домой, ложись спать, а завтра соберут собрание и выберут тебя старшиной». Идет мариец домой, подходит вечер, ложится он спать. Утром лежал он еще на постели, как уже стукнули в окно. «Дяденька, вставай! Идем на собрание правления!» Встает, завтракает и идет в волостное правление. Приходит в правление — богатому дяденьке дают дорогу. Садится он за стол. Собрание началось, старшиной выбирают этого марийца. Теперь мариец пешком не ходит: ездит по волости на лошадях с колокольчиками.

Жил-жил, прослужил три года. Опять мариец хочет стать еще большим барином — становым приставом. Запрягает лошадь и едет к большой липе. Подъезжает к липе и стукает по ней: «лат-лат-лат». Слышен оттуда голос: «Что тебе нужно, мари?» — «Хочу быть становым, хочу ездить в пуховой перине!» — «Поезжай домой, ложись спать, к завтрому все будет!» — отвечает голос из липы. Приходит домой, наступает вечер, старшина ложится спать. Утром проснулся дядя: лежит он, прохлаждается на большой железной кровати в большой пуховой перине, под большим одеялом. Дяденька сильно (сердечно) обрадовался. «Теперь уж я большой барин!» — вообразил себе.

Выходит на волю из большой медвежьей берлоги среди большого дремучего леса. Посмотрел на себя: выросла на нем длинная серая шерсть. Завыл медведем. Выл-выл, и до сегодняшнего дня ходит по лесу, воет.

«Медведь — барской породы, произошел от станового» — так говорили в старину марийцы.

26. ИВАН ОХОТНИК

Жил старик. Он был охотником. Были у него один сын и одна дочка. Сын был старший, звали Иваном, а дочку Авдотьей. Старик состарился и говорит сыну: «Ну, сынок, теперь я состарился, скоро умру. Когда умру, ты переруби мою голову на две части и выйдут тебе две охотничьих собаки, а затем сшей мою голову и похорони». Отец умер. Перерубил сын отцовскую голову и вышли оттуда две собачки: одна Катай, другая Валяй. Около их жилья было громадное озеро. Иван начал ходить на охоту. Всегда он брал с собой Катая с Валяем и приносил разной дичи, а сестра к возвращению с охоты приготовляла еду. Так накормит, напоит, и он отправлялся снова.

Однажды сестра спустилась к озеру по воду. По ту сторону озера стоит парень в красной рубашке с гармошкой. Молодой парень, красив собой; заиграл он песню на гармошке, а Авдотья от сильного удовольствия запела и заплясала. Он спрашивает: «Что, разве понравилась музыка?» — «Очень понравилась!» — отвечает она ему. «Ну, а если очень уж влюбилась, — отвечает тот, — у твоего отца над воротами имеется шелковая плетка, принеси ее, хлестни ею озеро в мою сторону». Принесла она плетку, хлестнула ею озеро и образовался мостик. «Ну, а теперь я приду к тебе». Перешел он мост, начали играть с ней, при игре сделали и другое. «Теперь я ухожу», — заявляет парень. «Постой, — просит Авдотья, — я в тебя влюбилась! (мыйын чон пижын тыйын пэлэнэт: «моя душа прилипла к тебе»). «Я бы постоял, но твой брат охотник, у него есть собаки Катай-Валяй, я боюсь их», — отвечает он. «А если уж очень сильно хочешь жить со мной, давай убьем твоего брата. К приходу брата притворись ты больной, лежи и стони. Когда он придет домой, он спросит тебя, что с тобой? Скажи ему: я заболела. Заходила, мол, сегодня старушка и сказала, что в такой-то степи живет медведь с детьми, если, мол, принесешь молоко его, выздоровеешь». Иван вернулся из лесу, а сестра лежит, визжит и стонет. «Ну, сестренка, что с тобой?» — «Заболела!» — так-то так! «Если подоишь и принесешь молоко медведя, то выздоровлю, сказала одна старушка», — говорит она ему.

Иван отправился в лес искать медведя с детьми, взял с со-

бой Катая с Валяем. Катай с Валяем окружили медведя. Иван подходит с централкой стрелять. «Не стреляй меня, Иван, — говорит ему медведь, — я знаю, тебе нужно молока. Я сама дам добровольно». Иван подал ей бутылку, медведица сама надоила ему молока. «Я, — говорит, — еще дам тебе одного детеныша». В отсутствие Ивана опять пришел к ней тот молодец; говорит молодец Авдотье: «Медведь не смог убить твоего брата, только лишь подарил ему одного детеныша, я к тебе не приду». Вернулся Иван из лесу, Авдотье принес молока, а себе медвежонка. Брат напоил Авдотью медвежьим молоком и спрашивает: «Как себя чувствуешь, Авдотья?» — «Немного лучше, хорошо теперь (как будто)!» отвечает она. Просыпается она утром: «Опять что-то плохо, не выздороветь мне с этим, — говорит брату, — около черного озера живет лев с двумя детьми. Вчера в твое отсутствие сказывала мне старушка, что нужно выпить молока этого льва».

В его отсутствие опять пришел тот ее молодец. Они говорят между собой: «Если не сможет убить его лев, то у черного озера имеется мельница отца с двенадцатью поступами и с двенадцатью дверями, мелющая без хозяина. Если он смелет там один пуд муки, принесет и скормит тебе, только в таком случае, скажи брату, я выздоровлю», — советует ей молодец. Помощники Ивана окружили льва, Иван направил свою централку. Взмолился лев: «Иван, не стреляй меня! Я знаю причину твоего прихода, я лучше сама тебе надою». Иван отдал льву бутылку, львица сама надоила, подала Ивану в руки. Иван вернулся домой, отдал молоко. Авдотья лежит. «На, выпей, сестрица Авдотья». И выпила это. — «Сегодня лучше, — как будет утром?» представляется она. — «Браток, — говорит ему, — если и с этим не выйдет, старушка просила найти еще другое лекарство. Облегчения нет, браток. Поди ты, у черного озера стоит мельница с двенадцатью поступами, там стоит крупчатка, смели ее и накорми меня!». Взял он собак, медведя, отправился туда. В его отсутствие опять пришел тот молодец к Авдотье. «Сегодня останутся взаперти на отцовской мельнице товарищи твоего брата. Они только и гуляют в его отсутствие». Товарищ ее, молодец-то — нечистый дух. «Сегодня твой брат возвратится один, мы его съедим и будем жить вдвоем», — беседуют они. Иван взял крупчатку, а собаки принялись лизать просыпанную крупчатку, и медведь, увидев, принялся облизывать. А Иван, не посмотрев на собак и на медведя, взял муку и с радости поспешил выйти; они все втроем остались взаперти. Иван один, с крупчаткой, возвращается к Авдотье. Друг Авдотьи предлагает ей: «Товарищи брата остались там, нам остается только лишь выйти к нему навстречу и съесть его». И Авдотья стала, как он — нечистая. «Что же, съедим!» соглашается. Иван подоспел, они выбежали ему навстречу. «Тебя съедим, — говорят они, — теперь у тебя товарищей нет». Тогда предложил им Иван: «Я очень много ходил по лесу, тело мое грязное, я вы-

моюсь в бане, лучше съешьте с чистым телом». «Ну, а если так, скорее мойся, а мы в это время еще немного поиграем, повеселимся», — соглашаются они. Иван пошел, затопил баню, натаскал воды, и в это время к Ивану прилетела кукушка и закуковала: «Кук-кук, кук-кук-кук». Не торопись больно-то, Иван, брось в печку-то немного водички». Иван бросил в печку немного водички, и дрова загорели немного потемнее. Опять извещает кукушка: «Товарищи твои сломали уж одиннадцать дверей, сломают еще одни двери и прибегут. Они тебя выручат. Если даже у тебя готова баня, мойся потише, растягивая; теперь уж они в дороге». Иван начал мыться медленнее. Они прибежали: «Выходи скорее, Иван! Теперь мы тебя съедим», — говорят они Ивану. В это время прибыли Катай, Валяй и медведь. «Братишки и товарищ медведь, загребите их обоих!» Загребли его — нечистого духа. «А сестренку пока оставьте». Загрызли до смерти нечистого духа. «Постой, сестренка, сейчас». Занес нечистого духа в баню, сунул в огонь и сжег. Потом попросил Иван: «Братишка медведь, принеси-ка цепь отца за печкой и принеси бочку-чан, я запру эту сестренку здесь. Закрутил свою сестру цепью, перед ней поставил бочку-чан: «когда ты съешь банные угли и наплюешь мокротой полную эту бочку, тогда только я тебя развяжу!» Взял Иван своих товарищей и отправился.

Около леса стояла маленькая, плохонькая избенка, как избушка рыжего Краснова. Иван подходит к ней. Ивана застиг вечер. Посмотрел он в окно — там сидит старушка, одна. «Бабушка, пусти меня переночевать», — просится Иван. Старушка ему отвечает: «А ты-то кто такой? Я пускать-то боюсь, я одна». — «Я Иван-охотник, бояться не надо!» И пустила его старушка. Когда он открыл двери, бабушка, увидев медведя, упала в обморок от испуга. «Не бойся, это мой товарищ, ничего он не сделает», — успокаивал ее Иван. Начали беседовать Иван со старушкой. Иван ласково ее расспрашивает: «Бабушка, как видно, город у вас большой, почему не видать ни одного человека, ни одного огонька?» — «А вот, Иван, вот почему нет огней: у нас имеются такие звери: трехголовый, шестиголовый, девятиголовый. Они сожрали в городе весь народ, осталась только семья царя. У царя имеется три дочери, и теперь они просят их на съедение. Царь разослал бумагу кругом, чтоб завтра собраться на проводы дочери. И я пойду завтра», — заканчивает старушка. Иван спросил у старушки: «Где место съедения его дочери, скажи мне, бабушка?» — «Вот Иван, — говорит бабушка ему, — не сразу же ведь трех дочерей он будет есть; завтра старшую, на другой день следующую, а за ней и младшую: будет есть по очереди. Недалеко от города есть мост, на этот мост проводит дочь царя кучер. А ты, Иван, куда направился?» — спрашивает бабушка. Иван отвечает бабушке: «Иду вот с товарищами сам по себе». Не сразу говорит ей правду.

Утром проснулись, бабушка отправилась проводить царевну,

а Иван направился на большой мост. Придя на мост, Иван встал на мост, медведь сел посредине, а Катай с Валяем сели по обе стороны. А около моста валялись камни стопудовые, штук пять. Не прошло много времени, как уже везет кучер царевну на мост, чтобы дать дракону на съедение. Прикатил кучер царевну. «Слезай поскорее с телеги, может подоспеет и меня съест». А сам скорее погнал обратно. Царевна, увидев Ивана, заплакала: «Лучше так, ты дракон что ли будешь?» — спрашивает девушка Ивана. «Зачем ты плачешь. Я не дракон, я Иван-охотник, — утешает Иван царевну. — Ты не плачь, я тебя спасу, не дам дракону». Иван свои слова высказал громко, слышал эти слова привезший ее кучер. Отойдя подальше, и он остался смотреть. Не прошло много времени, начала дрожать земля. — «Идет дракон!» сказала царевна Ивану. Иван лег поперек моста, навстречу ему идет дракон. Дракон подошел: «Кто лежит на мосту?» — спрашивает у Ивана. Его, оказывается, знал и дракон, что он существует на свете. — «Ну, Иван-охотник, зачем ты, — говорит, — пришел сюда: бороться или думаешь беседовать по хорошему?» — спрашивает Ивана. «Я пришел к тебе не беседовать, а бороться», — ответил он дракону. Дракон очень сильно рассердился на Ивана и начал приближаться для борьбы. Тогда Иван обратился к товарищам: «Катай, Валяй, медведь! Заберите его», а сам выстрелил в него из централки. Убили его. Сунул медведь все три головы под камень. А царевна очень обрадовалась, что осталась в живых. Подошла к Ивану. Иван говорит ей: «Дай мне теперь свой именной платок за спасенье!». Отдала она Ивану перстень и платок. Подсматривал тут все это кучер, прикатил обратно к царевне. Посадил ее и спрашивает: «Давай, дай мне подписку, что тебя спас кучер. Если не дашь, зарублю за шею!» Она дала. Заметили ее в городе и вышли встречать с музыкой. Царь с радости угостил весь народ.

Иван со своими товарищами пошел спать в маленький домик опять к той старушке. Она ходила на проводы, вернулась с песнями домой. «Бабушка, хорошо ли проводили царевну?» — спросил Иван. «Проводили было, но царский кучер оказался боевым, он освободил ее. Царь с радости сильно напоил народ, и я вот возвращаюсь с песней, — отвечает бабушка. — Опять он просил собраться на завтра провожать среднюю дочь».

На следующее утро бабушка пошла в город, а Иван отправился на мост. Через некоторое время опять кучер привез царевну и спустил около моста. «Слезай скорее, опять может подоспеть и меня еще съест», — сказал ей кучер. Царевна заплакала. «Вчера ведь ты спас мою сестру, а меня спасать не будешь, что ли»? — спросила царевна. Кучер столкнул ее силой с телеги, а сам скорее повернул и отъехал на старое место для наблюдения. Вышел Иван-охотник на мост и стал поджидать. «Зачем плачешь?» — спросил Иван-охотник ее. «Вчера кучер спас мою старшую сестру, а меня оставил на съедение дракону», — от-

вечает Ивану-охотнику. «Не кучер, а я спас», — объяснил он ей. Сразу у царевны стало легче на душе, с радостью она начала разговаривать с Иваном. «И тебя я не дам дракону, я его прикончу с моими товарищами», — успокаивает ее. Не прошло много времени, начала дрожать земля. Опять Иван лег поперек моста и товарищей расставил по своим местам. Дракон подослал: «Зачем ты, Иван, прибыл сюда? Ласково беседовать или бороться со злобой?» — «Я пришел не с лаской, — говорит, — а со злобой. Катай, Валяй, медведь! Загребите его!» Приказал он им. Опять его убили. Засунул медведь его девять голов под камень. Опять подъехал кучер, опять она отдала Ивану именное кольцо с платком. Кучер опять, отъехав подальше, начал просить подписку: «Если не дашь, ты отправлена на смерть, я убью тебя». Застращал ее. Опять из города выходят встречать с музыкой. Опять кучер доложил, что он ее освободил. Иван вернулся опять в ту избушку. Опять бабушка вернулась из города пьяная. «И среднюю дочь спас кучер, царь нас здорово угостил; завтра повезут младшую дочь. Завтра опять пойду провожать последнюю дочь», — сказала она Ивану.

На другой день бабушка пошла в город, а Иван, взяв товарищей, отправился на мост. Младшая царевна красивее на лицо, чем старшие сестры. Через некоторое время кучер привез ее. «Ай-да, спускайся скорее с телеги»! С этими словами он столкнул ее с телеги. «Меня, видно, силой оставляешь дракону, видно, не любишь меня, сестер так освободил», — гневается царевна на него. Кучер сам знает теперь, кто их спас. Отъехав немного, стал подсматривать. Царевна заплакала, приговаривая: «Сестер моих спас, меня бросил!» На ее плач вышел Иван-охотник. «Не плачь, кучер не спасал, всех я спас», — сказал он. И Иван-охотник посмотрел на нее ласково, и царевна бросила любовный взгляд на него. Отдав ему именной перстень с платком, они обнялись с радости и поцеловались (*взявшись за уши*). Не прошло много времени, опять начала дрожать земля. Иван расставил товарищей, сам лег поперек моста. Прибыл дракон. «Иван-охотник, пришел ты сюда ласково разговаривать, или со злобой бороться», — сердито обратился дракон. Соскочил Иван с места, крикнул: «Начинайте! Прикончим этого!» Очень скоро убили его. Медведь сложил под камень все двенадцать голов. Опять кучер подъехал к ней, отвез немного дальше, взял подписку, что спас ее кучер. «Если не дашь, — убью», — пригрозил ей. И царь, зная, что ее спасет кучер, теперь приготовил большую честь для угощения народа. Кучер показал все подписки, сказав: «Я спас всех трех девушек». Царь угостил, напоил, накормил весь народ, собравшийся на проводы. «Завтра за этого кучера выдам свою младшую дочь за спасение. Собирайтесь на свадьбу!» — известил он народ. Иван-охотник со своими товарищами пришел к старушке. Иван спрашивает ее: «Хорошо ли проводили младшую царевну?» — «Проводили-было, — отвечает она, — завтра он выдает младшую дочь

за кучера за ее спасение, играет свадьбу. Уж завтра я пойду на свадьбу», — ответила она Ивану. «Ай-да, сходи! — сказал в ответ Иван-охотник. — Я побуду у тебя дома». Пришла на свадьбу и бабушка, народу собралось туда очень много. Объявила младшая царевна: «Я не пойду за этого кучера замуж!» — «Почему не пойдешь? За такого спасителя, хорошего человека, надо пойти!» — сказал царь. «Вот я спрошу у этой бабушки, у нее находится человек очень хороший, выручивший нас». Старушка ответила: «У меня находится Иван-охотник, у него есть товарищи собаки, Катай с Валяем, и медведь, всего трое». «Если так, я пошлю за ним, надо привезти всех вместе с товарищами!» — приказал царь кучеру. Кучер приехал за Иваном. Повесил Иван именные платки на шею медведю, положил централку, сел рядом с медведем, а собаки бегут за ним, и поехали. Ввалились они все в дом, где находился свадебный народ. «Вот, кто нас спас! — объявила младшая дочь царя. — Если не верите, вот, смотрите, на шее его товарища мой именной платок!» Стали подходить к медведю посмотреть платок. Медведь встал на дыбы и зарычал. «Мишка, отдай ей!» — приказал Иван-охотник. Мишка отвязал ей сам. Все три дочери его объявили, что он их спас. Только после этого Иван показал им именные перстни. Царь объявил всем: «Я за этого выдам младшую дочь и дам ему полцарства». А кучера за взятие расписки и за обман выслал на каторгу. Сыграл свадьбу, обвенчал дочь и дал Ивану-охотнику полцарства.

Иван пожил с женой с месяц и как-то ему пришла в голову сестра. Отправляясь, он сказал жене: «У меня есть сестра, привезу ее — она будет у нас кухаркой». Пришел к сестре: она не наплевала бочку, съев банные угли. Он освободил сестру. Сестра, разыскав в углях сгоревший было зуб нечистого духа, положила себе в карман. Привез сестру в город и стал держать ее вместо кухарки. Когда Иван лег спать, она сунула Ивану в ухо обгорелый зуб. От этого зуба у Ивана распухло ухо, Иван умер. И заплакала его любимая жена. А его товарищи — медведь и Катай с Валяем — не дают его хоронить, близко даже не подпускают. А Авдотья Ивана сказала, что его надо похоронить. Она заставила вырыть трехсаженную яму, обложить ее кругом камнем, и в ней похоронили Ивана. Две собаки Ивана и медведь начали советоваться, как-нибудь да вырыть Ивана. Катай с Валяем в течение целой недели рыли землю, а медведь проделал дыру при помощи камня. Выволок медведь Ивана оттуда и понес медведь Ивана в тот маленький дом, где он останавливался. Они все втроем, как люди, взмолились на коленях перед старушкой. Старушка подумала про себя: «Что-нибудь-то есть, не спроста они умоляют меня». Сделала она теплой водички и стала мыть ухо Ивана, ковыряя там. При ковырянии попался ей на палец обгорелый зуб. Выдернула она этот зуб, и Иван встал. Бабушка предупредила Ивана: «Вот ты придешь домой, она выйдет к тебе с лицом твоей жены и будет предла-

гать: я от тебя осталась беременна, вот родила ребенка. Она будет совать тебе ребенка. Если возьмешь ребенка, — сразу превратишься в собаку», — сказала она. Начав собираться в путь, Иван попросил ее: «Держи ты этих двух собак и медведя у себя».

Иван приходит домой. Взяв ребенка — мальчика — вышла навстречу сестра, как его жена. «В твое отсутствие я родила сына», — дает его ему. Иван не хочет взять, она ему сунула силой. Иван превратился в собаку. Это был не ребенок, а она, оказывается, притащила горелый зуб, подала его. Иван, хотя сам стал собакой, но ум у него, как у человека, не испортился. Он стал думать. Собака побежала в город и села перед одним магазином. Сидит, молится, кланяясь головой. Подумал купец: «Хорошая, видать, пришла собака — сидит и кланяется». Купец начал ее кормить тем, что ел сам. Перестал даже запирать магазин. Увидел собаку другой купец, полюбил ее. «Продай собаку, дам тебе триста рублей», — предложил он. Продал он за триста рублей. Катай с Валяем, узнав о потере Ивана, и узнав, куда он ушел, пришли с розысками все трое. Купец был удивлен, когда они втроем встали перед купцом и начали молить его. Опять схватил медведь эту собаку и принес к старушке. Когда принес к старушке, она говорит ему: «Вот, Иван, я ведь говорила тебе: не бери в руки. Вот кем стал теперь!» Опять говорит старушка Ивану: «Вот, опять ты придешь к ней, она опять выйдет», и ударила Ивана шелковой плеткой. Иван превратился в человека. Она отдала Ивану эту плетку: «Она выйдет к тебе встретить, ты ударь ее этой плеткой, до подачи руки ей, тогда она превратится в лошадь».

Выбежала она к Ивану, Иван ударил ее плеткой, Авдотья превратилась в лошадь. Надел Иван ей узду, положил седло и сел на нее. И целый день гонял он ее по городу, хлеща ее этой плеткой. Раньше в городах были городовые (городок), ходили они с палочкой в руках. Ездил, ездил Иван и привязал ее за железный столб, слез с лошади, начал бить. «Зачем так сильно бьешь лошадь?» — начали городовые придираться к Ивану. Отвечает им Иван: «Это моя собственная сестра, не лошадь!» сказал на их вопрос. «Как ты можешь лошадь называть своей сестрой?!» — закричали они еще сильнее. Ударил Иван шелковой плеткой, лошадь превратилась в сестру.

Как она заставила страдать его самого, все это рассказал он им. Даже в городе не узнают его. Потом он сказал начальникам: «Кто я! Я получил полцарства, я царь!» разъяснил им. После этого он спросил лошадь и заставил Авдотью катать по городу, привязав ее к хвосту лошади. Заставил убить ее. Потом пошел к жене и сейчас живут.

Сказка туда — я сюда.

Сказка туда,... шкурка черного ягненка — говаривал раньше мельник.

27. КУПЕЦ ИВАН

Жили два купеческих сына: Иван Иванович и Мирон Прокопьевич. У Ивана Ивановича — три магазина, а у Мирона Прокопьевича — два. Они были большие приятели. Подошли года жениться. Говорит отец Ивана Ивановича: «Ну, Иван, мы тебя женим». Все же купец хочет взять купеческую дочь. «Пойдем, — говорит, — к купеческой дочке». — Я, — отвечает Иван, — возьму сам себе подходящую, какая мне приглянется». Он отправился на базар. Увидал он там красивую девушку, которая купила пачку мыла, но не хватает у нее пяти копеек денег, и торговец не уступает. Поглядел Иван, купеческий сын, и, вынув, отдал ей вместо пяти копеек десять копеек. Девушка его спрашивает: «Что за человек?» Иван не говорит ей о себе, а спрашивает ее: «Ты откуда, как зовут, как твоя фамилия, скажи мне?» А эта девушка ему не говорит ничего: ни фамилии своей, ни о себе, ни о своем местожительстве. Девушка была до того красива, румяна...! Ну и понравилась она купцу Ивану. «Ну, хотя ты и не говоришь, я все равно найду тебя», — сказал ей. Идет и смотрит, куда она пойдет. Оказывается, в слободке жила такая швея со своей единственной дочкой. Идя вслед за ней, зашел он в тот дом. Поздоровался со старушкой, с девушкой. «Если это твоя дочь, дашь ли ее за меня замуж?» — спросил прямо Иван. Тогда сказала девушка: «Я купила такой товар, денег не хватило, этот молодец мне дал десять копеек». Но все же старушка знает, какие есть купцы в городе. «Но, купец Иван, ты ведь насмехаешься, разве я могу выдать дочь за купца: у меня только лишь старая избенка, а у тебя три магазина». — Нет, я говорю не на шутку. Правда, возьму твою дочку!» — отвечает ей Иван купец. Напротив их стоит двухэтажный дом, на нем висит надпись: «Дом продается». «Вот куплю на время этот дом, — говорит Иван, — а там сыграем свадьбу». Отвечает ему старуха: «Купец Иван, ты выкупишь этот дом, но у меня в приданое, чтоб одеть семью купца, ничего нет». — «Ну, а ты только дай мне дочку чистоганом, а я сам наряжу всех из своего магазина. Спроси дочку, если дочь пойдет, я ее возьму. Никакого твоего расхода не будет». Мать спросила дочку. «Если ты выйдешь за Ивана, купеческого сына?» «Я пойду»,—ответила она. Вот они сделали соглашение. Иван купец ушел к себе, сказав, что завтра они придут сватать.

На другой день он рассказал отцу, что нашел такую-то девушку в слободке, и зовет его сватать. Собрав гостей, сватов, поехали туда. Иван купеческий сын выкупил дом, привез туда всю свою выпивку. Ну и тут они сошлись и посватали. «Сейчас, скорехонько, завтра же мы сыграем свадьбу», — говорит Иван. У него капитал большой, они целый месяц играли свадьбу, Иван купеческий сын представил все свое: одежду и т. д. и увез ее, повенчавшись с ней. Живут они с женой в большом совете (дружно).

К Ивану Ивановичу приходит Мирон Прокопьевич на беседу. «Давай, — говорит он, — мы заключим такой договор. Если я сумею вымыться вместе с твоей женой в бане, соблазню ее, тогда ты должен будешь дать мне все три магазина и сам встать приказчиком ко мне. Если не смогу я соблазнить ее, то я сам отдам тебе два магазина и встану приказчиком к тебе». Пожили они некоторое время и вздумали поехать за товаром на ярмарку в Нижний, что-ли. Проехали один полустанок, Мирон Прокопьевич притворился больным: «не поеду,—заявляет,— вернусь обратно». Ну, Мирон повертывает и вернулся обратно. Иван поехал один. Но этот Мирон Прокопьевич приходит к молодушке Ивана Ивановича. По всякому-то он говорит ей о мытье в бане. Начинает манить деньгами ее. Сперва он за совместное мытье в бане сулит ей тысячу рублей, затем две тысячи, наконец, три тысячи. Потом она согласилась. И придумала жена купца Ивана следующее: пошла она в публичный дом, подыскала она точно похожую на себя, нарядила она из своего магазина в лучшую одежду, какую она носит сама... В бане ей говорит Мирон: «Я попрошу разрешить отрезать у тебя мизинец от ноги, я тебя вылечу в больнице через месяц». Девупка согласилась, отрезала она ему свой палец мизинец от ноги.

А жена Ивана Ивановича подумала себе: «Если приедет Иван Иванович, то что-нибудь будет», и давай распродавать товар из магазинов и копить деньги. Мирон Прокопьевич сейчас же подал телеграмму Ивану Ивановичу: «Я соблазнил твою жену за три тысячи», только он не сказал об отрезанном пальце. Иван Иванович задумался: не по душе стало ему. «Думал я, что если возьму такую беднячку, она не поступит так. Ошибся, видать». Иван даже не смог закупить нужного количества товаров — вернулся обратно. И сказал ей: «Меня продала, уходи!» Жена ни слова не сказала, ушла с имевшимися у нее деньгами. Ушла в большой город, зашла к парикмахеру, сбрила волосы и т д., как мужчина. Нарядилась в мужскую одежду, во все суконное, завела себе фуражку. Поступила учиться в военную школу. Проучилась она там один год, оказалась она с большим умом. Она не ходила в баню ни с каким народом, она не хотела выказать себя. Она вышла оттуда военным начальником. Сперва была ротным, потом полуротным, а затем стала полковником. Переменила свою фамилию, так и проходила под мужской фамилией. Она в этом городе прослужила полковником три года. Вот она и подумала съездить в город, в тот самый город, откуда она выехала. Приехала туда, отпросилась на квартиру к Мирону Прокопьевичу. Начальница поместилась у купца. Принесла про запас свою женскую одежду, ту, в которой гуляла, будучи купеческой женой. Туда к купцу Мирону пришел купец Иван. Он работает у него приказчиком. Вечером завязалась у них беседа. Полковник обратилась к ним: «Как же это, у вас в городе было ведь два купца. Был у вас купеческий сын Иван, торговал тремя магазинами», — спросила она Мирона. Мирон со

смехом отвечает: «Я соблазнил его жену, мылся с ней в бане, выспорил у него три магазина!» — рассказывает он полковнику. «Как же это было, — спрашивает она, — у вас, наверное, был договор?» — «Да, — отвечает он, — у нас был договор такой: кто сумеет обмануть, тому магазин, а другой становится приказчиком». — А ты-то, сумел, что ли, соблазнить? Какое на это у тебя есть доказательство?» — спрашивает она. «А может совсем напрасно ты взял у него магазины?» Отвечает ей Мирон: «У меня есть ее мизинец от ноги». — «У тебя, что ли, этот купеческий сын Иван», — спросила она. «Вот этот» — показывает он его жене. «Ну, Иван, купеческий сын, смотрел ли ты тогда пальцы ног своей жены? Было отрезано, или нет?» — спросила она его. Купец Иван ответил: «Я в то время сильно переживал и не смотрел», — отвечает Иван купец своей жене. «Ну, давай, есть ли у вас какая-нибудь особая комната?» — спрашивает полковник. Ушла она в ту комнату, которую ей выделили. Она сбросила наряд полковника и оделась в ту одежду, в какой она ходила у Ивана; вышла оттуда и сказала Ивану: «Смотри, Иван, кто я такая?!» Иван посмотрел — его жена; она показывает ноги: «Отрезан ли у меня палец? Сходите вот в такой-то публичный дом, призовите девушку с таким именем сюда!» Они привели ее. Смотрят, у девушки один палец отрезан. Отдал Мирон палец ее. Иван сильно обрадовался, еще больше полюбил жену и поцеловал ее. Отобрал назад все пять магазинов и поставил Мирона приказчиком. Может, и сейчас торгует в городе Казани.

Сказка туда — я на вышку.

28. ЙОРОК ЙОРОКОВИЧ

Однажды осенью, при маленьком снеге, марец молотил на гумне. Деревня была около леса. За гумном вытекал маленький ключик, как колодец. Наклонился туда один человек и пьет воду, сзади его — «йувыз-йувыз» — подкрадывается к нему волк. Тогда крикнул мужик, молотящий на гумне: «Марий, тебя съест волк сзади!» Марий сейчас же исчез куда-то, и волк не смог его съесть. Этот спасшийся от волка человек пришел на гумно. А молотящий человек осенью должен был итти в солдаты. Говорит он ему: «Ты нынче осенью пойдешь в солдаты, зимой, после рождества попадешь на войну (фронт) и попадешься в плен. Ты не забудь моего имени, мое имя Йорок Йорокович. Тебя запрут в большую крепость, тогда я тебе помогу», — сказал он. «Когда будет у тебя нужда, ты произнеси мое имя, мол, когда-то обещался Йорок Йорокович».

И верно, этот человек скоро ушел на войну, и не прошло много времени — поднялась война, его забрали в плен. Вместе с ним попались многие, их заперли в крепость. После долгих размышлений пришел ему Йорок Йорокович на ум. «Эх, говорил мне Йорок Йорокович, что спасу тебя! Где же он теперь?»

Так шатаясь, прощупывая вдоль крепость, он наткнулся на дверцу. Дверь растворилась, он вышел через нее и закрыл ее за собою. Вышел и стоит в недоумении, не зная, куда итти. Слышит голос: «Иди по этой же дороге, это деревня Йорок Йороковича, я скоро прибуду». Солдат направился по дороге. Доходит: деревня маленькая, состоящая всего из двенадцати домов. На краю деревни играли двое ребятишек. Он их спросил: «Который же это дом Йорок Йороковича?» — «Вон, с конца второй, это его дом!» — отвечают ребята. Заходит туда солдат. Жена Йорок Йороковича печет блины. Солдат спросил у жены: «Куда ушел Йорок Йорокович?» — «Ушел в вашу сторону за семнадцать тысяч верст». — «Ой, далеко же ушел он, мне бы нужно его видеть», — говорит солдат. «Прибудет он к горячим блинам», — отвечает жена. Сделав блины, поставила их на стол; в это время зашел Йорок Йорокович. «Твоя жена сегодня выходит замуж», — докладывает Йорок Йорокович. Солдат задумался. «Не грусти, мы прибудем туда к свадьбе», — утешает его Йорок Йорокович. Сажает его и отправляются. У солдата слетела шапка. «Эй, шапка твоя уже осталась за три тысячи верст позади», пока он молвил слово. Доезжают. Он у своего окна. просится переночевать. Ему отказывают. «Сегодня мы не пустим — сегодня моя золовка невестка выходит замуж», — отвечают ему. Потом он попросился еще раз, умоляюще. Наконец, пустили. Жена не узнает мужа, считает что это солдат зашел переночевать. Вечером прибыла свадьба. Вышли встречать. Встречать жениха выходит и его жена; он остался в избе. Заводит она жениха, он встал им навстречу, загородил дорогу. Жена узнала мужа, подбежала к нему, повисла на шее и заплакала, говоря: «Мне не нужно жениха!» Он прогнал свадьбу. Живут они по сей день. Все.

29. СОЛДАТ ИВАН ПЬЯНИЦА

У царя была красивая дочка. Ее хотели сосватать генеральские сынки. Царская дочка заявила им: «Я не стану гулять со всеми, только с одним». У одного генерала был прекраснейший, красивый сын. В том же городе жил богатый купец: Сам Иван, и сын Иван. И купеческому сыну сильно приглянулась эта девушка. «Может, и я могу ее взять», — подумал он. Очень хочется взять ее. Сколько ни ходил, не смог взять. Там же жил солдат, Иван пьяница. Однажды говорит Иван купеческий сын с досадой: «Как же это, нельзя взять ее, за меня она не пойдет!» Говорит ему Иван пьяница: «Эх, если бы у меня было столько капиталу, — разве я бы не смог ее взять». Говорит ему Иван, купеческий сын: «Иван пьяница! Я тебя найму сватом». И дает ему купеческий сын три тысячи рублей.

А генеральский сын с царской дочкой, оказывается, ходили пить-есть постоянно в один трактир. Приходит генеральский

сын туда: «На три рубля бутылку, — кричит, — и закуски первый сорт!» Приходит в ту же столовую и Иван пьяница во время их обеда. И он: «Давай мне на шесть рублей бутыку!» и требует закуски дороже их. Посмотрела царская дочь на Ивана пьяницу. «Что такое, солдат простой — говорит она, — а закуску и выпивку потребовал дороже нас!» — обратилась она к генеральскому сыну. А генеральский сын отвечает ей: «Эй, — говорит он, — награбил где-нибудь около булака, потому не жалко ему и пропить». А все же ему очень неудобно, и подумал про себя: «Еще хочет меня перешибить». Затем отправляются все по квартирам. На другой день генеральский сын пришел с царской дочкой туда и занял стол, и пришел Иван пьяница. Попросил генеральский сын: «Давай на шесть рублей бутылку!» и потребовал такую закуску, какую брал Иван. Солдат Иван пьяница опять попросил себе: «Давай мне на двенадцать рублей бутылку и закуску вдвое дороже!» Сидят и распивают они там. Спрашивает царская дочка: «Солдат Иван пьяница требует такие дорогие вина и закуски: где он находит денег?» Отвечает ей генеральский сын: «Эй, шлялся около булака, ограбил кого-нибудь и пьет, жалко ему, что ли!»

Опять и на третий день приходят в этот же трактир. Заказывает генеральский сын: «Давай мне на двенадцать рублей бутылку и закуску вдвое дороже!» Посмотрел на них Иван пьяница и потребовал: «Ну давай на двадцать пять рублей бутылку и закуски — какая есть только подороже! «Подают ему все, что попросил. Опять возмутилась царская дочка: «Что такое! Солдат Иван пьяница пьет за двадцать пять рублей бутылку, и самые дорогие закуски?!» Опять ей отвечает генеральский сын: «Ходил около булака, ограбил кого-нибудь, вот и пьет. Жаль ему, что ли!» Сидят, распивают, беседуя. «Завтра придем последний день, — говорит генеральский сын, — завтра приступим к сватовству». Иван пьяница слушает. Царская дочка отвечает генеральскому сыну: «Пойди ты к часовому мастеру и закажи часы, чтобы они ходили точно, как мои». А Иван сидит и слушает себе. Ну, и разошлись по местам, каждый на свою квартиру.

На другой день опять приходят, теперь уж в последний раз. Заказывает генеральский сын: «Давай мне за двадцать пять рублей бутылку и закуски такой, какую брал вчера Иван пьяница!» Хочет перешибить. Заказывает себе Иван пьяница: «Давай мне двенадцать бутылок порожних и сухари из черного хлеба!» Принесли ему порожних бутылок и сухарей. А генеральский сын с царской дочкой распивают себе да посмеиваются над ним. «Э-э-э! Протратился теперь!» — говорят они. А он наливает себе из пустой бутылки в стакан, делает вид, будто пьет, и закусывает сухарями. Те беседуют: «Ну, я уж сегодня приду к тебе спать», — говорит генеральский сын. «Приходи, — говорит она, — только возьми свои часы, чтобы они ходили с моими из минуты в минуту. Приходи в первом

часу, после полночи, я тебя подниму из окна на пружине». Генеральский сын советует ей: «Как поднимешь, туши свет!» А Иван пьяница сидит себе да подслушивает их разговор. Затем расходятся по квартирам.

Иван пьяница сразу же направился к тому часовому мастеру. «Продай мне те часы, которые тебе заказал генеральский сын. Дам тебе столько, сколько попросишь». Генеральский сын заказал было за триста рублей, а он их купил за полторы тысячи рублей. Иван пьяница оставляет ему совет: «Если придет генеральский сын, ты дай ему часы, которые ходят на час позади».

К первому часу Иван, наняв кучера, помчался к царской дочке. Приезжает и дает звонок. Сейчас же царская дочка спускает пружину, думая, что это генеральский сын, и поднимает Ивана. А Иван пьяница сейчас же вскрикивает: «Гась, Угась!» Живо завела его царская дочка к себе. «Ну что это такое, — возмутилась она, — твоя одежда насквозь пропитана каким-то запахом!» — «Я очень торопился и сильно вспотел» — отвечает ей Иван. «Я тебе дам отцовскую рубашку и брюки». Принесла и одела его. «Давай, — говорит, — поменяемся именными кольцами!» Переодели они перстни. Спустя некоторое время сменялись кольцами, пока переодевались, — уже прошел час.

Подъехал генеральский сын на извозчике и дал звонок вверх. Спрашивает ее Иван пьяница: «Кто еще пришел к тебе опять?» — «А это ходит Иван пьяница», — отвечает она. А он там звонит и звонит себе. «Ну, — говорит, — постой же: в лохани есть ополоски, плесни-ка на него!» Взял Иван все и вылил на генеральского сына — шур-р-р», на прекрасный его наряд. Как рассердится генеральский сын, повернул извозчика, давай гнать обратно.

«Теперь время уж, опусти меня», — просит Иван. «Приходи, — говорит, — завтра в тот же трактир». Она спустила Ивана, он сел на извозчика и погнал. Уехал, взяв себе именное кольцо, нарядившись в царский мундир.

На другой день, часам к десяти приходит туда царская дочь и генеральский сын. Хотя и уехал со злобой, хотя и не знает ничего, — душа не терпит. Говорит ему царская дочь: «Возьми, — говорит, — выпивки и закуски, что расхаживаешь!» А он сердит. Ну, генеральский сын покупает все, они угощаются. Царская дочь болтает себе о гулянии, о том, о сем; а он все лишь отворачивается от нее, сердитый. «Что с тобой сердит, что ли? Так хорошо мы с тобой погуляли (*его звали Василий Васильевич*) Василий Васильевич! Зачем злишься, все только отворачиваешься?» — утешает она его. В это время вошел солдат Иван пьяница. Иван расхаживает взад и вперед, подслушивая их разговор. Царская дочь спрашивает его еще раз: «Что это ты сегодня невеселый, Василий Васильевич? Так мы хорошо погуляли с тобой!» — «Как же мне быть веселым: я этот мундир одевал только в день пасхи, — гневно говорит он, — хорошо ты мне дала погулять: выплеснула на меня опо-

лоски!» Царская дочка очень удивилась этому. В это время Иван пьяница вырвал одну пуговицу от штанов и бросил царской дочке. «Шолт-шолт-шолт» — покатилось она к ней. Узнает, догадается, или нет. Царская дочка схватила пуговицу, посмотрела — узнала: пуговица отцовская. Она сидит, рассматривает пуговицу. В это время Иван пьяница прошелся перед ней, показал ей именное кольцо на руке. Посмотрела — именное кольцо на пальце у Ивана пьяницы. Тогда сказала царская дочь: «Ты не мой жених, проваливай! Вон, оказывается, где мой жених». Прогнала генеральского сына, посадила рядом Ивана пьяницу. Ну, сейчас же повела дочка Ивана пьяницу к царю. «Вот, — говорит она отцу, — у меня такое дело: мне нельзя не выйти за него, мы повенчаемся с ним». Царь сказал им: «Кто смог — того уж!» и обвенчал их. Иван позвал в гости и купца, давшего ему денег. Он говорит ему: «Вот, ты такой богатый, и то не смог взять ее, а я твоими тремя тысячами рублей взял ее себе», — хвастается он.

И сейчас живут.

30. РЫБАК МИРОН

Один мариец, старик Мирон, ловил рыбу в озере. Из озера вышел чорт. «Что ты делаешь?» Мирон вил веревку. «Я этой веревкой вытащу всех чертей, сколько имеется в озере», — ответил Мирон. Чорт быстренько нырнул в озеро к своему дедушке. «Вот, дедушка, — рассказывает он. — Мирон вьет веревку; когда я его спросил: что делаешь? он ответил мне: вытащу всех чертей из озера!» — «Выйди к Мирону, поговори с ним», предлагает ему дедушка. Скажи ему: давай состязаться в беге, и узнай его силу». Чортов внук вышел к Мирону: «Давай, Мирон, побежим в перегонки вокруг озера?». Отвечает Мирон: «Мне некогда, бегать мне недосуг. Вот, в таком-то кусту имеется у меня брат по имени Ахать. Пойди к нему и крикни: «Ахать, Ахать! и бегите с ним».

Как он крикнул «Ахать-ахать!», заяц выскочил, а он побежал за ним, но не догнал. Чорт быстренько нырнул к дедушке. «Дедушка, Мирону самому недосуг, он послал брата младшего. Глядишь, маленький, одетый в беленькую одежду, но догнать его невозможно, очень шустрый». — «Иди, — говорит дед, — пойди, около озера гуляет белая кобыла. Поспорь с ним: кто сможет пронести ее вокруг озера». Хотят силу попробовать. Вышел внук чорта: «Ай-да, Мирон, поспорим: кто сможет протащить эту белую кобылу вокруг озера. Так мне советовал дедушка». «Мне некогда, надо кончить вить веревку. Пронеси сперва ты, я посмотрю, а после тебя я пронесу один круг», — предлагает Мирон. Взвалил чорт белую кобылу на плечи, понес вокруг озера. Насилу, насилу принес обратно: «Ну, Мирон, теперь твой черед!» Сел Мирон на белую кобылу, вскрикнул, как следует. Белая кобыла оказалась очень быстрая — искры

только полетели от ног, помчался Мирон. Объехав круг, остановил лошадь. Чорт нырнул к дедушке: «Ну, дедушка! Я насилу-насилу пронес, а он лишь прижал ее между ног, только искры полетели из ног, в миг сделал круг!» — «Выйди и скажи Мирону: если придет в следующий раз, мы не будем мешать ему рыбачить», — говорит дед чорту. Он вышел: «Мирон, дедушка мне так сказал: хоть сколько ты лови рыбу — мы не помешаем. Только не вынимай нас из озера». Отвечает Мирон: «Я с этим не соглашусь, я все равно вас вытащу!» Опять чорт нырнул к дедушке. «Мирон поговаривает так...» — передает дедушке. «Постой, не так, мы ему дадим денег, сколько попросит. Иди, спроси его», — посылает дедушка.

Он вышел. «Вот Мирон, дедушка мне сказал так: он велел мне спросить, сколько ты возьмешь золотых денег?» Отвечает ему Мирон: На деньги помирюсь, если ты мне их дотащишь до дома ко мне». — «Сколько? Много ли ты хочешь взять?» — спрашивает его чорт. Мирон показывает ему шляпу, скатанную из шерсти. «Возьму, сколько войдет в эту шапку». Чорт нырнул к старшему дедушке. В это время Мирон продырявил свою шляпу, прорезал дно. У Мирона там, на рыбалке, был куль на пять пудов, сделанный из мочалы. Приделал к кулю свою шляпу и стоит, поджидает. Чорт там говорит дедушке: «Просит только одну шляпу, но говорит, что надо донести к нему». — «Ай-да, снести ничего не стоит. Наполни ему шляпу деньгами», — говорит дедушка. Чорт вынес золота на одну шапку. Высыпал в шапку Мирону, даже на дне шапки не видно — все просыпалось в куль.

«Если зайдешь, то вынеси, чтоб наполнилась», — заказывает Мирон. Чорт зашел к дедушке и говорит: «Эта то ноша не знай куда просыпалась! Только и зазвенело, даже на дне шляпы не видно», — доложил ему.

Чорт вынес все свои деньги. Высыпал. Мочальный куль Мирона наполнился до края. «Сшей и донеси до меня!» — приказал Мирон чорту. Чорт сшил, взвалил на плечи и пошли. На дороге попалась заброшенная мельница. Там стоял старый большой жернов. Говорит Мирон чорту: «Положи и этот камень на плечи: это моей бабушке грузила к веретену». Чорт взвалил и мельничный жернов. Перед домом попалась им в поле большая борона, сделанная из толстых досок. Мирон сказал ему: «И это забери — это моей бабушки гребенка». И это забрал чорт. Пришли к Мирону. Мирон показал ему ларь для денег. Чорт высыпал Мирону, сбросил камень и борону. Зайдя вперед него в избу, Мирон учит жену: «Жена, если вот я заведу чорта в избу, то попрошу тебя сварить обед. Ты мне ничего не отвечай. Спрошу второй раз — ничего не говори. Когда спрошу третий раз, — ты скажи со злобой: «Из чего я буду варить обед? Ничего нет!» И правда ведь, Мирон завел чорта в избу. Начал приставать к жене; жена Мирона не отвечала. На третий вопрос жена сказала ему: «Из чего я сварю?!» — «Дай топор,

отрублю тебе голову и ноги чорта для супа!» крикнул Мирон. Чорт, услышав эти слова, сказал: «Не приведись больше встречаться с Мироном, никогда!» — и выбежал в двери. Мирон живется хорошо и больше не ходит рыбачить.

31. БАБИН СЫН

Живут царь с царицей. Нет у них детей. Жена говорит: «Ах, сделать бы одного ребенка!» С такими словами выходит она однажды утром в уборную. В уборной, внизу лежит ребенок. Приносит она его в дом. Нет имени, а ребенок мужского пола. Тогда сказал ей муж: «Раз ты нашла его, так пусть будет Бабин Сын». Стукнуло ему двенадцать лет. Он стал ходить в училище. Научился очень многому. Ну, он выписывал всякие газеты, журналы. В одном из журналов прочел, что в одном государстве имеются самоиграющие гусли. Он надумал ехать туда. «Ну, папаша, — говорит он, — я поеду туда за самоиграющими гуслями». — «Не езди туда, голову потеряешь, — советует ему отец, — многие пытались, но все пропадали». — «Все равно поеду!» — говорит сын. «Ну, поедешь, так поедешь. Не будешь ты моим сыном». Просит он у отца: «Давай, папаша, купи мне коня и сделай палицу». Пошел отец на базар, купил коня, сделал двадцатипятипудовую палицу. «Ну, Бабин Сын, ладно, что ли» — спрашивает отец. «Постой, посмотрю», — вышел к лошади, подавил ее указательным пальцем, лошадь присела. «Отец, говорит он, — эта лошадь для меня не годится, купи другую. Эта лошадь не выдержит меня». Потом купил он другую. Другая тоже присела от нажатия коленами. «Эта не держит — купи другую!» — заявляет сын. Привел другую — эта уже не шевельнется от нажима. «Ну вот эта годится! Папа, дай мне двух солдат, верховых!». Снаряжаются втроем на лошадях, затем берет он палицу и отправляется.

Едут большим лесом, едут, выезжают на большой луг. На лугу течет речка, вроде реки Ронги; через реку мостик сажен так четыре — пять. Переехав мост, отъезжают около километра от моста. Там стоит прекраснейший дом, с ума сойдешь! Заходит Бабин Сын в дом: жильцов нет, а в доме тепло. Посмотрел в печку, а там стоит готовое кушанье, что только надо. Смотрит в шкаф, а там стоят вина, какие только понадобятся. Бабин Сын говорит: «Кто-нибудь живет здесь. Давайте, попьем, поедим. Кто-нибудь придет же сегодня сюда, мы заплатим им, что стоит». Поели, попили. Наступил вечер — еще никого нет. Видя, что никто не приходит, Бабин Сын предлагает: «Давайте, один пойдет караулить на мост, а двое останутся здесь». Посылает

одного из товарищей, предупреждая: «Но только не спать!» Товарищ уходит. Придя туда, сразу укладывается спать. Бабин Сын, не веря ему, тихонько от оставшегося в доме товарища, берет кистень, идет к мосту и ложится поперек моста. В полночь, к двенадцати часам слышно кто-то едет за три версты. Видит, кто-то подъезжает на тройке. Не доехав до моста девять сажен, все три лошади падают на колени. Сидящий на телеге говорит им с удивлением: «Что такое с вами, лошадки? Я, говорит, объехал с вами вокруг света. Неужели не сможете уж перейти этот мостик? Устали, что ли?» Лошади отвечают: «Как проедешь, когда поперек моста лежит человек. Невозможно близко к нему подъехать». — «Неужели сюда прибыл Бабин Сын? Ведь он еще молод», — думает про себя. Потом спрашивает: «Бабин Сын, что ли, будешь? Вставай, Бабин Сын!» — «Да, я Бабин Сын!» — отвечает он. Тогда сидящий в телеге говорит ему: «Если это будешь ты, тогда ты как: приехал угощаться, или ссориться и бороться прибыл?» — «С такими, как вы, нечистыми духами, я не угощаюсь. Я прибыл ссориться и бороться», — отвечает он. «Раз приехал, то давай начнем!» Схватились. Взял он двадцатипятипудовый кистень, как стукнет его, так он весь и рассыпался. Раздробленные ударом части Бабин Сын побросал в воду, а сам спокойно вошел в тот дом. Придя в дом, улегся спать. На рассвете приходит товарищ, посланный стеречь мостик, и спрашивает его Бабин Сын: «Ну, — говорит он, — кто сегодня проехал по мосту, учуял-ли?» — «Никто не проезжал, — отвечает он, — всю ночь просидел у перил и никого не видел».

На другой вечер посылает Бабин Сын другого товарища. В печке никогда не убывает, пьют-едят, валяются целый день. И тот товарищ залег под мост. Не доверяя им, Бабин Сын опять идет и ложится поперек моста. Наступает полночь. За шесть верст слышен шум. Опять кто-то останавливается, не доехав шести сажен до Бабина Сына. Он едет на шести лошадях. Лошади встают на колени, он им говорит: «Зачем встали на колени? Я проехал вокруг света, неужели не можете проехать мостик?» — «Как проедешь, когда поперек моста лежит человек». — «Неужели сюда прибыл Бабин Сын, он ведь еще молодой», — подумал он. «Ты, что ли, Бабин Сын? Давай, вставай!» — «Я — Бабин Сын», — отвечает он. «Если это ты, то как ты приехал: угощаться или ругаться и бороться?» — «Вы, нечистые духи, — отвечает он, — я не хожу угощаться к вам. Я прибыл ругаться и бороться». — «Ну, начинают они бороться». Ударил он его кистенем, он слетел, но не рассыпался. Когда упал, то стал просить мира. Говорит: «немного отдохнем». Не ответил ему Бабин Сын, ударил его вторично, и он рассыпался. Тело его побросал в воду, а лошадей новоротил в обратную сторону и послал, сказав им: «Идите туда, откуда пришли». Пошел обратно со своим кистенем. Пришел, спокойно лег спать, товарищ не слышал. С рассветом пришел товарищ, карауливший на мосту.

«Ну, что проехало ночью?» — спросил Бабин Сын. Он отвечает: «Никто не проезжал. Просидел всю ночь и никого не видел».

Пьют, едят, валяются, коротают день. Настал вечер. Говорит им Бабин Сын: «Ну, теперь мой черед, вы уж караулили две ночи. Вы оба проспали под мостом, а не караулили. В оба раза я уничтожил нечистых духов. Теперь пойду я, вы не спите. Берите носовой платок». Расстилает его на столе и наполняет водою стакан. «Если вода в стакане убудет, — вы доливайте его. Также смотрите за носовым платком: если он почернеет, — значит я умер, и вы тогда умрете». Выходит и идет. Ложится поперек моста. К двенадцати часам ночи, кто-то едет на девяти лошадях. За девять верст слышен шум. Не доехав до Бабина Сына трех сажен, лошади встают на колени, все девять лошадей. «Зачем падаете на колени? Вокруг света объехал, неужели не можете уж переехать мост?» — кричит он. «Поедешь, — отвечают лошади, — поперек моста лежит человек». Он говорит им: «Неужели прибыл Бабин Сын, ведь он еще молодой». — «Бабин Сын, что ли, будешь? Вставай», — кричит из телеги. «Я!» — отвечает Бабин Сын. «Если будешь ты, то — приехал угощаться или сердиться и драться». Он отвечает: «Я к нечистым духам, как вы, не хожу угощаться: прибыл сердиться и бороться». И сцепились. «Ну, давай поборемся». Начали бороться. Идет очень сильная борьба у них. Боролись, боролись и загреб под себя Бабина Сына. Бабин Сын спрашивает его: «А вот что! — говорит. — Борются с государствами? — и они отдыхают. Крестьяне работают? — и они отдыхают. Давай и мы отдохнем!» — «Нет, — отвечал тот, — я не выпущу, убью я тебя!» Тот говорит: «Отпусти, пожалуйста, я схожу попрощаюсь с товарищами, они находятся здесь». — «Нет, не выпущу, убью, — говорит, — тебя!» — «Пожалуйста, освободи! Я попрощаюсь отсюда с ними». — «Хорошо, коли отсюда будешь прощаться, освобожу». Бабин Сын встает, снимает с левой ноги сапог и бросает туда, где они живут. Влетел прямо в спальню-то их через оконное стекло. Оказывается, они спали. Они соскочили: носовой платок уж начал чернеть с краю. Воды в стакане осталось чуть-чуть. Сейчас же они доливают воды в стакан, встряхивают носовой платок, кладут обратно. Бабин Сын говорит теперь ему: «Ну давай теперь начнем». Ударяет Бабин Сын его кистенем — он сразу разлетается. Тело его бросает в воду, лошадей поворачивает и посылает обратно. «Идите туда, откуда пришли». Спокойно идет он домой.

Приходит он в дом, где они жили, и говорит: «Вот что, товарищи. Вы побудьте здесь, я схожу вперед с версту, посмотрю — что имеется там». Выходит и идет. Проходит он версту, там опять стоит такой же дом. Он не заходит в тот дом, а встает под окошко и слушает. А там слышны голоса четырех женщин. Говорит самая младшая из них: «Вот, мамаша, — слышен ее голос, — в эти три ночи Бабин Сын убил всех трех наших братьев. Он едет за самоиграющими гуслями. Я сделаю на его

пути песок сто верст длиной из своего живота. По окончании леска сделаю луга, а на лугах ручеек. Вот там я его и съем». Говорит средняя: «Эх, сестричка, если ты не сможешь, то я сделаю из своего живота песок длиной в двести верст, открою чайную. Когда у них лошади устанут, они там остановятся покормить, — там я съем их». Говорит старшая девица: »Эх, сестричка, если и так ты не сделаешь, я сделаю песок триста верст. Там будет и чайная, и пивная. Они обязательно остановятся там, я тогда их там съем». Говорит мать: «Эх, дочурки мои, если вы не сможете таким путем, я, догнав их, проглочу». Поворачивается Бабин Сын и приходит к своим товарищам.

Говорит товарищам: «Ну, давайте поедем. Садитесь на своих коней». Едут. Проезжают песок в сто верст, лошади вязнут по колени. Выезжают, там и луга и водичка! Предлагает товарищ: «Бабин Сын, давай здесь покормим лошадей!» А Бабин Сын отвечает ему: «Нет, надо скорее ехать». Вынимает саблю, рубит луга крестом! Он там убил одну, младшую, дочку, После подошел песок двести верст. Выезжают. Стоит чайная. Предлагает им товарищ: «Бабин Сын, давай здесь покормим лошадей и сами закусим». — «Нет, — отвечает, — надо ехать». Вынимает саблю и рубит опять. Опять он убил ее среднюю дочь. Потом подходит песок в триста верст. Проезжают триста верст — там стоит чайная и пивная. Предлагает товарищ: «Ну, Бабин Сын, давай здесь покормим лошадей и сами закусим и выпьем!» — «Некогда здесь распивать», — вынимает саблю и рубит опять. «Ну, — говорит, — давайте погоним быстрее кто сколько может, а то скоро мы погибнем». Ну и погнали. Сзади слышали голос: «Погоди, Бабин Сын! Все равно проглочу тебя, догнав!» В это время она уже проглотила одного товарища. Остались только вдвоем. «Погоди, кричит она, Бабин Сын! Только мне напиться, и тебя проглочу!» И второго товарища проглотила. Бабин Сын остался один.

Ну, гонит Бабин Сын, очень быстро; не знает, куда деться. «Погоди, Бабин Сын, кричит она, только воды напиться, и тебя проглочу!» Недалеко виднеется деревня. На конце деревни стоит кузница. Кузница — вся из чугуна. Только-только поймать Бабина Сына — он влетает туда. «Закрой скорее, — говорит Бабин Сын, — кузницу то!» Мать нечистого духа подбежала к кузнице. «Ну, Илья Муровин, — кричит она, — давай, отдай мне Бабина Сына! Если не дашь Бабина Сына, проглочу вместе с кузницей!» А Илья Муровин отвечает ей: «Погоди, успеешь!» У Ильи Муровина были стопудовые тиски. В это время положил он эти стопудовые тиски в горн. Они накаляются, эти тиски, как уголек, даже близко не подойдешь. Илья Муровин говорит ей: «Давай, суй свой язык в трубу сверху, — я посажу Бабина Сына прямо тебе на язык». Она просовывает туда язык. Когда просунула, то защемили его щипцами. Там и сдохла нечистый дух. Они вынули и понесли ее на средину поля и сожгли ее совсем.

После этого говорит Илья Муровин: «Ну, Бабин Сын, ты куда направился?» — «Я, — отвечает он, — еду за самоиграющими гуслями». — «Эх, Бабин Сын! Ты их не сможешь приобрести. Давай, — говорит, — работай у нас три года, тогда мы тебе достанем их». У Ильи Муровина было одиннадцать братьев, и он вместе с ними составлял двенадцать братьев, а с Бабиным Сыном стало тринадцать всех. Проработал Бабин Сын три года. Привез ему самоиграющие гусли. «Ну, — говорит ему Илья Муровин, — теперь отправляйся, Бабин Сын. Проедешь триста верст, приедешь на луг. Посреди этого луга у дороги лежат коровьи кишки. Кишки попросят тебя разрубить, но ты не разрубай их, хоть как бы они не умоляли тебя».

Вот, он едет. Доехал до того луга и видит: лежат коровьи кишки. «Бабин Сын, пожалуйста, разруби», — просят они. А у Бабина Сына на спине самоиграющие гусли: то и дело играют песни, какие только нужно. «А я, — говорит, — не буду разрубать». И проезжает дальше. А они очень уж умоляют: «Пожалуйста, разруби, Бабий Сын!» — «А что быть, то быть, разрублю», — подумал он. Подъехал туда, вынул саблю, разрубил прямо с лошади. Как отрубил, так и исчезли гусли из котомки. Бабин Сын не знает, как быть. Повернул лошадь — давай ехать обратно к Илье Муровину. И приехал обратно туда. Спрашивает Илья Муровин: «Почему вернулся, Бабин Сын?» — Гусли исчезли», — отвечает тот. «Вот, говорил ведь я, что не руби коровьих кишек. Теперь вернуть их очень трудно. Ну, а что будет, поищем немного, может, сможем достать».

Живут они неделю, две; и месяц на исходе. Говорит ему Илья Муровин: «Бабин Сын, хочешь жениться?» — «А что, женюсь!» отвечает Бабин Сын. И все тринадцать отправляются сватать девушку. Говорит Илья Муровин отцу ее прямо при девушке: «Выдашь дочку за Бабина Сына?» — Отвечает отец: «Выдам, но только исполните то, что я вам прикажу. Если сможете выпить вино из сорокаведерной бочки, — девушка ваша». Начали пить тринадцать человек. Илья Муровин свиснул всю водку на ветер. Пришел отец девушки: «Ну что, выпили?» — «Эй, — отвечает ему Илья Муровин, — эти сорок ведер вина мне одному не хватит выпить!» — «Ну, давай девушку! — «Нет, — возражает он, — я сварю вам каши из сорока ведер воды; если съедите ее, — выдам!» — «Давай, — говорят, — свари, сейчас съедим». Сварил. Опять Илья Муровин раскидал по ветру всю кашу. «Ну, давай дочку!» — просит Илья Муровин. «Нет, — возражает он, — я в течение трех суток топил чугунную баню. Если вымоетесь там, — девушка будет ваша». — «Давайте, пойдем, — говорит, — вымоемся». Впереди шагает Илья Муровин. Вот он посылает жар по ветру, а то за три сажени нельзя подойти близко — была накалена, как уголь. Потом заходят и моются себе спокойненько в бане. Отец девушки пришел туда посмотреть. К его приходу они уже выходят из бани. Говорит ему Илья Муровин: «Ну, давай теперь дочку!» — «Теперь де-

вушка ваша, увозите. Давайте сыграем свадьбу». Сыграли свадьбу, поели, попили и увезли девушку к Илье Муровину.

Приехали к Илье Муровину, говорит он: «Ну, Бабин Сын, сегодня она ляжет спать с тобой, но ты будь осторожен. Если положит руку на тебя, — ты все равно умрешь». Ложатся спать. Только что легли, жена его кладет свои руки на Бабина Сына. Когда она положила обе руки, он начал задыхаться, чуть не умер, выкарабкался. Илья Муровин стоял и наблюдал в спалне. Потом ложится Илья Муровин (сам) с девушкой. И на него она кладет руки, но он их легко сбросил с себя. Оттолкнув руки в сторону, он соскакивает с кровати, берет девушку за ноги, подвешивает вниз головой и бьет ее плеткой. Ее начало рвать, выблевывает она ящериц, выблевывает змей, выблевывает лягушек. Кончила, он отпустил ее. «Ну, говорит, спите сегодня!» Перед второй ночью говорит Илья Муровин Бабину Сыну: «Сегодня она положит на тебя ноги. Остерегайся: если успеет положить, как следует, — ты умрешь, задохнешься». Вот они ложатся на вторую ночь. Она положила ноги. Кое-как выкарабкался Бабин Сын. В это время Илья Муровин стоял и наблюдал. Потом Илья Муровин лег сам к девушке, и на него она положила ноги. Соскочил Илья Муровин, взял девушку за ноги, повесил вниз головой и давай хлестать плеткой. Девушка блюет запекшейся кровью. Отпускает ее Илья Муровин и говорит: «Но, Бабин Сын, на третью ночь она положит свои груди. Если успеет положить, ты там же умрешь». Ложатся опять на третью ночь. Начала класть груди, Бабину Сыну как-то удалось встать. В это время опять ложится рядом с девушкой Илья Муровин. И на Илью Муровина кладет она свои груди. Он отталкивает их от себя и вскакивает. Вешает за ноги вниз головой и бьет плеткой. Она начала блевать уже хлебное. Когда выблевала, он отпустил ее. Говорит Илья Муровин Бабину Сыну: «Но, теперь она ничего не сделает. Теперь она стала настоящим человеком. Поезжай теперь к отцу».

Бабин Сын собрался в путь. Садятся обя на коня. У жены были самоиграющие гусли. Ставят их между собой, они заиграли, не знаю что. Простились и уехали. Едут дорогой. Доезжают до отцовских земель. Он дает телефонограмму: «Папа, я через неделю доеду к тебе. Выйди через неделю меня встретить с музыкой. Я везу самоиграющие гусли». Через неделю приезжают в город отца. Отец выходит с музыкой. Самоиграющие гусли заглушили музыку. Народ (с удивлением) смотрел на Бабина Сына. Отец принял их. Пили, ели и зажили, как следует. Конец.

Сказка туда — я сюда.

32. ИЛЬЯ БЕЗНОГИЙ

У одного старика был сын по имени Илья. Этот сын до сорока лет не мог ходить. Однажды весной отец с матерью ушли корчевать пни. Илья остался один сидеть дома. Ворота оставили запертыми, чтобы никто не мог зайти. Как раз пришел один белобородый старик и кричит: «Илья, давай, открывай ворота!» — «Как открою, когда с места не могу сдвинуться, сорок лет уж сижу без ног», — отвечает ему Илья. «Встань со своего места, сможешь пройтись, сможешь», — кричит старик. Илья встал. «Ну, шагай, шагай», — кричит из окна старик. Шагнул — может шагать. Вышел и открыл ворота. Старик вошел в дом. «Ну Илья, — говорит старик, — принеси одно ведро воды». Приносит ведро воды. Старик взял это ведро с водой и передал Илье. «Выпей это ведро воды все», — говорит ему. Илья выпивает. «А как чувствуешь себя?», — спросил старик. «А, отвечает он, — смогу содрогнуть землю». — «Давай, принеси еще одно ведро воды». Опять несет. Старик опять передает ему: «Давай, выпей это ведро воды». Выпивает. «А теперь, как чувствуешь себя?» — «А если бы у земли была ручка, перевернул бы ее». — «Принеси еще одно ведро». Опять приносит одно ведро. «Выпей, — говорит, — это». Выпил все это Илья. «Ну, как чувствуешь, Илья?» — спрашивает старик. «Ну, а теперь смогу только содрогнуть землю», — отвечает Илья. «Вот, братишка, — говорит старик, — у тебя в приусадебной земле растет двадцативершковый дуб. Ты пойди и сруби его, разрежь плаху в четыре сажени, принеси во двор и сделай корыто. Через неделю в селе будет ярмарка. Туда привезет один торговец триста жеребят. Ты купи у него самого последнего, лохматого жеребенка. Дай денег столько, сколько попросит. Приведи его и поставь в это корыто. Корми его до того, пока не выпрыгнет из корыта. Утром и вечером валяй в росе. После всего этого можешь ехать, куда только можешь. Тебе, — говорит, — смерть не написана, только не борись со Святогором богатырем, — с другими со всеми можешь. Святогора богатыря чуть только держит земля». Старик уходит.

Берет топор Илья, идет на гумно, рубит дуб. Он не распиливает там дуб до конца, а несет во двор. Приносит во двор, делает колоду. Сделав колоду, отправляется искать отца (с семьей), где они рубят, корчуют лес. Находит их: они в аккурат, пообедавши, легли отдыхать, поэтому никто из них не слышал, как он туда явился. Взял топор и всадил его в пень. Так он насажал до обуха все топоры. Проснулись отец и мать, смотрят — пришел Илья! Они были сильно удивлены. «Как пришел, Илья?» — спрашивают они. «Встал и пришел пешком, корчевать к вам», — отвечает Илья. Берется за пень — выдергивает, берется за другой — выдергивает. В один час расчистил он одну десятину. Приходят домой. «Ну, папаша, давай поедем на ярмарку», — предлагает Илья. «Зачем? — спрашивает отец.

«Хочу купить себе жеребенка». — «Ну, давай съездим», — согласился отец. Приезжают на базар. Как раз один торговец привел триста жеребят. «Ну, которого купишь?» — спрашивает отец. Показывает Илья на самого последнего жеребенка, маленького и лохматого жеребенка. Спрашивает торговца: «Сколько стоит этот жеребенок?» — «Семь рублей!» — говорит торговец. Вынул деньги, отдал торговцу и повел. Привел домой и поставил в свою колоду. Кормит одним овсом. Кормил-кормил, жеребенок выпрыгнул из колоды. Потом начал утром и вечером валять в росе. Вырос прекрасный жеребенок. Говорит Илья отцу: «Ну, папаша, я теперь поеду, благослови меня!» Отец его благословил, он и отправился.

Ехал долго, по всяким местам. Наехал на один большой дуб. Под дубом стоит койка (кровать) — десять сажен длиной и одна сажен шириной. Отпускает Илья своего коня на волю и сам ложится спать на эту кровать. Как лег, так и заснул на двенадцать суток (*койка такая, что на нее ляжешь — проспишь двенадцать суток*). Спит уже десять суток, а конь Ильин гуляет около него. Смотрит конь — едет Святогор богатырь, будто в облаках. Конь Ильи сильно перепугался и начал трясти его. Прислушавшись, посмотрел Илья: едет Святогор богатырь. Ему не велено с ним бороться, поэтому он полез на дуб, чтобы спрятаться от него, а коню велел уйти подальше.

Подъехал Святогор богатырь к дубу, слез с коня и снял с плеча ларь. Открывает ларь и выводит оттуда свою жену. Сам ложится спать. Жена его прогуливалась и увидела на дубе Илью. Протянула руку, снимает Илью и кладет в карман Святогору богатырю. Просыпается Святогор богатырь, запирает жену в ларек, садится на коня. Ларь ставит на плечо и отправляется. Ехал-ехал, конь Святогора упал на колени. «Что ты, конь, — спрашивает Святогор богатырь, — столько ты ездил и не вставал еще на колени. Почему встаешь сейчас?» — «А как не встать, — отвечает конь, — сперва я возил двух человек, а вы сейчас трое на мне, я не могу трех!» Святогор слезает с коня, ставит вниз ларь, открывает его, выводит жену. «А кто у нас имеется еще, где тот человек при нас?» — спрашивает жену. «А я, — отвечает она, — одного человека положила тебе в карман». Засунул руки в карман, вынул оттуда Илью. «Ну, Илья, будешь ты моим товарищем?» Вынул сам саблю и разрубил жену. Запирает Илью в ларь, садится на коня, а ларь поставил на плечо. Ну, вот они и поехали. Ехали-ехали и слез он с коня, вынул Илью из ларя. Около них стоит большой гроб. Святогор богатырь спрашивает Илью: «Кому сделан этот гроб?» — «Это мне», — отвечает Илья. Святогор богатырь говорит ему: «Нет, — говорит, — это тебе велик, это мне». — «А что будет, — говорит Илья, — я попробую лечь, может как раз мне». Лег. Ширина как раз, а в длину больше. Тогда говорит Святогор богатырь: «Давай, встань, я лягу». Он встал и лег Святогор богатырь. Ему как раз в меру. «Ну, Илья, — говорит он, — на тебе саблю,

закрой колодку крышкой. Неужели не можешь пошевелить крышку колодки, Илья!» — «Не могу!» отвечает Илья. Протянул он свою руку и накрыл сам себя. «Ну, Илья, давай возьми эту саблю и рубни раз вдоль колодки». Начал Илья брать саблю — поднять не может. «Наклонись ко мне, я дуну — дам тебе дыхание, придающее силу». Илья нагнулся. Святогор богатырь дунул на него. «А как себя чувствуешь?» — спрашивает Святогор богатырь. «Теперь могу поднять твою саблю», — отвечает он. «Вот, теперь рубни разик вдоль по колодке и два раза поперек колодки». И рубнул. Как рубнет, так гроб железными обручами и опоясывается. «Ну, Илья, наклонись еще, дам тебе остатки духа!» — предлагает он. «Нет, хватит, не надо мне больше силы». — «Хорошо, что не наклонился, Илья. Я бы дунул тебе смертельный дух: и я бы умер, и ты бы умер. Вот, Илья, теперь ты возьми моего коня, и свой конь имеется, ты поднимешься в облака и будешь Ильей Пророком!» — сказал ему Святогор богатырь. Вот ведь кто катается.

33. МАРКО БОГАТЫЙ

К нему обещался прийти Николай угодник. Он приготовил угощение и ждет его. Ждал целый день — нет. К вечеру подошел к окну нищий и постучал в окно. Посмотрел Марко Богатый в окошко и говорит: «Ой, такого грязного я не пущу, ко мне придет Николай угодник». А нищий настаивает: «Пусти, пожалуйста!» — «Я сказал тебе раз, что не пущу», — отвечает Марко. Тогда сказала дочь Марко: «Папа, пусти его в скотную избу, ладно ему». — «Хорошо, пусть заходит туда», — соглашается Марко. Зашел нищий в избу для скота и лежит там. Ждал, ждал Марко Богатый, не идет Николай угодник. Настал уже вечер, пришлось ему самому съесть приготовленный обед. Обед остался. Тогда предложила дочь: «Чем бросать собакам, я дам нищему». — «Ну, отдай», — отвечает отец. Дочка понесла ему в чашке в скотную избу. «На, говорит, ешь, дедушка», сама собралась уходить. Доходит девушка до дверей и оцепенела у дверей: не может ни итти, ни говорить. В это время постучали в окно: «кылт-кылт» раздается по скотной избе. «Эй, — кричат оттуда, — здесь, что ли, бог-благословитель?» — «Здесь. Зачем нужен?» — отвечает старик. «Мужу пятьдесят лет, жене — сорок пять лет. Жена родила первого ребенка, ребенок мужского пола. Чем, благословишь?» — спрашивает голос. «Пусть будет ему все имение Марко Богатого», — отвечает старик. В это время девушка сорвалась с места и побежала к отцу. «Ну, папаша, оказывается это приходил Николай угодник благословитель. Мы его не узнали», — говорит дочка отцу. «Иди, сбегай, позови!» — и Марко сам побежал в скотник. В скотнике никого не оказалось. «Ну, конец, — думает Марко, — нашему имению».

Проснулся утром Марко и пошел разыскивать этого ребенка.

Приходит в деревню. «Кто, — говорит, — у вас родил ребенка здесь?» — «А вот здесь одна родила мальчика, оба они пожилые». Приходит к ним. «Ну, старик, ребенок что ли родился у вас?» — «На старость сделал одного, хотя и стыдно». — «Давай, продай этого ребенка!» — спрашивает Марко Богатый. «Нет, не продам, — отвечает он, — ведь впервые родили. Как же я продам!» — «Продай, — настаивает, — дам мешок золота, хватит вам до смерти прожить!» — «Ну, ладно, — соглашается, — продам за мешок золота». Взял его Марко Богатый и пошел. Сворачивает с дороги, доходит до оврага и бросает ребенка на снег в овраге. В аккурат в это время возвращался с товаром из города извозчик Марко Богатого. Один извозчик заметил плачущего ребенка на земле. Вокруг ребенка на сажень растаял снег и выросла около него свежая травка с цветочками. Говорит извозчик: «Мне дал бог!» И воскликнул: «Эх, ребенок мужского пола! Я его повезу и воспитаю». Завертывает в тулуп, укладывает на воз и едет к Марко Богатому. Этот извозчик зашел прямо к Марко. «Мне, — говорит, — бог дал ребенка, мальчика. Он замерз, надо погреть». Марко Богатый сразу закричал со злости: «Где нашел этого ребенка?! — «Нашел в овраге», — отвечает тот. «А продай его мне, у меня сына нет!» — «Сколько дашь?» — спрашивает у Марко Богатого. «Дам, — говорит, — золота мешок». — «Ну, вот возьми!»

Взял извозчик мешок золота и ушел. Сделал бочку Марко Богатый, положил ребенка туда и сунул под лед в Волгу. Бочка катилась, катилась подо льдом и выплыла в прорубь у одного монастыря. Спустился монах по воду, начал черпать ведром: бочка мешает черпать воду. Прибегает обратно и говорит игумену: «В нашу прорубь приплыла какая-то бочка». — «Давай, если приплыла, выньте», — приказал игумен. Прорубили лед, вынули бочку, разломали ее, а там лежит ребенок. Ребенок мужского пола. Приносят монахи этого ребенка к себе, начинают воспитывать его: поить, кормить. Стало ему семнадцать лет, стал он очень сильным монахом.

В этот монастырь приезжает Марко Богатый молиться. И смотрит он на этого парня — парень очень красивый и мастер на все руки. Не вытерпел Марко, спросил игумена: «Откуда прибыл этот монах?» — «Он приплыл к нам подо льдом этому уже будет семнадцать лет». Марко Богатый сразу догадался. «Этому должно достаться все мое имение», — подумал он, и сразу начал писать письмо. Запечатал и обратился к игумену: «Отпусти этого монаха, чтобы отнести письмо к моей жене». Игумен кликнул его: «Василий, — говорит, — иди-ка сюда. Отнеси-ка этот пакет к жене этого богатого Марко, никому дорогой не показывай!» Отправился монах Василий. В дороге встречается ему старик. «А куда ты идешь, браток?» — обратился старик. «Иду вот, несу пакет к жене богатого Марко». — «Дай ко, покажи мне!» — «Не велено показывать», — отвечает он. — «Я ничего не сделаю», — настаивает старик. «Ну, смотри, валяй»! — согласился Василий.

Взял старик пакет в руки, прихлопнул его между ладонями и сказал: «На, теперь можешь итти». Приходит к жене Марко Богатого и отдает ей пакет. Распечатала жена Марко и читает. Что такое?! С ума что ли сошел наш Марко? — думает она. Потом посмотрела на девушку и сказала: «В этом пакете написано так: чтобы до моего прихода обвенчали мою дочь с тем, кто принесет пакет». И жена обвенчала дочь.

Прошла неделя, возвратился Марко. Дочь с зятем открывают ему ворота. Марко очень обозлился. Войдя в избу, закричал на жену: «А, что вы наделали?!» — «А что? Ты, ведь, написал обвенчать с ним нашу дочь». — «Нет, — говорит он, — я так не писал!» — «А как написал?» — «Написал: кто принесет пакет, поймать его, да бросить в мыльный котел и варить его там в течение трех суток!» (*у него был мыловаренный завод!*). «Нет, — отвечает жена Марко, — возьми свое письмо, вот что ты писал!» Взял Марко письмо и читает. «Что такое?! — изумился он, — неужели я так написал? Ну, хорошо! Теперь невозможно. Будем жить, Все равно я прикончу ему голову».

Жили-жили. Марко говорит своему зятю: «Ну, Василий, подика сюда. Сколько у меня имеется денег, я не знаю. Сходи спросить у матери солнца. А если не пойдешь, — убью тебя!» Отправился Василий. Шел-шел Василий, дошел до реки. Поперек реки лежит рыба-кит. «Куда идешь, Василий?» — спросила его рыба-кит. «Иду к матери солнца узнать — сколько имеется у Марко Богатого денег. Сам он не знает, сколько у него денег». — «Спроси обо мне тоже, — просит кит, — я вот уже двадцать пять лет лежу поперек реки, через меня ходит народ, и никак не могу сдвинуться отсюда». — «Хорошо, хорошо, спрошу». Идет дальше. Сидит человек на лодке и перевозит через реку. «Ну, Василий, куда направился?» — спрашивает он. «Иду, — отвечает Василий, — к матери солнца спросить, сколько денег у Марко Богатого». — «Спроси и обо мне, — говорит перевозчик, — вот уже двадцать пять лет перевожу на лодке, не могу уйти с лодки. Спроси, почему я сижу?» — «Хорошо, спрошу», — отвечает он и идет дальше. Стоит громадный дуб. Одна сторона сухая, другая сторона сырая (живущая). «Куда направился, Василий?» — спрашивает дуб. «Иду к матери солнца спросить — сколько имеется денег у Марко Богатого». — «Спроси и обо мне, — просит дуб, — у меня одна сторона сухая, другая сырая. Ни ожить не могу, ни высохнуть не могу!» — «Хорошо!» — отвечает он. Шел-шел, встретил человека, стоящего между двух топящихся печей. В обеих печах лежат горящие головешки. Он берет их из одной печи, бросает в другую. Так стоит и перебрасывает из одной печки в другую. «Ну, Василий, куда направился?» — спросил человек. «Я, — отвечает он, — иду к матери солнца спросить о деньгах Марко Богатого». — «Спроси и обо мне, — просит человек, — почему я стою здесь уже двадцать пять лет и не могу уйти никуда». — «Хорошо, спрошу», — отвечает он и отправляется дальше.

Шел-шел, стоят два человека друг против друга, оба голые. Один из них мужчина, другой — женщина. «Куда идешь, Василий?» — спрашивают они. «Иду к матери солнца спросить о деньгах Марко Богатого». — «Спроси и о нас, — просят они, — стоим вот уже двадцать пять лет: ни разойтись не можем, ни что». — «Хорошо, узнаю», — отвечает он. Идет дальше.

Приходит к матери солнца. Она одна, сын вышел (*сын ее — солнце*). «Куда так направился, Василий?» — спрашивает мать солнца. «Пришел я вот к тебе узнать о деньгах Марко Богатого: сколько имеется у него, и сам он не знает!» — «Ну, я не знаю, — отвечает солнцева мать. Мой сын прогуливается ежедневно — он это знает. Вот придет, я у него спрошу». К вечеру начало жечь. Говорит Василий: «Эй, нельзя терпеть — жжет!» Солнцева мать намочила тряпку и завернула ею Василия. Приходит сын ее солнце. «Ну, сынок, — спрашивает мать, — я сегодня видела сон». — «А что видела? — спросил сын. «Там по пути на дороге стоят два человека: один — женщина, другой — мужчина. Зачем они стоят?» — «А вот почему они стоят: при жизни они были кумовьями и погуляли они при жизни вдвоем. Они будут стоять до светопреставления». — «Дальше их стоят две печи друг против друга. Стоит там голый человек и перебрасывает головешки из одной печки в другую. А зачем он там стоит?» — спрашивает мать. «Он при жизни сплетничал. Он будет стоять до светопреставления». — «Дальше этого стоит большой дуб: одна половина сухая, другая половина сырая. Ни пропасть не может, ни высохнуть не может. Почему это так?» — «У него в сухой половине наложено золото сполна, — отвечает сын, — его только стоит пнуть по пути и дуб оживет». — «Дальше него в лодке сидит человек, перевозит людей. Не может уйти из лодки, постоянно он сидит». — «Он сам дуралей — отвечает сын, — посадить бы ему человека и дать ему весло, сказав, что — я устал, погреби ты. Если он выйдет раньше него из лодки, то человек останется за него!» — «Дальше него, поперек реки лежит рыба-кит. По нему ездит народ на телегах. Почему он не может уплыть оттуда?» — «Он проглотил пароход Марко Богатого с товаром. Когда выпустит обратно, тогда он уйдет». — «Сколько имеется денег у Марко Богатого?» — «У него денег столько, сколько песчинок на дне Волги — столько и рублей». После этого сын матери солнца уходит.

Мать солнца развертывает мокрый платок, в котором был завернут Василий. «Слышал, что говорил мой сынок?» — спрашивает она. «Слышал», — отвечает он. «Но только ты отвечай любому из них тогда, когда пройдешь их», — наставляет она его. Затем монах Василий уходит.

Приходит к двум голым людям. «А что сказала мать солнца?» — спрашивают они. «Постойте, надо пройти вас, — говорит он. — Вы при жизни были кумовьями и погуляли вдвоем. Вы будете стоять до светопреставления». Оба остаются со сле-

зами на глазах. Опять доходит до печки. «Что сказала мать солнца?» — спросил человек. «Погоди, надо пройти, — отвечает он. — Ты при жизни сплетнями занимался, среди многих людей делал раздоры. Будешь стоять до светопреставления». Он заплакал. Приходит к сухому дубу. Когда стал проходить мимо, он пнул его: вывалилось оттуда золото — целая куча. «Теперь оживешь», — сказал ему, сам наложил полных два кармана золота и отправился дальше. Приходит к перевозчику. «Ну, что сказала мать солнца?» — спрашивает он. «Перевези, потом скажу... Ты сам дурачек! Вот придет к тебе человек переезжать, ты посади его в лодку, передай ему весло, а сам выйди раньше него, — он и останется вместо тебя». С этих слов сильно обрадовался человек, сидящий в лодке. Приходит к рыбе-кит. «Ну, что сказала, Василий?» — спрашивает рыба-кит. «Погоди, надо перейти. Ты проглотил корабль Марко Богатого. Когда ты выпустишь его обратно, тогда сможешь уйти». Пошевелилась рыба-кит и выпустила корабль. Садится монах-Василий в корабль и едет водой к Марко Богатому. Смотрит Марко Богатый — плывет затерявшийся корабль и на нем едет зять его. Спустился его зять, Марко Богатый спрашивает: «Сколько у меня денег?» — «Мне сказала мать солнца — сколько песчинок на Волге, столько рублей имеется у тебя денег», — отвечает он. «Вот еще нашел я два кармана золота, и там еще осталась целая куча». Марко Богатый спросил его с восторгом: «Где оно находится?» — «Поезжай, — говорит, — через реку, там есть перевозчик. По другую сторону ее осталось золота с кучу намолоченного зерна». Берет мешок Марко Богатый и отправляется за ним. Приходит к перевозчику и говорит ему; «Ну, даешь, перевези меня!» Сел Марко Богатый, а перевозчик предлагает ему: «На тебе весло, погреби немного». Взял Марко Богатый весло и начал грести. Перевозчик выпрыгнул из лодки и убежал, а Марко Богатый остался в лодке и не может выйти. И до сих пор Марко Богатый сидит там, а имение досталось Василию.

Сказка туда — я сюда.

34. ШАПКА С ТРЕМЯ КРЕСТАМИ

У одного царя неожиданно ночью потерялась шапка с крестами. Ну, он и искал! Разослал кругом иск — не может найти. Наконец, нашелся один солдат-пьяница. Сидит в пивной, распивает и хвастает: «Я, — говорит, — найду шапку с тремя крестами!» Расхвастался с пьяной-то головы. Доносят о нем скорехонько царю, и царь призывает этого солдата к себе. «Найдешь ли ты, — спрашивает царь. — Ты, говорят, хвастался, что найдешь». — «А найду, — отвечает он. — Но только дай мне запас большой. Если не пожалеешь припасу (провиантов) — найду! Дай мне три корабля: в одном корабле будут солдаты, в другом — провиантов на три года, а в третьем корабле — по-

роху сполна». Отвечает царь: «Приготовлю через месяц. Все будет исполнено!».

Гуляет солдат один месяц. Исполнился месяц — приходит он к царю. «Ну что, все ли готово?» — «Готово!» — отвечает царь. Садится солдат на корабль, отправляется. Ехали-ехали, выехали на другой берег моря. Берет двух солдат, идут трое, вместе с ними и сам солдат. Проходят они там за морем версты три — стоит дом. Вокруг дома забор с сажень вышиной. Ворота заперты. Перелезают они кое-как через забор. Заходят в дом. Посреди пола лежит большущая змея, а за столом сидит девушка, точит нож. А этот пьяница солдат спрашивает ее: «Зачем точишь нож?» — «Вас резать!» — отвечает девушка. «Не режь нас, давай лучше начнем играть в карты», — предлагает солдат. «Если ты сделаешь нас дураками, тогда уж режь нас, а если мы сделаем тебя дурочкой, ты тогда должна будешь отдать эту шапку с крестами» (*оказывается, украла девушка*). Соглашается дочь сатаны. «Ну, давай, вынимай карты!» — просит солдат-пьяница. Начинают играть в карты. Играли-играли и вдруг заговорил солдат пьяница: «Эй, — говорит, — что это, карты что ли! Вот у меня есть карты—вот уж карты!». Отвечает ему дочь большого сатаны: «Сходи, принеси». — «Да,— отвечает солдат-пьяница,— ты хочешь обмануть. Дай в залог о правильности шапку с крестами, тогда пойду». — «На в таком случае, сходи принеси!» Берет солдат-пьяница шапку и отправляется, а два товарища остаются там. Приходит к кораблю, сейчас пускает его в ход и дуй! Увидела это из окна девушка, догадалась, что он обманул ее. Сейчас же отправляет девушка за ним змея, находящегося в избе: «Пойди и расщепи в море все его корабли!» Солдат, увидев приближение змея, отцепляет корабль с припасами. Змей, подлетел к этому кораблю, ударил его. Корабль пошел ко дну моря. В это время солдат пьяница поставил капсуль на пороховой корабль и оставил его. Подлетает змей и ударяет по пороховому кораблю. Корабль разрывается: на двадцать пять верст отбрасывает змея. Тогда солдат-пьяница берет двух солдат, садится на маленькую лодку и отдаляется на лодке от корабля. Подлетает змей еще раз и разбивает последний корабль. Затем, повернувшись, отправляется обратно. Ехал-ехал солдат-пьяница на лодочке и приплыл к берегу. Вышел на берег — стоит дом. Не зайдя в этот дом, никак нельзя пройти дальше. Заходят они втроем в этот дом. Там сидит косой сатана, точит нож. Солдат-пьяница спрашивает его: «А зачем ты точишь нож?» — «А зачем вы обманули мою сестренку?» — отвечает косой сатана. «Дай мне время помолиться!» — спрашивает солдат-пьяница. «Молись, пока я точу нож, сколько можешь». Встает солдат-пьяница и начинает молиться: «Ой, ты бог-благословитель! Вылечил я многих хромых, вылечил немых (чока), вылечил я и слепых»... приговаривает себе. «А вот у меня глаза косые,— говорит сатана.— Если исправишь эти глаза, то не буду резать тебя!» — «Вылечу, это мне нипочем!» — отве-

чает солдат. Сатана перестал точить, они согласились. Он угостил солдата-пьяницу. Тогда предложил ему солдат пьяница: «Давай, — говорит, — принеси котел на сорок ведер, принеси сорок шкур кожи. Пусть будет олово, а на выеме котла кран. Принеси два пуда шпиля, принеси сто кирпичей». Сейчас же расстилает солдат кирпич по полу, над ним вешает котел, накладывает в него олова и зажигает огонь под котлом. «Давай, — говорит, — ложись, косой, под кран!». Ложится косой прямо глазами под кран. Накладывает солдат на косого кожи сорок штук, а затем кругом прибивает шпилями и, зайдя в подполье, загибает концы шпилей. После этого говорит ему: «Ну, пошевелись теперь изо всей силы!». Попробовал косой сатана — не мог пошевелиться. Отвернул солдат-пьяница кран и выбежал в двери. В страшной ярости косой сатана разорвал эту кожу и закричал: «Пусть закроются все двери, все ворота!» Солдат-пьяница успел только забежать в козий хлев, как уже захлопнулись двери козьего хлева. Никуда нельзя уйти. Ищет его косой сатана. У него лопнули оба глаза, облезла вся кожа с лица. Очень обозлен. Ищет, заходя во все двери. В это время солдат-пьяница поймал козу и зарезал ее, а шкуру натянул на себя. Косой сатана зашел в козий хлев и начал искать его ощупью. Попались ему яйца козла, а козел очень не любил, когда его брали за яйца. Козел боднул его. Сатана рассердился еще больше за то, что его толкнули. Взял он этого козла и перекинул через забор. «Если выбросил этого козла, то и другая коза не нужна», — подумал он и выбросил другую. Солдат уже вылетел. Сказав ему «спасибо», побежал солдат пьяница. «Но, еще так не уйдешь, не зайдя к моей сестренке», — ответил ему косой сатана.

Идет себе солдат-пьяница и доходит до дома. Никак нельзя пройти, минуя этот дом. Заходит туда. Там сидит прекрасная девушка, точа нож. «Зачем точишь нож?» — спрашивает солдат пьяница. «Тебя резать!» — отвечает она. «А зачем меня будешь резать?» — «Ты выманил у старшей сестры ее шапку с крестами, вот ожег оловом глаза моего брата!» Тогда заявляет ей солдат пьяница: «Ты, — говорит, — такая красивая девушка, а я солдат. Ты, — говорит, — будь моей женой, а я твоим мужем. И мы двое заживем здесь». Согласилась девушка. Живут полгода, проходит год. Эта девушка родила ребенка мальчика. А солдат-пьяница думает постоянно о том, что ему нужно ехать к царю. От того места нужно ехать все морем. Все время строил лодку. Приготовив лодку, говорит жене: «Я сегодня поеду на охоту, не скоро вернусь». — «Иди!» — говорит жена. Берет этот пьяница-солдат шапку с крестами, садится на лодку и отправляется. Жена увидела из окна. «Зачем уезжаешь?» — кричит она мужу. «Знаю, — говорит она, — что ты уезжаешь в свое государство и что тебе здесь не нравится. Или жить плохо, или я не нравлюсь, или сын не нравится? И пить-есть вдоволь, и еда есть вдоволь!» Нет, солдат-пьяница даже не посмотрел на нее. Кри-

чала-кричала жена, подняв ребенка, показывала ему. «Вернись из жалости к сыну! На, посмотри!» — кричит она. Нет, он даже не обернулся. Взяв за ноги, повесила она сына вниз головой и разодрала на две части. «Половина моя, половина твоя, — кричит она, — на, возьми половину своего сына», — швырнула его. Прилетела она прямо в лодку Ивана пьяницы. Иван-пьяница выкинул ее в воду, поддепив веслом. «Ну, теперь уж досвиданья», — кричит жена. «Если бы выбросил руками, ты бы не смог уехать отсюда!»

Солдат едет дальше. Наступает вечер. На воде спать неудобно, боязно. Видит, на берегу стоит дуб. Чтобы подойти к нему, надо пройти пыль, лежащую на десять саженей кругом и в четверть аршина глубиной. Солдат думает про себя: «А, что такое, кто может притти сюда», — и залезает на дуб. Настает полночь, приходит лев. Немного погодя прилетает змей, уничтоживший корабли, и сцепляется бороться лев со змеем. Солдат думает: кому помочь? Если помочь змею, — он уже топил корабли; помогу я льву! Спустившись тихонечко, берет саблю и отрубает змею голову. Лев удивился этой неожиданности: «Какой богатырь это вышел здесь?» — говорит себе. «Я, — говорит, — не богатырь, а, я пожалел тебя и зарубил змея», — отвечает солдат. «Ну, хорошо, — говорит лев, — мы здесь с ним боролись уже двенадцать лет и двенадцать суток, каждую ночь. Ни он, ни я не могли победить, Ну, а что возьмешь за эту помощь?». — «Ничего не возьму, — отвечает солдат. — Отвези меня на землю своего царства». «Немного отдохну и повезу!» — соглашается лев. Немного отдохнул и предлагает ему: «Садись на меня и держись крепче!»

Через полчаса лев привез в столицу и предупредил его: «Никому не говори, что я тебя привез: как скажешь, сразу съем я тебя». Принес солдат отдал царю шапку с крестами. Царь сильно обрадовался, сразу возвел этого солдата в генералы и наградил большими деньгами.

Выпил однажды солдат и разболтался с пьяной головы нечаянно: «Эх, — говорит он, — столько ведь, десять тысяч верст, примчал меня лев в полчаса». Сидит он в той же пивной, где пьянствовал раньше. Выходит солдат, а у дверей сидит перед ним лев. — «Ну, съем тебя, солдат, — заявляет лев. — Зачем ты проболтался!» — «Съешь так съешь! Дай пожить срок на месяц». — «Не только на месяц, не дам даже на день», — отвечает лев. После долгих упрашиваний отпустил его на полдня.

Солдат закупил себе: десять пудов меду, десять ведер вина, цепь трехпудовую, молот пудовый и привозит все это на лошади. «Перед тем как меня съесть, съешь десять пудов меду, выпей десять ведер вина, а потом ешь меня», — предлагает солдат льву. Лев ест десять пудов меду, выпивает десять ведер вина и говорит: «Ну, я прилягу немножко отдохнуть». Лег лев и заснул, как следует. Привязал солдат льва цепью за шею, поднял молот над ним, сильно заплакал. Услышал этот плач

лев и проснулся. «Зачем плачешь, солдат?» — спрашивает лев. «А как мне не плакать: ведь ты с пьяна мне приказал: привяжи меня теперь за шею и ударь молотком по голове, а мне тебя очень жаль. Потому я и плачу», — отвечает он. Тогда говорит ему лев: «Пусть будет так, будто я тебе этого не говорил и ты не говорил, что привез тебя лев, а дальше уж ты не рассказывай. Не приведись встретиться с тобой больше!» Лев уходит. А солдат живет и по сей день.

Сказка туда — я сюда.

35. БЕДНЫЕ БРАТЬЯ

Ничего у них нет: ни есть, ни одеться. Берут ружья и отправляются в лес. Увидели медведя, застрелили его. Ободрали шкуру с медведя и понесли. «Пойдем мы с этим на базар, — советует старший брат младшему, — я тебя сделаю медведем». А старший брат был мастер играть на гармошке. Они отправляются на базар. Пришли на базар, старший брат играет на гармошке, а братишка, преобразившись в медведя, проделывает все то, что скажет брат, будто и настоящий медведь, никто не узнает его. Пришедшие люди смотрят и дают им деньги. На одном базаре они собрали сто рублей. С одного базара идут на другой, и там собирают много денег.

Ходили-ходили, дошли до столицы. До царя донесся слух, что имеется медведь — большой мастер танцовать, точно исполняющий все приказания. Призывает его царь к себе и спрашивает хозяина медведя: «Дай мне своего медведя на три дня. Сколько попросишь, столько дам!» — «Дать то дам я, а может медведь то не пойдет», — отвечает он. «Пойдет!» — говорит царь. «На, если сумеешь, уведи». Царь повел его.

У царя была дочь запрятанная; ей уже исполнилось восемьнадцать лет, но никто ее не видел. А он постоянно говорил: «Кто найдет мою дочь, тому ее выдам». А того, кто вызвался найти ее и не находил, — того царь убивал и пил его кровь. Вот он повел ночью медведя к дочке, повеселить ее. Повел он в сад. В конце сада стоял большой дуб. Там была сделана незаметная дверь. Царь открыл эту дверь и затянул туда медведя по лесенке, ведущей вниз. Там — настоящая комната, и сидит там дочь царя. Царь говорит дочке: «Вот, продержишь этого медведя три дня: он пляшет, точно по игре музыки». Сказав это, царь ушел. Царевна взяла скрипку и заиграла, а медведь начал плясать. Смотрит царевна: что-то не похоже на медведя. Подумала и спросила: «Ты, ведь, человек, а не медведь. Если человек, то перестань, не пляши», — говорит девушка ему. «Вот уж восемьнадцать лет живу, не видя человека». Медведь прекратил пляску. «Ну, если ты человек, — раздевайся!» — предлагает ему. Он разделся. «Ну, теперь ты будешь моим мужем, а я — женой». Угощаются, спят. Проходят трое суток. Накладывает она вокруг него золота, надевает опять медвежью шкуру.

К приходу отца уже сделала из него медведя. И показывает ему царская дочь: «Вот, когда ты будешь на воле, говори: я найду царскую дочь!». Затем тебя призовет царь, но ты не ходи искать один, он тебя убьет, а проси себе роту солдат. Прямо иди сюда, чтобы он ни говорил тебе». Она начала играть, а медведь плясать. Приходит отец. Набрав себе много золота, он только покачивается, пляшет. «Ну, хватит теперь?»— спрашивает ее отец. «Довольно!» — отвечает девушка. Отец повел медведя к хозяину, и отдал ему за трое суток триста рублей денег. Когда он пришел к брату, они вышли из города. Снял он медвежью шкуру и отдал золото старшему брату. «Иди,— говорит,— брат, домой и строй себе, что нужно, а я останусь здесь, в городе». Он остался и распустил слух: «Я найду дочь царя». Об этом сообщили царю, царь призывает его к себе. «Найдешь, что ли, мою дочь?» — спрашивает царь. «Если найдешь,— выдам дочку тебе и полцарства, а если не найдешь,— отрублю голову!» — «Найду!» — отвечает он. «Давай мне одну роту солдат!» Приводит царь роту солдат и отправляются в царский сад. Приходят в конец сада, подходит он к большому дубу и открывает двери на этом дубе. А царь говорит ему: «Кто принесет сюда девушку? Я бы разве не нашел в своем саду!». Он даже не подал голоса, зашел и вывел оттуда девушку. «А, вот она, твоя дочка!». За ним говорит царская дочь: «Вот, папаша, этот будет моим мужем, я его женой». И отправляются. Приходят, играют свадьбу. И я был на этой свадьбе, молодушка было подала мне ковш с пивом, закапало у меня через губы и со стыда я убежал.

Сказка туда — я сюда.

36. ОХОТНИК И ЧОРТ

Охотник ходил по берегу реки. Поднялась гроза. Выплыл чорт на воду и лежит, похлопывая свое пузо. Его ударила молния, но не смогла убить, чорт пошел ко дну. Опять он всплыл на воду и лежит, похлопывает свое пузо. Все это наблюдал охотник, и к следующему всплытию он нацелил ружье. Как всплыл, он сразу выстрелил в него (охотник). В это время ударила молния, уже раненного-то. Убила его в воде.

Приходит к охотнику старик с седой бородой и говорит ему: «Ну, братишко, теперь ты можешь застрелить все, что попадется тебе на глаза». Охотник расстается с ним и уходит. Наверху летает птичка — стриж. Охотник целится в него и убивает. «Теперь — говорит охотник про себя — все могу».

Приходит домой. В это время в деревне свадьба. Его зовут на свадьбу. Он идет на свадьбу, его там кормят, поят, как свадебника. Начинаются песни и пляски. Через некоторое время рассорились и начали драться. Говорит им этот охотник: «Не деритесь! Смотрите, вон чорт залез на полку и мочится прямо в пивное ведро на столе». Никто этого не видит, кроме охот-

ника. Вот соскочил чорт с полки. «Ты охотник, — говорит, — которым глазом видишь?» — спрашивают его. «Вижу правым глазом» — ответил охотник; и в этот же момент черт выколол ему глаза ножом. С этих пор охотник уже ничего не мог делать. Свадьба кончилась. И я ходил смотреть свадьбу, дали мне кружку пива, по губам текло — в рот не попало.

Сказка туда — я сюда.

37. ЗАПРОДАННЫЙ ЛЕШЕМУ

Прослужив двадцать пять лет, солдат возвращался домой. Перед самым домом встречается мельница. Он наклонился пить в мельничный пруд. Чорт схватил его за бороду. «Отпусти, чорт, зачем поймал?» — просит солдат. «А что дашь, если отпущу?» «Ничего не дашь — не отпущу!» — «А что тебе нужно?» — «Отдай то, что не знаешь дома», — заявляет чорт». — «Ну, хорошо, отдам», — согласился солдат. Чорт отпустил.

Выбегает ему навстречу его сын, а он не знает сына. «Ну, сыночек, я, оказывается, продал тебя», — подумал он про себя. Проходит день, проходит другой, третий проходит. Прилетает в окно бумага. Сын взял и прочитал. Прочитав, говорит отцу: «Ну, папаша, ты меня продал на пути домой». Сына звали Иваном. «Раз продал, — заявляет сын, — ну, уж тогда я уйду, папаша». Надевает котомку и отправляется.

Идет, куда глаза глядят, куда голова влезет. Приходит к озеру. Стоял-стоял там — никто не выходит из озера. «Нет, — решает он, — не возвращусь больше к отцу, раз он продал; пойду, куда глаза глядят». Шел-шел, встречается ему на дороге большой дуб. Дальше дуба дороги нет. Повернулся вокруг дуба — на дубе видит дверь. Потянул дверцу — она открылась и там лестница, ведущая под землю. Он спускается туда по этой лестнице. Там тоже такой же свет. Идет по дорожке — стоит одинокий дом. Заходит туда: в доме сидит один старик. «Ну, дедушка, здравствуешь?» — здоровается он. — «Здравствую! А ты, Иван, куда направился?» — «Иду, куда глаза глядят, куда голова влезет». — «А я знаю, куда ты идешь», — заявляет старик. «Ты идешь к моему старшему брату: мой брат — большой сатана. Ты, — говорит, — не приходи к нему вдруг, я тебя научу, как сделать. Пройдешь триста верст полем, пройдешь триста верст лесом, потом войдешь на край луга. На краю луга встретится озеро. Ты засядь на берегу озера в камыши. Туда прилетят одиннадцать голубей. Эти одиннадцать голубей, превратившись в девушек, пойдут купаться. Выкупаются — опять улетят, превратившись в голубей. За ними прилетит, — говорит, — одна голубка. Она тоже, превратившись в девушку, пойдет купаться. Ты спрячь ее одежду. Она начнет тебя стращать по всякому, а ты, пока она не скажет: будешь моим мужем, — не отдавай ей

одежды». Выходит Иван от этого старика и отправляется дальше.

Проходит полем триста верст, проходит лесом триста верст, выходит на край луга — там озеро. Он садится на берег озера. Прилетели одиннадцать голубок, выкупались и улетели. За ними прилетает одна голубка, заходит купаться одна. Взял Иван ее платье и запрятался в камыши. Выкупалась девушка, хвать — одежды нет! Все обшарила, нигде нет. Взболтала все озеро, начала шевелить землю, стараясь этим нагнать на него сильный страх, — а одежды нет! Начала таскать лес, вырывать его, — а одежды нет! «Кто, — говорит, — пришел сюда: или брат, или братишка будешь?» Тоже одежда не появляется. «Ну, говорит, пусть будет мужем моим тот, кто вынет мою одежду». Выносит ей одежду Иван. «Ой, — говорит она, — Иван, ты пришел! Ну, теперь ты будешь моим мужем». И начинают они беседовать друг с другом. «Вот, Иван, еще тебе дойти до меня надо три года. Дойдешь ты через три года к нам. У нас там стоят тринадцать домов подряд. Тебе для опознания повешу шелковую ленточку на свое окошко. С края третий будет мой дом». Попрощалась и, превратившись в голубку, полетела девушка.

Ну, идет Иван. Проходит год, проходит следующий год, проходит и третий год. Заходит в эту деревню, увидел ленточку с края на третьем доме и заходит в этот дом. «Ой, Иван, ты прибыл!» — встречает его девушка. Поздоровались. Говорит ему девушка: «Ну, отдохни одну недельку, не скажем мы отцу о твоем приходе». Прошла неделя. «Иди, — говорит, — теперь к отцу». Отец жил там же. «Крепче прихлопни ворота, в сени поднимайся с шумом, с сильным топаньем, и крепче прикрывай двери тоже. Он будет в это время обедать. Скажи ему: здравствуй, дедушка! Хлеб да соль! (обэдэт пэркан лийжэ). Он ответит: спасибо, иди ко мне вместе обедать. Ты подойди да отбери у него ложку из рук, выхвати хлеб его и начни есть сам». Затем отправился Иван к большому сатане. Сильно прихлопывает ворота, в сени поднимается с шумом и топаньем, сильно прикрывает двери — даже задрожал дом. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй» — отвечает он. «Хлеб да соль!» — «Спасибо, иди вместе обедать», — говорит он. Подбегает он, выхватывает ложку его, придвигает к себе чашку и начинает есть. Большой сатана удивленно смотрит на него. Иван съедает все. «Ну, спасибо, дедушка! — говорит. — Что теперь скажешь?» — «Устал на пути», — отвечает он. — Отдохни недельку, через неделю я тебе дам работу».

Прошла неделя, он пришел к нему. «Ну, какую работу дашь?» — спрашивает Иван. «А вот какая работа: ты видел на пути лес?» — «Видел!» — отвечает Иван. «Пойди ты сегодня ночью туда, выруби одну десятину леса, выкорчуй все пни. Не сделаешь за ночь — съем тебя». Ушел Иван со слезами на глазах к жене. Передает он жене: «Вот твой отец дал такую работу: вырубить лес, через который я пришел, одну десятину,

выкорчевать пни в одну ночь». — «Не горюй, ляг лучше спать». Иван лег спать. Жена открыла окно и свистнула: «Давай, идите сейчас же, живо, вырубите одну десятину леса, выкорчуйте пни, только приготовьте один под силу Ивану пень, чтобы он смог его унести в общую кучу!» В полночь она будит Ивана. «На, — говорит, — ковер-самолет, лети в лес. Кончили рубить, снеси один пень в кучу — в это время прибудет к тебе отец!» Он сел, да полетел, живо долетел. И взаправду приготовлен один пень. Осталось только вспахать. Берет он пень на плечи и уносит в кучу. В это время подоспел большой сатана. «Кончил работу, Иван?» — спрашивает он. «Кончил, — отвечает он, — выполняя всю ночь твою работу, я даже устал». Отвечает ему сатана: «Да — говорит — работал ты чужой силой». Повертывается и уходит. «Приди — говорит — вечером, дам еще работу». Приходит Иван к нему вечером опять. «Ну, какую работу дашь?» — «Которую землю раскорчевал — вспаши ее, посей, выжни, смолоти, смели, испеки хлеб и привези мне одну лодку хлеба есть!» Опять Иван сильно закручинился, также передал своей жене. «Не тужи! Ложись спать», — говорит ему жена. Иван ложится спать. Жена раскрывает окно и свистит. Приходят к ней рабочие — нет конца и края. Она говорит им: «Давайте, посейте, выжните, смолотите, смелите, испеките хлеб и привезите одну полную лодку с таким расчетом, чтобы Иван мог привезти ее, толкая одним указательным пальцем». Наступила полночь, она будит Ивана: «Ну, вставай, Иван! — говорит жена. — Как ты приволочишь лодку к отцу, подними лодку свою в сени и толкни в избу, не открывая дверей — пусть влетит, двери продырявит. Зайди и скажи: «На, обжора жри!» Так и сделал Иван. «Сегодня я совсем устал от твоей работы за ночь». — «Да, — отвечает он, работал ты чужой силой!» — «Ну, какую работу дашь?» — спрашивает Иван. — «Набей кирпичи, выстрой церковь, чтобы колокола бились сами и служил бы там поп. Не успеешь — съем!» Опять с тоской приходит к жене. Пришел, рассказал жене. Жена: «Не тужи, Иван! Ложись спать». Иван ложится спать. Жена открывает окно и свистит. Приходят рабочие — конца краю нет. Рабочие спрашивают: «Что надо сделать?» «Давайте, — говорит, набейте кирпичей, выстройте церковь, чтобы колокола бились и служил бы там поп. Над дверьми оставьте место для гвоздя, и чтобы гвоздь там был готовый и висел бы там наготове трехпудовый молот». Рабочие уходят. В полночь будит жена Ивана: «Иди, — говорит, — вбивать гвоздь. Когда ты будешь сидеть на лесенке вбивать гвоздь, отец выйдет, превратившись в свинью. Он будет ждать твоего спуска. Как спустишься ты, — он будет готов тебя съесть. Ты брось ему в голову свой трехпудовый молот». Иван отправляется вбивать гвоздь над церковными дверями. Сидит, вбивает гвоздь, а внизу бегает свинья, поджидает спуска его. Увидел свинью, Иван бросил свой молот на голову свинье. Свинья, оглушенная, упала; потом вскочила и с криком убе-

жала. Иван спустился, отправился к старику. «Ну, — говорит, — работал-работал всю ночь, устал совсем». А сатана сидит, завязав себе голову. «Да, — говорит, — работал ты чужой силой!» — «Ну, еще какую работу дашь?» — «Давай, приходи поевши. У меня имеется девятилетний жеребец. Девять лет я не надевал на него узды. Начнешь обучать его. Не сможешь — съем!» Приходит к жене и говорит: «Отец твой дает мне обучить жеребца». Жена отвечает ему: «У отца нет жеребца: сам он станет в хлев, обратившись жеребцом, — тебя хочет затоптать. Ты зайдешь, — говорит она, — в хлев, а он будет подбегать к тебе, топтать тебя. Возьми пудовый молот и прямо стукни этим молотом. Он упадет, тогда надень на него узду, положи седло и сядь на него. Выедешь на волю — он будет стараться взлететь на воздух. Ты стегай его молотом по голове. Бей до смерти!» Иван отправился.

Придя в хлев, открыл двери. Ему навстречу прибегает конь с рычанием. Он ударяет его пудовым молотом по голове. Тогда он падает без сознания. В это время Иван надевает на него узду, седлает, садится и выезжает. Он хочет взлететь на воздух, а Иван бьет его молотом по голове. Гоняет, ударяя его. Бил до того, что лошадь растянулась, а он еще бьет. Дышет чуть-чуть только. Отступился Иван и пошагал к старику. К приходу Ивана уже старик сидит там, перевязал по всякому свою голову. Сидит чуть жив. «Ну и мучился с твоим жеребцом: чуть меня не затоптал!» — заявляет Иван. «Ну, теперь какую работу дашь мне?» — «Работы нет», — заявляет сатана. «Бери сейчас же одну девушку — у меня двенадцать есть — возьми одну, сыграй свадьбу». Иван ему отвечает: «У кого живу, ту и возьму». Возражает ему большой сатана: «Нет, — говорит, — я сделаю двенадцать голубей, которую укажешь пальцем, ту и возьмешь». Приходит к жене, объясняет ей. «Твой отец выведет вас, сделав двенадцать голубей. Как тебя узнать?» — «Ты смотри, я буду то подниматься вверх, то опускаться вниз, то подниматься, то опускаться, — и показывай на него». Старик выводит двенадцать голубей. — «Ну, покажи, Иван!» — «Вот, — отвечает, — этот, который то поднимается, то опускается, то поднимается, то опускается, — та будет моей женой». — «Нет, — отвечает сатана, — я еще сделаю двенадцать овец. Которую поймаешь, та будет твоей». Опять он передал жене. «Выйдут две, третьей выйду я — и ты слови», И взаправду, вышли две овечки. Он задержал третью: «Вот, — говорит, — эта будет моя жена!» — «Нет, — говорит, — еще слелаешь разок! Я сделаю из них двенадцать росинок, которую пальцем укажешь, та будет твоя». Опять учит его жена: «Я буду с краю третьей, буду висеть, покачиваясь, будто хочу капнуть». Ну и сделал он двенадцать капелек. Иван показывает третью с края, которая висит, покачиваясь. «Ну, хорошо, теперь твоя жена. Давайте, затопите чугунную баню». Накалили баню до того, что близко нельзя подойти. Ему хочется очень испечь Ивана с дочкой и съесть.

Пошла Ивана жена в баню и сказала венику: «Если придут узнать, скажи, что еще паримся». Заказывает корыту: «Если, спросят, скажи, что еще моемся». Заказывает ковшу: «Если придут и спросят, скажи — уже окатываемся». А сами выходят и бегут с мужем.

Большой сатана точит свои зубы. «Давай, сходи, — посылает дочку, — не выходят ли уже из бани?» Корыто отвечает: «Еще только моемся!» Приходит она и докладывает: «Моются только еще». — «Давай, спроси еще, пусть выходят скорее». — «Выходите что ли?» Отвечает веник ей: «Паримся еще!» Опять через некоторее время спрашивает: «Выходите, что ли?» — «Окатываемся» — отвечает ковшик. Прибегает она к отцу: «Ай-да, — говорит, — пойдем есть их, они выходят!» Подбегают — в бане уже нет Ивана с женой, они давно ушли. Тогда отец их: «Давайте, — говорит, пойдите в погоню, изловите их». Ну, гонятся, ну гонятся! Жена Ивана почуяла погоню. «Ну, Иван, — говорит она, — за нами ведь гонятся, скоро догонят». Делает жена Ивана часовней, а сама превращается в старушку, стоит и молится. Подоспели туда одиннадцать девушек. «Видела ты проходящих мужчину с женщиной?» — спрашивают они старушку. «Три дня я здесь молюсь — еще никого не видела!» — отвечает она. «Ну, уж теперь не догнать». Решив так, они поворачивают и идут домой. Приходят к отцу, говорят ему: «Не догнали». — «А что в дороге встретили?» — спрашивает отец. «Стояла часовня и молилась дряхлая старушка». — «Вот, ведь, самые они и были! Принести бы и часовню, и старушку. Вот мы бы поели»!» Отец отправился сам. «Догоню и сам съем», — думает он.

Ну гонится, ну гонится! Опять учуяла жена Ивана. «Ох, — говорит, — отец сам гонится, скоро догонит!» Превращает мужа в озеро, а сама, превратившись в ерша, уходит в воду. Приходит отец. «А, попались! — кричит он. Вот какие хитрые: муж превратился в озеро, а жена в ерша! Все равно съем!» Превратился в щуку, бросается в озеро. Ну, и гоняет ерша в озере. Гонялся, гонялся — не смог поймать. Отступившись, выходит. Вышел и ломает берег. «Никогда, — говорит, — чтобы вам не уйти отсюда. Проживите здесь весь свой век!»

Выходит ерш, превращается в женщину, сделал берега по старому, превращает озеро в своего мужа, — опять Иван, как прежде, — и отправляются. Приходят к тому дому, проходят его, выходят через дуб в двери. Приходят домой к отцу. Играют свадьбу.

И я был на этой свадьбе. Подали мне пиво, по губам текло. — в рот не попало.

Сказка туда — я сюда.

КОММЕНТАРИИ

№ 1. ИВАН ПАШПЕРДОВ

По «Указателю» Андр. № 612.

В основе данного варианта лежит сюжет сказки «Оживленная неверная жена». Количество записанных русских вариантов не велико, — Андреев указывает всего 7. Причем три из них мы встречаем в записях Д. К. Зеленина в бывшей Вятской и Пермской губерниях (см. Зеленин Вятский сборник № 103 и примечания, Зеленин, Пермск. сборник №№ 11 и 14). В русских записях эта сказка имеет следы солдатского влияния, хотя она также связана и с мотивами купеческого быта. А в марийских сказках эти мотивы являются доминирующими; герой сказки — купец — с большим количеством магазинов. Но точно так же, как и в русских сказках, герой оказывается и на военной службе. Такой же купеческий колорит носит вариант, записанный от марийского сказочника Богданова, под названием: «Сукаркинской купец». Сказка получила широкое распространение в Вятском и Пермском краях, как среди русских, так и среди народностей Поволжья. Так, напр., в варианте Богданова имеются явные следы татарского влияния. Bolte и Polivka в своих примечаниях к сказке № 16 (т. I) указывают на ряд вариантов из сказок народов СССР. Кроме того см. примечания Зеленина (Вятский сборник № 103) и Азадовского — «Русская сказка», т. I, № 15, стр. 354, 355.

Это единственный сюжет в репертуаре Тупинова, который передается им без сочетания с другими сюжетами. По его словам он заучил эту сказку еще в двенадцатилетнем возрасте от своего учителя Николая Егоровича; но вместе с тем при изложении эпизода о покупке дома за три миллиарда Тупинов добавил: «Я по книжке говорю», т. е. по книжке — цифру три миллиарда. Возможно, что и сам Николай Егорович заучил ее из книги, и передал ему эти слова, но не исключена возможность и знакомства Тупинова с каким-нибудь книжным текстом.

Сказка начинается с излюбленного начина сказочника о передаче магазинов нищим с тем, чтобы попасть в царство небесное.

Данная сказка чрезвычайно важна для уяснения социально-классовой позиции Тупинова: например эпизод женитьбы героя. На предложение отца жениться на царевне или генеральской дочери — Иван категорически возражает: «Эй, отец, я таких-то не соглашусь взять, матери моей уже восемьдесят лет, она не сможет стряпать. Вот поеду завтра искать по городу: попадись крестьянка, хоть мещанка, мне все равно». Он женится на дочери отслужившего солдата-бедняка, на торговке пирогами в одной слободке. Далее подробно описывается пренебрежительное отношение родителей к бедным родителям невестки.

№ 2. КУПЕЦ ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ

По «Указателю» Андр. № 449 А.

В нашей сказке соединены оба варианта № 449—начало «В» «Жена колдунья» (Сади-Нуман), большая часть «А» «Царская собака». Под «А» Андреев указывает 10 вариантов, под «В» — 5 вариантов. К русским вариантам можно добавить: «Сказки Куприянихи» № 16. В таком же соединении сюжетов «А» и «В», но схематично: Карнаухова № 144

«Серко». Имеется специальное исследование: В. Андерсен «Роман Апулея и народная сказка», т. I (Казань, 1914 г.), с богатой библиографией. См. примеч. к № 254—255, Аф. «Acad.» т. II.

Этот сюжет очень распространен у народностей Поволжья; сходный вариант обнаружен у мордвы, см. Шахматов, стр. 370—373 (соответствует № 449 А). Жена превращает мужа в собаку, в воробышка. У мари кроме Тупинова сюжет «Жена оборотень», как у Азадовского № 16, встречается у Ведерникова (см. № 26 наст. сб.) в соединении с сюжетом «Звериное молоко» (Андр. № 315) или «Притворная болезнь». Но, ни в одном из известных марийских вариантов нет мотива превращения в воробышка, тогда как во всех остальных он неизбежно присутствует. Вполне сходных вариантов с нашей сказкой в русских сборниках нет. Наибольшее сходство, за исключением начала, мы находим со сказкой Зеленина (Вятск. сб. № 102).

Настоящий вариант Тупинова является выдающимся по детальной разработке сюжета. Так же как и во всех остальных сказках, он на первый план выдвигает психологические моменты. Это прекрасно сознает он и сам, что особенно отчетливо выразилось в его замечании, которым он закончил сказку: «Этой сказкой многих женщин я заставлял плакать». Видимо, в целях глубокой психологизации сюжета введена им в сказку сестра, которая в дальнейшем ходе действий сказки не принимает почти никакого участия. Тем не менее у героя самые нежные отношения с родной сестрой, что мотивировано у Тупинова предсмертным завещанием отца. «Вот сыночек, ты за сестрой ухаживай, как за матерью, а ты дочка за братом ухаживай как за отцом». Подобное завещание встречается у Тупинова еще в сказке № 4 «Иван-царевич и Безручка», но там этот момент введен с другой целью. Психологизация сказки коснулась также и образа сатаны, который у Тупинова наделен гуманными чертами. Сатана для выкупа сестры от пастуха насыпает Ивану полповозки золота, и сказочник, стараясь углубить этот добродетельный поступок сатаны, вставил фразу: «Сатана очень сочувствовал сестре, даже золота не пожалел».

№ 3. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЖАР ПТИЦА

По «Указателю» Андр. № 550.

Русские варианты малочисленны. Андреев указывает только 4 варианта: Афанасьев № 102, (перепечатана из лубочн. изд.), Азадовский № 14, Ончуков 88, Худяков I № 1. См. дополнительные варианты и литературу к сюжету Bolte и Polivka, т. I. № 57, Der Goldene Vogel. Срв. примеч. Афан. («Acad.», т, II, № 168). Этот сюжет пользуется большой популярностью в русской литературе вследствие поэтической обработки Языкова и Жуковского.

В сказочном материале поволжских народов этот сюжет о «Иване-царевиче и сером волке» встречается редко. Обнаружен более или менее близкий вариант только у татар (Васильев № 15). Сказка записана в б. Самарской губернии, где серый волк играет более пассивную роль, ибо герой сказки Карагаз является сам могучим богатырем. Волк несет героя на себе до подземного царства (см. Андр. 302); там достает себе коня и царевну; по выходе опять едет на волке. Bolte и Polivka указывают еще два татарских варианта Radloff №№ 4, 146. У мари этот сюжет записан только от Тупинова, но мотив добывания жар-птицы и красавицы имеется и в других сказках («Конек-горбунок» № 14 наст. сб.). У Богданова в сказке «Сивка бурка» (Моркинский район).

Наша сказка очень близка к русским вариантам, но Тупинов соединяет ее с другими сюжетами. Основной сюжет: Андреев № 550. Братья овладевают жар-птицей, чудесным конем и Еленой Прекрасной. Всех уносит Кащей-бессмертный, что сближает сказку с сюжетом Андреева № 302: «Кащеева смерть в яйце». С последним контаминируется также сюжет «Благодарные животные» (Андр. № 554.) Вместо проворного медведя, достающего ящик из под дуба, помогает герою дубинка.

Особенностью данного варианта является мотив превращения волка в девушку, что совершенно чуждо русской традиции. Аналогичный эпизод в сказке братьев Гримм, но там выступает вместо волка лиса. Герой оказывается заколдованным принцем — братом королевы. Тупинов это передает в форме диалога: «Ну, папаша, теперь начнем играть свадьбу, я обвенчаюсь на Елене Прекрасной». Гости все в сборе, начали пировать, вдруг Иван-царевич вспомнил: «У меня ведь серого волка еще нет». «Я ведь здесь» — проговорил волк в виде красивой девушки. Необычным для данного сюжета является и введение в повествования Кащея, что также не находит соответствия ни в одном известном русском тексте,

№ 4. ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЗРУЧКА

По «Указателю» Андр. № 706.

Библиография: см. указатель Андреева № 706, где приводится 20 русских вариантов. Дополнительно: Сказки Куприянихи, № 14; Романов, Белорусский сборник, № 55. Частично: Озаровская, 37, Bolte и Polivka, I, № 31 приводят множество вариантов сказок различных народов, в числе прочих указаний: один удмуртский вариант и два татарских; в татарском варианте, запись Радлова, девушке не отрубают рук. Дополнительно к данным Bolte и Polivka можно привести мордовский вариант (Маркелов, № 5. Начало менее развернуто, невестка режет только корову и жеребца) [1].

Вообще сюжет «Безручки» очень устойчив; расхождение в вариантах обычно не велико, кроме того, это чуть ли не единственный сюжет, который менее всего контаминируется с другими сюжетами. Наш вариант почти целиком совпадает с вариантами русских сказок. Как на наиболее близкий — укажу на вариант Зеленина. (Вятский сборник № 72.)

Хотя сюжет «Безручки» записан только от Тупинова, тем не менее, можно утверждать, что сказка эта бытует у мари сравнительно давно, и распространена в большей степени в Ронгинском и Моркинском районах. Сам сказочник поясняет, что он эту сказку слышал на зимовке от однодеревенца Михаила Васильевича Тупинова, который обладал большим мастерством рассказывания.

С большой тщательностью останавливается Тупинов на мотиве разорения хозяйства женой, чтобы оклеветать сестру. Она заставляет ее шесть раз уничтожать птицу и скот (куры, утки, гуси, овцы, коровы, лошади), и только на седьмой раз убивает сына. В русских сказках обычно встречается троекратная форма разорения. Тупинов, однако, также не выходит из типичной формулы трех, но чрезвычайно оригинально пересоздает ее: у него жена трижды губит птицу и трижды губит скот. Таким образом мы видим здесь как бы некое переосмысление старого эпического приема.

Богата сказка и психологическими мотивами: напр., просьба обрубков руки на счастье, поведение мужа и брата при рассказе Безручки, вставные замечания сказочника по поводу ребенка и пр.

№ 5. ЗОЛОТАЯ РЫБКА

По «Указателю» Андр. № 303 «Два брата». Сюжет сказки о двух братьях встречается в фольклоре всех народов мира. Количество записанных вариантов довольно велико. Андреев указывает 14 вариантов из русского фольклора. Дополнительно укажем: Карнаухова № 133 (частично № 47), сказки Куприянихи № 11; см. также 5 украинских вариантов (коммент. Афан. «Acad.» т. I, № 155. Здесь же коментаторы указывают исследования по сюжету, напр.: K. Ranke, «Die Zwei Brüder», FFC, № 114, Helsinki, 1934 и т. д.).

Данный сюжет пользуется широкой популярностью в творчестве

---

[1] Первая часть сказки описана в другой мордовской сказке (см. Образцы № XII). Имеется чувашский вариант (см. Чувашские сказки № 34. М., 1937).

народов Поволжья. Среди татар — Васильев №№ 16, 51 (52). У чуваш, см. Чувашские сказки, №№ 27, 24, (1, 2).

У мари этот сюжет бытует во всех районах: особенно интенсивно в Ронгинском и Моркинском районах. Кроме данного варианта, который представляет соединенную сказку с мотивами «Победитель змея» и «Бой на калиновом мосту» (см. Андр. № 300 А и Б) записаны еще два варианта, без чудесного рождения братьев: Сернур — Актаев — «Ванька и Колька» и Морки — Иванов. М. И., — «Михаил и Павел». В варианте Иванова совершенно отсутствует мотив освобождения царевны от змеев, герой просто знакомится с царевной через забор. В общем, во всех вариантах моей записи имеются следы явного влияния марийской среды в виде переделки и включения неизвестных русской сказке мотивов. Все это говорит о сравнительно долгом и интенсивном бытовании сюжета. Если данный сюжет не был зафиксирован до революции, то только потому, что эту сказку считали русской по происхождению. По этой же причине мы не находим ее и в удмуртских записях (см. Первухин, Эскиз № 4, Вятка, 1889).

Некоторые особенности сюжета: от съеденной золотой рыбки рождаются: Иван-царевич, Иван Кухаркин, два жеребца и две собачки (см. коммент., Афан., «Acad», т. I, №№ 135 — 136 и дальше). Проба мечей: в нашем варианте вместо мечей служат девяностопудовые шапки.

Иван Кухаркин хитростью женится на купеческой дочке, а Иван-царевич едет дальше в город, как обычно оставляет брату перстень. В городе он освобождает при содействии коня и собаки трех царевен. За спасителей выдают себя не водовоз (как Афан., № 155, «Acad»), не работник, не кучер, а татары. Представление татар в такой низкой роли нужно рассматривать как остаток уже давно исчезнувших враждебных отношений мари к татарам в прошлом. По сравнению с русскими вариантами вариант Тупинова сохранил более архаические черты; напр. такой эпизод борьбы со змеем: Иван-царевич, обезсиленный лежит под двенадцатиглавым змеем и посылает собаку к матери — к золотой рыбке, которая, подняв бурю в озере, должна налить воду в ведро и воткнуть ножницы, что позабыла сделать старушка хозяйка квартиры, чтобы герой сказки считал матерью не тех от кого родился, а того, от кого получил зачатие. Это является исключительной особенностью данного варианта, не находящей соответствия в русских сказках.

Другой интересной особенностью варианта является своеобразная разработка мотива прятания героя на дно озера с камнем на шее.

Конец сказки известен. Иван-царевич узнав, что брат его спал с женой, хочет извести его. Посылает его к волку — медному лбу. Иван Кухаркин отрубает волку ноги. Волк гонится за ним. Иван, превращаясь в различные существа «Сарожку», «перстень», в «просо», в «собаку», съедает волка, который в конце концов превратился в петуха. Последний мотив имеется в сказке Аф. «Acad», т. II, №№ 247 — 248. Особенно широко распространен у народов Поволжья: см. Чувашские сказки № 24; мордовские «Образцы»... № XXIII под заголовком «Юртай». У мари, этот мотив избавления героя от сатаны или чорта и колдуна встречается очень часто. В рукописном фонде Мар. НИИСК имеем 6 вариантов. Варианты записаны в марийской и башкирской республиках.

Данную сказку Тупинов усвоил, по его словам, около 40 лет тому назад от крестьянина Моркинского района. Несмотря на сложность сюжета, сказка в его интерпретации очень стройна и художественно изложена.

№ 6. ИВАН АЛЕКСЕИЧ ЛАСТОЧКИН

По «Указателю» Андр. № 315 А.

В этом варианте мы имеем контаминацию двух сюжетов. Начало и конец: Андр. № 315 «Звериное молоко» или «Притворная болезнь». Между ними вклинился сюжет Андр. № 300 А; близок он также к № 303 или № 304, Количество вариантов в таком соединении, какое дает наша сказка, довольно велико. См. примечания Bolte и Polivka, I, 60; III, 121.

См. комментарии к сборнику Афан., «Acad», т. II, № 202 — 207. Хотя все варианты имеют то или иное сходство, но наиболее близок нашему вариант сказки «О войне сестры с братом и об его охоте (Записан Краснояр. Подотд. Вост. Сиб., РГО, по этнограф., Томск, 1906 № 37).

Сюжет «Неверная сестра» бытует почти у всех народов Поволжья. Смотри варианты татарские (Васильев, 32, 16), мордовские, удмуртские. Среди мари данный сюжет особенно популярен, он бытует во всех районах. Интересный вариант этого сюжета записан от Ведерникова. См. сказку № 26 «Иван-охотник» (Андр. № 303 или № 304 о двух братьях. Записан в Морках, в Сернуре, всего 4 варианта).[1] Кроме моих записей сюжет этой сказки записан у мари Моркинского района в 1887 г. Arvid Genetz'ом (см. сказку № 10). Но данная версия представляет собой настоящую старинную марийскую сказку, детали которой очень далеки от настоящего, заимствованного от русских варианта.

Особенностью варианта Genetz'а является то, что сначала развертывается сюжет Андр. № 300. Живут брат Алым с сестрой Акталаче. Брат имеет двух собак: Покшинчам и Окшинчам. Алым идет с собаками под костяной мост (в русских сказках калиновый), едет ведьма

«Ош алашам ашалтэ,
Алым патыр кочкаш кайэна»
Перевод: Мой белый мерин беги,
Едем есть Алым богатыря.

Алым убивает трех ведьм под мостом. Четвертая идет к сестре, заводит дружбу. Сестра ее превращает (перед приходом брата) в моточки. Перед тем она съедает весь обед, приготовленный для брата и собак. В общем, ведьма боится только собак Алыма. Потом сестра заказывает брату поймать хорька. Он ей приносит хорька. Когда Алым заснул, тогда сестра выпускает хорька в окно и собаки бросаются за ней. Ведьма из мотка превращается снова в ведьму и начинает бороться с ним. Она побеждает, ибо ей помогает сестра Алыма. Кидает под ноги брата горох, а под ноги ведьмы золу. Потом Алыма везут к матери ведьмы и бросают в яму. Две старших дочери ведьмы кормят его соломой, а младшая дает ему блины с маслом, поит квасом и развязывает руки. Алыма вымыли в бане. Он лежит у забора, ведьма идет точить нож. Алым просит сперва ворону, потом сороку сообщить о предстоящей смерти его собакам. Просьбу исполняет кукушка Собаки прибегают, убивают ведьму, двух дочерей и его сестру. Алым женится на младшей дочери ведьмы. Таково основное содержание сюжета марийской сказки, записанной пятьдесят лет тому назад.

Сказочник Тупинов усвоил свою сказку около 50 лет тому назад от Николая Егоровича. Несмотря на сложность всякого рода соединения мотивов богатства и картин, она представляется очень стройной, с красочным и характерным описанием отдельных бытовых моментов. Вариант заимствован из русского сказочного материала, но имеет ряд специфических особенностей: Брат и сестра обещаны отцом чорту за постройку мельницы. Они бегут. Добрый старик дает им ружье и двух собак. Иван в лесу добывает себе: ястреба, зайченка, волченка, медвеженка. Дальше. Сестра подружилась с чортом, хочет убить брата (все как Андр. № 315 «Притворная болезнь»). Медведь, после того как сжег чорта вместе с баней. сестру вешает за ноги на дубовый сук. (У Зеленина, Вятск. сб., № 6 сестра подвешивается к матице верх ногами). Брат ставит две двухведерные бочки говоря: «Если обо мне будешь думать, то наполни правую бочку слезами. Если о чорте будешь думать, — левую наполни. Сам со зверями уходит в город. Здесь он спасает от змей трех царевен, причем он стреляет в них, а звери доканчивают (как в сюжете Андр. № 304). За спасителей выдают себя генеральские сынки.

---

[1] Кроме моих записей имеется еще 4 записи. По описи фонда Мар. НИИСК за №№ 43, 50, 56, 71.

Чрезвычайно интересен мотив расстройства свадьбы со лжеосвободителями царевны. «Сегодня царь выдает одному из генеральских сыновей старшую дочь» — докладывает бабушка герою. «А если у царя потеряется что-нибудь, то нельзя обвенчать дочь. Сказка, так сказка уж!» — добавляет сам Тупинов. Хотя здесь сказочник причину расстройства свадьбы мотивирует сказочной спецификой, все же, мы не можем не видеть в этом мотиве влияния марийского быта. У мари раньше служило дурным предзнаменованием, если во время свадьбы потеряется свадебный предмет или воет собака; Все это приводило к действительному расстройству свадьбы. Тупинов разработал данный мотив очень оригинально и довольно художественно. Заяц и волк по порядку приходят на свадьбу и пляшут, уносят нож и вилку. Ястреб уносит полотенце. Затем царь посылает к Ивану 50 солдат, приказывает привести «сопляка». Солдаты придя к нему закричали: «Эй, сопляк, где ты». Он, рассердившись на такое обращение, приказывает: «Ах, еще меня называют сопляком, ну-ка, Мишка, выкинь всех отсюда». Пьяный медведь всех выбросил. Потом царь посылает целую роту. Невозможно привести его. Тогда поехал один солдат в карете. Обратился почтительно: «Эй, барин, где ты». Иван думает: «Ой, меня барином называют, теперь пойду».

№ 7. СЕМЬ СЕМЕНОВ

По «Указателю» Андр. № 653

Количество вариантов данного сюжета по «Указателю» очень ограничено, всего — 4; из них 3 в сборнике Афанасьева. Дополнительно можно указать на сказку, записанную от пинежской сказительницы Е. А. Дорофеевой (см. Карнаухова, № 66). Комментаторы Сб. Афан. («Acad». к №№ 145—147) указывают еще на один украинский вариант. См. комм. Bolte-Polivka, III, № 129.

В сказочном материале поволжских народов варианты не обнаружены. Среди мари сюжет также не имеет распространения. По крайней мере записанный от Тупинова является единственным. Он же вычитал сказку из книги, в школьный период.

В книжной традиции сюжет о семи Семеонах известен уже с 1786 г. «Лекарство от задумчивости и бессонницы или вторая часть настоящих русских сказок»; неоднократно переиздавался позже Сахаровым, Полевым).

Тупиновский вариант более всего сходен с третьей сказкой Афанасьева № 84 С («Acad»., № 147). Однако этот вариант отличается по содержанию своей классовой заостренностью. А именно, Тупинов в начале рассказа поясняет: «не все о богатых, ведь и о бедных надо». Действительно, отец семи Семенов является крестьянином-бедняком, который даже на крестины не имеет денег. Проезжающий в это время царь узнает в чем дело и становится крестным отцом. Через десять лет Семены идут к царю. Он направляет их учиться по разным специальностям. Дальше сюжет развертывается как обычно, с той лишь разницей, что в нашем варианте брат спивает корабль в море, а у Афанасьева — несет царевну под водой.

В этом варианте впервые Тупиновым применена сказочная формула, напоминающая традиционную формулу русской сказки: «сказка идет быстро, а года медленно».

№ 8. ВАСИЛИЙ ОХОТНИК

По «Указателю» Андр. № 465 А

В «Указателе» под этим номером приведено 22 варианта, что свидетельствует о широкой популярности сюжета в русском фольклоре. Новые варианты: Карнаухова № 7 (в соединении с № 465 А и В и № 53 А) сходны с настоящей сказкой; см. Колосов (стр. 194—201, 339—343). Сюжет бытует почти у всех национальностей Советского Союза, в том числе и у народов Повольжья, напр., у татар — Васильев № 44; у чуваш. см. Чувашские сказки №№ 11, 38.

У мари (Андр, № 465) под названием «Красавица жена» бытует почти во всех луговых районах. Кроме тупиновского варианта, мною записано еще два: от Яранцева—мотив с гуслями-самогудами, куда вплетен сюжет № 301, и от Богданова (Моркинский район) сказка № 11. Имеется вариант в фольклорном фонде Мар. НИИСК, опись № 34. Сюжет настоящего варианта очень близко сходится с Афан. № 122, а в изд. «Academia» — № 212. Из содержания и композиции сказки видно, что этот сюжет бытует давно и заимствован от русских сказочников. Однако источников проникновения сюжета в марийскую среду установить не удалось. Композиция марийского варианта, записанного мною от Тупинова, отличается от вариантов русских сказок заменой некоторых составных частей и включением новых эпизодов. Так: по завету генерала герою царем задаются трудные задачи: 1) принести золотого барана, 2) принести «был-был што, не был-не был што — свата-разума». В сказке Афанасьева № 122 А, герой этот имеет сходное с нашим имя «Шмат Разум». Обычно в сказках такого типа задача формулируется: «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Охотник Василий выполняет оба задания с помощью своей жены, Орлянки, младшей дочери царя птиц. Он ее поймал, и она превратилась в человека. Для выполнения последней задачи привлекаются лягушка и три младших сестры Орлянки. Точно также в указанном выше варианте Афанасьева героя переносит через реку лягушка. Получив «свата-разума», герой обменивает его на «Шылт-Мылт», который чудом быстро строит дома. Так, в одну ночь он строит перед царским дворцом гостиницу. Затем Василий Охотник собирает всех солдат в городе и спрашивает их: «Если меня любите, сделайте меня царем. Не любите, — сейчас же меня зарубите. Если не любите того царя, — сейчас же расстреляйте его вместе с генералом». Тупинов мотивирует поступок солдат: «А царь этот с генералом сильно обижали солдат, потому они убили этого царя с генералом».

№ 9. МАРИЯ МАРИЕВНА

По «Указателю» Андр. № 552

Библиография: Андр. № 552, № 400 А. Дополнительно: Карнаухова № 169. Украинские: Левченко №№ 511, 512. См. примечания к №№ 159—160. Афан., т. I. «Acad». Примечания Азадовского: «Русская» сказка» № 14, «Acad,», 1934.

Сказка бытует у народов Поволжья. См. татарские: Васильев, № 38, «Чорт». Особенность этого варианта — братья героини оказываются людоедам.

В марийском сказочном материале я обнаружил, кроме настоящего варианта, еще два: см. сказку и коммент. № 22, другой вариант в рукописи, готовится к печати.

В настоящем варианте контаминируются два сюжета: Андр. № 552, «Животные зятья», и «Муж ищет похищенную жену», Андр. № 400 А. В русских вариантах и в марийских присоединяется сюда сюжет «Благодарные животные», Андр. № 554. Тупинов же не вводит этого сюжета потому, что помогают герою зятья: ворон, коршун, сокол-ястреб. Ястреб на себе несет его к Яга-ягнице. Чтобы выслужить себе коня, Иван-царевич нанимается пасти 300 лошадей, в течение трех лет. Две дочери Яга-ягницы из жалости к нему освобождают его за полгода раньше срока и остаются работать вместо него. Конь, выслуженный им, находится на острове. «Пойди на остров, там стоят одиннадцать дубов, бери пятый», с этими словами Яга отдает узду. Эта лошадь (пятый дуб) оказывается старшим братом того коня, на котором катается змей. По приказу коня Ивана-царевича тот конь бросает змея с высоты и убивает его.

Особенно интересно изложен мотив доставания бочки с трупом Ивана-царевича. Как здесь, так и в сказке № 6, бочка с трупом оказывается на самой вершине горы, выступающей из моря, как маяк. Птицы-зятья обнаруживают бочку, сбрасывают ее и оттуда вылетает герой. Особенно

красочно и большим юмором описан этот мотив в сказке № 6, где остальные звери ругают медведя за его неуклюжесть.

№ 10. ИВАН ДУРАК

По «Указателю» Андр. № 531, «Конек-горбунок»

Кроме названных Андреевым, укажем дополнительно: Карнаухова № 46, Сказки Куприянихи № 1 — «Иван болтун». Научную литературу к сюжету и дополнительные варианты см. Афан. («Acad.», т. II), №№ 169—170 и 185. Указания на западно-европейские варианты см. Bolte и Polivka, III, 126.

Сказка «Конек-горбунок» является очень широко распространенным сюжетом и пользуется большой популярностью как среди русских, так и среди других народностей Советского Союза. Варианты сказки встречаются в сказочном материале поволжских народов: у татар — Васильев, №№ 34—36. Первый сюжет, № 34, менее развернут; второй — с начальным мотивом извода сына мачехой, как в нашей сказке № 20. У мордвы — Маркелов, № 12. У удмуртов — Зеленин (Вятский сборник № 139).

Несомненно, широкому распространению сюжета способствовала книжная сказка: поэма П. Ершова «Конек-горбунок», которая имелась во всех школьных библиотеках. Последнее издание поэмы («Acad.», 1934) под ред. М. К. Азадовского. Все варианты сказки довольно однообразны, что свидетельствует о книжном распространении ее в устном творчестве народов.

Эта сказка у мари бытует довольно широко, ее знают во всех районах республики. Иногда она переплетается с сюжетом «Сивка-бурка» (Андр. № 520 А). В таком виде, без вариации сюжетов, сказка записана только от Тупинова. Он слышал ее в двенадцатилетнем возрасте из уст своего учителя сказок Николая Егоровича. Тупинов развертывает сказку на типичных сказочных формулах. С точки зрения показа сказочного мастерства интересно привести ответы Ивана царю:

1. Задача — достать жар-птицу. Ответ: «Я не ястреб».
2. Задача — достать невесту. Ответ: «Я не змей».
3. Задача — принести венец из церкви. Ответ: «Я не вор».
4. Задача — достать кольцо из озера. Ответ: «Туда лезть я не чорт».
5. Задача — лезть в кипяток для пробы. Ответ: «Туда лезть я не железный, ведь».

Каждый раз, когда Иван-дурак приходит к Коньку-горбунку с заданием, первое его слово: «Ой, беда!». Конек-горбунок неизменно отвечает: «Это что за беда! Будет еще большая беда».

И. Карнаухова в своих примечаниях к «Северным сказкам» (изд. «Acad.», 1934), говоря о траве, которая превращает кипящую воду в молоко, безвредное для Ивана-дурака, отмечает: «Подобный мотив не встречается нигде в известной нам сказочной литературе» (стр. 390—391). Это утверждение можно оспаривать, ибо в сказках народов Поволжья мотив остуживания молока, воды травой встречается больше, чем заговор Конька-горбунка без травы. Даже в сказках Афанасьева № 103 В, герой купается в отваре из трав.

№ 11. ЛЯГУШКА-КВАКУШКА

По «Указателю» Андр. № 402.

Библиографические указания по этому сюжету не велики. Андреев, Н. П., под № 402 «Царевна-лягушка» указывает всего 10 вариантов. Дополнительно из русских материалов: Сказки Куприянихи № 25; Карнаухова № 65. Наш вариант контаминируется с сюжетом «Муж ищет похищенную жену» (Андреев № 400 А). Сказка эта распространена по всему миру; см. Bolte и Polivka, II т., № 63, 106; III т., № 121. В комм. к Афан. №№ 267—270 («Acad.», т. II, стр. 629—630) приводится литература, относящаяся к данному сюжету. См. также комментарий М. К. Азадовского к изд. «Русская сказка», № 36.

Из всех данных об этом сюжете видно, что сюжет больше всего распространен у нас в Сибири, на Урале, в б. Пермском и б. Самарском крае (дополнительно см. сообщение М. К. Азадовского: «Сибирская живая старина», вып. V). В фольклоре поволжских народов вариантов не обнаружено. У мари тот же сюжет имеется только у 2 сказочников из 12. Тупинов говорит, что эту сказку читал в книге еще юношей, а сернурский сказочник Нагорских привез ее с военной службы: слышал в городе Митаве в 1907 г. от украинца. Эти сведения ясно свидетельствует, что сюжет «Царевна-лягушка» проник к луговым мари сравнительно недавно: 30—35 лет тому назад через книжные источники и через солдатскую среду — два основных пути распространения международных сюжетов.

Вариант Тупинова, чрезвычайно стройный по структуре, красочен и изобилует блестящими психологическими характеристиками (см. о Тупинове гл. II). В отличие от обычных русских сюжетов, наш вариант очень сложен по композиции и имеет ряд специфических моментов. Во-первых, первая часть сказки, до исчезновения царевны-лягушки, слагается из выполнения шести задач.

1 задача: достать лошадь, которая бы не боялась войны.

2 задача: найти человека, который не боялся бы ничего. Иван вместо человека приводит от лягушки, которая сидит в дупле сухого дерева, собаку. Но, прежде чем получить собаку, Иван обещает быть хозяином своих слов, не понимая, зачем это слово нужно лягушке. Лошадь и собака затем помогают Ивану в поисках жены.

3 задача: найти себе красивую девушку. Иван-царевич привозит настоящую лягушку, чем очень расстроен, ибо лягушку приходится выдавать за красивую девушку.

4 задача: достать хорошую рубашку. Иван-царевич достает рубашку отца лягушки, которую он надевает в субботу.

5 задача: кто испечет лучший хлеб. Лягушка приносит лучший хлеб, который ест ее отец по воскресеньям.

6 задача: которая из невесток будет красивее всех — тому царство. Лягушка-квакушка едет к 10 часам утра в повозке, одна щека ее — солнце, другая — месяц. Иван-царевич становится царем.

Вторая часть сказки. Андр. № 400 А. Иван-царевич бросает скорлупу лягушки в огонь. Она, превратившись в лебедя, улетает. Иван с лошадью и собакой идут на поиски. Три сестры лягушки дают по крылу для лошади. Марию-царевну похитил басурманский богатырь. Иван-царевич борется на перекрестке трех дорог с басурманским богатырем. Помогают ему конь и собака. Иван-царевич кидает ему песок в глаза. В русских вариантах Марию-царевну похищает Кащей бессмертный. См. Куприяниха № 25 и др.

№ 12. БОГАТЫРЬ ИВАН ЗВЕРЕВ

По «Указателю» Андр. № 1640.

Эта сказка представляет собой весьма распространенную шуточную сказку о богатырях и относится к разделу сюжетов «Счастье по случаю» (см. Андр. №№ 1640—1674). Данный сюжет является одним из самых популярнейших сказочных сюжетов среди всех народов Советского Союза. В фольклоре народов Поволжья он зарегистрирован у татар (см. Васильев № 43); у мордовцев см. Образцы... вып. II, т. XIV. У мари, кроме настоящего варианта, записана сказка в Моркинском районе от Филиппова под названием «Ученик» (см. библиографию Bolte und Polivka, В. I, № 20), где указывается еще два удмуртских варианта: Buch № 8, Wichmann № 1. В нашем варианте большого отклонения в мотивах сказки не наблюдается; однако чувствуется сильное влияние марийского быта. Герой представлен сыном богатого крестьянина-марийца, у которого много кладут хлеба на гумне. Когда Иван Зверев отправляется в путь, он снаряжается предметами из обихода марийского крестьянина: берет топорчик, косу, половник (марла совла), жердь от хмеля (умла вара) и саврасую кобылку (кӧк вульо). По дороге убивает 82 мухи, — число, как видно,

не традиционное. Иван Зверев падает с лошади от крика другого богатыря. Сказочник иронически вставляет фразу: «Такой был силач!» Когда Иван Зверев говорит: «Мы едем за царевной», Тупинов опять делает замечание: «Вот еще что делает, сопляк!» и т. д. Вообще Тупинов излагает эту сказку в ироническом тоне. Заканчивает ее обычной концовкой. Где и когда узнал ее Тупинов, он сведений не дал. Видимо, сказка попала к нему из устной традиции.

№ 13. ИЕН ИЕНОВИЧ

По «Указателю» Андр. № 882.

Наш вариант относится к числу популярнейших сказок под названием «Верная жена». В указателе данный сюжет отмечен 15 записями из разных районов СССР. Новых записей в русских материалах, а также в материалах других народностей нами не обнаружено: См. также Библиография Bolte и Polivka, т. III, 135, 92, сноска 1. Кроме того, см. подробные примечания М. К. Азадовского, «Русская сказка», т. II, стр. 163—166 и 184—187.

Среди мари, особенно ронгинских и моркинских, сюжет является довольно популярным. См. соответствующую сказку № 28 рассказанную Ведерниковым, сюжет который более близок по деталям к 9 новелле второго дня «Декамерона» Бокачио. Имеется интересный вариант в фольклорном фонде Мар. НИИСК опись № 52.

Сюжет данной сказки, бытующей среди мари, довольно однотипен; расхождение в вариантах небольшое. Так, например, настоящий вариант сходен почти со всеми №№ в указателе—по мотивам доставания предметов кольца, волос (Азад. № 19, Соколовы № 17), далее — служба в солдатах. начальство жены над мужем и т. д. Садовников №№ 18 и 121, Сибирские сказки № 13, Смирнов № 338.

В мотиве выбора жены героем дана четкая классовая характеристика людей. происходящих из разных слоев общества. Герой женится на нищенке (см. соответствующий мотив: Азад. № 19 и др.) причем герой так мотивирует свой поступок. На советы отца о женитьбе на купеческих дочерях герой отвечает: «Папа, мы не возьмем такую девушку, я таких очень не уважаю, они большие неженки» («пэш нэчкэ улыт»). Когда Иен Иенович приходит сватать ее, мать девушки говорит ему: «Ты, может. будешь ее обижать, ты богатый, а мы люди очень бедные». Интересно сопоставить с настоящим сюжетом первую сказку Тупинова «Иван Пампердов». Там герой также находит в слободке бедную девушку, торгующую пирогами.

№ 14. СИДОР

По «Указателю» Андр. №№ 1730 + 1731 I.

Данная сказка относится к многочисленным анекдотам о попах, которые бытуют у всех народов Союза. В указателе упоминаются три варианта: Зеленин, Пермск. сб. № 25; Ончуков №№ 256, 259. Из них самый близкий к нашему — сказка Ончукова № 256. Вариант Зеленина соединен с другим сюжетом (Андр. № 1730 I) — «Мужик хоронит трех попов». по началу он сходен с нашим. Кроме того, см. Афан. «Русские заветные сказки» XVI; Ончуков № 101.

№ 15. ПОП И РАБОТНИК

По «Указателю» Андр. № 1730 IV.

Сюжет «Попадья по немецки заговорила» является одним из самых популярных анекдотов о попах. Русские варианты см. Ончуков № 253, Карнаухова № 19. Кроме данного мотива, в наши варианты входят еще два мотива. Первый — работник молотит гороховую солому, куда спрятался любовник попадьи — дьякон; получает от дьякона 6 пудов гороха (см. Андр. № 1725). Второй — работник везет, якобы, живого

чорта на показ царю в ящике с голландской сажей. Показывает встречному становому, дьякон выпрыгивает и убегает, становой — за ним. Работник садится на тройку и уезжает (см. Андр. № 1730). Сходный вариант: Сказки Куприянихи № 69.

Тупинов эту сказку заучил на зимовке, где такого рода рассказы всегда очень интенсивно бытовали. Сказочник с особенной остротой подчеркивает чрезмерную жадность попа. С этой целью введены дополнительные мотивы: поп торопится домой, гонит лошадь с возом сена. Тупинов разъясняет: «поп очень хочет посмотреть на горох, ненасытный!» Второй раз то же самое: поп бозжалостно с большой поклажей гонит лошадь.

Тупинов закончил сказку не традиционной концовкой, которой пользуется при фантастических сказках, а простым, обычным выражением «йомак пытыш», т. е. «Сказка кончилась», ибо сказочник ясно уясняет себе, что эта сказка представляет собою рассказ из реальной действительности и угонять ее прочь незачем.

№ 16. ТРИ БРАТА

По «Указателю» Андр. № 313.

Библиографические указания к № 313 A, B, C. Этот сюжет очень распространен в сказках, как русских, так и западно-европейских. См. Bolte и Polivka I, 51, 56; II, 70 a, 113; III, 186. Дополнительно к русским вариантам: Колосов, стр. 83—85; Карнаухова, №№ 1, 102; Сказки Куприянихи № 17; Azadovskiy № 2. См. там же комм., Афан. «Acad.», II. №№ 219—226, где указаны украинские варианты; Гнедич №№ 1472, 1494 и Яворский №№ 44a, 6, 98. Здесь же см. примечания к сказкам №№ 201—206. Смотри кроме того: «Русская сказка», Азадовского примечания к сказкам № 17, 36. Комментаторы указывают специальные исследования, напр.: A. Aarne. Die Magische Flucht, Eine Märchenstudie (FFC, 92. Helsinki, 1930).

«В русской традиции сказка принадлежит к числу популярнейших», пишут комментаторы II т. Афан. Очень распространен этот сюжет и в фольклоре народов Поволжья, чему несомненно способствовал мифологический характер сказки. Данный сюжет встречается у татар — Васильев №№ 30, 30a, 30b, у мордвы — Шахматов, стр. 356—370 и стр. 275—278, у удмуртов — Смирнов, стр. 3—15 (в приложениях, более сходно с Андр. № 313a), в чувашских, в марийских Genetz № 3 (сильно измененная вариация к типу A № 313). Кроме данного варианта Тупинова мною записано еще три. От Яранцева № 40 и Соловьева № 21 и в Марийском районе от Филиппова; имеется еще в фольклорном фонде Мар. НИИСК опись № 43. Все 5 вариантов имеют значительные расхождения в тексте.

Некоторые особенности нашего варианта. Начало — обычное с орлом (как Андр. № 222), но без эпизода борьбы птиц и зверей. Младшему брату нечем кормить орла, денег на покупку коров нет. Орел посылает его под березу, где под коровьим калом стоят два горшка с золотом. Герой находит там золото и закупает 20 коров. Из семи коров приготовляет 40 бочек мяса, а 13 коров остаются для братьев, ибо жены их бранили его за то, что он скормил их скотину орлу. Такого мотива в русских и национальных вариантах не встречается. В этот мотив вошел сюжет из марийских легенд о кладах под березой и т. д. (см. аналогичные русские сказки Афан. № 125 a, b, d, e, i, g стар. изд.).

Дальше сюжет развертывается как обычно: орел сам посылает героя украсть одежду у одной из голубей, но нет обычного мотива продажи ребенка. У сатаны герой отгадывает три задачи: он узнает невесту среди 12 лошадей, 12 девушек, 12 голубей. Выполняет только одну работу: строит монастырь. Герой с девушкой венчаются. Бегство и превращения: первоначально он — пастух, она — корова; затем он — нищий, она — монастырь; наконец он — селезень; она — озеро. У Тупинова озеро служит символом крови девушки. Последнее превращение: колдун ста-

новится быком, а герой медведем. Совершенно необычен конец в данной сказке. Девушка оказывается дочерью не подземного царя (или сатаны), а похищенной царской дочерью; в конце концов возвращается к своему отцу и отвоевывает отобранную врагами его землю.

№ 17. АРАП

По «Указателю» Андр. № 532.

В основе нашей сказки лежит сюжет (Андр. № 532) — «Незнайка». Количество вариантов очень значительное. Всего — 19. Дополнительно к Андрееву — Карнаухова № 47. Комментаторы II т. Афан. указывают еще 4 украинских варианта (см. последн. изд. II т. №№ 295, 296).

Сказка наша в первой части представляет собой психологически развернутый мотив извода матерью сына. Совершенно своеобразно изложен мотив чудесного рождения. Иван и конь родились чудесным образом от съеденной луковицы (см. Андр. № 303). В русских сказках в данном случае действует золотая рыбка. Мотив луковицы должен быть отнесен всецело за счет творчества и верований народов Поволжья. Так напр., аналогичный мотив встречается в татарских сказках (см. сборник Васильева). Вторая часть близка к общеизвестному сюжету «Сивка-бурка» Андр. № 530 А). В целом в примечаниях Bolte и Polivka, т.III, 126.

Данный сюжет вообще пользуется большой популярностью среди татар; см. сб. Васильева №№ 33 (сходен во второй части), № 35 (сходен в первой части; вместо коня помогает корова, №№ 36 и 52 (сходны целиком с нашим вариантом).

По мастерству разработки сюжета эта сказка является, пожалуй, самой стройной во всем репертуаре Тупинова, с прекрасными психологическими характеристиками и очень трогательными диалогами героев. Сказку эту Тупинов перенял из уст своего учителя сказки — дяди Василия двенадцатилетним мальчиком, и рассказывает ее уже на протяжении 50 лет.

№ 18. МУЖИК ХОРОНИТ ТРЕХ ПОПОВ

По «Указателю» Андр. № 1730 I.

Относится к циклу анекдотов о попах. Наиболее близкие варианты: Азадовский № 22, Соколовы № 33, 87 (см. № 129, с другим началом), Зеленин, Вятск. сб. № 35, Ончуков № 82. Наиболее типичным началом данного сюжета нужно признать начало с мотивом шляпы.

Сюжет данной сказки бытует также в фольклоре народов Поволжья: у татар — Васильев № 35 (начало — мотив со шляпой), у мордвы — Маркелов № 8 (хоронят 12 попов). У мари кроме настоящего варианта записаны еще в Сернурском районе от Актаева, но там другое начало и героем сказки является «Шут Балакирев».

Данная сказка Тупиновым заучена от своего дяди Васильева, очень интересна по построению и языковому составу. Героем сказки, как редкость для этого сюжета, является купец, причем Тупинов и в этом анекдотическом сюжете применил свой традиционный зачин с мотивом раздачи магазинов нищим (см. сказку № 1), хотя в дальнейшем ходе сказки этот мотив не имеет никакой связи. Зачину придана, однако, совершенно ироническая трактовка. Тупинов заканчивал сказку типичной для него основной концовкой: «Сказка дальше — я ближе». Обычно к анекдотическим сказкам он не дает концовок.

«Общие места» Тупиновым передаются на русском языке: напр., «На мою шляпу доверишь», «На эту шляпу можно доверить на 1000 рублей.» Вообще сказочная обрядность соблюдена здесь очень строго; сказка, кроме того, очень стройна и образна по языку и вполне может быть приравнена к одной из лучших редакций этого сюжета: к сказке Винокуровой (см. Азадовский № 22).

Изложение конечного эпизода Тупинов сопровождает едким сарказмом по адресу жадных попов: «Пойдут теперь в царство небесное».

№ 19. ОМЕЛЬЯН СУЧКИН

По «Указателю» Андр. №№ 300 А и В и 303 и 160.

В русском сказочном материале количество вариантов этого сюжета огромно. Дополнительно укажем: Карнаухова, №№ 43, 163, Сказки Куприянихи № 11. Сказки поволжских народов: см. Васильев «Памятники татарской народной словесности» №№ 1, 2, 3, 4 и целостный сюжет № 16, см. Чувашские сказки, №№ 2, 27. Кроме того, см. комм. Афан., т. I, «Acad.», №№ 133—134; 135—138; 139—142, стр. 607—616 (комментаторы дают полный библиографический материал: сборники и исследования). Марийские варианты: см. наст. сб. № 31, фольклорный фонд Мар. НИИСК, опись №№ 33, 56, 63.

Мотив борьбы со змеями на калиновом мосту и освобождение царевен встречается в различнейших соединениях; поэтому брать критерием определения сюжета только лишь этот мотив было бы недостаточно. Приходится обращать внимание на побочные моменты: зачатие героев, их помощники, место и где происходит борьба. Только при всестороннем подходе нам представляется возможность, хотя бы условно, отнести нашу сказку к сюжету Андр. № 300 А и В. Более близкие варианты — Афан. т. I, «Acad.», №№ 135—136.

По имени главного героя и по чудесному зачатию героев, а также по ряду других мотивов наш вариант сходен с сюжетом «Иван Сученок и Белый Полянин» (Афан., I т., № 139; ст. изд. № 75). В марийском варианте у Омельяна Сучкина рождаются еще два брата: Иван-царевич и Иван Кухаркин, и три жеребенка для богатырей (см, Афан. № 135). Герои идут учиться в вуз, оттуда их выгоняют за озорство (см. сходный мотив у Афан. № 156). Затем они едут охотиться, заходят в таинственный дворец, и Омельян Сучкин задерживает трех девушек-сестер. Герои женятся на них и три года живут мирно. Младшая сестра предупреждает о прилете их младшего брата — шестиглавого змея. Омельян Сучкин борется на кленовом мосту (а не на калиновом) и побеждает трех змеев с 6, 9 и 12 головами. С большим мастерством Соловьев описывает картину приближения змеев и борьбы (см. главу о сказочниках). Борьба с двенадцатиглавым змеем происходит с обычным диалогом для марийской, реже — для русской сказки этого типа. Омельяну необходим отдых и время, чтобы снять сапог и бросить его на крышу дома, где спят братья. Омельян Сучкин начинает разговор со змеем: «Родители есть?» — «Есть!» — «Заставляли работать?» — «Заставляли». — «Кормили обедом?» «Кормили!» — «Потом давали отдыхать?« — «Давали». — «Ну, и мы отдохнем тогда. Отойди, нечистая сила!» — толкает его и он падает навзничь. Такой диалог происходит дважды. Он кидает второй сапог, во второй раз прибегает его жеребец (как у Афан. №№ 136—137). В сказке дана реалистическая деталь: крышу перекрывают снова, так как она была проломлена сапогами Омельяна Сучкина.

Последний эпизод — расправа со змеихой — матерью девушки — происходит как у Афан. № 134 («Покати горошек») и № 135 (в кузнице). Кузнецы вместе с Омельяном защемляют ей язык, потом бьют ее прутьями по спине, и она выплевывает Ивана-царевича и Ивана Кухаркина. Мотив расправы со змеихой см. в сказке Яранцева «Бабин Сын», где расправу чинят кузнец и Илья Муромлин.

В этой сказке Соловьев показывает себя большим мастером и замечательным знатоком сказочной обрядности. Сказка строится на принципе троичности повторения целых отрывков. Это единственная марийская сказка, где сказочником применена присказка русской сказки (см. главу о структуре марийской сказки).

№ 20. МИШКА ТОМА И КАТУН-ДЕВИЦА

По «Указателю» Андр. №№ 519—300 В.

Дополнительно к 16 вариантам сюжета по «Указателю» Андреева укажем: Герасимов № 1, Колосов — стр. 3, Карнаухова № 166.

В научной литературе этот сюжет связывается с древне-немецкой песней о Нибелунгах. Первое замечание об этом мы находим у Афанасьева, IV, стр. 255. Комментаторы II т. Афанасьева — Азадовский и Андреев — по поводу сказки «Безногий и слепой богатыри» приводят список основных работ (см. Афан., «Acad.» II, стр. 598, №№ 198—200). Из них укажем последние работы: A. Löwis of Mönar» «Die Brundhildsage in Russland», Leipzig, 1923, и сводную работу проф. Б. М. Соколова «Новейшие труды иностранных ученых по русскому эпосу» (Художественный фольклор, 1927, II — III, стр. 39—58).

В сказочном материале поволжских народов этого сюжета обнаружить не удалось. Среди мари данный сюжет бытует только в ограниченном кругу. Эту сказку Соловьев слышал впервые 30 лет тому назад от зятя-солдата, участника Крымской кампании.

Несмотря на явно русское происхождение сюжета, все же вследствие бытования его среди мари мы можем заметить отличительные особенности нового варианта. Сюжетная линия почти та же: Иван-царевич знакомится с Мишкой Томой (в русской — дядька Катома) в церкви. Сватает ему Катун-девицу. При помощи Мишки Томы царевич объезжает трех коней, скачет на третий этаж. Момент сватовства здесь сходен со сватовством Гунтера с Брунгильдой при помощи Зигфрида. Катун-девица также, как у Афан. № 1166, «Acad.», стр. 199, кладет на Ивана-царевича руку, ногу, грудь — помогает Мишка Тома. Дальше Мишка Тома идет с обрубленными ногами прочь, встречает слепого, безногого, и все исцеляются. С этой части присоединяется сюжет № 300 В: «бой на калиновом мосту». Вся картина боя очень сходна с предыдущей сказкой Соловьева «Омельян Сучкин». Затем Мишка Тома идет к Ивану-царевичу, который пасет лошадей, посылает его на своей лошади к царевне из золотого царства, а сам уничтожает трех богатырей Катун-девицы и женится на ней.

Эта сказка, несмотря на обилие в ней различных мотивов, очень стройна и очень хорошо рассказана Соловьевым с сохранением всей сказочной обрядности. Мы находим здесь такие места и выражения, которые присущи только русской сказке и русскому сказочнику. Напр.: «Сказка на своем выстоит», «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается». Замечательна картина встречи со змеем: «К полуночи поднимается сильный ветер, черная туча надвигается, начинает лить дождь с громом и молнией. Едет шестиглавый змей на черной лошади, как коршун. На хвосте его сидит черный ворон, впереди бежит черная собака...» Говорит ему Мишка Тома: «Нечистый дух, что по ночам волочится?» Характерно, что у героя — не сабля, как в марийской сказке, а меч-кладенец».

№ 21. МЫШКА И ВОРОБЕЙ

По «Указателю» Андр. № 313 В. Начало Андр. № 222.

Спор мышки с воробьем (Афан. №№ 125-в, 220) вводится сказочником как начальный эпизод, но разработан довольно подробно. Название сказки дано самим сказочником. Основной сюжет сказки — Андр. № 313 В «Чудесное бегство». Сходные сюжеты: Афан. 126 а, в, с; Зеленин, Вятские сказки № 118; Зеленин, Пермские сказки №№ 12. 24, 65; Азадовский № 6; Соколовы № 66. Самый близкий вариант — Смирнов № 5. Дополнительно см. Сказки Куприянихи № 17, Карнаухова №№ 1 и 102, Романов III № 21.

Сюжет «чудесного бегства» встречается в очень многих вариантах среди всех народов мира (см. Андр. № 313 и Bolte и Polivka, т. I, №№ 51 и 56; т. II №№ 70-а и 113; III, № 186. См. комм. II т. Афан. изд. «Academia» к сказкам № 219—226 и примеч. М. К. Азадовского — «Русская сказка» №№ 17, 36, где имеется указание на литературу по данному сюжету. Кроме того, сюжет «чудесного бегства» широко распространен в сказках народов СССР. в том числе и народов Поволжья: у татар — Васильев № 30 а, в (варианты «а» и «в» имеют то же самое начало, как и в нашей, но оно менее развернуто — нет картины боя).

У мордвы — Шахматов, две сказки: «Обреченный нечистому юноше», стр. 275—288, 356—370, и Образцы... вып. II № XII; «Чувашские сказки» № 11.

Этот сюжет особенно широко распространен среди мари. Мною записано четыре варианта: у Соловьева, Яранцева, Тупинова и Филиппова (см. №№ 16, 34), а также имеются два варианта в фольклорном фонде Мар. НИИСК — опись №№ 43, 71. По некоторым специфическим особенностям марийских вариантов и особенно сохранившихся в ней мифологических элементов, можно полагать, что сказка проникла к мари давно из устной традиции.

Варианты у мари имеют большое разнообразие начинов: напр., 1) война зверей и птиц — настоящий вариант; 2) охота и поимка раненого орла — Тупинов; 3) мужик пьет воду, обещает чорту то, чего не знает дома — Яранцев, Филиппов.

Вариант Соловьева начинается с рассказа о том, как сестра орла дарит герою ящички, сумочки, после чего следуют уже мотивы чудесного бегства (Андр. 313) или мотивы «Звериного молока» (Андр. № 315), или «Воспитания лешего» (Андр. № 667). См. сказку Тупинова № 6. «Иван Алексеевич Ласточкин».

Сюжет развертывается в такой последовательности. Орел в благодарность везет героя к сестрам. По пути встречаются медный, серебряный и золотой дворцы, причем герой трижды подбрасывается в воздухе над морем. Младшая сестра дает охотнику подарок в тряпке. По пути он развертывает тряпку — перед ним встает золотой дворец (интересно, что в татарской сказке подарок превращается в лавку с товарами, а хозяин — в приказчика; здесь налицо влияние торговой среды татарской деревни). Охотник обещает сына сердитому старику. Дальше — обычная формула: сын идет к старушке, затем к озеру, крадет рубашку утки. Девушка учит его, как узнать ее среди других. Интересно, что у Соловьева герой выполняет только две задачи: узнает ее среди голубей и сеет пшеницу. Затем — попытка уничтожить в жаркой бане, побег — вместо беглецов отвечают слюни. Погоня — превращение героев в пастуха и скот, попа и монастырь, озеро и гуся. У Соловьева сатана посылает в погоню простых наездников, в русских вариантах иногда гонятся сестры и последним гонится обязательно сам сатана. Сатана в последний раз безнадежно махнул рукой, сказав: «Теперь уж они освободились». В татарской сказке (Васильев № 30) колдун сидит на берегу моря и удит рыбу. Золотая рыбка перекусывает нитку. Соловьев заканчивает сказку так: «Потом они приехали к своим отцам и матерям. До революции жили богато. Пришла революция — их раскулачили».

№ 22. ВАСИЛИСА КРАСА, ЗОЛОТАЯ КОСА

По «Указателю» Андр. № 552.

Основой сказки является сюжет «Животные зятья», Андр. № 552. К нему присоединяются, как обычное явление и в русских сказках, еще три сюжета: «Благодарные животные» (Андр. № 554), «Муж ищет похищенную жену» (Андр. № 400 А) и «Кащеева смерть в яйце» (Андр. № 302).

Сюжет «Животные зятья» в такой контаминации, как наша, встречается в сказочной традиции очень часто. (см. Bolte и Polivka, II, 82а; III 197). К списку русских и украинских вариантов «Указателя» можно добавить Карнаухова № 169, Левченко № 511, 512. Список добавочных вариантов и литература по сюжету дана в комм. №№ 159—160 (Афан., I, «Acad.», стр. 629). Кроме того, см. комм. М. К. Азадовского — «Русская сказка», т. I, № 14. Среди народов Поволжья этот сюжет пользуется большой популярностью. У татар — Васильев № 38, у чуваш — см. Чувашские сказки №№ 21, 136, у удмуртов — Зеленин, Вятские сказки № 136. Эта сказка также получила широкое распространение среди мари. Она бытует во всех районах. Кроме Соловьева, сюжет записан от Тупинова (настоящий сборник № 9) и от моркинца Богданова. Все три ва-

рианта сравнительно однообразны по развертыванию действия. Не случайно, что данный сюжет знают только эти три больших мастера марийской сказки, ибо он же является стабильным в смысле контаминации, посредственный сказочник не в силах запомнить эту сложную нить событий. Малейший пропуск ведет к разрушению сюжета.

Сказка Соловьева наиболее близка к сюжету Афанасьевской сказки «Мария Мариевна» № 159 («Acad.»), но имеет целый ряд особенностей и один дополнительный сюжет «Кащеева смерть в яйце». Такое же близкое сходство имеет она и с вариантом Зеленина №№ 313, 86.

Героем нашей сказки является купеческий сын Иван, в русских вариантах — почти всюду Иван-царевич.[1] Выдав своих сестер за Воробья Воробеевича, Ворона Вороновича, Сокола Соколовича, Иван идет со своей собакой охотиться. На охоте щадит сразу семь будущих помощников-рака, ястреба, кита, воробья, пчелу, медведя и волка. Между прочим, все они помогают только в конце сказки, причем первые три необходимы для сюжета «Кащеева смерть в яйце», а последние три помогают пасти лошадей у ведьмы. Воробей же необходим для выполнения самостоятельной задачи: сбор конопли по требованию той же ведьмы. Вербовка такого количества помощников одновременно для выполнения не связанных друг с другом задач не встречается в других известных нам вариантах. Дальше — обычное посещение своих сестер. С сестрами меняется перстнями, а зятья дают ему по перышку от правого крыла. Приезжает к Василисе-Красе и пускает своего коня на заповедные луга: обычный мотив русской сказки (см. Афан. № 136 «Буря-богатырь и Коровий сын»). Перед дворцом Василисы устраивается пир: Иван ударяет перышком о землю и к нему являются 12 девушек, несут еду, вина, играет музыка. Во всех марийских вариантах музыка обязательна. Дальше Иван веселит арестованных в тюрьме; затем женится на Василисе-Красе, она уезжает и дает ему ключи. Он освобождает висящего в амбаре на цепях Кащея-бессмертного.

Иван, при помощи медведя, волка, пчел и воробьев, выслуживает себе жеребенка, самого плохого, не могущего держать узду.[2] Берет он жеребенка по совету своей собаки. Для того, чтобы жеребенок стал сильным, Иван должен пролежать вниз лицом один раз 3 дня, второй раз 6 дней и третий раз 12 дней; при этом Ивана пугают. Дальше он едет к Кащею-бессмертному и освобождает Василису. Во всех наших вариантах Кащей при прибытии Ивана находится в лесу за дровами для бани, а у Тупинова — Кащей пьянствует в кабаке.

По свидетельству самого сказочника, он эту сказку привез из Манчжурии во время японской войны.

№ 23. КАК МУЖИК УКРАЛ САЛО

По «Указателю» Андр. №№ 1525 I, 1525 A + E.

Этот анекдот Соловьева в таком соединении мотивов не имеет себе точных соответствий в «Указателе» Андреева. Тем не менее, в разделе «о хитрых и ловких ворах» (Андр. №№ 1525—1939) можно найти отдельные сходные мотивы, разбросанные по разным номерам. Напр., большое количество мотивов можно сопоставить с № 1525 I. Варианты, приведенные по этим номерам (Зеленин, Вятские сказки № 61, Ончуков № 160, Смирнов № 195, а также варианты под № (1525 A) имеют часть

---

[1] При смерти отец оставил Ивану завещание: «Ну сыночек, я уже состарился, скоро умру. Ты не выдавай своих сестер и сам не женись». В других известных вариантах обычно отец не запрещает, а велит выдать сестер за тех, кто придет первым.

[2] Тут мы встречаем очень своеобразный мотив: баба-яга вынимает сердца у 11 жеребят и все эти сердца вкладывает в двенадцатого жеребенка, чтобы тот был всех сильней. Этот паршивенький жеребенок оказался с двенадцатью сердцами.

мотивов, вполне сходных с нашим. Мотив «Свечи на спинах раков» — см. № 1740. Кроме приведенных, дополнительно см. вариант Карнауховой № 88, татарский вариант — Васильев № 49, марийские — Levy № 10, чувашские — «Чувашские сказки» № 32.

По сведениям, сообщенным сказочником, эта сказка воспринята им от солдат во время военной службы на Украине. Среди мари подобный сюжет бытует в Моркинском районе. Мною записана сказка от Богданова (сказка № 3 «Поп, слесарь, вор»). Она сходна по «Указателю» с № 1525 А, Е. В обоих вариантах имеется одинаковый мотив зажигания свечей на дворе у попа. У Соловьева свечи горят на 9 раках, а у Богданова — на водяных жуках.

№ 24. ИВАН ЦАРЕВИЧ И ЗОЛОТЫЕ ЯБЛОКИ

По «Указателю» Андр. № 551.

Н. П. Андреев указывает 18 вариантов. Кроме того, комментаторы II тома сказок Афанасьева дополняют список семью вариантами из русских и украинских материалов. См. примечания Афан. №№ 171—178, т. II, «Acad.». К этому сюжету о молодильных яблоках см. также комментарии М. К. Азадовского («Русская сказка», т. I, № 8).

Наличие 25 вариантов этого сюжета в русских, украинских и белорусских материалах свидетельствует о довольно широком распространении его по всему Союзу ССР. Указания Bolte и Polivka, т. II, 97, свидетельствуют о бытовании этого сюжета в Западной Европе и в других концах земного шара, однако в фольклоре поволжских народов этот сюжет не встречается. У мари данный сюжет бытует недавно: из наших 12 сказочников его не знает никто, кроме Соловьева. А Соловьев этот сюжет слышал, как и ряд других сказок, от участника Крымской кампании, 30 лет тому назад, и, видимо, эта сказка не успела еще распространиться. Из текста можно сделать заключение, что данная сказка перешла к ним из солдатско-матросской среды (а именно: место действия — на кораблях в море, на берегу моря, в портах иностранных государств). Приезжая в столицу 3-го, 6-го и 9-го царств и к Царь-девице, герои встают «на якорь», устраивают парад на берегу моря и т. д.

При основном фантастическом характере сюжета, соловьевский вариант дан совершенно в реалистическом плане и представляет собой удачно разработанный целостный сюжет, без контаминации с другими. В русском сказочном материале Иван-царевич попадает в подземное царство, спасает трех царевен (Ончуков № 8, Афан. № 104а, 171), не обходится без помощи бабы-яги (Зеленин, Вятские сказки № 47; Соколов, № 139, Ончуков №№ 3, 8 и Афан. № 104 А). Правда, и в нашей сказке есть интересно разработанный эпизод мытарств после изгнания Ивана-царевича отцом.[1] Иван-царевич является голый, в грязи, перед домом купца. Купеческая дочь из жалости пускает его в свой дом и устраивает свинарем. Она сама учится в семинарии и знает иностранные языки. Царь посылает по государству три раза телеграмму с просьбой «задержать беспашпортного бродягу». Дочь купца допытывается о настоящем имени свинаря, на что Иван-царевич отвечает одной и той же фразой: «Отец портной, мать прачка, сам Ванька». Все действие происходит в реальной обстановке, даже город купеческий Соловьев сравнил с Йошкар-Ола. Соловьев здесь дал новый вариант марийской концовки в соединении с русской: «Йомак умбак мой тамбак, Йомак колтыш конга умбак» («сказка вся, сказать нельзя, сказка дальше, я ближе, сказочник на печку»).

---

[1] Здесь необходимо отметить одну особенность: братья Ивана, боясь ответа за его неизвестные проделки при путешествии, не губят его, а только подменивают лекарство. По этой же причине не выполняют они и приказ отца Ивана принести ему окровавленную рубашку. Братья отпускают его голым, а рубашку Ивана обмазывают кровью козленка.

№ 25. КАК МАРИЕЦ ПОПАЛ В СТАНОВЫЕ

По «Указателю» Андр. № 555.

По социальному замыслу и по форме рассказа эту сказку можно сравнить отчасти с пушкинской «Сказкой о рыбаке и рыбке» (см. «Указатель» Андр. № 555). Но в целом она представляет собой совершенно отличный марийский вариант данного сюжета.

В первое время после колонизации Марийского края, как известно, русское самодержавие ставило своих чиновников, а с развитием капиталистических отношений в марийской деревне постепенно появлялись чиновники уже из своей среды. Против этих собственных чиновников и направлена, главным образом, эта сказка. Народ представлен в сказке символически в виде человека, сидящего в дупле липы. В финале сказки выражена надежда на наступление такого времени, когда народ снимет чиновника с пуховой перины, заменит ее мхом, вместо роскошных домов даст медвежьи берлоги и пустит их на все четыре стороны, надев им звериную шкуру.

Сказка заканчивается концовкой, являющейся переработкой старой марийской поговорки: «Медведь — барской породы, произошел от станового».

№ 26. ИВАН ОХОТНИК

По «Указателю» Андр. № 315.

Библиография к этому сюжету указана в сказке Тупинова № 6 (см. настоящий сборник).

В варианте Ведерникова, кроме обычных сюжетов (Андр. № 315 «Звериное молоко» и «Победитель змея»), как в сюжете Андр. № 302 «Два брата», присоединен в конце сказки еще мотив из сюжета «Жена колдунья»: Андр. № 449 В. См. вариант М. К. Азадовского № 16. Анализ сюжета дан у М. К. Азадовского «Сказки Верхнеленского края», стр. XXVII—XXXIV, а также: «Eine Sibirische Märchenerzälerin» (Helsinki, 1926).

Необычайно интересен начин сказки. Живет охотник. У него имеется сын Иван и дочь Авдотья. Отец завещает сыну разрубить его голову после его смерти. Из разрубленной на две части головы отца выходят две собаки — Катай и Валяй. Также необычайно для марийского варианта сказки знакомство Авдотьи с чортом. Сестра идет к озеру, видит на другой стороне красивого парня в красной рубашке с гармошкой в руках. Парень переходит к ней, они влюбляются друг в друга. По интерпретации Ведерникова, Авдотья, познакомившись с чортом, становится «нечистая».

Вторая особенность, близкая к русским вариантам: герой приобретает зверей-помощников не на охоте, а идет к зверям по просьбе сестры принести молоко. Причем лев встречается впервые в имеющихся марийских сюжетах этого типа; дальнейшее развертывание сюжета обычно.

Вторичная встреча Ивана с сестрой у Ведерникова истолкована по-новому: сестра по приказанию брата съела угли и наплевала в бочку. Но это оказывается обманом, так как она находит зуб нечистого и засовывает его Ивану в ухо. Иван умирает, и Авдотья закапывает его в яму. Звери откапывают и несут к той старушке, у которой останавливался Иван при освобождении царевен (изба, где живет старушка, очень плохая: Ведерников сравнивает ее со старой «избой рыжего Краснова» — соседа сказочника, живущего наискосок через дорогу). Она при мытье обнаруживает зуб в ухе, Иван оживает. Старушка советует: «Ты пойдешь к жене (царевне), тебя она встретит и будет давать тебе ребенка. Ты не бери, ибо это не жена, а твоя сестра. Ребенок — зуб чорта». Он все же берет ребенка и превращается в собаку. Такое начало мы находим в сюжете «Жена колдунья» (Андр. № 449 В). Подобного мотива с ребенком в русских вариантах нет, и это относится к специфике марийского фольклора.

Это единственная в репертуаре Ведерникова длинная, фантастическая сказка. На протяжении всей сказки сказочник дает рационалистическое истолкование мотивам. Напр., Иван умирает не потому, что в его ухо попал зуб нечистого, а вследствие заражения крови от опухоли в ушах. Сестра закапывает брата в цементную яму, чтобы было крепче. Этот прием он знает из жизни своего колхоза: цементируются силосные ямы. Дальше, царь не расстреливает лжеосвободителей, а посылает в каторгу на 12 лет. Этот мотив тоже ему известен из прошлого (см. раздел о Ведерникове в пятой главе нашей статьи).

№ 27. КУПЕЦ ИВАН

По «Указателю» Андр, № 882

Комментарии к этому сюжету даны выше: см. № 14. При наличии сходства сюжетов, имеется разница в разработке отдельных мотивов. Так, напр., Ведерников говорит об отрубленном пальце у проститутки. Срв. Азадовский № 19, Соколовы № 17. Разница в сюжетах вполне возможна, ибо оба сказочника усвоили сказку из различных источников: Ведерников слышал ее на мельнице («нуж») от моркинца из д. Коркатова.

У Ведерникова социальная характеристика героини дается более четко. Девушка — невеста героя — дочь бедной портнихи; знакомство происходит на базаре. Она купила пачку мыла и гребенку, не хватило 5 копеек. Ее выручает купец Иван, дав ей 10 копеек вместо 5. Интересная социальная характеристика дается в разговоре при сватовстве: «Но, купец Иван, ты ведь говоришь на смех! Разве я могу выдать такому купцу, у меня: только плохая избенка, а у тебя имеется три магазина». — «Нет, я не на шутку говорю. Правда, возьму дочку», — отвечает он. По получении от Мирона ложной телеграммы Иван Иванович рассуждает: «Думал я, что если возьму такую беднячку, она так не поступит. Ошибся, видать». Такого художественно правдивого и психологического показа супружеской верности беднячки в сказках этого типа нами не встречено ни в одном варианте (см. сказку Тупинова № 14). К этой сказке сказочником дана новая интерпретация традиционной концовки: «Сказка дальше — я на вышку», вместо «я сюда» или «я ближе». Нужно отметить, что запись данной сказки происходила на сорокавосьмиметровой пожарной вышке в лесу, чем и объясняется необычный характер концовки.

№ 28. ЙОРОК ЙОРОКОВИЧ

По «Указателю» Андр. № 891

Данная сказка представляет собой вариант мало распространенной русской сказки «Муж возвращается на свадьбу своей жены». В русском сказочном материале всего 4 записи — Соколовы №№ 81, 138; Смирнов №№ 135, 212. Дополнительно: Сказки Куприянихи № 23. Варианты довольно однообразны. У поволжских народов вариант обнаружен только у удмуртов — Гаврилов № 9.

Наша сказка от приведенных вариантов отличается своим началом и рядом других эпизодов, описанных в чисто марийском крестьянском духе. Здесь сказка начинается с молотьбы крестьянина на гумне, осенью. Сам Йорок Йорокович, являясь добрым нечистым духом, живет в деревне из 9 дворов. Солдат, освобожденный из крепости, идет к нему. Вот как описано это у Ведерникова: «На краю деревни играют двое ребятишек. Он их спросил: «Который же это дом Йорок-Йороковича?» — «Вон с конца второй, это его дом», — ответили ребята».

№ 29. СОЛДАТ ИВАН-ПЬЯНИЦА

(По «Указателю» Андр. № 855

Эта новелла включена в «Указатель» на основании трех вариантов: Зеленин, Вятские сказки № 104, Ончуков № 244 и Соколовы № 40. Более близким к нашему нужно считать вариант Ончукова.

В варианте Ведерникова более детально описан эпизод знакомства царевны с генеральским сыном, где присутствует и солдат. Они три раза посещают трактир. Солдат пьяница, взяв деньги у купеческого сына (в русских вариантах солдат получает деньги от царя) под предлогом сосватать ему царевну, в трактире заказывает закуски и вина вдвое дороже, чем генеральский сын. Царевна удивлена, — где берет он столько денег. Генеральский сын отвечает ей всегда одной фразой на русском языке: «Он шлялся около Булака, ограбил кого-нибудь и пьет. Жалко ему, что ли?». По этому ответу мы узнаем, что трактир, где завязывается знакомство, находится в Казани, ибо «Булак» находится в Казани, соединяет озеро Кабан с рекой Казанкой, где до революции ютились беспризорники. Все это известно сказочнику.

№ 30. РЫБАК МИРОН

По «Указателю» Андр. см. раздел «Сказки о глупом чорте», №№ 1000—1199.

Наш вариант складывается из следующих мотивов: 1) «Угроза морщить озеро» № 1045; 2) «Бег наперегонки» № 1072, 3) «Кто понесет лошадь» № 1082, 4) «Шляпа денег», 5) «Жернова», № 1146. Затем встречается особый мотив с бороной — «гребенка бабушки»; сходных с ним мотивов у Андреева нет. Последний мотив — пугание чорта — напоминает мотив «Дети хотят чортова мяса» № 1149 (см. дополнительно русские варианты: Сказки Куприянихи № 22, Карнаухова № 33. Варианты поволжских народов: удмуртские — Гаврилов № 12, Первухин № 64; татарские — Васильев № 19). В таком виде этот сюжет у мари записан впервые от Ведерникова, Есть соответствующие мотивы в сказке «Как разбогател цыган», записанной в Маркинском районе в 1935 г. от Иванова. Но как вариант Иванова, так и все вышеприведенные русские и поволжские варианты очень разнообразны по своему соединению мотивов. Некоторые из них могут быть отнесены к известному сюжету «Змей и цыган» (см. в указателе этот же отдел), а сюжетная линия другой части вариантов развертывается как известная сказка Пушкина: «Сказка о попе и о работнике его Балде». К последнему может быть отнесен и вариант Ведерникова. См. комм. к сказкам Афанасьева «Acad.», т. 1, № 149; «Змей и цыган», №№ 150—152, «Батрак Шабарша, Иванко Медведко».

Этот сюжет является распространенным среди мари и бытует как самостоятельный сюжет, наравне с сюжетом «Змей и цыган». По всем данным он заимствован из русской сказки. Однако за свое довольно долгое бытование среди мари он уже получил некоторую национальную окраску. Героем нашего варианта является простой крестьянин бедняк марией, который вынужден рыбачить (из-за отсутствия средств питания). А в русских сказках, как и у Пушкина, герой — батрак, работник барина, попа, — или хитрит, или силой достает золото от чертей. Все предметы — шляпа, жернов, борона — и их назначение, и материал, все соответствует изделиям марийского крестьянина. Конечная, заключительная часть сказки относится целиком к творчеству самого Ведерникова. Рыбак Мирон добытые у чорта деньги сдал в «торгсин». Так осовременивается и переделывается сказка.

№ 31. БАБИН СЫН

По «Указателю» Андр. № 300 В.

В варианте Яранцева контаминируются в основном два сюжета: Андр. № 300 В («Бой на калиновом мосту») и Андр. № 519 («Слепой безногий») и через всю сказку проходит мотив Андр. № 465 В («Гусли-самогуды»).[1]

---

[1] Такое соединение (300 В + 513 А) известно в ряде русских сказок: Афанасьев № 77, 38 (стар. издания); Зеленин Пермский сб. № 9; Ончуков № 27; Соколовы № 112; Смирнов №№ 183, 304.

Библиография к сюжету № 300 В, см. в комм. к сказке Соловьева № 20 (настоящий сборник) и комм. к II т. Афан. («Acad.») №№ 135—138 и 128—132. Дополнительно: Карпаухова №№ 43, 168 татарские — Васильев № 16.

Библиография к сюжету № 519 также см. комм. к сказке № 20 Соловьева «Мишка Тома и Катун девица» (настоящий сборник), см. Афан. II («Acad.»), №№ 198—200, стр. 598. Кроме этого, дополнительные варианты: Карнаухова № 166, Колосов стр. 3, «Чувашские сказки» №№ 2, 27.

К мотиву «гусли-самогуды» см. варианты Андр. № 465; комментарии к сказке Тупинова № 8 (настоящий сборник), к сказкам Афан. («Acad.»), т. II, № 238. Дополнительно татарские варианты — Васильев № 44. К мотиву об «Илье Муромлине» — Андр. № 650. Сюда же можно отнести сказку «Об Илье безногом».

Вышеприведенные варианты говорят о довольно широком распространении сюжета у мари. Тем не менее в подобном соединении сюжетов и мотивов сказка записана только от Яранцева. В русском материале мы не можем указать точно соответствующего варианта. Данный вариант, с одной стороны, в целом очень сходен с соловьевской сказкой «Омельян Сучкин» (№ 19), с другой стороны, в деталях вариант напоминает сюжет № 301. В моих неопубликованных записях «Маска Макар» и «Богатырь из теста» (см. сборник Мар. НИИСК).

Отметим характерные особенности варианта: происхождение ребенка (герой найден в уборной; так как нашла его жена царя, его назвали Бабиным Сыном; герой выписывает газеты и журналы; герой в журнале прочел о «самоиграющих гуслях»; герой берет двух солдат и едет против желания отца искать гусли.

Оригинальный момент имеется в эпизоде боя на калиновом мосту: змеи ездят на стольких лошадях, сколько у них голов. Трехглавый — на трех, шестиглавый — на шести и девятиглавый на девяти лошадях. При этом здесь змей — нечистый дух. [1]

Бабин Сын, убив сестер, от матери спасается в кузнице. [2] Здесь мы встречаемся с очень интересным мотивом. В кузнице работают 12 кузнецов-братьев. Главным оказывается Илья Муромлин (Муромец), который стопудовыми щипцами скрутил язык матери девушек. Илья Муромлин достает герою гусли-самогуды, за что Бабин Сын работает у них 3 года. Когда герой с гуслями отправляется домой, Илья советует не разрубать коровьих кишек, попадающихся по дороге. Он не слушается и гусли исчезают. Оказывается, — он отрубил струны своих гуслей.

Затем Илья Муромлин советует жениться Бабину Сыну и сам едет в качестве свата. С этого момента начинается действие сюжета «Слепой безногий» (дядька Катома) и отчасти Андр. в № 513 А. Илья Муромлин выполняет три задания девушки: первое — выпить 40 ведер водки (он незаметно выплескивает); второе — съесть сорокаведерный котел каши (разбрасывает ее); третье — вымыться в чугунной раскаленной бане (раздувая жар, охлаждает и мостся). Свадьба. Дальше идут обычные эпизоды. На постели она окончательно освобождается от чар: в первый раз, когда она положила руки на Бабина Сына, Илья Муромлин повесил ее вниз головой и вытряхнул в первый раз жаб, ящериц и змей, во второй раз она кладет ноги — Илья Муромлин вытряхивает из нее запекшиеся куски крови; в третий раз кладет груди и при вытряхивании у нее идет нормальная слюна. Бабин Сын едет к отцу с гуслями и с женой. [3]

---

[1] Здесь так же, как в сказке Соловьева № 19, Бабин Сын ложится поперек моста. В русских и в других вариантах герой садится на столб.

[2] Оригинально: третья, старшая сестра превращается в «чайную-пивную» среди песчаной пустыни, чтоб заманить туда героя и умертвить его.

[3] Обычно, герой сказки Яранцева Бабин Сын пользуется культурными достижениями современности. Читает газеты, журналы; перед возвращением подает отцу «телефонограмму».

№ 32. ИЛЬЯ БЕЗНОГИЙ

По «Указателю» Андр. № 650.

Сказка Яранцева представляет собой своеобразный вариант русской былины об Илье Муромце и его подвигах, перешедшей в сказочную традицию. Русских вариантов в указателе 8. Самый близкий из них сказка Ломтева — Зеленин, Пермские сказки, № 16. Сходных вариантов у народов Поволжья не обнаружено. Среди мари тоже эта сказка с явным былинным характером не распространена.

В настоящем варианте герой сказки — Илья-безногий (Лочо Илья) истолкован не как богатырь Илья Муромец, а как Илья Пророк. Это мы видим на заключительной части сказки: «Вот Илья, — говорит Святогор богатырь, — возьми моего коня. Имеешь еще своего коня, и поднимешься ты на облака, будешь Ильей-пророком». «Вот ведь кто катается!» — добавил сам Яранцев. В таком истолковании эта сказка бытует у мари очень давно и распространена по всем районам луговых мари. Сказочник слышал ее впервые в лесу на лесоразработках, будучи еще мальчиком. Во всех рассказах об Илье-безногом у мари герой сидит до 40 лет, не может ходить, и выручает его из беды седой старик, дав ему выпить три ведра воды. Илья становится богатырем. В нашем варианте Илья дважды получает силу — от старика и от Святогора. Данная сказка представляет собой переосмысленный вариант русских былевых сказаний об Илье Муромце. Если другим сказочникам, знающим сказку об «Илье-безногом», неизвестен «Муромец», то Яранцев его знает. См. первую его сказку «Бабин Сын», где Илья Муромлин (а не Муромец) представлен в виде кузнеца с 11 братьями.

№ 33. МАРКО БОГАТЫЙ

По «Указателю» Андр. №№ 431 и 930.

Самые близкие варианты к данной сказке см. Андр. № 461. Комментаторы нового издания Афанасьева указывают дополнительно четыре украинских варианта (см. Афан., II, комм. к сказке №№ 305—307). Сюжет «Марко Богатый» исследовал A. Aarne: Der reiche Mann und sein Schwiegersohn (FFC, 23; Hamina, 1916). См. Н. Ф. Сумцов: «Сказки и легенды о Марке Богатом» (Этногр. обозр., кн. XX, 1894, и кн. XXI, 1894). Ряд материалов сообщает Г. Н. Потанин — «К сказке о Марке Богатом» (Известия Общества арх., ист. и этногр. при Казан. университете, т. XIII, вып. 2, стр. 61—69).

Сказка о Марке Богатом в русском фольклоре довольно популярна. У народов Поволжья записанных вариантов обнаружить не удалось. Вполне понятно, что такого типа сказки (Андр. №№ 461, 930, Афан., I, «Acad.»), в виду своего явно религиозно-христианского характера, подверглись сильной переработке со стороны духовной цензуры и не могли распространяться среди народов с языческим и мусульманским вероисповеданием. Сборники Афанасьева сыграли колоссальную роль в распространении сюжетов русской сказки среди мари. Наша сказка сходна с афанасьевским вариантом даже в некоторых деталях. Лубочная литература также преимущественно основывалась на афанасьевском сборнике.

Русские варианты этого сюжета имеют в себе по преимуществу христианские элементы: церкви, попы и монахи. Среди мари сюжет этой сказки обнаружен только у Яранцева. Никто из моих 12 сказочников его не знает. Даже Тупинов, Соловьев и Богданов никогда не слышали этой сказки. Кроме того, имеется еще две записи, хранящиеся в фольклорном фонде Мар. НИИСК — опись №№ 26, 72. Однако, по свидетельству Яранцева, эта сказка бытует на лесоразработках. Он сам впервые слышал ее от моркинца в лесу.

№ 34. ШАПКА С ТРЕМЯ КРЕСТАМИ

По «Указателю» Андр. № 485.

Эта сказка Яранцева представляет собою марийский вариант русской

сказки «Борма Ярыжка», «Фома Борманов». В указателе приведено 11 вариантов, относящихся к позднейшим записям. Из них 6 вариантов мы встречаем в сборнике Ончукова и в №№ 31, 48, 57 находим более сходства с нашим вариантом. У Афанасьева этой сказки нет, но подобные мотивы встречаются в других его сказках, в частности — «эпизоды с хмелем и великаном — см. Афан. «Acad.,» т. II, № 242, сказка «Соль» по «Указателю» № 1651, эпизод с ослеплением великана (см. Афан. № 170 в ст. изд., Андр. № 1137, Bolte и Polivka, т. III, № 191 а; см. также исследование И. Жданова: «Русский былевой эпос», 1895).

В сказочных сборниках народов Поволжья вариантов не обнаружено. Яранцев же эту сказку заучил еще до революции на лесоразработках. Можно предполагать, что сказка у мари бытует уже давно. Тем не менее, сюжет не имеет широкой популярности у луговых мари: из известных мне сказочников ее знает только один Яранцев.

Сюжет сказки «Барма Ярыжка» очень сложен своими сочетаниями мотивов. Но в передаче Яранцева сказка звучит очень стройно и в художественном отношении не уступает вариантам Ончукова. Сказка проникла к мари из русского фольклора. Напр., в русских вариантах Фома, убегая или уезжая от последней девушки, с которой он прижил ребенка, попадает в степь (Ончуков № 181), в пустыню, а в нашей сказке герой выходит из лодки к дубу, который окружен кучей пыли в 10 сажен ширины и 1/4 аршина глубины. Можно предположить, что эта пыль нанесена из степи, песчаной пустыни, а, может быть, эту кучу пыли сделали борющиеся под дубом 12 лет и 12 дней лев со змеем. Это тот самый змей, с которым герой встречался у первой девушки, и который гнался за героем в море. В русских вариантах борьба происходит между львом и девушкой (Ончуков № 48), волком (Ончуков № 31) и гидрой (Ончуков № 181 и 58), но не змеем. Другая чисто этнографическая особенность дана в эпизоде ослепления косого сатаны. Сатану герой окутывает 40 шкурками и укладывает под сорокаведерный котел. Весь этот процесс очень сходен с процессом смолокурения, а традиционное число 40 вообще очень часто встречается в сказках ронгинских и моркинских мари. В русских вариантах косого привязывают ремнями к столбу. Заключительный эпизод (Лев и хмель) не таков, как в русских сказках. Герой здесь обманывает льва, будто тот сам просил убить его.

№ 35. БЕДНЫЕ БРАТЬЯ

Сходных №№ в «Указателе» Н. П. Андреева нет. Безусловно, наша сказка может быть отнесена к сказкам-новеллам, к группе «Герой женится на царевне» №№ 850—869. В этой группе приведен один вариант, напоминающий, приблизительно, наш сюжет (см. Андр. № 854 — «Золотой козел»). Запись Ончукова № 242 («Философ и калика»). Здесь калика проникает в комнату к царевне в виде льва и получает ее руку. Имеется совершенно сходный вариант русской сказки (см. Зеленин, Вятский сборник № 105).

Наш вариант имеет очень отдаленное сходство с русским вариантом Ончукова. Потому мы не отмечаем № «Указателя». Вариант Яранцева является продуктом творчества другой социальной среды и по всем данным более древним и более близким, по своей простоте и по образам героев, к народным новеллам. Подобного рода рассказы в марийском народе бытуют довольно широко. Герои — бедные братья, у них нет ни пищи, ни одежды. Братья добывают себе медведя. Медведь популярен в народной мифологии мари потому, что именно медведь в определенной исторический период служил им пищей и одеждой. Эта симпатия народа к медведю идет еще от тех времен, когда марийцы, загнанные русскими колонизаторами в поволжские леса, вели полуохотничий, полуземледельческий образ жизни.

№ 36. ОХОТНИК И ЧОРТ

В «Указателе» Н. П. Андреева сходных сюжетов нет. По смыслу сказки наш вариант относится к сказкам о глупом чорте (№№ 1000—1199).

В частности можно указать на № 1094 — «Состязание в проклятиях», но в отличие от русских сказок, наш вариант оканчивается победой чорта над человеком. Чорт выкалывает глаза человеку на свадьбе. Сходные мотивы имеются у удмуртов — Гаврилов №№ 67, 68· Горномарийский вариант — Ramstedt № 10. Данный сюжет относится к древним мифологическим сказкам. С другой стороны, в основе сказки лежит поверье, некогда существовавшее у мари, что брак бывает иногда несчастным потому, что по чьему-нибудь наговору на свадьбу проник злой дух или чорт.

№ 37. ЗАПРОДАННЫЙ ЛЕШЕМУ

По «Указателю» Анд. № 313.

См. библиографические указания к сказкам Тупинова № 16 и Соловьева № 21 (настоящий сборник).

Вариант Яранцева по сюжету близко сходен с мордовской сказкой (см. Шахматов, стр. 356—370 и 275). По начальному мотиву (героя, когда он нагибается, чтобы напиться, ловит за бороду водяной; герой обещает то, чего не знает дома). Эта сказка сходна с вариантами указанными у Андр. № 315. Например, см. начальный эпизод сказки Азадовского № 6, Афан, вар. 222. Последний совпадает с нашим. С таким же началом сказки удмуртские — Смирнов (приложение) стр. 8—15, марийские — № 3 и т. д. Здесь сын узнает о продаже его по бумаге, которая сама прилетает на подоконник. Сын вешает на спину котомку и шагает туда, «куда глаза глядят и куда голова влезет».

От других марийских вариантов данный вариант отличается тем, что здесь события происходят под землей. Парень в подземное царство попадает через дуб, у которого оказались двери в подземное царство. Наиболее интересным моментом в описании мотива прятания героем одежды голубки является то, что здесь голуби-девушки прилетают на озеро по частям. Сперва прилетают 11 голубей, а после них прилетает одна голубка, у которой герой прячет одежду. Девушка хочет вернуть одежду запугиванием: она мутит озеро, качает землю, выдергивает деревья. Такая интерпретация мотива неизвестна русской сказке. Она напоминает нам марийский образ водяного «Вӹd иӈа», который не имеет пола. Сатана живет не в отдельном доме, а в деревне из 13 домов, т. е.: двенадцать домов его дочерей, а тринадцатый дом самого сатаны; его дом третий с краю.

Укажем еще на следующие особенности нашего варианта. Обычно в сказках этого типа сатана посылает дочерей три раза узнать: скоро ли вымоются жених с невестой. Первый раз отвечает корыто — «еще только моемся», второй раз отвечает веник «паримся еще», третий раз отвечает ковш — «окатываемся». В русских вариантах обычно отвечают слюни, в марийских иногда один предмет: веник или корыто. Другая особенность та, что здесь имеется только два превращения. Уже на второй раз гонится сам сатана. Будучи не в силах уничтожить их, посылает проклятия, однако последние не имеют силы.

Яранцев в этой сказке применил известную русскую концовку: «И я там был...». Кроме того, впервые в марийской сказке здесь присутствует ковер-самолет: «самолетный ковер». Почти все сказочники Ронгинского района, особенно Яранцев и Соловьев, не переводят на марийский язык названий сказочных предметов. У Яранцева же в сказке «Бабин Сын» имеются гусли-самогуды, которые названы им «самоиграющиэ кусlэ».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Азадовский — М. Азадовский, Сказки верхнеленского края, вып. I, Иркутск, 1925, «Сибирская живая старина», вып. II, III-IV и отдельно, Иркутск, 1925.
2. Азадовский — М. Азадовский, Русская сказка. Избранные мастера. Редакция и комментарии Марка Азадовского, тт. I и II, изд. Academia, 1932.
3. Андр. (Андреев) — Н. П. Андреев, Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне, Л., 1929. Цитируется также: «Указатель».
4. Аф. (Афанасьев) — А. Н. Афанасьев, Народные русские сказки, Изд. 2, 3, 4 и изд. «Academia», т. 1—2 [т. 2 цит. по корректуре].
5. Васильев — М. А. Васильев, Памятники татарской народной словесности, Казань, 1924.
6. Васильев — (В. М. Васильев) — Фольклорный сборник образцов марийского фольклора, М., 1931.
7. Верещагин — Г. Верещагин, Вотяки Сосновского края, С.-Петербург, 1886, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. 14, в. 2.
8. Гаврилов — Борис Гаврилов, Сказки вотяков Казанской и Вятской губерний, Сборник произведения народной словесности, обряды и поверия вотяков Казанской и Вятской губерний, Казань, 1880.
9. Герасимов — Б. Г-в (Герасимов). Сказки, собранные в западных предгорьях Алтая, Зап. Семипалатинского отд, Русск. геогр. общ., в. VII, 1913.
10. Гнедич — П. А. Гнедич. Материалы по народной словесности Полтавской губ., вып. IV, Полтава, 1916.
11. Зеленин, Вятский сборник — Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Вятской губернии, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. XII, в. II, 1915.
12. Зеленин, Пермский сборник — Д. К. Зеленин, Великорусские сказки Пермской губернии, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. XI, в. II, 1914.
13. Карнаухова — И. В. Карнаухова, Сказки и предания Северного края, Academia, 1934.
14. Колосов — М. А. Колосов. Заметки о языке и народной поэзии в области северо-великорусского наречия. — Сб. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. XVII, № 3, Спб., 1887.
15. Маркелов — М. Т. Маркелов, Саратовская мордва, Саратовский этнографический сборник, вып. I, Саратов, 1922.
16. Образцы... вып. II. — Образцы мордовской народной словесности, вып. II, сказки и загадки (На эрзянском языке с русским переводом), Казань, 1883.
17. Озаровская — О. Э. Озаровская. Пятиречье. Л., 1931.
18. Ончуков — Е. Е. Ончуков, Северные сказки, СПб., 1908, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. XXXIII.
19. Первухин — Н. Г. Первухин, Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда, Эскиз IV (Следы языческой древности в образцах устной народной словесности вотяков), Вятка, 1889.
20. Романов — Е. Романов, Белорусский сборник, III—IV, Вятка, 1887, 1891.

21. Рудченко — И. Рудченко, Народные южнорусские сказки, вып. I—II, Киев, 1869, 1870.
22. Садовников — Д. Н. Садовников. Сказки и предания Самарского края. Спб., 1884.
23. Сибирские сказки — Сказки из разных мест Сибири. Под ред. М. К. Азадовского. Иркутск, 1929.
24. Сказки Куприянихи — А. М. Новикова и И. А. Осовецкий, Сказки Куприянихи (Анна Куприяновна Боярышникова), Воронеж, 1937.
25. Смирнов — А. М. Смирнов, Сборник великорусских сказок Архива Русск. геогр. общества, в. I—II, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. этнографии, т. XIV, Пгр., 1917.
26. Соколовы — Б. М. и Ю. М. Соколовы, Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.
27. Удмуртские сказки — И. Н. Смирнов, Вотяки, Историко-этнографический очерк (приложение), Изв. Обл. арх. ист. и этн. при Казанском Университете, т. VIII, в. 2.
28. Фольклорный фонд Мар. НИИСК — опись. — Опись фольклорного фонда Марийского Научно-исследовательского института социалистической культуры при Совнаркоме МАССР, г. Йошкар-Ола.
29. Худяков — И. А. Худяков, Великорусские сказки, I—III, М., 1860, 1861, 1862.
30. Чувашские сказки — Чувашские сказки, Москва, 1937. Гослитиздат. (Порядковые номера сделаны мною для удобства, в самом сборнике сказки кроме заглавий никаких номеров не имеют).
31. Чудинский — Е. А. Чудинский, Русские народные сказки, прибаутки и побасенки, М. 1864.
32. Шахматов — А. Шахматов, Образцы мордовской народной словесности, в. II, Казань, 1883.
33. Эрленвейн — А. А. Эрленвейн, Народные сказки, собранные сельскими учителями, М., 1863.
34. Яворский — Ю. Яворский. Памятники галицкой русской народной словесности, Зап. Русск. геогр. общ. по отд. энографии, т. XXXVII, в. I, Киев, 1915.
35. Azadowskij — M. Azadowskij. Pohadky z Hrnolenskeho kraře, Věstnik Narodopisný Československiý, 1928, 1—V; 1929, I.
36. *Beke [1] — Tscheremissische Märchen, Sagen und Erzälungen. Gesammelt und Herausgegeben von Ödön Beke, Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, LXXVII, Helsinki, 1938.
37. *Beke — Tscheremissische Märchen aus dem Kreise Jaransk, Annales Literaturum Societatis Estnicae, 1937, II. Tartu, 1939.
38. Bolte und Polivka — I. Bolte и G. Polivka, Anmerkungen zu den Kinder-und Hausmärchen der Brüder Grimm. B.B. I, II, III, IV, V, Leipzig, 1913—1932.
39. Genetz — Dr. Arvid Genetz, Ost-tscheremissische Sprashstudien, I — Sprachproben mit deutscher Übersetzung, Journal de la société Finno-Ougrienne, VII, Helsingissä, 1889.
40. Lewy — E. Lewy, Tscheremissische Texte, 1—2, Hannover, 1926.
41. *Paasonen — Tschemissische Texte. Gesammelt von Paasonen. Herausgegeben von Paavo Siro, Mémoires... LXXVIII, Helsinki, 1939.
42. Porkka — Volmari Porkka's, Tscheremissische Texte mit Übersetzung, Herausgegeben von Arvid Genetz, Journal de la société Finno-Ougrienne, XIII, Helsingissä, 1895.
43. Ramstedt — G. I. Ramstedt, Bergtscheremissische Sprachstudien, Mémoires de la sosiété Finno Ougrienne, XVII, Helsingfors, 1902.
44. Wichmann — V. Wichmann, Volksdichtung und Volksbräuche der Tscheremissen, Mémoires de la société Finno-Ougrienne, 59, Hels., 1931.

---

[1] Работы, отмеченные звездочкой, стали известны автору лишь после окончания верстки настоящей книги; в исследовании и комментариях не использованы.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр. текста	Стр. коммен-тарий
М. Азадовский. Предисловие	3	
От составителя	7	
Сказки Ронгинского района	12	
1. О марийских терминах «сказка»	—	
2. Бытование марийской сказки	21	
3. О сюжетах марийских сказок	39	
4. Художественная структура марийской сказки	54	
5. Ронгинские сказочники	72	
СКАЗКИ		
Сказки Игнатия Ивановича Тупинова		
1. Иван Пашпердов	109	289
2. Купец Иван Васильевич	118	—
3. Иван Царевич и Жар птица	125	290
4. Иван Царевич и Безручка	131	291
5. Золотая рыбка	136	—
6. Иван Алексеевич Ласточкин	145	292
7. Семь Семенов	153	294
8. Василий охотник	155	—
9. Мария Мариевна	160	295
10. Иван Дурак	169	296
11. Лягушка Квакушка	173	—
12. Богатырь Иван Зверев	178	297
13. Иен Иеныч	180	298
14. Сидор	184	—
15. Поп и работник	186	—
16. Три брата	189	299
17. Аран	193	300
18. Мужик хоронит трех попов	198	—
Сказки Константина Степановича Соловьева		
19. Омельян Сучкин	202	301
20. Мишка Тома и Катун девица	208	—
21. Мышка и воробей	215	302
22. Василиса Краса, Золотая Коса	220	303
23. Как мужик украл сало	234	304
24. Иван Царевич и золотые яблоки	238	305
25. Как мариец попал в становые	241	306

	Стр. текста	Стр. коммен-тарий
Сказки Андрея Ивановича Ведерникова		
— 26. Иван Охотник	245	306
— 27. Купец Иван	255	307
28. Порок Порокович	257	—
29. Солдат Иван-пьяница	258	—
30. Рыбак Мирон	261	—
Сказки Ивана Павловича Яранцева		
31. Бабин Сын	264	308
32 Илья безногий	270	310
33. Марко Богатый	272	—
34. Шапка с тремя крестами	276	—
35. Бедные братья	280	311
36. Охотник и чорт	281	—
37. Запроданный лешему	282	312
Комментарии	287	
Библиография	313	

ОПЕЧАТКИ

Стр.	*Строка*	*Напечатано:*	*Следует читать*
35	19 сверху	пепристойных	непристойных
42	10 снизу	цопулярных	популярных
43	20 снизу	скззки	сказки
43	3 снизу	цредставленных	представленных
93	13 сверху	урлмаш	улмаш
95	7 сверху	црисказки	присказки
140	4 снизу	денералы	генералы

Марийские сказки, т. 1. Ронгинский район